

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Пахомов Роман Викторович

**ИСТОРИЯ ВЫЯВЛЕНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ
ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ НА СРЕДНЕМ ДОНУ
(КОНЕЦ XVII–40-Е ГГ. XX В.)**

Специальность 5.6.3. Археология

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, доцент
Захарова Е. Ю.

Воронеж – 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ПЕРВЫЙ ЭТАП В ИЗУЧЕНИИ КОСТЁНКОВСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ: ОТ ГИПОТЕЗ ДО ОТКРЫТИЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ	18
1.1. Слоновья гипотеза о происхождении ископаемых костей в Костёнках (конец XVII в. – конец XVIII в.)	18
1.2. Роль Всероссийской Антропологической выставки 1879 г. в развитии интереса к костёнковским находкам. Открытие И. С. Поляковым первой палеолитической стоянки в Костёнках	27
1.3. Раскопки А. И. Кельсиева на Костёнковской палеолитической стоянке в рамках экспедиции в Южную Россию	46
1.4. Работы в Костёнках воронежских любителей древностей	78
ГЛАВА 2. ИССЛЕДОВАНИЕ ПЕРВЫХ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК В КОСТЁНКАХ И БОРЩЁВО В КОНЦЕ XIX – ПЕРВЫХ ДЕСЯТИЛЕТИЯХ XX ВВ.	84
2.1. Изучение Костёнок геологами А. А. Штукенбергом и Н. И. Криштафовичем	84
2.2. Костёнковская и Борщёвская палеолитические стоянки в оценке археологов (А. А. Спицын, В. А. Городцов, П. П. Ефименко)	94
2.3. Раскопки С. Круковского в Костёнках: от разрозненных сведений к целостной картине	108
ГЛАВА 3. СТАНОВЛЕНИЕ КОСТЁНКОВСКОЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ	126
3.1. Возобновление работ воронежских исследователей в Костёнках и Борщёво (1922 г.)	126
3.2. Деятельность Костёнковской экспедиции под рук. П. П. Ефименко (1923–1941 гг.)	135
3.3. Утверждение стадияльной парадигмы в изучении Костёнок. Воронежский геологический пленум (22–29 мая 1941 г.)	149
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	156
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	161
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	188
АЛЬБОМ ИЛЛЮСТРАЦИЙ	190
ПРИЛОЖЕНИЯ	228

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. На Среднем Дону представлены памятники всех археологических эпох (от верхнего палеолита до Нового времени). Часть из них принято объединять ввиду культурных взаимосвязей в единые микрорайоны, к числу которых относится и Костёнковско-Борщёвский. В районе расположенных рядом друг с другом сёл Костёнки, Гремячье, Рудкино, Александровка и Борщёво исследователями выявлено 26 памятников периода верхнего палеолита (21 – в селе Костёнки; 5 – в селе Борщёво), 10 из которых являются многослойными. Фактически здесь насчитывается более 60 стоянок, поскольку на одних и тех же местах 52–12 тыс. л. н. люди селились неоднократно. Такая концентрация археологических объектов на очень ограниченной территории (около 10 км по течению Дона) не имеет аналогов во всём мире.

Уникальной чертой Костёнковско-Борщёвского археологического района является то, что расположенные на данной территории стоянки разнообразны в культурном плане. На их основе исследователи выделяют археологические культуры, отличающиеся своим уникальным набором черт в каменной и костяной индустриях, жилищах и т.д. Они могли как резко сменять друг друга на определённых этапах историко-культурного развития, так и одновременно сосуществовать. Также именно в Костёнковско-Борщёвском археологическом районе выявлены все основные типы жилищ верхнего палеолита, найдена половина всех известных на территории Русской равнины погребений, а также собрана богатая коллекция произведений искусства мелкой пластики.

На базе костёнковских исследований зарождались, развивались и сменяли друг друга важнейшие концепции, определившие направление и развитие отечественной науки о палеолите. И сегодня исследования на памятниках Костёнок и Борщёво продолжают быть серьёзной платформой для генерации новых идей, связанных с верхнепалеолитическим периодом на Среднем Дону.

В настоящее время, наряду с продолжением полевых археологических работ на стоянках Костёнковско-Борщёвского района, не ослабевает интерес к истории их выявления и изучения. Особого внимания заслуживает период от первых исследований в регионе до формирования стадияльной парадигмы П. П. Ефименко, поскольку здесь имеется значительное количество «белых пятен», препятствующих реконструкции целостной картины первоначального этапа в изучении костёнковско-борщёвских древностей. Так, до сегодняшнего дня остаются не ясными моменты, связанные с возникновением первых научных гипотез о природе древностей Среднего Дона, биографиями и вкладом некоторых исследователей (например, А. И. Кельсиева, А. А. Штукенберга, С. Круковского и т.д.). В то же время наличие отдельных свидетельств в архивных и музейных собраниях, требующих систематизации и анализа, делает работу в этом направлении актуальной и своевременной.

Степень разработанности проблемы, её историография. К истории археологических исследований стоянок Костёнковско-Борщёвского района конца XVII – первой половины XX вв. учёные обратились впервые во второй половине XX в. В связи с дискуссией 1950–1960-х гг., приведшей к смене научных парадигм в отечественном палеолитоведении, увидел свет ряд работ, носящих как публикационный, так и концептуальный характер. Естественно, они не могли обойтись без упоминания о прежних разведках и раскопках¹. Затем наступило затишье. Лишь в 1980-х гг. с выпуском обобщающей монографии 1982 г. и работ А. А. Формозова на историю изучения Костёнковско-Борщёвского археологического района вновь

¹Рогачёв А. Н. Некоторые вопросы верхнего палеолита (по материалам Тельманской стоянки в Костёнках) // Советская археология. – 1953. – Т.17. – С. 150–151; Рогачёв А. Н. Многослойные стоянки Костёнковско-Борщёвского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита // Материалы и исследования по археологии СССР. – Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1957. – Вып. 59. – С. 9–14; Борисковский П. И. Вопросы периодизации палеолита // Советская археология. – 1954. – Т. 21. – С. 30–37; Борисковский П. И. Очерки по палеолиту бассейна Дона. Малоизученные поселения древнего каменного века в Костёнках // Материалы и исследования по археологии СССР. – Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1963. – Вып. 121. – С. 5–192.

обратили внимание. Спустя некоторое время, уже в 1990–2010 гг., был выпущен ряд исследований как полностью посвящённых данной проблематике, так и затрагивавших её в рамках историографических обзоров¹.

В настоящее время степень разработанности проблемы истории археологических исследований стоянок Костёнковско-Борщёвского археологического района определяется несколькими направлениями: 1) обобщающие работы по изучению памятников²; 2) роль личностей и научных

¹Палеолит Костёнковско-Борщёвского района на Дону. 1879–1989. Некоторые итоги полевых исследований. – Ленинград: Наука, 1982. – 286 с.; Формозов А. А. Начало изучения каменного века в России – Москва: Наука, 1983. – С. 17–57; Аникович М. В. О значении Костёнковско-Борщёвского района в современном палеолитоведении // Петербургский археологический вестник. – 1993. – №3. – С. 3–19; Аникович М. В. Палеолит Костёнковско-Борщёвского района в контексте верхнего палеолита Европы. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2008. – С. 11–28; Васильев С. А. Древнейшее прошлое человечества: поиски российских учёных. – Санкт-Петербург: Элексис-Принт, 2008. – С. 14–20; Платонова Н. И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX–первая треть XX века. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2010. – С. 141–145, 188–194.

²Векилова Е. А. Палеолитическая стоянка Борщёво I // Материалы и исследования по археологии СССР. – Москва: Издательство Академии наук СССР, 1953. – №39. – С. 111–137; Рогачёв А. Н. Многослойные стоянки Костёнковско-Борщёвского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита. С. 9–134; Борисковский П. И. Очерки по палеолиту бассейна Дона. Малоизученные поселения древнего каменного века в Костёнках. С. 5–192; Рогачёв А. Н. Александровское поселение древнекаменного века у села Костёнки на Дону // Материалы и исследования по археологии СССР. – Ленинград: Издательство Академии наук СССР. – 1955. – Вып. 45. – С. 1–164; Klein R. G. Man and Culture in the Late Pleistocene. A case study. – San-Francisco: Chandler Publishing Company, 1969. – 259 p.; Векилова Е.А. Летопись работ Костёнковской палеолитической экспедиции (1922–1976 гг.) // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. – Ленинград: Наука, 1977. – С. 208–215; Палеолит Костёнковско-Борщёвского района на Дону. 1879–1989. Некоторые итоги полевых исследований. 286 с.; Праслов Н. Д. Об одной малоизвестной странице исследований в Костёнках // Записки Института истории материальной культуры Российской академии наук. – 2007. – №2. – С. 182–192; Желтова М. Н. Костёнковские стоянки первой надпойменной террасы: варианты адаптации к окружающей среде верхнего плейстоцена // Проблемы биологической и культурной адаптации человеческих популяций. – Санкт-Петербург: Наука, 2008. – С. 48–52; Аникович М. В. Палеолит Костёнковско-Борщёвского района в контексте верхнего палеолита Европы. С. 1–304; Желтова М. Н. Этапы изучения Александровской стоянки (Костёнки 4) // Хронологизация, периодизация и кросскультурные связи в каменном веке. – Санкт-Петербург: Наука, 2008. – С. 113–126; Бессуднов А. А. История изучения палеолита бассейна верхнего и среднего Дона // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: история, политология. – 2009. – №9 (64). – С. 86–96; Беляева В. И. Наконечники с боковой выемкой: форма, категория, тип. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет. Институт истории, 2013.. – 134 с.; Сеницын А. А. Костёнки 14 (Маркина гора) как опорный разрез культурной

организаций в исследовании стоянок Костёнковско-Борщёвского археологического района¹; 3) формирование концепций на основе костёнковских материалов¹.

изменчивости палеолита Восточной Европы на фоне климатической изменчивости МИСЗ // Пути эволюционной географии. – Москва: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт географии РАН, 2016. – С. 707–713; Котлярова И. В. Николай Дмитриевич Праслов – учитель и наставник – Записки Института истории материальной культуры. – 2018. – Вып. 17. – С. 25–30; Лисицын С. Н. Граветт / эпиграветт в Костёнковско-Борщёвском районе на Дону: критерии разделения, культурная интерпретация и периодизация // Camera Praehistorica. – 2019. – №1 (2). – С. 70–107; Reynolds N. Kostënki 9: the chronology and lithic assemblage of a Gravettian site in Russia // Quaternary International. – Т. 587–588. – 2021. – Р. 344–367; Бессуднов А. А. Верхний палеолит // Археология Центрального Черноземья (Дон): коллективная монография. – Воронеж: Издательско-Полиграфический центр «Научная книга», 2022. – С. 14–31; Бессуднов А. А. Новые данные о радиоуглеродной хронологии стоянок поздней поры верхнего палеолита центра Русской Равнины // Stratum plus. Археология и культурная антропология. – №1. – 2024. – С. 161–201; Костёнки 8 (Тельманская стоянка). – Санкт-Петербург: Институт истории материальной культуры РАН, 2025. – 278 с.

¹Бибиков С. Н. Старейший русский археолог Василий Алексеевич Городцов // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. – 1940. – Вып. 5. – С. 3–4; Жебелев С. А. Археолог-энтузиаст (Памяти А. А. Спицына) // Советская археология. – 1948. – №10. – С. 9–11; Третьяков П. А. К 80-летию Петра Петровича Ефименко // Советская археология. – 1964. – №4. – С. 52–57; Формозов А. А. Начало изучения каменного века в России. 3–128 с; Праслов Н. Д. Памяти П. И. Борисковского // Российская археология. – 1992. – № 3. – С. 288–296; Поташкина Н. А. Л. Б. Вейнберг и археологические экскурсии 1888–1890 гг. // Из истории Воронежского края: сборник статей. – 2004. – Вып. 12. – С. 134–144; Платонова Н. И. Александр Николаевич Рогачёв: материалы, воспоминания и размышления // Проблемы ранней поры верхнего палеолита Костёнковско-Борщёвского района и сопредельных территорий. – Санкт-Петербург: ООО «Копи-Р», 2005. – С. 10–28; Захарова Е. Ю. Археология в деятельности Воронежского губернского статистического комитета // Вестник ВГУ, Серия: История. Политология. Социология. – 2006. – №1. – С. 71–75; Формозов А. А. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. – Москва: Знак, 2006. – 341 с.; Захарова Е. Ю. Роль А. А. Спицына в становлении археологии Воронежского края // Российская археология. – 2009. – №3. – С. 148–152; Бессуднов А. Н. Из истории археологии: Воронежский геологический пленум (22–29 мая 1941 г.) // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. – 2013. – №2. – С. 92–96; Захарова Е. Ю. Деятельность Сергея Николаевича Замятнина в Воронежском губернском музее // Вестник ВГУ: Серия: История. Политология. Социология. – 2014. – №2. – С. 48–53; Клейн Л. С. История российской археологии: учения, школы и личности. Том 1. Общий обзор и дореволюционное время. – Санкт-Петербург: ЕВРАЗИЯ, 2014. – 704 с.; Клейн Л. С. История российской археологии: учения, школы и личности. Том 2. Археологи советской эпохи. – Санкт-Петербург: ЕВРАЗИЯ, 2014. – 640 с.; Бессуднов А. Н. Костёнковско-Борщёвский археологический район в научном наследии В. А. Городцова // Естественнонаучные методы в изучении и сохранении памятников Костёнковско-Борщёвского археологического района. – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2017. – С. 203–207; Смирнов Я. Е. «Вы не изменяете себе и носите в груди воспламененное сердце...». Письма А. И. Кельсиева А. А. Титова (публикация, исследование, комментарии) // Сообщения Ростовского музея. – 2017. –

Объект и предмет работы. Объект работы – исследователи и научные организации, принимавшие участие в изучении костёнковско-борщёвских верхнепалеолитических стоянок с конца XVII в. по начало 40-х гг. XX в.

Предмет исследования – вклад и достижения отечественных деятелей конца XVII – начала 40-х гг. XX в. в области исследования палеолита на Среднем Дону.

Цель и задачи исследования. Цель исследования состоит в том, чтобы сформировать целостную картину явлений и событий, связанных с обнаружением и изучением палеолитических стоянок Среднего Дона с конца XVII в. по начало 40-х гг. XX в.

Для её реализации в работе решаются следующие задачи:

1. Обобщив разрозненные сведения, охарактеризовать ход событий, связанных со сбором первых сведений и формированием гипотез о древних находках, обнаруженных в Костёнках.

2. Проследить динамику развития отечественной первобытной археологии в последней четверти XIX в., учитывая роль Антропологической выставки 1879 г., и определить место в этом процессе исследователей Костёнковской палеолитической стоянки (И. С. Поляков, А. И. Кельсиев).

№22. – С. 130–228; Стрижёв А. Н. Евгений Львович Марков (1835-1903): материалы к библиографии // Литературоведческий журнал. – 2019. – №46. – С. 195–208; Захарова Е. Ю. О роли воронежских ученых и краеведов в изучении Костёнковско-Борщёвского археологического района // Древнейший палеолит Костёнок: хронология, стратиграфия, культурное разнообразие. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2019. – С. 13–18; Захарова Е. Ю. Сергей Николаевич Замятнин – аспирант ГАИМК // Археология Евразийских степей. – 2021. – №5. – С. 175 – 182.

¹Васильев С. А. Древнейшее прошлое человечества: поиски российских учёных. С. 1–180; Аникович М. В. Человек и мамонт в Восточной Европе: подходы и гипотезы // Stratumplus. – 2010. – №1. – С. 99–136; Платонова Н. И. Проблема палеолитического человека в отечественной науке (XIX–XX вв.) // История археологии: личности и школы. Материалы Международной научной конференции к 160-летию со дня рождения В. В. Хвойки. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2011. – С. 70-98; Гиря Е. Ю. Палеолитическая стоянка Костёнки 1 (верхний слой) как опорный памятник и источниковая база развития экспериментально-трассологической методики в отечественной археологии // Древние культуры Восточной Европы: эталонные памятники и опорные комплексы в контексте современных археологических исследований. Замятнинский сборник. – Санкт-Петербург: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2015. – Вып. 4. – С. 60–102.

3. Охарактеризовать вклад воронежских краеведов в изучение Костёнковско-Борщёвского района (конец XIX – первая четверть XX в.).

4. Прояснить значимость для археологов работ, проводившихся на территории Костёнок геологами А. А. Штукенбергом и Н. И. Криштафовичем (первые десятилетия XX в.).

5. Провести сравнительный анализ позиций археологов в дискуссии первых десятилетий XX в. по вопросу о типологии костёнковских материалов и их места в периодизации (А. А. Спицын, В. А. Городцов, П. П. Ефименко).

6. Реконструировать предпосылки, ход и результаты экспедиции С. Круковского в Костёнки 1915 г.

7. Проанализировать и охарактеризовать результаты Костёнковской экспедиции под руководством П. П. Ефименко (1923–1941 гг.) на фоне утверждения стадияльной концепции в отечественной археологии.

8. Выяснить степень сохранности, информативные возможности коллекций, собранных исследователями Костёнок и Борщёво в конце XVII – начале XX вв., тем самым создать базу данных для последующего источниковедческого анализа.

Хронологические рамки. В истории изучения костёнковских древностей выделяются 5 периодов: 1) Конец XVII – конец XVIII вв. 2) Последняя четверть XIX – первые десятилетия XX вв. 3) Вторая половина 20-х гг. – начало 40-х гг. XX в. 4) Конец 40-х гг. – начало 90-х гг. XX в. 5) Конец 90-х гг. – по настоящее время. В настоящей работе охватываются первые три (с конца XVII в. до начала 40-х гг. XX в.).

Нижняя граница обусловлена первым, зафиксированным в документах, упоминанием о раскопках, проводившихся на территории Костёнок. Речь идёт о работах солдата Преображенского полка Филимона Яковлевича Катасонова, организованных Петром Великим в 1696 г.

Верхняя граница увязывается с 22–29 мая 1941 г., когда был организован Воронежский пленум советской секции Международной

ассоциации по изучению четвертичного периода Европы. На нём были поведены итоги по изучению Костёнковско-Борщёвского археологического района и создан задел для новых тенденций – привлечения внимания геологов к костёнковско-борщёвским палеолитическим местонахождениям и, в дальнейшем, к отказу от стадияльной концепции в пользу конкретно-исторического подхода.

Территориальные рамки. В диссертации анализируется процесс выявления и изучения стоянок верхнего палеолита, объединённых в Костёнковско-Борщёвский археологический район. Он расположен в рамках объекта культурного наследия «Костёнско-Борщёвский историко-культурный археологический комплекс» и охватывает территорию Костёнского, Борщёвского и Архангельского сельских поселений Хохольского района Воронежской области. С востока она ограничена р. Дон, с запада – автодорогой «Воронеж-Луганск». На юге граница совпадает с Архангельским сельским поселением, на севере – с селом Костёнки (Рис. 1)¹.

В работе рассмотрен процесс выявления и изучения стоянок Костёнки 1–10, 14/I, 20 и Борщёво 1–3.

Методологическая основа исследования. В основе данного исследования лежат следующие принципы: объективность, системность, историзм и социальный подход. Работа построена на результатах анализа источников и литературы, полученных с помощью следующих методов:

историко-генетического с целью рассмотрения исследований в Костёнковско-Борщёвском районе в контексте становления и развития отечественного палеолитоведения;

¹Приказ №71-01-07/12 «О включении выявленного объекта культурного наследия «Костёнско-Борщёвский историко-археологический комплекс» в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации». 28 января 2016 г. С. 3; Палеолит Костёнковско-Борщёвского района на Дону. 1879–1979. С. 13–16; Holliday V. T. Geoarchaeology of the Kostenki–Borshchevo Sites, Don River Valley, Russia // *Geoarchaeology: An International Journal* – Vol. 22. – No. 2. – P. 182.

историко-биографического для рассмотрения биографий учёных и определения их вклада в изучение среднедонских палеолитических памятников;

проблемно-хронологического для выявления и описания проблемных ситуаций в рамках определённого хронологического периода;

историко-сравнительного для обнаружения одинаковых черт и специфичных особенностей в методике исследователей;

специального археологического метода – типолого-статистического – при анализе современного состояния коллекций исследователей памятников Костёнок и Борщёво.

Для создания целостного представления об объекте работы был применён комплексный источниковедческий подход.

Источники. Работа базируется на основе следующих типов источников:

1. Документы из архивных фондов Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Института истории материальной культуры РАН (ИИМК РАН), Государственного исторического музея (ГИМ) и Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамеры) (МАЭ РАН), Воронежского областного краеведческого (ВОКМ) и Политехнического музеев (ПМ), Государственного археологического музея в Варшаве (ГАМ) включающие отчеты, дневники исследователей, инвентарные описи коллекций, справки и записки, связанные с исследователями и непосредственно археологическими работами. Всего привлечено 47 документов из 11 фондов, общим количеством листов более 1160.

2. Письменные опубликованные источники, разделенные нами на группы:

1) Отчётные заметки о ходе и результатах работ исследователей Костёнковско-Борщёвского района (С. Г. Гмелина¹, И. С. Полякова², А. И. Кельсиева³, Е. Л. Маркова⁴, С. Е. Зверева⁵, А. А. Спицына⁶, Н. И. Криштафовича⁷, С. Н. Замятина⁸, П. А. Никитина⁹, В. А. Городцова¹⁰, П. П. Ефименко¹¹, А. Н. Рогачёва¹, П. И. Борисковского²).

¹Гмелин С. Г. Путешествие по России для исследования трёх царств естества. Ч. 1. Путешествие из Санкт-Петербурга до Черкаска, главного города Донских козаков в 1768 и 1769 годах. – Санкт-Петербург: Императорская Академия наук, 1806. – 272 с.

²Поляков И. С. Антропологическая поездка в Центральную и Восточную Россию. – Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1880. – 81 с.

³Кельсиев А. И. Палеолитические кухонные остатки в с. Костёнках Воронежского уезда // Древности. Труды Императорского Московского археологического общества. – 1883. – Т. 9. – Вып. 1 и 2. – С. 154–180; Кельсиев А. И. О каменных бабах // Труды V-го Археологического съезда в Тифлисе. 1881. – Москва: Типография А. И. Мамонтова и Ко, 1887. – С. 76–80.

⁴Марков Е. Л. Древний город Костёнск // Русский вестник. – 1891 – Т. 217. – С. 72–90.

⁵Зверев С. Е. Воронежские древности (Статистические данные о находках древних каменных и бронзовых изделий в Воронежской губернии с 1863 по 1893 гг.) // Памятная книжка Воронежской губернии на 1893 год. – Воронеж: Типо-литография губернского правления, 1893. – С. 161–167; Зверев С. А. Воронеж на XII археологическом съезде // Труды Воронежской учетной архивной комиссии. – Воронеж: Товарищество «Печатня С. П. Яковлева», 1904. – Вып. 2. – С. 147–158.

⁶Спицын А. А. Русский палеолит // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского русского археологического общества – 1915. – Т. 11. – С. 133–172.

⁷Криштафович Н. И. О геологическом исследовании палеолитических стоянок европейской России, летом 1904 г. // Труды Императорского Московского археологического общества. – 1907. – Т. 21. – С. 174–183.

⁸Замятин С. Н. Очерки по доистории Воронежского края. Каменный и бронзовый век в Воронежской губернии. – Воронеж: Типография 1-го отделения автономного управления, 1922. – 16 с.; Замятин С. Н. Экспедиция по изучению культур палеолита в 1927 г. // Сообщения ГАИМК. – Ленинград: Издание Государственной академии истории материальной культуры, 1929. – Т. 2. – С. 209.

⁹Никитин П. А. Плиоценовые и четвертичные флоры Воронежской области. – Москва: Издательство Академии наук СССР, 1959. – 206 с.

¹⁰Городцов В. А. Археология – Москва: Государственное издательство, 1923. – Т. 1. – 397 с.; Городцов В. А. Первобытная археология. – Москва: Печатня А. И. Снегиревой, 1908. – 416 с.

¹¹Ефименко П. П. Костёнковская палеолитическая стоянка // Ежегодник Русского антропологического общества. – 1915. – Т. 5. – С. 13–26; Ефименко П. П. Статуэтка солотрейского времени с берегов Дона // Материалы по этнографии. – 1926. – Т. 3. – Вып. 1. – С. 139–142; Ефименко П. П. Экспедиция для изучения палеолитических культур // Сообщения ГАИМК. – Ленинград: Издание Государственной академии истории материальной культуры, 1926. – Т. 1. – С. 319–320; Ефименко П. П. Некоторые итоги изучения палеолита СССР // Человек. – 1928. – №1. – С. 45–59; Ефименко П. П. Палеолит СССР. Итоги и перспективы его изучения // Сообщения ГАИМК. – Ленинград: Издание Государственной академии истории материальной культуры, 1931. – №3. – С. 7–9; Ефименко П. П. Итоги работ в Костёнках // Проблемы истории докапиталистических

2) Труды Антропологической выставки 1879 г. – события, ставшего катализатором изучения костёнковских стоянок³.

3) Делопроизводственные документы научных обществ и учреждений XIX–XX вв., где упоминаются работы в Костёнках и Борщёво⁴.

обществ. – 1934. – №4. – С. 64–71; Ефименко П. П. Палеолитические стоянки Восточно-Европейской равнины // Труды II Международной конференции Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы. – 1934. – Вып. 5. – С. 88–113; Ефименко П. П. Первобытное общество. – Ленинград: Государственное социально-экономическое издательство, 1938. – 636 с.; Ефименко П. П. Село Костёнки, 1934 г. // Археологические исследования в РСФСР. 1934–1936 гг. – Москва: Издательство Академии наук СССР, 1941. – С. 154–156; Ефименко П. П. Село Костёнки, 1936 г. // Археологические исследования в РСФСР. 1934–1936 гг. – Москва: Издательство Академии наук СССР, 1941. – С. 156; Ефименко П. П. Первобытное общество. Очерки по истории палеолитического времени. – Киев: Издательство Академии наук Украинской ССР, 1953. – 663 с.; Ефименко П. П. Палеолитическая стоянка Борщёво II // Материалы и исследования по археологии СССР. – Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1953. – С. 56–111; Ефименко П. П. Тельманское палеолитическое поселение (раскопки 1937 г.) // Материалы и исследования по археологии СССР. – Ленинград: Издательство Академии наук СССР. – 1957. – Вып. 59. – С. 191–234; Ефименко П. П. Костёнки I. – Москва: Издательство Академии наук СССР, 1958. – 452 с.

¹Рогачёв А. Н. Костёнковская экспедиция // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры. – 1939. – №1. – С. 18–19; Рогачёв А. Н. Палеолитическое поселение Костёнки IV // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – 1940. – Вып. 4. – С. 36–41; Рогачёв А. Н. Предварительные сообщение о работах Костёнковской экспедиции в 1936 г. // Советская археология. – 1940. – №5. – С. 278–281.

²Борисковский П. И. Раскопки Борщёвской второй палеолитической стоянки в 1936 г. // Советская археология. – 1940. – №5. – С. 281–285.

³Богданов А. П. Антропологическая выставка Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Заседания комитета по устройству выставки в 1877 году. – Москва: Типография М. Н. Лаврова и К°, 1878. – Т. 1. – 428 с.; Анучин Д. Н. Отдел доисторических древностей // Антропологическая выставка Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. – Москва, Типография А. А. Карцева, 1879–1880. – Т. 3. Ч. 2. – С. 1–30; Богданов А. П. Краниологическое собрание // Труды антропологической выставки 1879 г. – Москва: Типография М. Н. Лаврова и К°, 1879–1880. – Т. 3. Ч. 2. – С. 1–28; Антропологическая выставка Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Общий обзор Антропологической выставки и последнее слово о ней. – Москва: Типография А. А. Карцева, 1886. – Т. 4. Ч. 1. – 150 с.; Богданов А. П. Воспоминания об умерших деятелях и сотрудниках Общества Любителей Естествознания по устройству антропологической выставки // Антропологическая выставка (1879 года). – Москва: Типография А. А. Карцева, 1886. – Т. 4. Ч. 2. – Стб. 9–42.

⁴Историческая записка о деятельности императорского Московского археологического общества за первые 25 лет существования. – Москва: Синодальная типография, 1890. – 426 с.; Протоколы заседаний Императорского Московского Археологического общества за 1907–1908 г. // Древности. Труды Московского археологического общества. – 1909. – Т. 22. – Вып. 1. – С. 99–202; Протоколы заседаний Этнографического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете // Труды Этнографического отдела Императорского ОЛЕАЭ

3. Археологические коллекции, полученные в результате раскопок костёнковских стоянок. В Музее антропологии и этнографии РАН (Кунсткамере) (МАЭ РАН) под номером 497 находится собрание И. С. Полякова 1879 г., насчитывающее 414 экземпляров. В фондах ГИМ под номером А 132 хранится коллекция со стоянки Костёнки 1/І, собранная А. И. Кельсиевым в 1881 г. Её размер составляет 485 предметов. Также в МАЭ РАН содержится костёнковское собрание С. Круковского 1915 г. под номером 5346, содержащее 350 изделий верхнего палеолита. В фондах Музея-заповедника «Костёнки» (МЗК) хранится коллекция С. Н. Замятина, сформированная в результате изучения стоянки Костёнки 1/І в 1922 г., под номером 454. Она насчитывает 16 предметов. Вместе с этим, в коллекции «Археология» Воронежского областного краеведческого музея под шифром ВОР-4661 находятся изделия Сергея Николаевича, полученные в результате раскопок 1922 г., в размере 12 экземпляров. Также в фондах МАЭ РАН содержится собрание С. Н. Замятина №4633, полученное во время раскопок Борщёво 1 в 1922 г. в количестве 513 находок.

Научная новизна работы состоит в том, что были рассмотрены и комплексно проанализированы биографии, деятельность и результаты исследований учёных, не получавших ранее детального освещения в научной литературе (А. И. Кельсиев, А. А. Штукенберг, С. Круковский). Всесторонне изучена и раскрыта роль Антропологической выставки (1879 г.) как важной вехи в палеолитических исследованиях на Дону. Впервые выявлены места хранения, степень сохранности и информативные возможности археологических коллекций первых исследователей стоянок Костёнок и Борщёво (В МАЭ РАН – И. С. Полякова, С. Круковского и С. Н. Замятина;

при Московском университете. – 1888. – Кн. 8. – С. 1–37; Каталог выставки XI-го Археологического съезда в Киеве. – Киев: Типо-литография Товарищества И. Н. Кушнерев и К^о, 1899. – 346 с.; Отчёт о деятельности Воронежской губернской учёной архивной комиссии за 4-й год её существования (1 декабря 1903 – 1 декабря 1904 г.) // Труды Воронежской учёной архивной комиссии. – 1908. – Вып. 4. – С. 1–44; Протоколы заседаний Императорского Московского Археологического общества за 1907–1908 г. С. 99–202; Отчёт Государственного исторического музея за 1916–1925 гг. – Москва: Работник просвещения, 1926. – 275 с.

ГИМ – А. И. Кельсиева, Музее-заповеднике «Костёнки» – С. Н. Замятнина). Предложена авторская периодизация истории изучения Костёнковско-Борщёвского района с конца XVII в. по начало 40-х гг. XX в.

Большая доля неопубликованных материалов, использованных в работе, впервые вводится в научный оборот. Их анализ в совокупности с опубликованными материалами сделал возможным перейти от разрозненных единичных фактов по истории исследования палеолитических памятников на Среднем Дону в период с конца XVII в. по начало 40-х гг. XX в. к реконструкции целостной картины этого процесса.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Доказано, что в первый период (конец XVII – конец XVIII вв.) были не только организованы первые экспедиции (1696, 1768–1769 гг.), но и сформулированы первые гипотезы толкования находок. Их анализ показал, что с точки зрения зоологической классификации фиксируется единодушное отнесение ископаемых костей к слонам, но при этом различается историческая интерпретация. С. Г. Гмелин предполагал автохтонное происхождение этих животных; остальные исследователи вслед за Петром I считали, что слоны появились на территории Костёнок с войсками завоевателей (по версии царя – Александра Македонского; Г. З. Байера – персидского царя Дария II; Е. А. Болховитинова – хана Батыя). К настоящему времени все эти гипотезы имеют исключительно историографическое значение.

2. Показано, что благодаря Антропологической выставке 1879 г. состоялся научный прорыв в исследовании памятников Костёнок, поскольку в процессе её подготовки обрели опыт и сформировали свою методику И. С. Поляков и А. И. Кельсиев, ставшие первыми исследователями Костёнковской палеолитической стоянки. Максимально возможное привлечение источников позволило обосновать неправомерность расхожего в научной литературе мнения, отождествляющего их работы с «научными путешествиями».

3. Установлено, что в последние десятилетия XIX в. на фоне кризиса отечественной первобытной археологии эпизодические работы в Костёнках проводили сотрудники Воронежского губернского статистического комитета, усилиями которых были собраны единичные экземпляры костей и кремнёвых изделий, пополнившие фонды Воронежского краеведческого музея (Л. Б. Вейнберг, Е. Л. Марков, С. Е. Зверев).

4. Доказано, что, несмотря на возобновление исследовательского интереса к Костёнкам в конце XIX – первые десятилетия XX вв. и открытия новых стоянок (работы А. А. Штукенберга, Н. И. Криштафовича и А. А. Спицына), не была решена проблема определения места Костёнок в общеевропейской системе развития верхнего палеолита: рассматривались связи стоянки с ориньяком, солютре и мадленом, при этом впервые были высказаны идеи о специфичности верхнего палеолита для территории России (А. А. Спицын, В. А. Городцов, П. П. Ефименко).

5. Установлены все обстоятельства подготовки, организации и проведения экспедиции С. Круковского в Костёнки – самой крупной на начало XX в. (1915 г.). Доказано, что работы носили бессистемный и поспешный характер, их главной целью являлся сбор наиболее интересных предметов древности для формирования коллекции Антропологической лаборатории Варшавского научного общества (ВНО). Обнаружение данного собрания в фондах МАЭ РАН открывает перспективы для проведения источниковедческого анализа на современном методическом уровне.

6. Показано, что в начале 1920-х гг. изучение стоянок Костёнок и Борщёво возобновили сотрудники Воронежского краеведческого музея (С. Н. Замятнин, Д. Д. Леонов), инициировавшие появление здесь столичных специалистов в составе Костёнковской палеолитической экспедиции под руководством П. П. Ефименко.

7. Анализ работ под руководством П. П. Ефименко позволяет заключить, что за период с 1923 по 1941 г. в Костёнках и Борщёво были

изучены не только 15 палеолитических стоянок, но и апробировалась новая методика, аргументировалась стадияльная концепция. Вместе с тем, сам археологический материал и привлечение представителей естественных наук впоследствии закономерно привели к смене научной парадигмы.

Практическая значимость. Материалы и результаты работы могут применяться для создания рабочих программ для техникумов и университетов по курсам «Археология», «История первобытного общества», «История Воронежского края», «История»; для дальнейшего изучения истории исследований костёнковских и борщёвских стоянок; для написания историографических обзоров по данной проблематике; для создания тематических выставочных экспозиций, посвящённых личностям, научным учреждениям, сыгравшим роль в изучении региона, а также самим памятникам.

Апробация результатов исследования. Основные положения, выводы настоящей работы и отдельные её аспекты обсуждались автором на международных и всероссийских конференциях в Белгороде (2020), Воронеже (2020, 2021), Санкт-Петербурге (2021), с. Аргамач-Пальна Елецкого района Липецкой области (2021, 2022, 2023, 2024), с. Костёнки Хохольского района Воронежской области (2021, 2023). По теме диссертации автором издано 12 научных статей общим объёмом 5,36 п.л., из которых 5 (всего 3,66 п.л.) в изданиях, входящих в перечень, рекомендованный ВАК РФ¹.

¹ Пахомов Р. В. Коллекция А. И. Кельсиева как источник по изучению стоянки Костёнки 1 // Актуальная археология-5. – Санкт-Петербург, 2020. – С. 156–158; Захарова Е. Ю. Сергей Николаевич Замятнин – аспирант ГАИМК (по материалам архива ВОКМ). С. 175–182; Пахомов Р. В. Изучение стоянки Костёнки 1/верхний слой в начале XX в. // Рогачевские чтения: труды музея-заповедника «Костёнки». – Воронеж, Полиграфический центр «Пресс-Бургер», 2021. – С. 98–102; Пахомов Р. В. Коллекция И. С. Полякова как источник по изучению верхнего слоя стоянки Костёнки 1 // Культурный слой. Материалы международной научно-практической конференции «II Зверевские чтения – культурный слой города: исторический, археологический, этнографический аспекты (г. Воронеж, 11-12 сентября 2021 г.). – Воронеж, Государственная инспекция историко-культурного наследия, 2021. – С. 122–125; Пахомов Р. В. Деятельность Воронежского краеведческого музея по изучению Костенковско-Борщевского археологического района в 1920-х гг. // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. – 2022. – №2. – С.

Структура работы. Работа состоит из введения, 3 глав (первая включает 4 параграфа, вторая – 3, третья – 3), заключения, списка использованных источников и литературы, списка сокращений и иллюстративного материала.

76–80; Пахомов Р. В. Сравнительный анализ костёнковских коллекций И. С. Полякова и А. И. Кельсиева. Предварительные итоги // Верхнедонской археологический сборник. Материалы V Международной археологической конференции «Археология в исследованиях молодых» (22-23 октября 2021 г.). – Липецк: ЛГПУ имени П. П. Семенова Тян-Шанского, 2022. – №12. – С. 16–19; Пахомов Р. В. Древности Костёнок в исследованиях воронежских краеведов (вторая половина XIX в.) // Археология в исследованиях молодых: сб. науч. ст. – Белгород: ИД «БелГУ», 2022. – С. 231–234; Пахомов Р. В. А. И. Кельсiev – археолог, этнограф и музейный деятель (по материалам фонда 100 Политехнического музея) // Записки Института истории материальной культуры. – 2023. – №28. – С. 144 – 159; Пахомов Р. В. К 100-летию первой экспедиции П. П. Ефименко на стоянке Костёнки 1/1 // Труды Воронежского областного краеведческого музея. – Вып. 4. – Воронеж: Алекс Принт, 2023. – С. 236–240; Пахомов Р. В. Экспедиция А.И. Кельсиева в Южную Россию 1881 г. (по материалам фондов Государственного исторического музея) // Рогачевские чтения: музей, археология, история. – Вып. 3. – Воронеж: ПЦ «Пресс-Бургер», 2023. – С. 148–156; Пахомов Р. В. Раскопки Стефана Круковского на верхнепалеолитической стоянке Костёнки 1/1 // Записки Института истории материальной культуры. – 2024. – Вып. 30. – С. 144–157; Пахомов Р.В. Открытие и изучение жилых комплексов на стоянке Костёнки 1/1 (1926–1936 годы) // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. – 2025. – №2. – С. 50–58;

ГЛАВА 1. ПЕРВЫЙ ЭТАП В ИЗУЧЕНИИ КОСТЁНКОВСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ: ОТ ГИПОТЕЗ ДО ОТКРЫТИЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ

1.1. Слоновья гипотеза о происхождении ископаемых костей в Костёнках (конец XVII в. – конец XVIII в.)

Первое упоминание населённого пункта под названием Костёнки относится к 20-м гг. XVII в. Согласно Писцовой книге, в 1629 г. это место представляло собой небольшое село, располагавшееся на правом берегу р. Дон в урочище, известном ещё в XVI в.¹ В 1642 г. на его месте служилые люди и казаки построили Костёнк – одну из крепостей Белгородской оборонительной линии для защиты южных границ Московского государства от вторжения крымских и ногайских татар. В середине XVII в. город мало чем уступала своим соседям – Воронежу, Коротояку и Острогожску.

Основным методом формирования городского населения и гарнизона при основании Костёнка стал набор «вольных людей». При заселении насчитывалось 144 драгуна и 10 семей черкас. Со временем около построенной крепости сложился участок Белгородской линии с чётко определёнными границами и укреплениями. Он был небольшой по размеру и тянулся по Дону примерно на 12 км в пределах современных сёл Александровки, Костёнок и Рудкино. Однако с продвижением российской границы на юг Белгородская линия утратила своё оборонительное значение. Спустя некоторое время Костёнк стал превращаться в большое село, что было закреплено указом Екатерины II от 1779 г.².

¹Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Воронежские писцовые книги. – Воронеж: Типо-литография губернского правления, 1891. – С. 251.

²Загоровский В. П. Пригороды Воронежа в XVII в. – Костёнк и Орлов // Из истории города Воронежа. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1984. – С. 53–60; Загоровский В. П. Возникновение и развитие городов в Воронежском крае в XVII-XVIII в. // История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в эпоху феодализма. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1987. – С. 62–93; Прохоров В. А. Вся Воронежская земля. Краткий историко-топонимический словарь. – Воронеж:

История села Костёнки неразрывно связана со следами древности, обнаруживаемыми на данной территории. Своё наименование оно получило от древних костей, что рассредоточились по правому берегу Дона и в первой половине XVII в. привлекли к себе внимание первых поселенцев. В результате у местных жителей возникла легенда об индере – живущем под землей четвероногом звере, который всегда невидим, но открывается только после смерти¹.

Согласно ей, жил в древности зверь по имени индер. Однажды он подошёл к Дону. Голова его была у воды реки, туловище охватило весь Чекалин овраг, имевший в длину больше 2 вёрст (2,13 км). Индер должен был перейти на противоположный берег Дона, но испугался, что его дети, шедшие за ним, при переходе могут потонуть. Поэтому он вздумал перепить Дон. Когда река стала не больше Чекалина ручья, зверь подумал, что пора переходить. Чтобы дать знать об этом детям и заставить их идти, он оглянулся назад, но от натуги лопнул так, что кости его разнеслись на большое расстояние. Одни рассказывают, что их разнесло на 7 вёрст (7,5 км), другие – на 37 (39 км)².

Индер, о котором шла речь в легенде – персонаж средневековых русских сказаний. Он описывался в фольклоре как глава всех зверей, сочетающий в себе черты носорога и морской гидры. Подобные рассказы бытовали в XVIII–XIX вв. также и у многих народов Севера – якутов, тунгусов, остяков³.

Таким образом, самая ранняя информация о происхождении костёнковских костей из дошедших до наших дней представляет собой

Центрально-Чернозёмное книжное издательство, 1973. – С. 135; Аникович М. В. Палеолит Костёнковско-Борщёвского района в контексте верхнего палеолита Европы. С. 11.

¹Прохоров В. А. Вся Воронежская земля: краткий историко-топонимический словарь – Воронеж: Центрально-черноземное книжное издательство, 1973. – С. 135.

²Поляков И. С. Указ. соч. С. 18.

³Аникович М. В. Палеолит Костёнковско-Борщёвского района в контексте верхнего палеолита Европы. С. 12.

местное мифологическое предание. Как таковое оно и вызывает интерес исключительно с этнологической точки зрения.

В дальнейшем, интерес к поиску древностей возник у местных властей и представителей царской семьи. Этому способствовал один случай. В 1679 г. в правление Фёдора Алексеевича в Москву поступило сообщение от сотника черкасского Харьковского полка города Ольшанки И. Д. Смороцкого об обнаруженных им в урочище Песочный Колодец близ Ольшанки древних костях, принятых им за скелет волота (великана). В ответ 23 марта 1684 г. в Курск воеводе И. Шеину была направлена грамота, предписывавшая находки тщательно раскопать, внести их в опись и сделать для них описание с чертежом. Крупнейший представитель отечественного палеолитоведения С. Н. Замятнин назвал этот документ первой инструкцией для раскопок. Для выполнения поручения государя на место обнаружения находки вместе с И. Д. Смороцким выехал представитель воеводы М. Н. Анненков. Однако поездка не увенчалась успехом: весь предполагаемый для обследования участок оказался размыт во время половодья, а ранее выявленные остатки разобраны местными жителями. Несмотря на это, эпизод поисков ольшанского волота продемонстрировал развитие познавательного интереса к доисторическим находкам. Инициатива, проявленная Фёдором Алексеевичем по их выявлению и изучению, будет подхвачена его младшим братом Петром Алексеевичем, вошедшим в историю как Пётр I Великий¹.

В конце XVII в. начали складываться предпосылки для формирования в России науки. Царь Пётр I (Рис. 2, 1) попытался не только создать в России самый передовой социально-экономический потенциал, но и преодолеть отсутствие традиции обучения знанию. Среди его преобразований одним из важнейших является утверждение «гражданской азбуки», вытеснившей церковнославянскую вязь. Основание Академии наук и навигацких школ создавало одну из самых передовых структур науки и образования. Кроме

¹Замятнин С. Н. Первая русская инструкция для раскопок (находка костей «волота» в 1679 г.) // Советская археология. – 1950. – Вып. 13. – С. 287–291.

того, благодаря Петру по-новому стали относиться к древностям и раскопкам. В частности, точное определение получили костёнковские находки¹. Лично царь предпринял попытку дать им научное объяснение. Произошло это после Азовских походов.

После неудачного первого Азовского похода 1695 г. Пётр I принял решение организовать в Воронеже корабельную верфь для строительства боевых кораблей. Для наиболее эффективного управления царь приехал 29 февраля 1696 г. в город и оставался там 65 дней, вплоть до 3 мая. За такой непродолжительный срок здесь был создан мощный флот, состоящий из галер, галиасов, линейных кораблей, брандер и стругов. Он сыграл решающую роль в победе русских войск во время второго Азовского похода 1696 г. Сам царь руководил всем процессом строительства, лично работал на верфи, занимался оснащением судов и комплектованием их экипажей. Вместе с этим, он издавал указы, положившие начало военно-морскому и лесному законодательству².

В Воронеже до Петра I доходили слухи о необычных древних костях, что находили в районе Костёнка местные жители. Чтобы проверить их достоверность, царь направил туда солдата Преображенского полка Филимона Яковлевича Катасонова. Вместе с группой костёнковских поселенцев он осмотрел окрестности городка и прошёл по правому берегу Дона. По дороге им попадались выступавшие на поверхность целые и фрагментированные кости древних животных. В местах их выявления были осуществлены небольшие раскопки. В итоге, удалось собрать небольшую коллекцию фаунистических остатков. Выявленный материал был

¹Лебедев Г. С. История отечественной археологии. 1700–1971 гг. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1992. – С. 22–24.

²Загоровский В. П. Воронеж: историческая хроника. – Воронеж: Центрально-Чернозёмное книжное издательство, 1989. – С. 44, 45; Комолов Н. А. Воронежские страницы в биографии Петра Великого. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2019. – С. 48; Комолов Н. А. Пётр Великий. Воронежские страницы. – Воронеж: Центр духовного возрождения Чернозёмного края, 2022. – С 21–199.

представлен царю¹. Пётр I убедился в правдивости слухов и тщательно изучил находки. Спустя некоторое время ему удалось сформулировать свою точку зрения относительно их принадлежности и происхождения. Её описал знаменитый путешественник, лично знавший государя, Корнелий де Бруин. Во время своего второго путешествия 1701–1705 гг. он стал членом иностранной свиты, сопровождающей Петра I во время его визита в Воронеж. Целью его стала демонстрация силы построенного военно-морского флота, дабы сведения о нём дошли до Западной Европы и Турции.

С 5 февраля по 11 марта 1703 г. делегация во главе с царём находилась на Воронежской земле. В это время для иностранцев демонстрировались боевые корабли и их оснащение, устраивались обеды и ужины, организовывались различные увеселительные мероприятия. Среди последних было посещение окрестностей Костёнка. Вместе с делегацией 15 февраля Корнелий де Бруин совершил осмотр построек для отведения течения Дона на расстоянии 8 вёрст (8,5 км) от города-крепости, во время чего были обнаружены остатки древних слонов. Об это знаменитый путешественник писал так: «В местности, в которой мы были, к великому удивлению нашему, нашли мы много слоновых зубов, из которых я сохранил один у себя, ради любопытства, но не могу понять, каким образом зубы эти могли попасть сюда»². Пётр I, в отличие от него, высказал гипотезу, что кости являются остатками слонов армии Александра Македонского, прошедших от Индии до Среднего Дона и умерших по дороге³. Так появилась слоновья гипотеза, бытовавшая до конца XVIII–начала XIX вв.

¹РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. №1403. Л. 588, 613; Загоровский В. П. Пётр Великий на воронежской земле. – Воронеж: Издательство ВГУ, 1996. – С. 29–30; Загоровский В. П. Воронеж: историческая хроника. С. 50; Комолов Н. А. Воронежские страницы в биографии Петра Великого. С. 78; Котлярова И. В. Музеи Воронежского края (вторая половина XIX – первая треть XX вв.). – Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2008. – С. 16.

²Бруин де Корнелий. Путешествие через Московию – Москва: Университетская типография на Страстном бульваре, 1873. – С. 129–130.

³Там же. С. 130.

В 1717 г. по мере формирования коллекций уникальных предметов в недавно образованной (1714 г.) Кунсткамере Пётр I вновь обратился к костёнковским древностям. Он отправил вице-губернатору С. А. Колычеву указ следующего содержания: «в Костёнку и других городах и уездах губернии велеть приискывать великих костей как человеческих, так слоновых и всяких других необыкновенных, какие там некогда были находимы, и чтобы о том разослал указы, дабы будущей весной и летом потщились оныя сыскать, и обещать крестьянам, кто такие большие кости сыщет, хотя и плату небольшую по рассмотрению, дабы их тем приласкать»¹. Все выявленные находки следовало прислать в Санкт-Петербург. Таким образом, это первый документ, в котором отражено стремление учесть и сохранить костёнковские древности. К настоящему времени мы не располагаем достоверной информацией о результатах исполнения данного указа. В Кунсткамере материал из Костёнок, добытый в петровское время, отсутствует.

Спустя 8 лет с момента подписания Петром I упомянутого выше указа состоялось первое торжественное заседание Императорской академии наук (ИАН)². Из представителей первого поколения российских академиков на костёнковские древности обратил внимание Готлиб Зигфрид Байер. Не подвергая сомнению точку зрения о том, что это кости слонов, он связывал их с армией персидского царя Дария. Опираясь на сведения Геродота и Юстина, учёный писал, что «персидский царь Дарий стремился одолеть скифов по причине главенства последних в Азии и вторжения в Мидию и завёл свои войска на берега Дона, и там его слоны, не выдержав холодного климата, погибли»³.

¹Голиков И. И. Деяния Петра Великого. – Москва: Типография Николая Степанова, 1838. – Т. 6. – С. 209.

²Пекарский П. П. История Императорской академии наук в Петербурге. – Санкт-Петербург: Издание Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук, 1870. – Т. 1. – С. 38.

³Байер Г. З. Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова, от создания сего города до возвращения онаго под Российскую державу. – Санкт-Петербург: Императорская Академия Наук, 1738. – С. 4–5.

Во второй половине XVIII в. для детального изучения различного рода древностей, расположенных на территории Российской империи, по воле императорских особ Императорской академией наук проводились различного рода экспедиции, называемые в то время «путешествиями». И одним из таких «путешественников» стал Самуил Георг Готлиб Гмелин (Рис. 2, 2).

Цель «путешествия» С. Г. Гмелина состояла в том, чтобы изучить народы, проживавшие в землях Южной России, описать их быт и культуру¹. Как можно заметить, эта экспедиция имела этнографический характер. Маршрут её пролегал от Санкт-Петербурга до Черкаска. Хронологические рамки данного «путешествия» – с 1768 по 1769 гг. Всё это время С. Г. Гмелин составлял примечания, в которых описывал свои впечатления. Они создали основу для его труда о южных провинциях России, изданного в Санкт-Петербурге Императорской академией наук спустя почти полвека².

Костёнковским древностям посвящено несколько страниц в первой части вышеуказанной работы. Оттуда мы узнаём, что исследователь побывал в Костёнках дважды. Первый визит состоялся 1 ноября 1768 г. В этот день им были «обнаружены зубы и кости слонов: челюсти, ребра, лобовые и берцовые. Находились они на глубине в 3 локтя (135 см) и около 40 сажень в длину (86,4 м). Одна часть сохранилась в цельной форме, другая – в состоянии трухи»³. Костей других животных или древних предметов учёному найти не удалось. 11 апреля 1769 г. для подтверждения результатов прошлых исследований С. Г. Гмелин вернулся в Костёнки. Вначале он организовал раскопки на старом месте, но в связи с его затоплением, работы были перенесены на 2 аршина (142,24 см) выше. Здесь была изучена стратиграфия: вначале шел слой чернозема, затем песок и мергель с прослойкой глины⁴. Работы продолжались в течение двух дней, но оказались безрезультатными. К настоящему времени М. В. Аниковичем, Н. И. Платоновой и В. В.

¹Гмелин С. Г. Указ. соч. С. 5.

²Там же.

³Там же. С. 119.

⁴Там же. С. 53, 119–120.

Поповым выдвинуто предположение, что первый шурф С. Г. Гмелин заложил в районе стоянок Костёнки 3 и 21, второй – чуть выше по склону. Здесь академик мог столкнуться с разрушенными палеолитическими жилищами или заполнениями ям-хранилищ, поскольку специфика обнаруженных костей не позволяет говорить о них, как о естественном кладбище мамонтов¹.

Опираясь на свои исследования, С. Г. Гмелин подтвердил уже бытовавшую «слоновью» гипотезу. По его мнению, слоны изначально жили в Сибири и на Дону, а затем удалились из своей ойкумены в южные или северные земли, поэтому разливающийся Дон и формировал места «слоновых» скоплений. При этом исследователем не отрицалась и возможность персидского происхождения слоновьих костей².

В целом, ценность исследований С. Г. Гмелина заключается в том, что сохранилась информация и о локализации шурфов, и о специфике самих находок. Не случайно известный почвовед В. В. Докучаев взял их за основу при формировании своей концепции собирательства и «мамонтовых кладбищ», к разбору которой мы обратимся во второй главе.

В дальнейшем, в 1800 г. «слоновья» гипотеза о природе ископаемых костей из Костёнок была переосмыслена известным общественным деятелем митрополитом Евгением (Евфимием Алексеевичем) Болховитиновым. При написании своего труда «Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии, собранное из историй, архивных записок и сказаний Е. Болховитиновым» он принял их видовую принадлежность, но не согласился с исторической интерпретацией. Будучи прекрасно образованным человеком своего времени, он пришёл к выводу, что маршруты движения войск Дария II и Александра Македонского не могли проходить через территорию Подонья, а значит и кости остались от слонов не из их армий. В связи с этим, Е. А. Болховитинов выдвинул свою версию, основанную на сведениях о битве рязанских князей с татарами 1237 г., которую привёл

¹Аникович М. В. Палеолит Костёнковско-Борщёвского района в контексте верхнего палеолита Европы. С. 13.

²Гмелин С. Г. Указ. соч. С. 121–122.

авторитетный российский историк В. Н. Татищев в труде «История Российская с древнейших времён»: «По нескольких днях получив Рязанские князи весть, что Татары к их области приближаются, стали войска совокуплять, и собрався пошли к Воронежу, хотели там укрепиться обороняться, или усмотря надобность бой учинить, а к Великому Князю Юрию Всеволодовичу и Князем Северским ещё послали просить помощи; но Князь Великий ни сам не пошёл, ни войск не послал, не принял прошения их, надеялся сам собою Татар победить, також Северские и Черниговские не пошли, извиняясь, что как Рязанские с ними на Калку не пошли, когда их просили; то и они помогать им паки в страх вдаваться не хотят. И тако не один Князь другому помогать не хотел. Князи будучи у Воронежа увидели войско Татарское против их идущее, и видя оных великое и невероятное множество, усумнились...Татары всею силою наступили и стали биться. Юрий Муромский два раза весьма храбро со своими в полки Татарские въезжал и разбивал, но множества их ди принужден был отступать, и тут был тяжело от стрел и копей изранен. И по долгому сражении Татары одолели Русских, и Князи Рязанские и Пронские ушли в свои грады, а Олег так изнемог, что уже и говорить не мог. Татары, видя своих весьма много побитых, так разсвирепели, что начали людей всюду побивать и пленить с великою яростию»¹. В дополнение к этому, митрополит привлёк русские летописи, старые карты и чертежи.

Согласно версии Е. А. Болховитинова, «по обычаю древних азиатских армий» татарский хан Батый вёл за собой «конечно и слонов, нагруженных военными снарядами. Слоны сии без сомнения убиты, или и сами померли от климата, а потому трупы их в одну яму складены и погребены»².

В отечественной историографии сложилось мнение, что Е. А. Болховитинов в своей книге лишь повторил точку зрения В. Н. Татищева, но

¹Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен – Москва: Ладомир, 1995. – Т. 4. – С. 468–470.

²Болховитинов Е. А. Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии. – Воронеж: Типография Губернского Правления, 1800. С. 102.

анализ его труда показал, что сам В. Н. Татищев никаких сведений о наличии слонов в армии татар не приводил. Кроме того, добытые исследователями древние кости были обнаружены на правом берегу р. Дон, в то время как битва локализовывалась на левом. Последний факт отметил и сам Е. А. Болховитинов, но считал, что он вызван или ошибкой в чертеже, или из-за смежности места, и это не создает никаких расхождений¹. Подобная гипотеза вполне соответствовала имевшей место тогда методике интерпретации находок и их хронологии.

Таким образом, период конца XVII – конца XVIII вв. стал первым этапом формирования научных представлений относительно костёнковских находок. Для него были характерны: а) зарождение познавательного интереса к территории Костёнок и её древностям; б) сбор костного материала; в) первые гипотезы толкования находок. С точки зрения зоологической классификации, на протяжении всего этого этапа фиксируется единодушное отнесение ископаемых костей к слонам (понятие «мамонт» стало известно лишь на рубеже XVIII – XIX вв.). Однако историческая интерпретация при этом отличается. Лишь С. Г. Гмелин предполагал автохтонное происхождение этих животных. Все остальные исследователи вслед за Петром I считали, что слоны появились на территории Костёнок с войсками завоевателей: по версии царя – Александра Македонского; Г. З. Байера – персидского царя Дария II; Е. А. Болховитинова – хана Батия.

1.2. Роль Всероссийской Антропологической выставки 1879 г. в развитии интереса к костёнковским находкам. Открытие И. С. Поляковым первой палеолитической стоянки в Костёнках

После работ С. Г. Гмелина в Костёнках вплоть до последней четверти XIX в. исследований на этой территории не проводилось. Только с развитием естественнонаучного направления археологической науки и смещением

¹Болховитинов Е. А. Указ. соч. С. 103.

акцента с изучения античных находок на первобытные и славянские памятники на костёнковские древности вновь обратили внимание.

Охарактеризованная тенденция берёт своё начало в 20–30 гг. XIX в., когда появились первые сборы орудий каменного века. В частности, енисейский губернатор А. П. Степанов хранил у себя кремнёвые наконечники стрел, каменные кирки и молотки, выявленные в Минусийском крае. Во второй половине XIX в. поиск первобытных древностей стал систематическим, что было связано с деятельностью археологических обществ¹.

В 1764 г. был основан императорский Эрмитаж, поступали наиболее ценные археологические находки. Однако на протяжении долгого времени музей не имел завершённой организационной структуры, а его сотрудники по существу являлись чиновниками. Научная деятельность учреждения была подчинена интересам Министерства императорского двора. Между тем развитие российской археологии постепенно выходило за рамки этих интересов. В результате исследований археологических памятников в Новгородской земле, Подмосковье, Рязанщине, Сибири и на Ближнем Востоке возникла необходимость появления новых организационных форм. Следовало создать организации, которые смогли бы объединить научные силы по различным специальностям для изучения обнаруженных древностей. И таковые возникли. В 1846 г. по инициативе чиновника министерства финансов Я. Я. Рейхеля и его берлинского агента Бернхарда Кёне под председательством одного из великих князей, герцога Максимилиана Лейхтенбергского в Санкт-Петербурге было создано Общество, которое в 1851 г. преобразовалось в Русское археологическое общество. Спустя 13 лет граф Алексей Сергеевич Уваров основал новое археологическое общество в Москве. Одной из его заслуг стал регулярный созыв всероссийских съездов, где отечественные археологи представляли и обсуждали результаты

¹Формозов А. А. Собиратели каменных орудий в России в середине XIX в. // Советская археология. – 1981. – №3. – С. 97; Васильев С. А. Указ. соч. С. 9.

собственных изысканий. Всего таких мероприятий в период 1869–1911 гг. состоялось 15¹.

Вместе с археологическими формировались организации антропологического и географического направления: Императорское Русское географическое общество (РГО, основано в 1845 г.), Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ, создано в 1863 г.), Русское антропологическое общество при Санкт-Петербургском университете (возникло в 1888 г.). В 1859 г. была учреждена Императорская археологическая комиссия (ИАК) – головное учреждение в области археологии².

Изучение эпохи палеолита в России было подготовлено в теоретическом плане знакомством в середине XIX в. отечественных учёных с открытиями европейских деятелей, таких как Йенс Якоб Асмуссен Ворсо, Чарльз Лайель, Джон Леббок, Любор Нидерле, Габриель де Мортилье³. С формированием научной базы стали складываться различные подходы к исследованию памятников палеолита. В первой половине XIX в. на основе работ европейских антикварию сформировался гуманитарный подход. В 60–70-х гг. XIX в. в сферу изучения каменного века включились учёные-естественники.

¹Лебедев Г. С. Указ. соч. С. 80–99.

²Васильев С. А. Указ. соч. С. 9.

³Ворсо Й. Я. А. Северные древности Королевского музея в Копенгагене, отобранные профессором Копенгагенского университета И. И. А. Ворсо. – Санкт-Петербург: Императорская Академия наук, 1861. – 200 с.; Лайель Ч. Геологические доказательства древности человека с некоторыми замечаниями о теории происхождения видов. – Санкт-Петербург: Типография О. И. Бакста, 1864. – 512 с.; Леббок Д. Доисторические времена или первобытная эпоха человечества, представленная на основании изучения остатков древности и нравов и обычаев современных дикарей. – Москва: Природа, 1876. – 492 с.; Нидерле Л. Человечество в доисторические времена. Доисторическая археология Европы и в частности славянских земель. – Санкт-Петербург: Издательство Л. Ф. Пантелеева, 1898 – 655 с.; Мортилье Г. де. Доисторическая жизнь. Происхождение и древность человека. – Санкт-Петербург: XX Век, 1903. – 576 с.; Гернес М. Культура доисторического прошлого, ч. 1. Каменный век. – Москва: Фарос, 1913. – 139 с.; Обермайер Г. Доисторический человек. – Санкт-Петербург: Брокгауз–Ефрон, 1913. – 687 с.; Васильев С. А. Указ. соч. С. 9.

Период 1860–1880-х гг. был весьма успешным в изучении первобытных памятников. В 1861 г. Карл Максимович Бэр и Антон Антонович Шифнер продвигали программу систематического сбора и хранения палеолитических древностей¹. В ней отразились весьма прогрессивные на тот момент идеи гуманизма и развитости древнего человека. Они серьёзно повлияли на мировоззрение ряда исследователей, что способствовало открытию палеолита в России и его планомерному изучению: И. Д. Черский, А. Д. Чекановский и В. А. Бельцов открыли стоянку в Иркутске (1871), Г. С. Кирьяков и Ф. И. Каминский – на р. Удае в Полтавской губернии Гонцы (1873), одновременно Я. Завиша – под Краковым Мамонтову пещеру². В процессе проведения работ выявилась необходимость формирования единой научной базы. Решение этой сложной задачи взяло на себя ОЛЕАЭ во главе с Анатолием Петровичем Богдановым. Для объединения достижений отечественной и европейской науки в области изучения первобытных памятников общество решило организовать Всероссийскую Антропологическую выставку. Её началом стало создание Комиссии для пополнения антропологических и зоологических собраний в январе 1873 г. Этим органом была разработана программа по поступлению необходимых для преподавания антропологии предметов. Одновременно Комиссия решила направить Дмитрия Николаевича Анучина за границу для изучения коллекций зарубежных музеев. На организацию мероприятия дарители Г. Ф. Терещенко и Л. С. Поляков пожертвовали сумму в 40 000 рублей. В марте 1877 г. был создан Комитет по устройству Антропологической выставки во главе с А. П. Богдановым³. В него вошёл и будущий исследователь Костёнковской палеолитической стоянки А. И.

¹Бэр К. М. Предисловие // Северные древности Королевского Музея в Копенгагене, отобранные профессором Копенгагенского Университета И. И. Ворсо. – Санкт-Петербург: Издательство Императорской Академии наук, 1861. – С. 1–9.

²Васильев С. А. Указ. соч. С. 9; Платонова Н. И. История археологической мысли. Вторая половина XIX–первая треть XX века. С. 136–137.

³Балахонова Е. И. Концепция Всероссийской Антропологической выставки и место этнографии в ней // Вестник Московского университета. Серия XXIII: Антропология. – 2011. – №1. – С. 4–7.

Кельсиев в качестве секретаря Учебно-антропологической комиссии. На первом заседании А. П. Богданов изложил программу пополнения антропологических собраний с помощью проведения выставки в 1879 г.: «Конечной целью нашей деятельности является Антропологический Музей при устроенной Обществом в Университете кафедре антропологии. Кафедра эта ныне утверждена, и факультетом уже отправлен за границу для приготовления к ней Магистрант Университета и Секретарь нашего антропологического отдела Д. Н. Анучин, серьёзный и дельный труд коего о племени Айно, равно как и рефераты в антропологическом отделе Общества – дают полное основание надеяться, что дело кафедры попадёт в преданные науке и умелые руки. Поэтому первым и основным исходным пунктом нашей задачи будет то, что необходимо серьёзного преподавания антропологии и изучения её специалистами. Говоря вообще, эти требования кафедры сводятся к двум главным отделам: 1) к доисторическому человеку и 2) к первобытным некультурным племенам. Можно составить особую группу из всего того, что касается до общей антропологии, до методов её исследования, до пособий из других естественно-исторических наук, каковые например: скелеты и препараты, животных для сравнения с находимыми в доисторические времена, образцы растительных форм, необходимые для сравнительного изучения условий быта и жизни доисторического человека, пособия по геологическим данным, уясняющим эпохи и условия их по отношению того же доисторического периода, равно как и те материалы из царства минералов, о коих антрополог может делать свои заключения. Относительно доисторического человека одни антропологические пособия немислимы, при целостности выполнения задачи, без широкого участия археологического элемента. О первобытных диких племенах сведения будут не цельны без этнографических данных, без того, что объясняет их быт, их загадочную культуру. Таким образом, даже исходя с одной только чисто специальной задачи кафедры, мы уже приходим к весьма широкой программе, в которой ограничиться одними костяками и черепами

невозможно. Задача невыполнима в своём выполнении без участия специалистов по археологии, этнографии и естествознанию»¹. Однако по мере поступления материала изначальная концепция А. П. Богданова изменилась. К 1879 г. было сформировано 7 отделов: геолого-палеонтологический; доисторических древностей; краниологическое собрание; фотографический; медико-антропологический; этнографический; отдел манекенов, бюстов и масок².

Антропологическая выставка проходила на Московской Манежной площади с 3 апреля по 2 сентября (по старому стилю) 1879 г. Она стала одним из значимых событий общественной жизни: её посетило более 100 000 человек³.

Археологические коллекции, представленные на мероприятии, были распределены по следующим рубрикам: 1) модели пещер, каменных гробниц, курганов в натуральную и уменьшенную величину, где были представлены французские, скандинавские и кавказские образцы с целью напомнить о факте, что наиболее полные сведения о древнейших обитателях Европы получены из раскопок пещер, а также дать наглядное представление о форме мегалитических сооружений; 2) каменные, костяные и металлические орудия и украшения, а также посуда и другие вещи различных археологических эпох (каменного, бронзового и раннего железного века) из Франции, Великобритании, Дании и различных памятников Европейской России и Сибири; 3) копии с древних статуй доисторической эпохи, включавшие слепки с каменных баб из Московской губернии, окрестностей Новочеркасска, Пятигорска, Кубанской области⁴.

Экспонаты поступали через посредство представителей Комитета (А. П. Богданов, Д. Н. Анучина) в качестве дарований от учреждений

¹Богданов А. П. Антропологическая выставка Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Заседания комитета по устройству выставки в 1877 году. С. 12.

²Там же.

³Балахонова Е. И. Указ. соч. С. 4.

⁴Анучин Д. Н. Указ. соч. С. 1–28.

(Лионского музея, Британского Антропологического Института) и частных лиц, передач и пожертвований. К числу лиц, передавших свои коллекции для экспозиции, принадлежали такие известные учёные, как Ж. Буше-де-Перт, Э. Ларте, А. Фрэнкс, Г. де Мортилье, А. Эванс¹.

Для систематизации полученных коллекций была установлена следующая типология:

1. Каменные орудия и осколки: грубо-обтёсанные каменные топоры, ядра (нуклеусы), наконечники, кремнёвые стрелки, скребки, долота, ножи, осколки.
2. Костяные орудия и остатки.
3. Орудия из рога.
4. Медные и бронзовые орудия: топоры, боевые молоты, булавки, наконечники.
5. Железные предметы: стрелы и удила, серпы, топоры, лопаточки, наконечники, обручи, гвозди, ножи.
6. Украшения: кольца, серьги, бусы, фибулы, спирали, пуговицы, кресты².

Не менее ценными являлись антропологические материалы, помещённые в экспозицию отдела краниологического собрания. Она включала в себя коллекции черепов, собранные из курганов, доисторических гробниц и древних кладбищ различных регионов Европейской России. Одним из экспонатов на выставке являлся череп каменного века, найденный в результате работ графа А. С. Уварова в Волосове Муромского уезда Владимирской губернии³.

Антропологическая выставка 1879 г. имела огромное значение для дальнейшего развития антропологической и археологической наук в России. Она охватила практически все значимые на тот момент достижения отечественной и зарубежной археологии. Благодаря ей исследователи

¹Анучин Д. Н. Указ. соч. С. 1–28.

²Там же.

³Богданов А. П. Краниологическое собрание. С. 1–28.

каменного века обрели прочную научную основу. Установилась регулярная связь между российскими и ведущими зарубежными сообществами по изучению первобытного периода человечества. Это, в свою очередь, заложило фундамент для становления палеонтологической школы, с которой в начале XX в. связано возникновение нового научного направления по изучению первобытных древностей – антропологической археологии. Кроме того, Антропологическая выставка 1879 г. стала важным этапом в деятельности первых исследователей Костёнковской палеолитической стоянки – И. С. Полякова и А. И. Кельсиева¹.

Иван Семёнович Поляков (Рис. 2, 3) является знаковой фигурой для археологии XIX в. Его перу принадлежат одни из первых научных трудов, посвящённых палеолиту в России, а также раздел в книге «Живописная Россия». Они определили выход работы графа А. С. Уварова «Археология России», где были учтены практически все находки каменных орудий, сделанные в России к 1880 г.².

Немалую роль в становлении И. С. Полякова как исследователя первобытных древностей сыграло его знакомство с позициями К. М. Бэра – ученого-биолога, основателя антропологического собрания Императорской академии наук, основателя и одного из председателей этнографического отдела Русского географического общества.

Как исследователь-гуманист, Карл Максимович отстаивал идею видового единства человечества и равенства всех рас. С его точки зрения, теория естественного отбора Чарльза Дарвина являлась попыткой объяснить проблему появления человеческого рода и принципы эволюции. По мнению К. М. Бэра, накопление мелких изменений не могло привести к образованию

¹Богданов А. П. Воспоминания об умерших деятелях и сотрудниках Общества Любителей Естествознания по устройству антропологической выставки. Стб. 9–42.

²Формозов А. А. А. С. Уваров и его место в истории русской археологии. С. 20; Платонова Н. И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX–первая треть XX века. С. 137.

новых видов, а естественный отбор не мог лечь в основу морфогенеза¹. При этом отрицание идей дарвинизма не означало для Карла Максимовича отказ от идеи эволюции в человеческой культуре. Он допускал, что люди прошли единые стадии становления, имевшие большую специфику на разных территориях. Относительно каменного периода, Карл Максимович отмечал, что в это время человек изготавливал орудия из твердого кремня и кости. Самыми древними из них являлись неправильные клиновидные осколки. Со временем люди научились откалывать от кремнёвых пород длинные осколки с двумя острыми лезвиями, обозначенные учёным как «ножи». Кроме того, по мнению исследователя, изготавливались наконечники стрел и резцы. Отделаны они были изящнее, чем клиновидные осколки. Это Карл Максимович связывал с изменением техники обработки камня². Для раскалывания использовались округленные камни (отбойники). Дальнейшим успехом в изготовлении изделий из кремня стало создание орудий длиной от 20 до 25 см: наконечников копья и зубчато-выемчатых изделий³. По мнению учёного, такие предметы могли использоваться для охоты на животных и ловли рыбы. Вслед за кремнём люди начали обрабатывать песчаник, серпентин, кости и рог. Из последних создавались резцы и шилья. Осваивались новые технологии, например, сверление, благодаря которому возник каменный молот. Кроме орудий появились и украшения, созданные из зубов животных. Карл Максимович также отмечал, что в каменном периоде могли лепить горшки и иные изделия из обожженной глины⁴.

Таким образом, К. М. Бэр подразделял период каменных и костяных изделий на несколько этапов по технологическому принципу. При этом явно подчеркивался высокий уровень интеллектуального развития первобытного

¹Бэр К. М. Человек в естественно-историческом отношении. – Санкт-Петербург: Типография К. Вингебера, 1851. – С. 53–55, 64.

²Бэр К. М. О древнейших обитателях Европы // Древность человеческого рода, происхождение видов, положение человека в природе. – Санкт-Петербург: Издание О. И. Бакста, 1865. – С. 84.

³Там же. С. 85.

⁴Там же. С. 79–86.

человека, который мыслился как настоящая личность. Подтверждение этому учёный находил в умениях наших далёких предков создавать орудия труда и разводить огонь¹. Подобные представления о человеке каменной эпохи, его технологическом развитии и были приняты на вооружение будущим первооткрывателем Костёнковской палеолитической стоянки И. С. Поляковым.

Немалое влияние на молодого исследователя оказал мэтр отечественной археологии, глава МАО граф А. С. Уваров. В ходе совместных работ исследователей на левом берегу р. Оки, а затем у с. Карачарово И. С. Поляков перенимал методику исследования палеолитических памятников.

Ещё в 1877 г. в результате бурных потоков была смыта часть берега Карачаровского оврага с костями мамонтов, прилегающая к усадьбе А. С. Уварова. Крестьяне собрали и доставили графу самые крупные из них: бедренные, берцовые и лопаточные. Изучив принесённый материал, учёный провёл близ своего поместья раскопки. В первые два дня раскопок А. С. Уваровым было обнаружено 56 кремнёвых орудий. При этом прослеживалась определенная закономерность: они всегда находились рядом с костями. Это позволило исследователю сделать вывод о древности орудий. И желая подтвердить его справедливость, Александр Сергеевич пригласил учёных, занимавшихся изучением каменного века, в том числе И. С. Полякова. Всего за время раскопок было обнаружено 369 орудий. Все они, как отмечал А. С. Уваров, относились к следующим типам: ножи, скребки, осколки и ядрища. После обнаружения черепа мамонта, костей шерстистого носорога и других животных исследователи обнаружили до 10 каменных топоров и один голыш из твердого песчаника, служивший для первобытных людей в качестве молота для раздробления больших костей. Ножи и скребки отличались разнообразием как в размерах, так и формах. Совершенное отсутствие наконечников и иных орудий, предназначенных для охоты, характер обнаруженных находок позволили А. С. Уварову и приглашенным

¹Бэр К. М. О древнейших обитателях Европы. С. 82.

им исследователям говорить о том, что в Карачаровском овраге находилась стоянка первобытных людей, куда стаскивались туши убитых животных, и где проходила их разделка с дальнейшим приготовлением пищи. Это подкреплялось находками кремнёвых ножей, воткнутых между двумя длинными костями. Кости лежали бессистемно на расстоянии в 0,6 м от границы «красной железистой» глины. Располагались они как фрагментарно, так и целыми грудями, составляя массовые скопления. Помимо бивней и черепа были обнаружены трубчатые кости, ребро, позвонки, зубы и т.п. Фаунистический состав, по мнению И. С. Полякова, включал следующих животных: шерстистого носорога, первобытного быка и оленя. При больших костях, покрытых многочисленными дендритами, в скоплении лежали куски диорита со слабыми следами отбивки. Между костями обнаруживались мелкие куски угля. Однако следов обугливания или обжога исследователями найдено не было. Относительно ископаемого материала А. С. Уваров отмечал, что подобными находками изобилуют близлежащие к Карачарову территории, такие как: овраг Меленки между с. Карачаровым и с. Панфиловым; Бучихинский овраг между усадьбой А. С. Уварова и г. Муром; г. Муром, где были обнаружены мамонтовые кости; пойменный берег Оки напротив Мурома; с. Новые отлища; с. Мещеры; д. Крижи¹.

Таким образом, оказалась обнаружена палеолитическая стоянка, давшая богатый материал, который противоречил идеям Ворсо о незаселенности Восточно-Европейской равнины в древности².

Участие в исследовании Карачаровской стоянки сыграло важную роль в жизни И. С. Полякова. Оно позволило ему закрепить свои знания о первобытной эпохе, увидеть определенные закономерности в условиях залегания каменного и костного материала, а также создать авторскую

¹Уваров А. С. Археология России. Каменный период. – Москва: Синодальная типография, 1881. – Т. 1. – С. 112–117.

²Клейн Л. С. История российской археологии: учения, школы и личности. Общий обзор и дореволюционное время. Том 1. Общий обзор и дореволюционное время. С. 498.

типологию орудий. Обрётённый опыт помог исследователю в изучении Костёнковской палеолитической стоянки.

Дальнейшие научные изыскания И. С. Полякова связаны с организацией и формированием экспозиции для отдела доисторических древностей Антропологической выставки 1879 г. Он совершил поездку в Швейцарию для получения предметов, собранных во время исследований древних свайных построек неолитического периода. В итоге, благодаря ему и посредничеству профессора Л. Рютимейера, в ведение выставки было доставлено 22 предмета¹. 2 июня И. С. Поляков осмотрел Антропологическую выставку, в ходе чего изучил коллекцию каменных орудий из Тульской губернии для своих дальнейших исследований в данном регионе².

Таким образом, к моменту открытия Костёнковской палеолитической стоянки И. С. Поляков показал себя, как талантливый учёный. На средства ИАК и РГО он проводил исследования на Русском Севере, Волге, Оби, Алтае, Урале, Кавказе. Он совершил научные поездки в Австрию, Данию, Германию, Францию и Швецию. Его научным интересом являлась зоогеография, но вместе с этим, Иван Семёнович проявлял внимание к этнографии изучаемых территорий и всем имеющимся на ней следам каменного века. Это было отражено в его работах, стиль и содержание которых соответствовали традиционному жанру «учёных путешествий», возникшему ещё во времена С. Г. Гмелина. Без сомнений, Иван Семёнович стал одним из новаторов в изучении палеолитических памятников. Это проявилось во многих направлениях: от методики полевых исследований до изучения каменных орудий. В плане построения теории человеческой эволюции он признавал огромную роль миграционных процессов и культурных взаимосвязей в истории человеческих сообществ³. Кроме того,

¹Анучин Д. Н. Указ. соч. С. 5.

²Поляков И. С. Указ. соч. С. 1.

³Платонова Н. И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX–первая треть XX века. С. 139.

И. С. Поляковым выдвигалась идея по эффективному поиску стоянок первобытных людей: по мнению исследователя, искать их следовало в местах обнаружения мамонтовых костей¹. Данный концепт он реализовал при раскопках палеолитической стоянки на территории с. Костёнки.

В 1878 г. в ходе исследования Карачаровской стоянки, как мы уже писали выше, были получены доказательства совместного существования первобытных людей и представителей мегафауны. Для проверки правомерности этой концепции по заданию Императорской академии наук И. С. Поляков отправился из Тулы в Воронежскую губернию, поскольку в науке было хорошо известно указание академика С. Г. Гмелина на город Костёнок, изобилующий огромным количеством ископаемых костей².

В результате изучения отчёта И. С. Полякова о его экспедиции в Костёнках можно выделить следующие её этапы: сбор информации о месте, раскопочные работы и интерпретация их результатов.

Первый этап включал ознакомление со всей известной литературой, где упоминались древние костёнковские кости. Прибыв 10 июня 1879 г. в Воронеж, И. С. Поляков сразу же навёл справки у местной администрации, изучил в библиотеке имеющуюся литературу. Это позволило наметить место будущих работ – правый берег Дона. 11 июня Иван Семёнович прибыл в Костёнки, где на следующий день приступил к осмотру местности, одновременно проводя опрос местных крестьян о древних костях. Благодаря помощи псаломщика Федора Абрамовича Мануйлова учёный нашёл место, где можно было осуществить раскопки (Рис. 3).

Работы предполагалось провести возле старого омшаника, находившегося на территории усадьбы Ф. А. Мануйлова, которому нужно было выкопать новое место для сохранения на зиму пчёл. По его сведениям, при рытье первого омшаника было обнаружено значительное скопление костей мамонта, что привлекло внимание исследователя. 16 июня вместе с 8

¹Поляков И. С. Указ. соч. С. 140.

²Там же. С. 9–10.

нанятыми рабочими И. С. Поляков приступил к раскопкам. Учёный заложил первый шурф. Вначале снят чернозём мощностью от 1,15 до 1,4 м, в этом слое встречались кремнёвые осколки, а также обломки глиняной посуды. На границе с чернозёмом, в глине были обнаружены типичные кремнёвые осколки каменного века вместе с золой, осколками коренных зубов и лопаткой мамонта¹.

На следующий день группа И. С. Полякова раскопала остальную территорию, отведенную под омшаник. Чернозёмный слой содержал кремнёвые орудия. После шли суглинки, где помимо каменных изделий имелись кости мамонта. При этом учёный отмечал: в местах скоплений костяных материалов обнаруживались кремнёвые артефакты. К этому наблюдению добавлялось ещё одно: в некоторых шурфах находки концентрировались в скоплениях золы и перегорелых камней. В одном из них нашлись часть тазовой кости мамонта и остатки очага².

В итоге, был заложен и изучен первый шурф размерами 4х3х1,7 м. Он имел форму четырёхугольника. Один из углов был обращен на север, и в нём обнаружилось огромное скопление костей с пеплом и орудиями. В южном углу материал также располагался концентрировано³.

На третий день И. С. Поляков с северо-западной стороны от первого раскопа проложил новый шурф около 4 м в длину и 1,4 м в ширину. Участки отделялись друг от друга 1,4-метровой перемычкой, которая к концу дня была частично прорыта. Был снят чернозём с незначительным количеством кремнёвых отщепов и чешуек. Слой глины дал более богатый материал: в нём обнаруживались кости и орудия. В северо-восточном секторе шурфа выявилось значительное скопление костей. Также исследователь зафиксировал край очага⁴.

¹Поляков И. С. Указ. соч. С. 21–22.

²Там же. С. 21–25.

³Там же.

⁴Там же.

На четвертый день была срыта перегородка между старым и новым шурфами, вырыто большое расширение в северо-западном углу ямы. Здесь наблюдалось наибольшее сосредоточение материала. К концу дня обнаружались фрагменты бивней, коренные зубы, лопаточные кости мамонтов разных возрастов и каменные орудия: скребки, орудия ланцетовидной формы (ножи и наконечники), ашельские топоры. Однако продолжать работы дальше стало невозможно: с одной стороны, находился старый омшаник, а с другой – рига. Тогда И. С. Поляков решил проверить сообщение о большой массе костей, обнаруженной крестьянином А. Г. Фокиным на своем дворе при рытье погреба. На этом месте, находившемся на расстоянии примерно в 107–128 м от второго шурфа, был заложен третий. Он имел около 4 м в длину, 1 м в ширину и 1,5 м в глубину. В слое между чернозёмом и глиной Иван Семенович обнаружил кремнёвые отщепы (5 предметов), фрагменты перегоревших костей, а также мелкие осколки от коренных зубов мамонта. Массового скопления материала исследователем найдено не было¹.

После раскопок шурфа во дворе крестьянина А. Г. Фокина до Ивана Семеновича дошли сведения об обнаруженных во дворе крестьянина Г. Шаева костях мамонта. Их нашли также при рытье погреба. На месте их обнаружения, располагавшемся в 420-430 м к северо-востоку от первого шурфа, исследователь заложил четвёртый. Там И. С. Поляков добыл каменные изделия и крупное скопление трубчатых костей. Материал находился примерно на такой же глубине, как и в предыдущих шурфах. Кости не были расколоты. На некоторых Иван Семенович отмечал следы зубов небольших хищников, подобных хорьку. Однако следов «пепелищ» (зола и угля) обнаружено не было². В дальнейшем, этот последний раскоп

¹Поляков И. С. Указ. соч. С. 26, 27, 30.

²Там же. С. 30.

Ивана Семеновича был идентифицирован М. В. Аниковичем с верхнепалеолитической стоянкой Костёнки 18¹.

В итоге были раскопаны 4 шурфа, указывающие на следы проживания на территории Костёнок верхнепалеолитических людей. Исследователю удалось собрать богатую, в объёме 9 ящичков коллекцию предметов периода верхнего палеолита. Согласно его классификации, каменные орудия включали следующие формы: «коническое ядро» (нуклеус), наконечники, ножи-ланцеты, скребки (Рис. 4, 5 и 6)².

Среди костяных предметов исследователь выделял следующие типы: лопатки, ребра, трубчатые кости, бивни, зубы. Первых было обнаружено 15 экземпляров. Он отмечал, что 10 из них являлись левыми, соответственно можно говорить об остатках 10 мамонтов. 21 июня коллекцию перевезли в Воронеж, а 23-го - в Санкт-Петербург³.

Открытие и результаты изучения Костёнковской палеолитической стоянки дали возможность И. С. Полякову выстроить собственную концепцию организации быта первобытного человека. В своём отчёте учёный указывал, что люди палеолита жили совместно с мамонтом, составлявшим для него господствующую пищу. Доминирующей формой хозяйственной деятельности была охота, доказательством чего И. С. Поляков считал разбитые трубчатые кости. Исследователь подчёркивал, что шкура и кости мамонта могли применяться первобытными людьми для создания жилищ на открытом воздухе⁴. На представителей мегафауны охотились с помощью копий и лука со стрелами. Для разделки добычи в качестве режущих инструментов использовались скребки и резцы. Также Иваном Семеновичем было выдвинуто предположение о существовании у жителей

¹Аникович М. В. Палеолит Костёнковско-Борщёвского района в контексте верхнего палеолита Европы. С. 17.

²Поляков И. С. Указ. соч. С. 21–43.

³Там же.

⁴Поляков. И. С. Указ. соч. С. 34; Платонова Н. И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX–первая треть XX века. С. 142.

Костёнковской палеолитической стоянки костяных орудий, как у народов крайнего Севера¹.

В конечном итоге, исследователь пришел к выводу, что на территории Костёнок проживали высокоразвитые общества охотников на мамонтов².

И. С. Поляков планировал вернуться к изучению открытой им стоянки. Но его внимание было надолго отвлечено – сначала защитой магистерской диссертации, поступлением на службу в Императорскую академию наук, затем экспедицией на о. Сахалин. Последняя необратимо подорвала его здоровье³. В итоге, спустя 7 лет после неё Иван Семенович умер, так и не сумев продолжить начатое дело⁴.

Оценивая роль работ И. С. Полякова, можно согласиться с мнением А. И. Кельсиева, П. П. Ефименко, С. А. Васильева и Н. И. Платоновой. Во-первых, Ивану Семёновичу удалось получить свидетельства единовременного существования первобытных людей и представителей мегафауны⁵. Во-вторых, им была разработана одна из первых концепций организации быта древних обитателей Среднего Дона⁶. В-третьих, обогатилась типология кремнёвых изделий⁷.

В настоящее время костёнковская коллекция И. С. Полякова хранится в фондах МАЭ РАН под номером 497 как в основном, так и вспомогательном фондах. В первой группе содержится 117 предметов, во второй – 297. Таким образом, всего коллекция включает 414 экземпляров.

В результате изучения автором диссертации коллекции И. С. Полякова установлены следующие её характеристики. Основным материалом для орудий являлся чёрный меловой кремний; лишь два предмета были

¹Поляков И. С. Указ. соч. С. 32–40.

²Там же. С. 34.

³Аникович М. В. Палеолит Костёнковско-Борщёвского района в контексте верхнего палеолита Европы. С. 17.

⁴Клейн Л. С. История российской археологии. Учения, школы и личности. Том 1. СПб. 2014. С. 500–502.

⁵Поляков И. С. Указ. соч. С. 41.

⁶Кельсиев А. И. Палеолитические кухонные остатки в с. Костёнках Воронежского уезда. С. 174.

⁷Васильев С. А. Указ. соч. С. 16.

изготовлены из коричневого. Кремни коллекции патинизированные, и лишь на некоторых наблюдался естественный цвет. 47 предметов покрыла корка. В число продуктов первичной обработки входят пренуклеус и нуклеусы (3 предмета). Последние двухплощадочные, изготовлены из желваков. Заготовки следующие: пластины, пластинки и микропластинки, их фрагменты и отщепы. Для их обработки и формирования орудий применялись различные приёмы: ретушь (приостряющая, притупливающая), формирование резцового скола¹.

Уникальным предметом в коллекции И. С. Полякова можно считать изделие, созданное из фрагмента бивня мамонта. Предмет имеет изогнутую форму, округлое сечение, сужающееся к окончанию, острый кончик и проработанное плоское основание. Его длина составляет 84 см, ширина в основании – 24 см. Изделие покрыто трещинами².

В отчете И.С. Полякова было описано одно орудие, относящееся, по мнению учёного, к периоду неолита – наконечник стрелы из темного мелового кремня³. К настоящему времени оно не сохранилось.

Непосредственная работа с коллекцией И. С. Полякова позволила прийти к заключению, что она хорошо вписывается в контекст костёнковско-авдеевской культуры. Здесь имеются свойственные для неё орудия, такие как наконечники с боковой выемкой (10 предметов), острие (1 орудие), ножи костёнковского типа (20 экземпляров), скребки (9 изделий), резцы (23 орудия) и микропластинки с притупленным краем (12 предметов). Учитывая

¹Пахомов Р. В. Коллекция И. С. Полякова как источник по изучению верхнего слоя стоянки Костёнки 1. С. 122–125; Пахомов Р. В. Раскопки И. С. Полякова в Костёнках: причины, ход и результаты. С. 151–153; Пахомов Р. В. Сравнительный анализ костёнковских коллекций И. С. Полякова и А. И. Кельсиева. Предварительные итоги. С. 16–19.

²Пахомов Р. В. Коллекция И. С. Полякова как источник по изучению верхнего слоя стоянки Костёнки 1. С. 122–125; Пахомов Р. В. Раскопки И. С. Полякова в Костёнках: причины, ход и результаты. С. 151–153; Пахомов Р. В. Сравнительный анализ костёнковских коллекций И. С. Полякова и А. И. Кельсиева. Предварительные итоги. С. 16–19.

³Поляков И. С. Указ. соч. С. 42.

её хорошую сохранность, она может стать ценным объектом для современных технологических и трасологических исследований¹.

Открытие И. С. Полякова не осталось незамеченным. А. С. Уваров упомянул о нём в своей монументальной работе «Археология России. Каменный период»². Трактовка костёнковских материалов активно обсуждалась в научном сообществе. Среди учёных, вступивших в дискуссию по этому вопросу, был коллега И. С. Полякова по исследованию Карачаровской стоянки В. В. Докучаев³. Он скептически подошёл к их интерпретации, как к отражению охотничьего характера хозяйственной деятельности первобытных людей. На основе сравнения карачаровских и костёнковских находок Василием Васильевичем была выдвинута собственная концепция. Она гласила, что единственными орудиями, которые были в арсенале первобытного человека были сук от дерева, гальки, куски кремня, собственные пальцы и кулак; с таким набором охота не представлялась возможной; основным видом хозяйственной деятельности для древних людей являлось собирательство⁴. Подобные идеи выдвигал и второй исследователь Костёнковской палеолитической стоянки А. И. Кельсиев, о результатах работ которого речь пойдёт в следующем параграфе.

¹Пахомов Р. В. Раскопки И. С. Полякова в Костёнках: причины, ход и результаты. С. 151–153; Пахомов Р. В. Сравнительный анализ костёнковских коллекций И. С. Полякова и А. И. Кельсиева. Предварительные итоги. С. С. 16–19.

²Уваров А. С. Указ. соч. С. 147.

³Василий Васильевич Докучаев – выдающийся учёный-естествоиспытатель, известный геолог и почвовед, основатель русской школы научного почвоведения и географии почв. Создал учение о почве как о самостоятельно природном теле, открыл основные закономерности зарождения и распространения почв. По приглашению графа А.А. Уварова принял участие в раскопках Карачаровской стоянки в 1878 г. Подробнее см.: Бараков П. Ф. Василий Васильевич Докучаев: Биографический очерк // Ежегодник по геологии и минералогии России. – 1904. – Т. 7. – Вып. 1. – С. 3-9; Русакова Е. А. Василий Докучаев: масштаб личности (к 175-летию В. В. Докучаева) // Бюллетень Почвенного института им. В. В. Докучаева. — 2021. – Спецвыпуск №1. – С. 84–155.

⁴Докучаев В. В. Рецензия на книгу А. С. Уварова «Археология России. 1. Каменный период» // Труды Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей, 1882. Т. XIII. Вып. 1. С. 4–7.

1.3. Раскопки А. И. Кельсиева на Костёнковской палеолитической стоянке в рамках экспедиции в Южную Россию

Результаты раскопок, полученные И. С. Поляковым на Костёнковской палеолитической стоянке, как мы писали выше, вызвали активную дискуссию в научном сообществе. Поскольку мнения разделились, стало очевидно, что требуется продолжение работ на данном памятнике для верификации сделанных им выводов. Выбор пал на уже известного к тому времени специалиста по доисторическим древностям, члена МАО Александра Ивановича Кельсиева, которому А. С. Уваров и поручил возобновить изучение Костёнок.

Прежде чем охарактеризовать итоги этих исследований, считаем необходимым уделить внимание биографии А. И. Кельсиева, так как вплоть до настоящего времени в научной литературе имелись лишь отрывочные сведения о нём, базирующиеся на опубликованных источниках. К их числу относятся: мемуары, статьи в энциклопедических изданиях, речи, произнесенных у гроба Александра Ивановича, и некрологи¹. Плодотворные результаты принесла начатая работа по выявлению и изучению эпистолярного наследия учёного. Так, исследователем Я. Е. Смирновым выявлены любопытные эпизоды из жизни А. И. Кельсиева в процессе изучения собрания его писем ростовскому купцу и историку-краеведу А. А. Титову².

Целенаправленный поиск информации, произведённый автором диссертации, позволил дополнить источниковую базу новыми архивными документами и представить наиболее полную на сегодняшний день биографию А. И. Кельсиева.

¹Барсов Е. В. Речь пред гробом А. И. Кельсиева // Современные известия. – 1886. – № 18. – С. 2; Богданов А. П. Воспоминания об умерших деятелях и сотрудниках Общества Любителей Естествознания по устройству антропологической выставки. Стб. 31–32; Титов А. А. Ростов-Великий, 3 января 1886 // Ярославские губернские ведомости. – 1886. – №3. – С. 3–4.

²Смирнов Я. Е. Указ. соч. С. 130–228.

К настоящему времени выявлено 13 писем из фонда №100 Политехнического музея (ПМ), 9 – фонда №17 Государственного исторического музея (ГИМ), 2 – №440 ГИМ, 4 – №450 ГИМ. В ПМ документы, связанные с деятельностью А. И. Кельсиева, охватывают отрезок времени с 1872 по 1886 гг.¹. Самый ранний из них – отношение Н. К. Зенгера в хозяйственную комиссию Комитета Политехнической выставки (№ 13 от 31 марта 1872 г.) – проливает свет на работу А. И. Кельсиева при Н. К. Зенгере во время подготовки Политехнической выставки 1872 г.².

Остальные 12 писем относятся к периоду с 1880 по 1884 гг. и характеризуют различные стороны деятельности А. И. Кельсиева как хранителя учебного отдела Политехнического музея. Начнем с перечисления этих документов: 1. Письмо генерального комиссара Всероссийской промышленно-художественной выставки 1882 г. А. Б. Бера от 16 ноября 1882 г.³. 2. Письмо члена харьковского отделения Императорского Русского технического общества И. Фесенина⁴. 3. Письмо правителя канцелярии попечителя Московского учебного округа от 27 сентября 1882 г.⁵. 4. Письмо директора Учительского института Московского округа Министерства народного просвещения А. Ф. Малинина в правление Политехнического музея от 19 января 1884 г.⁶. 5. Письмо А. И. Кельсиева Г.Е. Щуровскому от 8 декабря 1883 г.⁷. 6. Письмо сопроводительное Г. Е. Щуровского Дмитрию Алексеевичу Наумову к письму и списку учёных заслуг от 14 декабря 1883 г.⁸. 7. Записка А. И. Кельсиева, приложенная к письму Г. Е. Щуровскому от 8 декабря 1883 г. (список научных заслуг)⁹. 8. Описание коллекций, собранных

¹Тексты писем и документов А. И. Кельсиева из фонда ПМ приведены в Приложении №1.

²ПМ. Ф. 100. Оп. 2. Д. 16540. №73.

³ПМ. Ф. 100. Оп. 2. Д. 16513. №30.

⁴ПМ. Ф. 100. Оп. 2. Д. 16513. №82.

⁵ПМ. Ф. 100. Оп. 2. Д. 16513. №167.

⁶ПМ. Ф. 100. Оп. 2. Д. 16514. №1.

⁷ПМ. Ф. 100. Оп. 2. Д. 16514. №2.

⁸ПМ. Ф. 100. Оп. 2. Д. 16514. №3.

⁹ПМ. Ф. 100. Оп. 2. Д. 16514. №4. Л. 1–5об.

А. И. Кельсиевым во время экспедиции в Восточную Болгарию и Румынию¹. 9. Описание коллекции детских игрушек². 10. Письмо Александра Николаевича Величкова, титулярного советника, письмоводителя гимназии, зав. Политехнического музея о направлении в музей списка вещей, сделанных из бумаги его 12-летним сыном Павлом³. 11. Ответ А. И. Кельсиева на письмо А. Н. Величкова⁴. 12. Письмо Екатерины Михайловны Кельсиевой в правление Политехнического музея от 16 октября 1886 г.⁵.

В фонде № 17 (Фонд А. С. Уварова) ГИМ обнаружено 9 писем. Все они адресованы А. С. Уварову и представляют собой своеобразные отчёты о ходе экспедиции А. И. Кельсиева в Южную Россию⁶. В них автор отражает суть исследований, описывает материал и приводит свои суждения по поводу обнаруженных находок. Благодаря этому представляется возможность реконструировать маршрут и проследить ход полевых работ экспедиции. Попутно отметим, что привезенные из этой экспедиции материалы (верхнепалеолитическая коллекция с Костёнковской стоянки и средневековые каменные изваяния) в настоящее время распределены между двумя учреждениями: ГИМ и МАЭ РАН (Кунсткамерой). С верхнепалеолитическими артефактами автор познакомился лично.

Фонды №440 (Фонд И. Е. Забелина) и №450 (Фонд Е. И. Барсова) содержат письма А. И. Кельсиева о работе в качестве секретаря ОЛЕАЭ при Комитете Антропологической выставки и сотрудника Российского исторического музея⁷.

В результате изучения вышеперечисленных документов были выявлены важные сведения для написания биографии А. И. Кельсиева и

¹ПМ. Ф. 100. Оп. 2. Д. 16514. №4. Л. 6–8об.

²Там же. Л. 9.

³ПМ. Ф. 100. Оп. 2. Д. 16531. №75.

⁴Там же.

⁵ПМ. Ф. 100. Оп. 2. Д. 16549. №22.

⁶ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 341. Л. 129–149; Тексты писем А. И. Кельсиева к А. С. Уварову приведены в Приложении №2.

⁷ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Ед. хр. 55. Л. 89–93об; ОПИ ГИМ. Ф. 450. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 79–88.

характеристики его разносторонней музейной деятельности (исследовательской (археологической, этнографической, археографической), фондовой, выставочной (участие в организации Антропологической 1879 г., Всероссийской художественно-промышленной 1882 г. выставок), учебно-просветительской (проведение воскресных лекций и народных чтений) и коммуникативной (сотрудничество с ОЛЕАЭ, РТО, ОРТЗ, МАО, канцелярией Московского учебного округа, Учительским институтом Московского округа Министерства народного просвещения и др.).

Ниже результаты нашей источниковедческой работы обобщены в биографическом очерке А. И. Кельсиева, здесь же лишь укажем, что в письмах отражена наиболее важная в рамках данного исследования информация об археологическом изучении им разновременных памятников и анализе древностей.

На основании уже введенных в научный оборот и полученных лично автором источников составлена излагаемая ниже научная биография Александра Ивановича Кельсиева.

О раннем периоде его жизни информацию пришлось буквально собирать по крупицам. Удалось установить, что он родился в 1846 г. в семье коллежского асессора, старшего помощника пакгаузского надзирателя Санкт-Петербургской таможни Ивана Ивановича Кельсиева и жены его Ольги Ивановны (урожденной Желудковой). У него было две сестры – Мария и Анна и два старших брата – Василий и Иван. Александр Иванович был младшим сыном у родителей и, в силу разрыва в возрасте, мало общался в детстве со своими братьями. Последние вошли в историю как видные деятели народнического движения. Именно это помогло уточнить, из какой среды вышел Александр Иванович¹.

В сохранившихся документах самого А. И. Кельсиева сведений о его происхождении практически нет. Правда, в «Записке об основаниях

¹ПМ. Ф. 100. Оп. 2. Д. 16514. № 4. Л. 1; Пахомов Р. В. А. И. Кельсиев – археолог, этнограф и музейный деятель (по материалам фонда 100 Политехнического музея). С. 144.

деятельности...» историко-этнографического музея в г. Ростове он вскользь упомянул своих ростовских предков. Можно предположить, что речь идет о достаточно отдаленных предках, которые были ему хорошо известны, либо о родне по матери. Отец – Иван Иванович – родился уже в Санкт-Петербурге¹.

О предках Кельсиевых сохранились противоречивые сведения. Одни свидетельства указывают, что род вел начало от мордовских аульских князей, принявших во время правления Екатерины II подданство России. Упоминалось даже имя предка, сделавшего этот шаг – князь Ютмек Кельсий. По другим данным, род происходил с Кавказа, однако из-за отсутствия документальных подтверждений, право на княжеский титул было утрачено. М. Клевенский подверг сомнению дворянский статус Кельсиевых, поскольку, по некоторым сведениям, дед Василия, Ивана и Александра являлся канцелярским служителем в Шацке Рязанской губернии. В то же время П. И. Мельников называл его священником. Отец Александра Ивановича благодаря своей службе имел статус личного дворянина².

Обстановку в доме, где воспитывался А. И. Кельсиев, частично позволяют прояснить мемуары его старшего брата Василия. Из них следует, что отец почти всё время проводил на службе, мать – в хозяйственных заботах. Однако братьям была доступна довольно богатая отцовская библиотека, включавшая как художественные, так и исторические произведения³.

Образование и дальнейшее воспитание А. И. Кельсиев получил в Константиновском межевом институте, блестяще окончив его в звании инженера. Там он приобрёл солидные знания по топографии и геодезии, которые успешно реализовал в ходе своих антропологических и

¹Кельсиев А. И. Записка об основаниях деятельности и проект устава Историко-этнографического музея в г. Ростове Ярославской губернии – Москва: Русская типо-литография, 1884. – С. 1–12; Пахомов Р. В. А. И. Кельсиев – археолог, этнограф и музейный деятель (по материалам фонда 100 Политехнического музея). С. 145.

²Пахомов Р. В. А. И. Кельсиев – археолог, этнограф и музейный деятель (по материалам фонда 100 Политехнического музея). С. 145–146.

³Кельсиев В. И. Пережитое и передуманное. – Санкт-Петербург: Печатня В. Головина, 1868. – С. 250–252.

археологических исследований. Александр Иванович постоянно занимался самообразованием. Талант к освоению новых навыков и неимоверная тяга к творчеству признавались многими его коллегами¹.

Свою профессиональную и научную деятельность А. И. Кельсиев начал во время подготовки Политехнической выставки в звании помощника «по экспонентским делам» при Н. К. Зенгере, секретаре ОЛЕАЭ². Это мероприятие стало значимым событием в отечественной науке XIX в. Её организатором выступило ОЛЕАЭ. Оно смогло собрать свыше 10 тысяч российских и около 2 тысяч иностранных экспонатов, отразивших достижения в промышленности, сельском хозяйстве, транспорте, военном деле, науки, техники и культуры. На их основе, в дальнейшем, были сформированы фонды и экспозиция ПМ. Выставка, состоявшаяся 30 мая 1872 г., стала успешной попыткой объединить торгово-промышленный смотр с юбилейным показом достижений российской государственности, превратив их во всеобъемлющее научно-образовательное мероприятие³. Кроме того, она дала путёвку в жизнь многим исследователям 1870–1880 гг.

За свою работу в канцелярии Александр Иванович получил вознаграждение в 20 рублей. Отметим, что одними канцелярскими обязанностями деятельность Александра Ивановича не ограничивалась. Он активно участвовал в организации отделений выставки, за что его отметили большой серебряной медалью ОЛЕАЭ⁴.

Далее, с июня 1872 до 1874 г., он работал преподавателем и воспитателем в различных учебных заведениях Москвы. От каждого из этих учреждений в ПМ поступили одобрительные отзывы, поэтому можно сделать

¹Смирнов Я. Е. Указ. соч. С. 132; Пахомов Р. В. А. И. Кельсиев – археолог, этнограф и музейный деятель (по материалам фонда 100 Политехнического музея). С. 146–147.

²ПМ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 16540. №73; Смирнов Я. Е. Указ. соч. С. 133; Пахомов Р. В. А. И. Кельсиев – археолог, этнограф и музейный деятель (по материалам фонда 100 Политехнического музея). С. 147, 149, 150.

³Плешакова О. Д. Книжные знаки в собрании Политехнической библиотеки. Книга I. – Москва: Политехнический музей, 2015. – С. 27.

⁴ПМ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 16540. №73; ПМ. Ф. 100. Оп. 2. Д. 16514. №4. Л. 1.

вывод, что и в этом направлении деятельность Александра Ивановича была успешной¹.

В период с 1874 по 1875 гг. исследователь находился в путешествии (на собственные средства) по Германии и Франции с целью осмотра научных и художественных коллекций и учреждений. С осени следующего года он возобновил работу в ОЛЕАЭ. Находчивость, кругозор и работоспособность А. И. Кельсиева обратили на себя внимание главных организаторов выставки. В связи с этим, вскоре, при покровительстве Н. К. Зенгера, его зачислили на должность хранителя учебного отдела ПМ при годичном содержании в 1000 рублей. В этой должности он и оставался до 1883 г. включительно².

ПМ немало обязан Александру Ивановичу. Благодаря ему для хранения коллекций были изготовлены 3 новых стола, 7 витрин, 12 шкафов. Пространство расширилось для размещения предметов в 3 раза. К 1883 г. были составлены систематические каталоги картин для библиотеки отдела, а списки собранных изделий переработаны. В итоге, А. И. Кельсiev выстроил работу отдела вполне успешно. Именно благодаря трудам Александра Ивановича фонды учебного отдела ПМ неуклонно пополнялись, несмотря на отсутствие регулярных средств³.

Судя по сохранившимся документам, с 9 ноября 1878 г. хранитель учебного отдела ПМ активно сотрудничал с Московской комиссией народных чтений и участвовал во многих её инициативах, в частности, в организации публичных лекций и детских праздников, за что получал письменные благодарности⁴. Также он поддерживал связи с Строгановским

¹ПМ. Ф. 100. Оп. 2. Д. 16514. №4. Л. 1–2; Пахомов Р. В. А. И. Кельсiev – археолог, этнограф и музейный деятель (по материалам фонда 100 Политехнического музея). С. 153.

²ПМ. Ф. 100. Оп. 2. Д. 16514. №4. Л. 1–2; ОПИ ГИМ. Ф. 450. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 79, 82–83, 84; Пахомов Р. В. А. И. Кельсiev – археолог, этнограф и музейный деятель (по материалам фонда 100 Политехнического музея). С. 153.

³Там же.

⁴ПМ. Ф. 100. Оп. 2. Д. 16514. №4. Л. 3, 4; ОПИ ГИМ. Ф. 450. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 150.

училищем технического рисования¹, Императорским Русским техническим обществом (РТО)², канцелярией Московского учебного округа³, Учительским институтом⁴, Комитетом по разбору просящих милостыню и Российским историческим музеем. Благодаря Александру Ивановичу сотрудничество приобрело плодотворный характер, что высоко оценил директор Строгановского училища технического рисования в Москве В. И. Бутовский: «... Покуда я чувствую себя в совершенном уме и памяти, считаю долгом моим указать, что по кончине моей, по моему убеждению, Директором Строгановского училища ... мог бы быть генерал-майор Е. В. Богданович; но если он не пойдёт, то служащий в Политехническом музее Александр Иванович Кельсиев. Этот молодой человек на месте Директора училища принесёт несомненную пользу всему государству...»⁵.

Помимо всего перечисленного, у хранителя имелось немало других обязанностей, которые он ответственно исполнял. Александр Иванович дежурил в отделе 4 раза в неделю, регулярно посещал заседания правления и комитета Музея, участвовал в воскресных выступлениях по ознакомлению публики с предметами из фондов. Последнее подтверждается подготовленным им документом под названием: «Таблицы учебного отдела, изображающие небесные светила и системы для первоначального ознакомления с устройством Солнечной системы». Эти «Таблицы...» представляют собой описание астрономической коллекции, состоящей из глобуса, механизма по изучению сплющивания земного шара, астрономических таблиц (фазы Луны, поверхность Солнца, вид лунного рельефа, планеты), модели Везувия. С их помощью подробно описывалось устройство Солнечной системы. За 6 лет А.И. Кельсиевым было зачитано 16 подобных сообщений, посвященных различным коллекциям музея⁶.

¹ПМ. Ф. 100. Оп. 2. Д. 16513. №30. Л. 1, 1об, 2.

²ПМ. Ф. 100. Оп. 2. Д. 16513. № 82.

³ПМ. Ф. 100. Оп. 2. Д. 16513. №167.

⁴ПМ. Ф. 100. Оп. 2. Д. 16514. №1. Л. 1, 1об.

⁵Аникович М. В. Человек и мамонт в Восточной Европе: подходы и гипотезы. С. 105.

⁶ПМ. Ф. 100. Оп. 2. Д. 16514. №4. Л. 2об, 3об, 17–21об.

Ещё в феврале 1877 г. хранитель учебного отдела стал действительным членом ОЛЕАЭ. К тому моменту началась организация Антропологической выставки, направленной на представление общественности отечественных и зарубежных достижений в областях антропологии, археологии и этнографии. Предстояло собрать материалы для формирования отделов, эффективно организовать их работу. Этим и занялся Александр Иванович. С мая 1877 г. в течение двух с половиной лет он как член Комитета по организации Антропологической выставки совершил три экспедиции по России, в ходе которых были собраны крупные коллекции¹.

Маршрут первой экспедиции охватывал северные пределы России – побережье Белого моря, где в 1876 г. шведский путешественник Г. Г. Сандберг в окрестностях с. Золотицы на песчаном берегу нашел множество кремнёвых осколков и несколько «стрелок». Первооткрыватель предположил, что там в период каменного века находилось место производства каменных орудий, откуда они могли распространяться по всему берегу севера России. Вскоре начальник Архангельского порта, князь Л. А. Ухтомский, обратился к Обществу любителей естествознания с просьбой провести раскопки в районе, и в 1877 г. оно организовало на Русский Север экспедицию во главе с Н. К. Зенгером и А. И. Кельсиевым. Целью их поездки являлся сбор образцов каменных орудий, попадающихся на Зимнем берегу. По заверениям Александра Ивановича, на отмели были обнаружены наконечники и множество кремнёвых осколков неправильной формы, возникших в результате «обтески кремня при фабрикации орудий»². Н. К. Зенгер, помимо них, выделял в качестве типов каменных предметов также пилки и ножи. Орудия и отходы производства формировали массовые скопления («гнезда»). Однако цельные экземпляры попадались крайне редко.

¹ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Ед. хр. 55. Л. 89–89об, 92–93об; Пахомов Р. В. А. И. Кельсиев – археолог, этнограф и музейный деятель (по материалам фонда 100 Политехнического музея). С. 154.

²Анучин Д.А. Указ. соч. С. 6; Пахомов Р. В. Роль А. И. Кельсиева в организации антропологической выставки 1879 г. С. 150.

По сообщению А. И. Кельсиева, даже фрагменты орудий встречались не часто¹. Кроме Зимнего берега исследователи посетили с. Золотица. Данная поездка позволила обогатить формирующуюся археологическую коллекцию ПМ новыми экземплярами. Немалую роль в ее пополнении сыграли пожертвования Г. Г. Сандберга, совершившего вторую поездку в эти места. В конечном итоге, А. И. Кельсиевым, Н. К. Зенгером и Г. Г. Сандбергом были сформированы три коллекции каменных орудий. Первая включала в себя 156 предметов. Александр Иванович выделял следующие их типы: наконечники, «стрелки», скребки, «голыши» и осколки. Н. К. Зенгером было собрано 139 экземпляров. Их он подразделял на наконечники копий и стрел, скребки «голыши», изображение рыбы или тюленя, а также осколки. Коллекция Г. Г. Сандберга включала 77 предметов различных типов: наконечники копий и стрел, кривые ножи, скребки различной формы. Полученный материал дал возможность исследователям говорить, что на территории близ с. Золотицы действительно находилось место, предназначенное для изготовления каменных изделий. Учитывая объем находок Н. К. Зенгер добавлял, что производство было масштабным. В 1878 г. коллекции были перевезены исследователями в Москву. Там они стали частью экспозиции отдела доисторических древностей Антропологической выставки².

Экспедиция на берег Белого моря имела для А. И. Кельсиева важное значение. Она позволила расширить его знания в области каменного века, сформировать первые наработки для собственной типологии кремнёвых орудий.

Со второй экспедицией он отправился в Ярославскую губернию. В Угличском уезде Александром Ивановичем были проведены раскопки близ дер. Кирьяновой и Вороново, в результате которых удалось получить значительную коллекцию предметов XI в. (более 138 находок). Куда меньшая коллекция (26 предметов) была сформирована в Ярославском уезде близ

¹Анучин Д.А. Указ. соч. С. 6.; Пахомов Р. В. Роль А. И. Кельсиева в организации антропологической выставки 1879 г. С. 150.

²Там же.

деревни Большое Тимерево, но в её составе была уникальная серебряная монета X в.¹.

Третью экспедицию Александр Иванович организовал в Тверскую губернию, где провел раскопки курганов у дер. Заборье Корчевского уезда. Оттуда в музей он привёз провололочные кольца, пряжки, ожерелья, бляшки, глиняные сосуды².

Помимо экспедиций по изучению памятников России А. И. Кельсиев осуществил поездку в Восточную Болгарию и Румынию с целью собрать коллекцию бытовых предметов турок и славянских народов, проживавших на Балканах. В результате исследователь обнаружил каменный топор периода каменного века, изучил захоронения разных народов (болгар, греков, армян, евреев, цыган) и древние пещеры, раздобыл при посредстве сливецкого митрополита Серафима 204 черепа, собрал небольшую коллекцию фотографий жителей полуострова, а также установил связи с Константинопольской медицинской школой³.

Все добытые в ходе экспедиций предметы вошли в состав экспозиции отдела доисторических древностей, фотографического и этнографического отделов Антропологической выставки. Отличительной её особенностью стало наличие рядом с демонстрируемыми предметами наглядных рисунков, указывающих на положение отдельных вещей и обнаруженных костяков с подробными пояснениями по использованию и назначению находок⁴.

Аккуратная фиксация материалов являлась для А. И. Кельсиева важной составляющей при изучении археологических памятников. Эта характерная черта проявила себя и при исследовании учёным Костёнковской палеолитической стоянки.

Помимо археологических Александром Ивановичем собирались и антропологические коллекции. Во время раскопок Кирьяновских,

¹Анучин Д. А. Указ. соч. С. 13–14.

²Там же. С. 13–14.

³ПМ. Ф. 100. Оп. 2. Д. 16514. №4. Л. 6–8.

⁴Анучин Д. А. Указ. соч. С. 13–14.

Вороновских, Тримыньских и Тимеревских курганов исследователь обнаружил 44 черепа и 17 костяков. Эти материалы, кроме 9 черепов, найденных близ дер. Кирьяново, вошли в состав экспозиции краниологического собрания Антропологической выставки¹.

На А. И. Кельсиеве всецело лежала работа по подготовке Этнографического отдела Антропологической выставки, включая сбор и экспонирование манекенов, бюстов, моделей раскопов. За свои труды учёный получил председательский жетон².

Важным достижением Александра Ивановича стало устройство научно-учебной группы Всероссийской художественно-промышленной выставки 1882 г. За это он удостоился от министра финансов Н. Х. Бунге денежной награды. Кроме того, за выставленное им пособие по древней истории Александр Иванович получил диплом второго разряда, соответствующий серебряной медали³.

Записка от 8 декабря 1883 г. позволяет проследить связи А. И. Кельсиева с различными научными обществами. Согласно ей, 8 марта 1878 г. учёный был избран в члены-корреспонденты МАО. Уже после окончания Антропологической выставки в 1881 г. на успехи Александра Ивановича обратил внимание председатель этого общества и правления РИМ А. С. Уваров. Отметив потенциал молодого человека, он дал ему, как члену-корреспонденту МАО, поручение провести исследования в южных губерниях России в целях изучения, выявления и сбора материалов для формирования фондов РИМ. В итоге, Александр Иванович осуществил экспедицию в южную Россию⁴, в ходе которой провёл раскопки на Костёнковской

¹Богданов А. П. Воспоминания об умерших деятелях о сотрудниках Общества Любителей Естествознания по устройству антропологической выставки. Стб. 8; Пахомов Р. В. Роль А. И. Кельсиева в организации антропологической выставки 1879 г. С. 150–151.

²ПМ. Ф. 100. Оп. 2. Д. 16514. №4. Л. 3об, 4; Богданов А. П. Воспоминания об умерших деятелях о сотрудниках Общества Любителей Естествознания по устройству антропологической выставки. Стб. 31–32.

³ПМ. Ф. 100. Оп. 2. Д. 16514. № 4. Л. 4об.

⁴Там же. Л. 4.

палеолитической стоянке и изучил 33 «каменные бабы», обнаруженные в Екатеринославской и Кубанской областях¹.

Исходя из имеющихся в нашем распоряжении источников можно выделить следующие этапы экспедиции 1881 г.:

9–17 августа – исследования Костёнковской палеолитической стоянки;

18–22 августа – поиск каменных баб в Харьковской губернии;

23–31 августа – работы в Екатеринославской губернии;

1–12 сентября – раскопки курганной группы древнерусского времени у с. Спасское;

13 сентября – 1 октября – изучение каменных изваяний в Терской губернии, Области Войска Донского и на побережье Азовского моря.

Все события, связанные с раскопками Костёнковской палеолитической стоянки, будут детально рассмотрены ниже.

После окончания работ в Костёнках А. И. Кельсиев отправился через Острогожск и Белгород в Харьковскую губернию. Там он рассчитывал собрать коллекцию каменных баб. Для осуществления своей цели исследователь объездил города и деревни Харьковского, Вольновского и Екатеринославского уездов. В ходе поездки учёный опрашивал местных жителей, навёл справки в музеях и университетах. Однако поиски каменных баб в Харьковской губернии потерпели неудачу. Из 29 возможных для пополнения коллекции каменных изваяний учёным было зафиксировано всего 6 годных. Однако они находились в ведении Музея Харьковского университета. Остальные статуи оказались разбиты или утратили все отличительные черты. В итоге, 23 августа Александру Ивановичу пришлось уезжать из Харьковской губернии ни с чем².

¹Кельсиев А. И. Палеолитические кухонные остатки в с. Костёнках Воронежского уезда. С. 154–180; Кельсиев А. И. О каменных бабах. С. 76–80; Пахомов Р.В. Экспедиция А.И. Кельсиева в Южную Россию 1881 г. (по материалам фондов Государственного исторического музея). С. 148–156.

²ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. №341. Л. 142об., 145, 145об.

Дальнейшие изыскания привели А. И. Кельсиева в Екатеринославскую губернию, о чём нам сообщает письмо от 31 августа. С 23 по 30 августа он провёл тщательное обследование региона. Вместе со своим помощником он осмотрел 15 сёл и деревень¹. В итоге, удалось обнаружить 150 каменных изваяний. Однако большая их часть находилась в разбитом состоянии². Для музея А. И. Кельсиев отобрал всего 10: 4 женские статуи, 3 – мужские и 3 гермы. Последние изделия представляли собой творения крестьян Бахмутского уезда³. Добытый материал был перевезён в Москву.

Покончив с делами в Бахмутском уезде, Александр Иванович решил отвлечься от поиска каменных баб и направить свои силы на изучение древних погребений в Новомосковском уезде. С 1 по 12 сентября 1881 г. он провёл раскопки могильника в окрестностях с. Спасское, чему посвящены два письма из фонда А. С. Уварова. Согласно им, он состоял из одного большого (диаметром 25,6 м) и 5 маленьких курганов. Для их изучения каждый объект был поделён на две половины, которые раскапывались поочередно: сначала левая сторона и только потом правая. После того, как 1/3 кургана была снята, поверхность зачищалась. В дальнейшем проходило снятие остальной части памятника до погребальной ямы. Для этого участок также делился на две части и копался по такому же принципу, что и первая треть. После шло изучение могильной ямы. В результате были выявлены захоронения, содержавшие костяки и скудный погребальный инвентарь. Конкретных деталей относительно найденного в своих письмах Александр Иванович не привёл, однако сделал весьма важное замечание: найденные им находки идентичны материалам, обнаруженным Н. Д. Чертковым и А. М. Анастасьевым во время изучения древнерусских курганов в Московской губернии⁴.

¹ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. №341. Л. 141, 141об.

²Там же. Л. 141об., 142.

³Там же. Л. 142, 142об.

⁴Там же. Л. 143, 143об., 144, 147.

После завершения раскопок, согласно намеченному плану, А. И. Кельсиев совершил поездку в Новочеркасск Области Войска Донского и Пятигорск Терской губернии. Там он продолжил поиски каменных баб, в чём преуспел, на что указывает письмо от 29 сентября 1881 г. В нём сказано, что в Пятигорске и его окрестностях, благодаря содействию местных властей, исследователь обнаружил 6 экземпляров. Из них для пополнения фондов Императорского Российского исторического музея было отобрано 4. По распоряжению начальника Терской губернии А. П. Свистунова контрагент Кавказских Минеральных Вод А. М. Байков отправил их в Москву¹.

Результаты поисков каменных баб в Южной России А. И. Кельсиев опубликовал в своей работе «О каменных бабах». Согласно ей, всего исследователю удалось разыскать, приобрести и прислать в Москву 33 каменных изваяния. Все встреченные во время экспедиции фигуры были зарисованы, а места их обнаружения зафиксированы на планах. Из сотен рисунков А. И. Кельсиев и его помощник Н. Н. Гарденин составили альбом. В дополнение, Александр Иванович привёл описание обнаруженных материалов². Каменные бабы изображали мужчин и женщин. Различия между ними, как указывал исследователь, заключались в головных уборах, одежде, украшениях и причёсках³. Детальное исследование внешних очертаний каменных статуй позволило Александру Ивановичу прийти к некоторым выводам. Относительно их предназначения он указал, что они создавались в память об умерших. Что касается вопроса происхождения каменных баб, то А. И. Кельсиев приписывал их гуннам, готам, половцам и ногайцам⁴.

В настоящее время коллекция каменных баб, сформированная А. И. Кельсиевым, хранится в фондах Отдела археологии ГИМ. Значительное число находок размещено в экспозиции музея. На сегодня удалось

¹Кельсиев А. И. О каменных бабах. Л. 148, 149.

²Там же. С. 78.

³Там же. С. 78–79.

⁴Там же. С. 76–77.

установить, что статуи являются половецкими каменными изваяниями, датирующимися временем с XI по XIII вв.

Экспедиция в Южную Россию имела особое значение для отечественной археологической науки. Благодаря ей были получены ценные сведения по памятникам Раннего Средневековья, приобретены ценные материалы для комплектования фондов РИМ.

За успешное проведение экспедиции, а также ряд иных заслуг А. И. Кельсиев 17 февраля 1882 г. был принят в действительные члены МАО. По его заданию Александр Иванович провёл ещё две командировки с научными целями – в 1882 г. для исследования курганов по р. Сити и в 1883 г. для изучения памятников близ дер. Митиной. В ходе них были собраны крупные археологические коллекции¹.

В период с 1878 по 1883 гг. Александр Иванович активно участвовал в разных организационных комиссиях общества и его заседаниях, представляя там свои рефераты по результатам исследований.

Осенью 1883 г. по поручению Императорского МАО А. И. Кельсиев разработал подробную программу занятий и проект Устава церковно-исторического музея Ярославской губернии в г. Ростов. Она была утверждена обществом, а составитель избран в члены Комитета учреждения. Тогда же Александр Иванович стал действительным членом Общества распространения технических знаний (ОРТЗ). В записке указаны научные съезды, в которых он принимал активное участие: два антропологических (Съезд учёных-антропологов в Москве, во время Антропологической выставки 1879 г. и VI Съезд русских естествоиспытателей и врачей в Санкт-Петербурге, 1880 г.), а также V Археологический съезд в Тифлисе 1881 г.².

¹Историческая записка о деятельности Императорского Московского археологического общества за первые 25 лет существования. С. 64–65; Пахомов Р. В. А. И. Кельсиев – археолог, этнограф и музейный деятель (по материалам фонда 100 Политехнического музея). С. 154.

²ПМ. Ф. 100. Оп. 2. Д. 16514. № 4. Л. 4–5.

Помимо участия в археологических и антропологических съездах А. И. Кельсиев формировал собрания бытовых предметов того времени. Так, им был описан ряд игрушек и предметов детского творчества, хранившихся в фондах ПМ¹.

Также А. И. Кельсиев занимался поиском письменных источников по истории России. С ноября 1880 г. он собирал рукописи из пяти московских и двух зарубежных архивов для альбома известного историка искусства В. В. Стасова под названием «Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и Нового времени» с большим атласом. Кроме того, ходатайства А. И. Кельсиева способствовали совершенствованию существовавших тогда пособий по истории, географии и искусству².

Таким образом, Александр Иванович показал себя талантливым учёным и ценным сотрудником ОЛЕАЭ, ПМ и МАО. Однако в 1883 г. произошёл весьма неоднозначный эпизод, напрямую связанный с его работой в музее.

В письме директора учебного отдела Политехнического музея – Александра Федоровича Малинина – непосредственного начальника А. И. Кельсиева, адресованном в Комитет ПМ и хранящемся в архиве под № 48 от 19 января 1884 г., сообщается о переговорах с учебным отделом ОРТЗ, проведенных в декабре 1883 г., для совместной организации специальной комиссии с целью дальнейшего расширения педагогических музейных коллекций. Ведущую роль Александра Ивановича в этом деле подтверждает сам А. Ф. Малинин: «...постоянное сотрудничество г. Кельсиева в настоящее время, при начале деятельности Комиссии оказывается, по моему мнению, особенно необходимым». Однако в том же письме упоминается о сокращении содержания хранителя учебного отдела музея. Хотя, по мнению Александра Федоровича, содержание следовало бы сохранить в прежнем объеме, по крайней мере, на 1884 г.: «В ответ на вопрос, полученный мною

¹ПМ. Ф. 100. Оп. 2. Д. 16514. №4. Л. 9–16об; ПМ. Ф. 100. Оп. 2. Д. 16531. №75. Л. 1–2.

²ПМ. Ф. 100. Оп. 2. Д. 16514. №4. Л. 3, 4об.; Пахомов Р. В. А. И. Кельсиев – археолог, этнограф и музейный деятель (по материалам фонда 100 Политехнического музея). С. 5.

от г. Секретаря Музея, имею честь уведомить Правление, что при обстоятельствах, изложенных в письме хранителя Учебного Отдела г. Кельсиева к г. Председателю Комитета, и в записках об его ученой деятельности, я со своей стороны не вижу повода предлагать ухудшение его положения в Музее...»¹. Таким образом, налицо стремление Комитета ПМ сократить расходы на учебный отдел.

Ещё раньше, 8 декабря 1883 г., сам А. И. Кельсиев, в ответ на действия Комитета ПМ обратился к Григорию Ефимовичу Щуровскому – одному из создателей музея и товарища его почётного председателя в Москве. Отправляя ему список своих научных заслуг, Александр Иванович написал следующее: «Г. директору учебного отдела А. Ф. Малинину и мне также было передано частным образом, что Комитет Политехнического музея предполагает сократить в будущем расходы на Учебный Отдел, имея в виду, главным образом, жалование хранителя отдела. Уменьшение жалования кому-либо после его продолжительной службы есть во всяком учреждении, научном и ненаучном, факт очень редкий, – и Комитет утвердит его, конечно, при достаточных основаниях. С разрешения Вашего превосходительства имею честь представить прилагаемую краткую записку для сведения при обсуждении вопроса. Я заочно готов на всякие жертвы для Музея, если они урегулируются меж всеми служащими. В случае же (если) решение Комитета будет неблагоприятно только для меня, имею честь почтительно просить Вас продлить мою службу при Музее до лета для устройства личных дел и завершения предпринятых трудов по этому»².

Бумаги А. И. Кельсиева были переданы Г. Е. Щуровским в Правление музея для рассмотрения, что подтверждается его письмом от 14 декабря 1883 г., где тот просил Д. А. Наумова прочесть и обсудить их на очередном заседании³.

¹ПМ. Ф. 100. Оп. 2. Д. 16514. №1. Л. 1, 1об.

²Там же.

³ПМ. Ф. 100. Оп. 2. Д. 16514. №2.

Просьба продлить службу при музее до середины 1884 г. выглядит достаточно странно, на фоне вполне успешной предшествующей деятельности. Особенно если учесть, что на момент написания письма жить Александру Ивановичу оставалось всего два года. Как можно предположить, занимаемую им ставку кому-то из хозяйственников очень не терпелось «оптимизировать». Или хуже: зная о каком-то тяжком недуге сотрудника и полагая, что уже скоро он не сможет исполнять свои обязанности должным образом, хозяйственный комитет поторопился сократить ему содержание? С полной достоверностью ответить нельзя. Ясно одно: в результате этих действий учёный попал в очень затруднительное положение, поэтому он был вынужден напомнить о своих заслугах, что позволило ему сохранить свою должность.

Осенью 1885 г. рабочая активность А.И. Кельсиева резко снижается. Несомненно, причиной явилась обострившаяся хроническая болезнь, не оставлявшая надежды на излечение. О последнем свидетельствует его сохранившееся письмо к Е. В. Барсову от 2 мая 1885 г.: «...Сегодня нам утверждают духовное завещание. Один из свидетелей занят и не может приехать. Жена и её отец поручают мне просить Вас, как совершенно постороннего человека не отказать быть у нас сегодня в шесть часов для надписи в качестве свидетеля. Кроме Вас будут ещё трое»¹.

Духовные завещания оформлялись на случай кончины, связанной или с возрастом, или с тяжелым заболеванием. Александру Ивановичу на момент составления завещания было 39 лет. Но, вероятно, он уже осознавал, что конец близок, и решил заранее распорядиться своим имуществом.

Учёный скончался в Москве 30 декабря 1885 г. Представляется уместным завершить очерк о нём словами его многолетнего начальника, основателя российской антропологии А. П. Богданова: «Кельсиев, по свойствам своего характера, не мог замкнуться в определённые рамки одной какой-либо отрасли, и душа его жаждала всё новых впечатлений, стремилась

¹ОПИ ГИМ. Ф. 450. Оп. 1. №17. Ед. хр. 55. Л. 88.

к новым кругозорам. Это был художник в полном смысле слова, со всеми страстными и переменными порывами, свойственными такому характеру...»¹. И этот «художник» стал вторым исследователем Костёнковской палеолитической стоянки.

С чего же начались работы в Костёнках? Согласно письму к А.С. Уварову, Александр Иванович выехал из Москвы 5 августа 1881 г. в Тамбовскую губернию за своим помощником. Вечером 7-го числа он прибыл в Воронеж, где встретился с губернатором. Тот дал исследователю указания относительно каменных баб. Также губернатор сообщил, что рассматривал костёнковские находки 1879 г., видел в их числе большой обломанный рог оленя, о чём Иван Семёнович не упоминал в своей статье². По прибытию в с. Костёнки 9 августа учёный изучил местность, что было непросто из-за продолжающихся дождей. После найма рабочих Александр Иванович заложил рядом с местами работ И. С. Полякова 2 шурфа на глубину около 1,42 м. Всего работало 14 человек, включая исследователя и его помощника. За первый день экспедиции удалось достичь некоторых результатов, о чём сообщил А. И. Кельсиев в следующих строках: «Где ни копаешь, везде на 2 аршина глубины под чернозёмом кухонные остатки с костями мамонта: зола, уголь, грубые кремни, серые и чёрные. Непонятным образом кремнёвые осколки встречаются во всей толще чернозёма рассеянные равномерно. Я не понимаю, что это значит. Начало сделано успе[шно]. Кости все перегнившие, наберу лишь немного образцов»³. Обнаруженный материал дал повод Александру Ивановичу продолжить свои исследования на стоянке. Он писал, что пробудет в Костёнках ещё 6 дней, а по окончании работ составит подробный отчёт⁴.

¹Богданов А. П. Воспоминания об умерших деятелях о сотрудниках Общества Любителей Естествознания по устройству антропологической выставки. Стб. 32.

²ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. №341. Л. 137.

³Там же. Л. 138, 138об.

⁴Там же.

Подробности относительно раскопок в Костёнках Александр Иванович привёл в своей статье 1883 г.¹. Из этого отчёта следует, что в качестве помощника у него был молодой художник Николай Николаевич Гарденин. Он сопровождал учёного на протяжении всей экспедиции в Южную Россию. Немалое содействие А. И. Кельсиеву оказал воронежский губернатор Александр Васильевич Богданович, который помимо ценных указаний о находках И. С. Полякова, прикомандировал к учёному местного станового г. Писемского. Он оказывал всестороннюю поддержку Александру Ивановичу во время закладки шурфов.

Своё исследование Костёнковской палеолитической стоянки Александр Иванович начал с изучения отчетов предшественников – С. Г. Гмелина и И. С. Полякова. В публикации он приводит их краткую характеристику. Экспедицию С. Г. Гмелина А. И. Кельсиев характеризовал как «учёную разведку»². По поводу отчета И. С. Полякова А. И. Кельсиев писал, что он «останется необходимым руководителем для будущих археологов». Кратко описав ход раскопок 1879 г., учёный определил пункты, ставшие ориентиром уже для его работ: устье Покровского оврага; дворы Г. Шаева, А. Г. Фокина и Ф. А. Мануйлова³.

Пребывание А. И. Кельсиева на территории Костёнок продолжалось неделю – с 9 по 17 августа 1881 г. Благодаря расспросам местных жителей ему удалось наметить места будущих раскопок: двор Марии Никоноровны Кудряковой, где при рытье колодца, на глубине 1,42 м (2 аршин) оказался вырыт целый бивень мамонта; территория двора Фокина, вверх по течению ручья, на которой был найден перетлевший бивень и кремь; Аносов овраг. Методом глазомерной съемки Александр Иванович составил планы местности с расположенными на ней дворами и постройками⁴. На них были

¹Кельсиев А. И. Палеолитические кухонные остатки в с. Костёнках Воронежского уезда. С. 154–180.

²Там же. С. 154–155.

³Там же. С. 155–156.

⁴Там же. С. 158–159.

отмечены места исследованных ям (шурфов) (Рис. 7). В дальнейшем, советские учёные (С. Н. Замятнин в 1922 г. и П. П. Ефименко в 1923 г.) выявили места раскопок И. С. Полякова и А. И. Кельсиева в центре села, в Покровском логу, с этого времени именующиеся стоянкой Костёнки 1.

Особое внимание А. И. Кельсиев обратил на дворы Мануйлова и Фокина, располагающиеся на берегу Покровского ручья, где И. С. Поляковым были обнаружены находки¹. В ходе предпринятого обследования были выбраны три наиболее перспективные с его точки зрения участка, на которых он заложил шурфы. К северу от риги Фокина исследователь нашёл несколько кремнёвых осколков и целый зуб мамонта (шурф 3 на плане А. И. Кельсиева: см. Рис. 7). Также несколько кремнёвых осколков соседствовали с плоскодонным кувшином во дворе дьякона Ф. А. Мануйлова (шурф 5 на плане А. И. Кельсиева: см. Рис. 7). А за забором двора А. Азарова палеолитические находки выявлены не были (шурф 7 на плане А. И. Кельсиева: см. Рис. 7)².

Раскопки проводились в том же порядке, что и И. С. Поляковым. По всей территории риги Фокина, где обнаруживались следы пепелища, были заложены небольшие ямы прямоугольной формы, земля в которых снималась послойно с дальнейшим внимательным просмотром на предмет находок; в дальнейшем, они расширялись по мере необходимости. В итоге, было заложено 7 шурфов, в четырех из которых обнаружены кремнёвые и костяные орудия. При этом по принципу залегания находок А. И. Кельсиев подразделил 1, 2, 3 и 4 шурфы на две группы. В первую вошли 1 и 4. В них кости и орудия встречались в западных концах. В восточной части раскопанного участка находки были редкими. Исследователь это объяснял тем, что посередине данных раскопов проходила граница пепелища с обильными находками. Это подтвердили раскопки 2 и 6 шурфов,

¹Кельсиев А. И. Палеолитические кухонные остатки в с. Костёнках Воронежского уезда С. 159.

²Там же. С. 162–163.

составивших вторую группу. Здесь оказался сплошной пласт пепелища с находками эпохи палеолита, распространенными по всем направлениям¹.

Обратил внимание А. И. Кельсиев и на стратиграфию места: вначале шёл черноземный слой толщиной более 1 аршина (около 1,3 м). В нём было обнаружено 150 находок. Ниже располагался слой плотной желтоватой глины, имеющий толщину до 0,71 м. Глина содержала прослойки золы с перегорелыми осколками диорита и пережжёнными кремнёвыми орудиями².

Мамонтовые кости располагались в хаотичном порядке. Многие из них находились, как отмечал исследователь, в состоянии трухи и разложения. В целом, были обнаружены цельные, изогнутые, винтообразные бивни; трубчатые кости; лопатки (6 предметов); позвонки; челюсти (6 экземпляров); зубы (25 находок). Кроме костей мамонта обнаружили остатки мелких животных, таких как лань, косуля, лисица³.

В итоге, была собрана богатая коллекция каменных изделий, насчитывающая 532 экземпляра. По мнению А. И. Кельсиева, они относились к периодам палеолита и неолита. Материалом для изготовления кремнёвых орудий являлся кремнь меловой формации дымчатого, полупрозрачного и рогового цветов. На многих оббивках и орудиях обнаруживалась наружная корка. А. И. Кельсиев в попытке описать характер обработки привёл признаки палеолитических орудий: крупные, грубо сделанные, полученные от удара по тупой грани большого кремнёвого «ядрища», с плоской задней стороной, режущими краями по обеим сторонам⁴.

Первоначальная классификация каменных предметов, предложенная А. И. Кельсиевым в соответствии с работами И. С. Полякова и зарубежных учёных-археологов, включала следующие формы: ядрища, осколки, обивки

¹Кельсиев А. И. Палеолитические кухонные остатки в с. Костёнках Воронежского уезда. С. 163–164.

²Там же. С. 164, 166.

³Там же. С. 166–167.

⁴Там же. С. 168–169.

(простой кремнёвый щебень, получавшийся от раскалывания желваков), орудия (ножи), скребки, острия (длинные, тонкие, прямые, иногда искривленные осколки), булыжные голыши (Рис. 8)¹. Как можно увидеть, она, несмотря на наличие идентичных типов, несколько иная, чем у И. С. Полякова. Так, Александром Ивановичем не выделялись наконечники, зато, как отдельные типы, появились острия и обивки.

Данные изменения в трактовке можно объяснить несколькими причинами: 1. Влияние концепции собирательства и поедания трупов мамонтов. 2. Типологические расхождения. Будучи сторонником позиций В. В. Докучаева, возможность охоты на мамонтов, как и наличие орудий, позволивших это сделать, Александром Ивановичем отвергалась. На основе сравнения орудий из коллекции И. С. Полякова со своими находками, А. И. Кельсиев пришел к выводу, что в связи с искривлениями и материалом (некоторые орудия, обозначенные И. С. Поляковым, как наконечники были созданы из кварца, который непригоден для создания надёжного охотничьего орудия), наличие наконечников на территории Костёнок не представлялось возможным².

Описанные А. И. Кельсиевым находки наравне с открытиями у Гонцов в Лубенском уезде 1873 г., Карачарова в Муромском уезде 1877 г., Костёнок 1879 г. составили не только первоначальные сведения жизнедеятельности палеолитического человека на территории России, но и позволили обозначить определенные точки зрения относительно жизнедеятельности древнего человека на Дону³.

Александр Иванович утверждал, что обилие костей говорило в пользу многочисленности и сплочённости населения. Нахождение их в различных пунктах свидетельствовало о смене мест трапезы. Свежие куски мяса приносились на другое место, и питание осуществлялось в принятом

¹Кельсиев А. И. Палеолитические кухонные остатки в с. Костёнках Воронежского уезда. С. 171–174.

²Там же. С. 170.

³Там же. С. 174.

порядке. Провизия собиралась на глинистом берегу у ручья. Располагаясь для трапезы, древние люди разводили огонь, у которого создавались орудия из принесенных желваков. Процесс их изготовления представлялся Александру Ивановичу следующим образом: вначале сбивалась корка и создавался нуклеус в форме призмы, затем снимались мелкие неровности, и, наконец, сильными ударами скалывались заготовки с двумя параллельными лезвиями. Для большей прочности последние обрабатывались притупляющей ретушью, путем мелких и частых ударов с выпуклой стороны. Орудиями измельчалось размягченное гнилью мясо. Использованные кости и их фрагменты бросались в огонь, где они перегорали вместе с кремнёвыми осколками. Присутствие овальных скребков дало возможность А. И. Кельсиеву предполагать, что на месте трапезы происходила разделка и выделка шкур, необходимых для постройки жилья и создания одежды. Преимущественно палеолитические люди были пещерными жителями. Селились они у подножья скал. А. И. Кельсиев отмечал, что Костёнки служили для палеолитического человека местом обитания продолжительное время¹. В целом, собранная коллекция, по мнению исследователя, отражала собирательский характер хозяйственной деятельности палеолитических людей.

Изучив скопление костей мамонта, Александр Иванович выдвинул предположение, что оно могло возникнуть в результате катастроф ледникового периода, в ходе которых замораживались целые стада мамонтов². Из этого А. И. Кельсиев делал вывод, что Костёнковская стоянка – «мамонтовое кладбище»³.

Интерпретация материалов, принятая А. И. Кельсиевым, полностью вытекала из господствовавших в европейской науке представлений о звероподобном палеолитическом человеке, не имевшем ни религии, ни

¹Кельсиев А. И. Палеолитические кухонные остатки в с. Костенках Воронежского уезда. С. 175–178.

²Там же. С. 175–178.

³Там же. С. 167.

настоящего искусства. В то же время И. С. Поляков воспринимал обитателей людей эпохи палеолита, согласно позициям К. М. Бэра, как полноценных людей. И на том этапе изученности материала, который был достигнут европейской археологией к началу 1880-х гг. приведенная реконструкция «древнего быта» смотрелась убедительно¹.

Предметы из коллекции А. И. Кельсиева, собранные с Костёнковской палеолитической стоянки, вошли в экспозицию отдела первобытных древностей выставки XI Археологического съезда, проводившегося в Киеве. Включала она следующие экземпляры: 5 мелких отбивных орудий из плотного синеватого кремня с патиной, малое толстое шило, два тонких ножа, широкое листовидное острие, тонко отделанное на конце мелкими отбоинами и широкий осколок неправильной формы «с большой отбивной луковицей»².

В настоящее время коллекция А. И. Кельсиева хранится в фондах отдела археологических памятников ГИМ под описью А 132. Включает она 485 находок, что на 47 предметов меньше того количества, что привёл в своей описи А. И. Кельсиев³. Ключевой материал – черный меловой кремень, только 6 заготовок сделаны из цветного. Есть небольшая доля кварцитовых изделий (10 предметов). В большинстве своём каменные изделия патинизированы. На части орудий присутствует корка⁴.

В качестве предметов первичной обработки представлены нуклеусы. В собрании А. И. Кельсиева их насчитывается 3. Техника расщепления – призматическая. Виды заготовок следующие: микропластинки, пластинки,

¹Платонова Н. И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX–первая треть XX века. С. 144.

²Каталог выставки XI-го Археологического съезда в Киеве. С. 45.

³Кельсиев А. И. Палеолитические кухонные остатки в с. Костёнках Воронежского уезда. С. 168.

⁴Пахомов Р. В. Коллекция А. И. Кельсиева как источник по изучению стоянки Костёнки 1. С. 156–158; Пахомов Р. В. Сравнительный анализ костёнковских коллекций И. С. Полякова и А. И. Кельсиева. Предварительные итоги. С. 16.

пластины, отщепы и фрагменты. В коллекции большая группа побочных продуктов обработки, включающая технические сколы и мелкие чешуйки¹.

Приёмы вторичной обработки включали в себя различные виды ретуши (приостраивающая, притупливающая), нанесение резцового скола, чешуйчатая подтёска. Коллекция А. И. Кельсиева, как и материалы И. С. Полякова связана с костёнковско-авдеевской культурой. В ней содержатся орудия следующих типов: ножи костёнковского типа, резцы, скребки, острия, наконечники с боковой выемкой, пластинки и микропластинки с притупленным краем (Рис. 9). Также имеются орудия с подтеской. Подобные предметы прослеживались в коллекциях, полученных в результате изучения 1-го и 2-го жилых комплексов верхнего культурного слоя Костёнок 1. Коллекция хорошо сохранилась, в связи с чем может стать существенным объектом для детальных технологических, типологических и трасологических исследований на современном уровне².

Работы А. И. Кельсиева на Костёнковской стоянке не дали его имени кануть в лету. Они становились объектом рассмотрения многих исследователей.

Ещё в 1912–1913 гг. П. П. Ефименко, в ту пору начинающий палеолитовед, обратился к материалам, полученным в результате первых исследований стоянки Костёнковской палеолитической стоянки, в том числе к коллекции А. И. Кельсиева. Раскопки его в Костёнках П. П. Ефименко оценил невысоко, считая, что «...опубликованные им результаты... мало прибавляют нового к тому, что было сообщено Поляковым»³. В дальнейшем, в своей монументальной монографии «Костёнки I» Пётр Петрович уточнил, что Александр Иванович «...мало что сообщает относительно обстановки находок на вскрытой им площади, обращая внимание на описание самого собранного им материала, в частности кремнёвых орудий. Последнее,

¹Пахомов Р. В. Сравнительный анализ костёнковских коллекций И. С. Полякова и А. И. Кельсиева. Предварительные итоги. С. 16–17.

²Там же. С. 17–18.

³Ефименко П. П. Костёнковская палеолитическая стоянка. С. 14.

естественно, в настоящее время почти утратило какой-либо интерес и значение. Однако А. И. Кельсиеву принадлежит составление плана усадьбы с нанесением места раскопок (его и И. С. Полякова) что дает возможность увязать эти первые раскопки с результатами наших исследований»¹.

Схожее мнение по поводу исследований Александра Ивановича отражено и в других статьях и обзорах по палеолиту², включая коллективную монографию, посвященную 100-летию исследований в Костёнковско-Борщёвском районе³.

Иную позицию сформулировала Н. И. Платонова в своей книге «История археологической мысли» и совместных публикациях с М. В. Аниковичем и Н. К. Анисюткиным. В них указывалось, что А. И. Кельсиев «наблюдал в Костёнках то же самое, что и И. С. Поляков, однако интерпретировал полученные данные с совершенно иных позиций. Стоянка представлялась ему вообще не поселением, а лишь местом, где палеолитический человек находил себе пищу в виде замерзших туш мамонтов. Места обитания людей той эпохи учёный, в полном соответствии с господствующей традицией, связывал с меловыми пещерами»⁴. По мнению исследовательницы, «...для своего времени это была, безусловно, интересная, оригинальная идея, подлежащая обязательной разработке и проверке. «Пионерный» характер идеи не вызывает сомнений. Приводя ей обоснования, исследователь закономерно обратил внимание на «отсутствие опаленности» мамонтовых костей из своих раскопок. Разумеется, с высоты нашего времени, это явление получает вполне правдоподобное объяснение. Ведь «кухонными остатками» археолог называл то, что служило, в

¹Ефименко П. П. Костёнковская палеолитическая стоянка. С. 17.

²Замятнин С. Н. Очерки по доистории Воронежского края. С. 6; Березин Н. И. Справочник по палеолиту СССР. – Москва: Издательство Академии наук СССР, 1936. – С. 18–19; Аникович М. В. Палеолит Костёнковско-Борщёвского района в контексте верхнего палеолита Европы. С. 18; Бессуднов А. А. История изучения палеолита бассейна верхнего и среднего Дона. С. 87.

³Палеолит Костёнковско-Борщёвского района на Дону. 1879–1979. Некоторые итоги полевых исследований. С. 7–8.

⁴Платонова Н. И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. С. 143.

действительности, строительным каркасом землянки или заполнением ямы-хранилища...»¹.

В числе других заслуг Александра Ивановича Н. И. Платонова выделяет следующие моменты: «Важно и другое замечание А.И. Кельсиева – о том, что на стоянке, в конечном счете, обнаруживаются почти все кости скелета мамонта, и нет оснований говорить об отборе частей, ценных в пищевом отношении... Прямолинейные выводы А. И. Кельсиева о невозможности использования мяса мамонтов в пищу, кроме, как в виде строганины, в дальнейшем были заметно скорректированы... Но заслугой ученого можно считать то, что он вообще первым из археологов обратил внимание на особенности слона как промыслового зверя»².

Из этого следует вывод: «На том этапе изученности материала, который был достигнут европейской археологией к началу 1880-х гг., кельсиевская реконструкция «древнего быта» смотрелась вполне убедительно... Любопытно отметить один момент, прозвучавший в докладе Ф. К. Волкова [в 1909 г. – *Р.П.*]. «...Подобного рода гипотеза, – указывал он, – допускалась уже выдающимися европейскими учёными относительно очень аналогичного скопления мамонтов на горе возле Пшедмоста в Моравии и... могла бы быть допущена и здесь...». Таким образом, в подтверждение изложенной точки зрения докладчик апеллировал к авторитетам европейской науки – в данном случае, австрийским и чешским. В связи с этим стоит уточнить: научное открытие стоянки Пшедмость (Predmosti) произошло одновременно с открытием Костенок – в 1879 г. Однако первая серия публикаций о памятнике вышла только в 1886 г. (Й. Ванкель, К. Машка), вторая – в 1894 г. (К. Машка, К. Кршиж). А. И. Кельсиев в 1886 г. был уже в могиле. Между тем, его собственная статья с изложением сходной концепции подготавливалась к печати уже в 1882 г., а в 1883 г.

¹Аникович М. В. Человек и мамонт в Восточной Европе: подходы и гипотезы. С. 108.

²Там же. С. 109.

вышла в свет. Приоритет русского ученого в данном случае более, чем вероятен. Но, так или иначе, в 1909 г. на него никто не ссылался»¹.

Наряду с подробным анализом результатов раскопок А. И. Кельсиева в Костёнках, в работах Н. И. Платоновой приведены сведения и о других его начинаниях в области археологии и этнографии (сбор материалов по каменным бабам, изучение древнерусских курганных могильников, поездка на Кольский полуостров)².

Раскопки, проведенные И. С. Поляковым и А. И. Кельсиевым на стоянке Костёнки 1, стали крупными исследованиями по изучению каменного века в России. Ими был оставлен огромный задел для дальнейших работ. Однако после Александра Ивановича вплоть до начала XX в. полноценных масштабных раскопок не проводилось. Причиной этому послужил упадок интереса к памятникам первобытности. Данной тенденции поспособствовали два обстоятельства – организационное и идеологическое³.

На начальных этапах изучения каменного века в России разведочные работы, производившиеся учёными-одиночками, как правило, в комплексе с географическим и этнографическим обследованием региона, являлись оптимальной организационной формой. Но за первыми разведками должно было следовать снаряжение крупных экспедиций. Ведь раскопки палеолитических памятников являлись делом трудоемким и дорогостоящим. Препятствия к переходу исследований на новую ступень возникали и в ином аспекте – чисто идеологическом⁴.

Первобытная археология второй половины XIX в. была тесно связана с естественными науками – геологией и палеонтологией. На том этапе развития естествознания это означало неизбежную связь её с либерально-революционными и атеистическими идеями. В России указанная связь

¹Аникович М. В. Человек и мамонт в Восточной Европе: подходы и гипотезы. С. 110–111.

²Платонова Н. И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. С. 143–148; Аникович М. В. Человек и мамонт в Восточной Европе: подходы и гипотезы. С. 105–110.

³Там же.

⁴Там же.

проявлялась особенно ярко не столько в научных, сколько в «околонаучных» кругах разночинной интеллигенции. Изучение первобытности — в любом её аспекте — имело прямой и непосредственный «выход» в историю, причём на такой принципиально важный её отрезок, как начальный этап истории человечества¹.

В связи с этим неизбежно вставали «ненужные» вопросы о движущих силах истории, о происхождении человека и т. и. Они напрямую затрагивали животрепещущие идеологические проблемы, поэтому с усилением консервативных тенденций во внутренней политике России после убийства Александра II власти охотно поддерживали уже наметившуюся тенденцию к изоляции науки о первобытности от комплекса исторических наук. В этом аспекте стремления консерваторов и самих учёных-антропологов практически совпали. Так, в 1888 г. кафедра географии и этнографии, первоначально организованная под руководством Д. Н. Анучина на историко-филологическом факультете, была переведена на физико-математический факультет. Совершилось это по просьбе и с полного одобрения самих учёных-естественников, считавших, что упомянутой кафедре на гуманитарном факультете не место. В результате на естественное отделение физико-математического факультета оказалось переведено и преподавание доисторической археологии².

После этого перевода Д. Н. Анучин, который до того уже начал вести собственные археологические обследования, всецело сосредоточился в своей научно-преподавательской деятельности на проблемах физической географии и физической антропологии. Наукой о первобытности он продолжал заниматься лишь постольку, поскольку, будучи человеком энциклопедического склада ума, продолжал следить за литературой и за работой многочисленных научных обществ, в которых участвовал. Раскопок он не вёл, учеников-археологов не готовил. Таковые появились лишь на

¹Платонова Н. И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. С. 147–148.

²Там же.

завершающем этапе его деятельности в тот период, когда в Санкт-Петербургском университете уже начала складываться школа Волкова. Число же их просто несопоставимо с той плеядой учёных-географов, которую Д. Н. Анучин воспитал, создавая отечественную географическую школу¹.

Подобное случилось и в Санкт-Петербургском университете, где на естественном отделении физико-математического факультета также функционировала кафедра географии и этнографии. При всём огромном интересе её руководителей, таких как Э. Ю. Петри, Д. А. Коропчевский, к доисторической антропологии и археологии, подготовка специалистов - «первобытников» на кафедре практически не производилась. Она началась лишь на рубеже 1900–1910-х гг. с приходом туда Ф. К. Волкова².

Таким образом, период конца 1870-х – начала 1880-х гг. являлся самым продуктивным на всем начальном этапе изучения Костенковских древностей. Именно в течение его была открыта палеолитическая стоянка, собраны весомые коллекции, давшие материал не только для интерпретаций, но и для хронологии. Так, И. С. Поляков и А. И. Кельсиев относили найденные находки к эпохе палеолита. Такое стало возможно благодаря развитию методик определения каменных изделий и их датирования. В это время осваивался стратиграфический метод. При этом если раньше трактовки шли в русле объяснения природы появления находок на территории Костёнок, то на этом этапе они развернулись вокруг выяснения способа и пути их возникновения (охота или собирательство костей). Однако из-за идеологических и организационных причин путь развития русской археологии рубежа XIX–XX вв. оставлял науку о первобытности в стороне. С ней же угасли до начала XX в. масштабные экспедиции в Костёнках.

¹Платонова Н. И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века.

²Там же. С. 147–148.

1.4. Работы в Костёнках воронежских любителей древностей

Несмотря на то, что в 1880-х гг. исследование палеолитических памятников резко замедлилось, Костёнки по-прежнему привлекали внимание любителей древностей, прежде всего представителей Воронежского губернского статистического комитета (ВГСК).

Учреждение в губерниях статистических комитетов было вызвано необходимостью в сборе и систематизации местных статистических сведений. Правила для них были утверждены 20 декабря 1834 г. С конца 40-х гг. XIX в. в Воронежских Ведомостях стали появляться труды и материалы по истории, статистике и этнографии. Дальнейшими его действиями стало издание первой «Памятной Книжки для жителей Воронежской губернии». Она была разбита на четыре отдела: памятные записки, справочные сведения с адрес-календарем, сведения исторические (научно-литературный отдел), сообщения статистические. В 1863 г. Императорская археологическая комиссия обратилась к губернским статистическим комитетам за содействием по собиранию сведений о всех находившихся в пределах губернии археологических памятниках: курганах, городищах, древних земляных валах, о местах, где обнаруживались древние монеты и вещи. По соглашению с ней была разработана программа археологических исследований. Спустя десять лет в 1873 г. по вопросам Центрального статистического комитета вновь собирались данные по местным городищам и находкам в них костей и других вещей¹.

22 сентября 1884 г. секретарем Воронежского статистического комитета стал состоявший на службе в Воронежском губернском правлении Леонид Борисович Вейнберг (Рис. 2, 4), обративший на себя особое внимание как талантливый и деятельный сотрудник неофициальной части Воронежских губернских ведомостей, где он с 1882 г. поместил целый ряд

¹Захарова Е. Ю. Археология в деятельности Воронежского губернского статистического комитета. С. 71, 72.

статей и заметок по разным отделам: историко-статистическому, сельскохозяйственному, медицинскому. Им были организованы не только издания исторических трудов, но и поездки краеведов по уездам Воронежской губернии для археологических исследований. Благодаря ему осуществилось исследование северных уездов Воронежской губернии, территория Землянского и Острогожского уездов, были организованы раскопки Белогорского городища и Лысогорского могильника, исследовались Костёнки и Дивногорье и, наконец, проводились раскопки курганов у села Таврова по левому берегу Воронежа. Об исследованиях памятников Воронежской земли опубликовал серию путевых заметок неизменный спутник Л. Б. Вейнберга – Евгений Львович Марков – писатель и краевед (Рис. 2, 5), также активный член ВГСК¹.

В 1888–1889 гг. древностями Воронежского края заинтересовалось МАО. По его поручению под руководством Л. Б. Вейнберга комитетом были проведены работы по учету данных об археологических памятниках и отдельных находках. В итоге, были собраны сведения, положившие начало воронежской статистике по археологии края.

После Л. Б. Вейнберга в 1891 г. должность секретаря занял С. Е. Зверев. В рамках нашего исследования, прежде всего, следует обратить внимание на данные, представленные им в статье «Воронежские древности», опубликованной в Памятной книжке Воронежской губернии 1893 г. В ней содержался обзор обнаруженных на территории Воронежской губернии древних каменных и бронзовых изделий с раскрытием истории формирования коллекций. Составлена эта статья на основе дел Архива Статистического комитета, публикаций и воронежских актов. В ней приведено два любопытных эпизода, связанных с Костёнками².

¹Захарова Е. Ю. Археология в деятельности Воронежского губернского статистического комитета. С. 71, 72; Пахомов Р. В. Древности Костёнок в исследованиях воронежских краеведов (вторая половина XIX в.). С. 231.

²Зверев С. Е. Воронежские древности (Статистические данные о находках древних каменных и бронзовых изделий в Воронежской губернии с 1863 по 1893 года). С. 163.

В 1888 г. группа Воронежского губернского статистического комитета во главе с Л. Б. Вейнбергом раскопала близ Костёнок курган, где обнаружили кремнёвые наконечники стрел. Тогда же при раскопках двух курганов в поле крестьян с. Костёнки обнаружили человеческие кости, бронзовые браслет и серьги¹.

Как можно заметить, здесь приведено не так много сведений, но они указывают на тот факт, что исследования на территории Костёнок продолжались, причем оказались выявлены находки не только каменного, но и бронзового веков.

В 1890 г. в связи с поручением МАО Леонид Борисович вместе с Евгением Львовичем Марковым по дороге в Дивногорье посетил и Костёнки². В крестьянских дворах Ф. А. Мануйлова, А. Г. Фокина и риге Аносова было раскопано несколько старых ям. Некоторые находки удалось найти в избах у местных крестьян. В результате исследователи обнаружили несколько мамонтовых костей в раздробленном состоянии. В крупных скоплениях костей находились кремнёвые орудия. Спустя несколько дней после пребывания Е. Л. Маркова и Л. Б. Вейнберга в Костёнках волостной старшина прислал в Воронеж отлично сохранившийся зуб мамонта с частью челюсти и куски бивней. Собранный материал дал возможность Евгению Львовичу согласиться с тем, что во времена верхнего палеолита в Костёнках существовала долговременная стоянка охотников на мамонтов³. Подобные идеи за 11 лет до этого, как мы подробно писали выше, выдвигал И. С. Поляков⁴.

Помимо указанных сведений, касающихся каменного века, Е. Л. Марков упоминает курганы эпохи бронзы, расположенные в окрестностях

¹Зверев С. Е. Воронежские древности (Статистические данные о находках древних каменных и бронзовых изделий в Воронежской губернии с 1863 по 1893 года). С. 164–165.

²Поташкина Н. А. Л. Б. Вейнберг и археологические экскурсии 1888–1890 гг. С. 138, 140; Пахомов Р. В. Древности Костёнок в исследованиях воронежских краеведов (вторая половина XIX в.). С. 231.

³Марков Е. Л. Указ. соч. С. 72–90.

⁴Поляков И. С. Указ. соч. С. 29. Пахомов Р. В. Древности Костёнок в исследованиях воронежских краеведов (вторая половина XIX в.). С. 231–232.

Костёнок по правому берегу Дона, такие как Становой и Гремячий. Кроме того, в публикации им были приведены сведения и по истории города Костёнска¹.

На рубеже веков Воронежский губернский статистический комитет вновь обратился к костёнковскому региону, и связано это было с окончанием XI и подготовкой XII Археологического съезда в Харькове.

После возвращения группы от Воронежского губернского статистического комитета в составе Л. М. Савелова, А. М. Правдина, М. И. Успенского и С. Е. Зверева из Киева, где в 1899 г. прошёл XI Археологический съезд, в обществе проявился живой интерес к изучению прошлого Воронежского края. На фоне этого в Воронеже сформировались два археологических общества: Воронежская учёная архивная комиссия (ВУАК) (1 декабря 1900 г.) и Воронежский церковный историко-археологический комитет (31 января 1901 г.)². С целью подготовки археологической экспозиции для XII Археологического съезда в Харькове в городе 23 октября 1900 г. под руководством Е. Л. Маркова была организована подготовительная комиссия. Общий план её работ состоял в следующем: «1) рассмотрение программ, составленных Харьковским комитетом с целью составления своих собственных для напечатания их и распространения в пределах Воронежской губернии в видах получения ответов и разработки полученных данных; 2) организация наиболее важных экскурсий для раскопок, равно экскурсий археологических, по части церковных древностей и т.п.; 3) составление археологических карт своей губернии по собранным таким путём сведениям и по документам, которые могут быть получены из Центрального Статистического Комитета, Императорской Археологической Комиссии и других учреждений; 4) соби́рание сведений о частных коллекциях и выяснение их каталогов, а также

¹Марков Е. Л. Указ. соч. С. 82–84.

²Зверев С. А. Воронеж на XII археологическом съезде. С. 147.

возможности получения этих коллекций для выставки съезда и 5) подготовка и издание трудов, посвящённых съезду»¹.

На заседании комиссии была предложена следующая программа работ: «1) по возможности ознакомиться с существующими в губернии архивами и между прочим – с старинными фамильными архивами, где можно встретить ценные и неисследованные материалы по истории местного края; 2) собрать сведения, нет ли у местных старожилов каких-либо интересных археологических и этнографических коллекций, а также – о существующих в губернии вещественных исторических памятниках, в том числе и о курганах, при чём некоторые из них, наиболее интересные, например, курганы Хазарского кладбища на берегу реки Воронежа, близ слободы Костёнок и др. если представится возможность, подвергнуть с надлежащего разрешения раскопками, пригласив к участию в них специально подготовленных лиц; 3) составить список местных изданий и указатель книг и статей, касающихся Воронежской губернии и в частности г. Воронежа»². Таким образом, в программу были включены исследования территории Костёнок. Однако в связи с нехваткой денежных средств реализовать их силами местных учреждений не удалось.

В 1904 г. представители Воронежской ученой архивной комиссии А. И. Милютин и С. Е. Зверев совершили несколько поездок по значимым археологическим памятникам Воронежского края. В результате, была обследована территория на 30-40 вёрст (32–42,67 км) вокруг г. Воронежа. Во время поездок, называемых в отчетах «экскурсиями», исследователи собрали богатый материал. У Костёнок А. И. Милютину и С. Е. Звереву удалось обнаружить кости мамонта и других животных³.

Таким образом, в последние десятилетия XIX в. интерес к костёнковским древностям демонстрировали представители Воронежского

¹Зверев С. А. Воронеж на XII археологическом съезде. С. 148.

²Там же. С. 149.

³Отчёт о деятельности Воронежской Губернской Ученой Архивной Комиссии за 4-1 год её существования (1 декабря 1903 – 1 декабря 1904 г.). С. 37–38.

губернского статистического комитета и, в дальнейшем, Воронежской учёной архивной комиссии, что нашло отражение в работах Е. Л. Маркова, С. Е. Зверева, а также в официальных отчетах. Хотя исследования носили краткосрочный и точечный характер, благодаря им были получены и новые материалы, и дополнена история изучения Костёнок. На этой территории оказались выявлены не только находки каменного века, но и памятники эпохи бронзы.

Исследования Л. Б. Вейнберга, Е. Л. Маркова и С. Е. Зверева стали отражением общей тенденции, характерной для конца XIX в. В это время активно создавались археологические общества, расширились полномочия государственных органов в сфере изучения памятников древности. Усилиями этих учреждений развернулась масштабная археологическая деятельность в губерниях, в ходе которой накапливался значительный материал. Для его сохранения расширялась сеть музеев. В 1883 г. под руководством А. С. Уварова открыл свои двери РИМ – первое общенациональное хранилище древностей¹. Спустя десятилетие 9 (21) сентября 1894 г. в присутствии членов ВГСК состоялось открытие Воронежского губернского музея. Спустя 3 года был разработан его устав. Заведующим стал С. Е. Зверев. В 1913 г. музей фактически перешёл в ведомство ВУАК². С этим учреждением связана деятельность будущих исследователей Костёнок – С. Н. Замятина и Д. Д. Леонова.

¹Васильев С. А. Указ. соч. С. 11.

²Бояркин М. В. Место археологии в проектах организации Воронежского губернского музея в XIX в. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2018. – Т. 20. – №3(2). – С. 546.

ГЛАВА 2. ИССЛЕДОВАНИЕ ПЕРВЫХ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК В КОСТЁНКАХ И БОРЩЁВО В КОНЦЕ XIX – ПЕРВЫХ ДЕСЯТИЛЕТИЯХ XX ВВ.

2.1. Изучение Костёнок геологами А. А. Штукенбергом и Н. И. Криштафовичем

Начало XX в. ознаменовалось новыми исследованиями на территории Костёнок. Пристальное внимание к её древностям стали проявлять представители геологической науки. Ими стали профессора Санкт-Петербургского и Харьковского университетов – А. А. Штукенберг (Рис. 2, 6) и Н. И. Криштафович (Рис. 2, 7).

Александр Антонович Штукенберг являлся неординарной персоной в отечественной науке. Как выдающийся геолог, он выделил новую стадию в Восточноевропейской стратиграфической шкале – кунгурский ярус пермского периода палеозойской эры, датированный временем 283,5 – 273,01 млн. л. н. Будучи страстным коллекционером, Александр Антонович оставил ценные материалы для изучения многим исследователям. Они послужили основой для создания в Казани уникальных музейных коллекций: остатков постплиоценовых млекопитающих востока России, пермских растений, метеоритов, а также находок по минералогии и петрографии Урала. В Санкт-Петербурге и Центральном геологическом музее Геолкома России хранятся его монографические коллекции по кораллам и мшанкам карбона. При его участии был создан и Городской музей Казани. Ярko проявил себя Александр Антонович как археолог. Он стал одним из первых археологов-профессионалов в Казани, положил там начало палеоэтнологическому направлению и применению типологического метода, создал первую классификацию орудий эпохи раннего металла. Учёный совершил многочисленные поездки по Прикаспию, Пермской, Казанской и Воронежской губерниям, в ходе которых, вместе с геологическими

исследованиями, проводил и археологические разведки. В результате, Александру Антоновичу удалось раздобыть и изучить весомые коллекции находок каменного и бронзового веков. В их число входили предметы, выявленные на Среднем Дону, в частности, в Костёнках¹. И перед тем, как затронуть эпизод исследований Александра Антоновича в Костёнковско-Борщёвском регионе следует в нескольких словах описать его биографию.

А. А. Штукенберг родился 7 (19) сентября 1844 г. в г. Вышний Волочёк Тверской губернии в семье Антона Ивановича Штукенберга – начальника участка на постройке Николаевской железной дороги. Следуя примеру отца, он пять лет проучился в Институте путей сообщения, но уже в 1861 г. оставил его ради естественного отделения Санкт-Петербургского университета, который блестяще окончил в 1867 г., проведя перед этим год на том же отделении Харьковского университета. Александр Антонович специализировался по кафедре минералогии профессора П. А. Пузыревского, с которым делал первые полевые поездки в Финляндию и Карелию. Однако его интересы вышли далеко за пределы минералогии и петрографии, а в геологическом отношении вскоре охватили многие регионы северо-западной части Европейской России, а затем её восточных областей, Урала, Кавказа, Крыма, Украины, Прикаспия, Сибири. Широкий диапазон научных предпочтений А. А. Штукенберга прекрасно иллюстрирует разнообразие тем его диссертационных исследований. Он окончил университет со степенью кандидата естественных наук, полученную за исследование гнейсовых пород Карелии и Финляндии в 1867 г. Степень магистра получил за

¹Штукенберг А. А. Каменные орудия и бронзовые вещи, найденные в Печорском крае в 1874 году // Труды IV Археологического съезда в России. – Казань: Типография Императорского университета, 1884. – Т. 1. – С. 31-33; Штукенберг А. А. Материалы для изучения каменного века в Казанской губернии // Труды Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. – Казань: Типография Императорского университета, 1885. – Т. 14. – Вып. 5. – 138 с.; Штукенберг А. А. Находка скелета мамонта около Майкопского завода в Пермской губернии // Ежегодник по геологии и минералогии России. – 1900. – Т. 4. – №1–2. – С. 1–3. Штукенберг А. А. Геологический очерк берегов Дона между Воронежем (Семилуками) и Калачём. — Санкт-Петербург: Типография Академии наук, 1892. — 74 с; Соколов Б. С. Александр Антонович Штукенберг. 1844–1905. – Казань: Издательство Казанского университета, 2003. – С. 3–8.

«Геологический очерк Крыма» в 1873 г. Практически сразу его пригласили на должность доцента в Казанский университет на освободившуюся кафедру геологии знаменитого профессора Н. А. Головкинского. В 1875 г. Александр Антонович получил докторскую степень за выдающийся труд «Геологическое путешествие в Печорский край и Тиманскую тундру». Это позволило ему стать экстраординарным, а в 1876 г. уже ординарным профессором по кафедре геологии и палеонтологии Казанского университета¹.

Сфера научных интересов А. А. Штуkenберга была необычайно разнообразной: региональная и общая геология, минералогия, петрография, археология каменного и бронзового века Европейской России. Он изучал отложения практически всех геологических систем, начиная от кристаллического фундамента, но особенно велик вклад учёного в исследование отложений позднепалеозойского (карбон, пермь), девонского бассейнов и постплиоцена. Он внёс крупный вклад в изучение новейшей геологической истории, палеографии и палеоклиматологии Европейской части России, широко охватив все процессы ледникового периода на этой части суши. Не только Скандинавию, но и Северный Урал, Тиман он считал центрами оледенения, откуда ледниковый покров далеко распространялся к югу, где существовала целая система пресноводных бассейнов и проточных вод, стекавших в морские бассейны Понта и Каспия. Ранее обитавшие здесь мамонты и сопутствующая им фауна мигрировали к северу вслед за сокращением ледникового фронта. Столь обширные знания и постоянное сотрудничество с Геологическим комитетом России позволили А. А. Штуkenбергу одному из первых в России начать читать специальный курс геологии России. Как палеонтолог, он прославился своими капитальными монографиями по изучению каменноугольных кораллов и мшанок Средней России, Урала и Тимана. Он также был большим знатоком фауны

¹Соколов Б. С. Указ. соч. С. 5–6.

моллюсков. Им установлены многие десятки новых родов и видов ископаемой фауны¹.

Ежегодно в течение 25 лет А. А. Штукенберг неизменно избирался на пост президента Общества естествоиспытателей при Казанском университете. Учёный много работ и как член совета Общества археологии, истории и этнографии. С конца 80-х гг. XIX в. он являлся инициатором научно-промышленных выставок в Казани, завершившихся знаменитой Всероссийской Нижегородской выставкой 1896 г. В 1883 г. стал действительным статским советником. За свои достижения в области науки исследователь был награждён орденами Св. Анны 2-й ст. (1887), Св. Владимира 3-й ст. (1896), Св. Станислава 1-й ст. (1900) и 2-й ст. (1879); имел золотую медаль комитета Казанского научно-промышленной выставки 1890 года².

В 1890 г. А. А. Штукенберг совершил поездку в Воронежскую губернию с целью изучения геологического строения берегов Дона. В ходе её, помимо изучения стратиграфии и гидрографии региона, учёный обследовал местность на предмет археологических находок. В результате, в районе Костёнковской палеолитической стоянки Александру Антоновичу удалось выявить кремнёвые изделия периода верхнего палеолита³. К сожалению, ввиду отсутствия какой-либо документации и сведений относительно его коллекции, сказать что-то конкретное по характеру и типам находок не представляется возможным.

Спустя 14 лет после поездки А. А. Штукенберга Костёнковскую палеолитическую стоянку посетил Николай Иосифович Криштафович. Он был чрезвычайно яркой личностью и активным исследователем с разносторонними интересами. Однако, в связи с гибелью большинства архивных материалов, сведений о его жизни осталось крайне мало.

¹Соколов Б. С. Указ. соч. С. 6–7.

²Там же. С. 7–8.

³Штукенберг А. А. Геологический очерк берегов Дона между Воронежем (Семилуками) и Калачём. С. 3–70; Березин Н. И. Справочник по палеолиту СССР. С. 19.

Исследователями Н. Д. Прасловым и М. Н. Желтовой были представлены следующие сведения: Николай Иосифович родился в деревне Фролово Духовшинского уезда Смоленской губернии и принадлежал к русскому дворянскому роду, происходившему из Польши. Он имел военное образование, но интересы его лежали в области геологии. В 1888 г. поступил в Московский университет, а после окончания его в 1892 г. получил место геолога в Ново-Александровском институте сельского хозяйства и лесоводства. Спустя 6 лет Николай Иосифович перешел в Харьковский сельскохозяйственный институт, но позже вернулся в Ново-Александровку уже в должности директора сельскохозяйственного института¹. К 1900 г. относится открытие им стоянки Селища. В 1914 г. он был вынужден покинуть Ново-Александровку и вернуться в Харьков. Там Н. И. Криштафович получил должность приват-доцента, а затем – профессора сельскохозяйственного института и Харьковского университета, где читал лекции по геологии. В 1930 г. он вышел на пенсию, а в 1941 г. умер в Харькове, оставив немалое научное наследие в геологии и несколько коллекций каменных предметов, собранных с палеолитических стоянок, в том числе с Костёнковской палеолитической стоянки².

Летом 1904 г. Н. И. Криштафович осуществил геологическое исследование памятников палеолита, выявленных на Восточно-Европейской равнине. В связи с этим, одним из объектов его изучения стала Костёнковская палеолитическая стоянка. В труде учёного об этих раскопках приводится всего одна заметка – в списке исследованных стоянок он писал: «Вышеуказанными исследованиями 1904 г. (геологическое изучение окрестностей Одессы – авт.) мною закончено общее геологическое известных до сего времени и вновь открытых полевых палеолитических стоянок в пределах Европейской России. Исследованию этих стоянок я посвятил значительную часть летних месяцев последних 5 лет, из коих в два последние

¹Праслов Н. Д. Об одной малоизвестной странице исследований в Костёнках. С. 183–184.

²Там же. С. 184.

года я пользовался материальной поддержкой Московского археологического общества. За всё время мною исследованы следующие стоянки: 1. Гура-Пулавская, Радомской губернии. 2. Киевская I (по Кирилловской улице). 3. Козельская, Калужской губернии. 4. Муромская, Владимирской губернии. 5. Костёнковская, Воронежской губернии. 6. Гонцовская, Полтавской губернии. 7. Конёвская, Киевской губернии. 8. Киевская II-я близ Протасова Яра. 9. Студеницкая, Подольской губернии. Кроме того, освещены геологически местности следующих предполагаемых палеолитических стоянок, в настоящее время так или иначе утраченных для непосредственных наблюдений и исследований: 10. Ильская, Кубанской области. 11. (?) Криворожская, Херсонской губернии. Затем остаются на очереди пещерные стоянки в Ойцове, с которыми, однако, я уже несколько знаком лично; более же близко ознакомиться предполагаю ближайшим летом 1905 года. Собранные материалы, касающиеся вышеперечисленных полевых палеолитических стоянок, мною в настоящее время подвергаются всесторонней обработке, по окончании которой подробное описание каждой из них войдёт в общую сводную работу, посвящённую их геологическому обозрению»¹. Однако обещанная им публикация с подробным описанием всех исследований, проведенных в 1902–1904 гг., так и не увидела свет.

Что касается оставленной Н. И. Криштафовичем коллекции, то сейчас она хранится в фондах Отдела эпохи камня Общественного Археологического музея в Варшаве. Ранее она хранилась в Пулавах. После наступления немцев материалы остались там, где их и обнаружил профессор Стефан Круковский. Вероятно, именно он перевёз коллекцию в Варшаву. В 1981 г. она была систематизирована З. Сулгустовской и передана в Общественный Археологический музей².

Н. Д. Праслов и М. Н. Желтова вместе с А. Я. Томашевским и З. Сулгустовской тщательно изучили коллекцию. В результате им удалось

¹Криштафович Н. И. Указ. соч. С. 182–183.

²Праслов Н. Д. Об одной малоизвестной странице исследований в Костёнках. С. 183.

установить, что Н. И. Криштафович заложил на Костёнках 1/І 6 шурфов, один из которых оказался пустым. Вся коллекция насчитывает 380 предметов, большая часть которых происходит из шурфов №1 (всего 102 предмета) и №6 (134 предмета). Шурф №3 дал 28 предметов, №4 – 31, №5 – 81. Четыре предмета депаспортизованы – это пластина с ретушью, обломок орудия с меловой коркой на спинке, пластина с негативом подтески на брюшке и довольно свежего вида первичный отщеп. Коллекция насчитывает 111 предметов с вторичной обработкой. В ней оказались представлены такие группы орудий, как наконечники, микропластинки с притупленным краем, скребки, резцы, нож костённого типа (Рис. 10)¹.

Данная коллекция хоть и не может, по словам Н. Д. Праслова и М. Н. Желтовой, существенно дополнить материалы, полученные на Костёнках 1 за долгие годы работ, но тем не менее учитывать её следует². Действительно, она даёт возможность определить вклад Н. И. Криштафовича в исследование Костёнок.

Период 1900–1910-х гг. ознаменовался новыми веяниями в отечественной археологии. Благодаря Антропологической выставке 1879 г. в Россию стали проникать европейские тенденции, в частности естественнонаучная методика анализа палеолитического материала и классификация доисторической археологии, разработанные Г. де Мортилье. В 1880-х гг. проводились первые попытки осуществить их на практике. Это, в свою очередь, заложило основы для возникновения в новом столетии антропологической археологии – направления, целью которого являлось комплексное исследование палеолитического человека. Его центральным принципом стали идеи природно-культурного единства эпохи каменного века. Методологической основой для него послужили естественнонаучные методы. Авангардом антропологической археологии выступили

¹Праслов Н. Д. Об одной малоизвестной странице исследований в Костёнках. С. 183–190.

²Там же. С. 182.

представители палеоэтнологической школы, основателем которой является Фёдор Кондратьевич Волков¹.

Заимствование непосредственно термина «палеоэтнология» в России произошло в середине 1900-х гг. – тогда, когда он уже вышел из употребления на родине. Напрямую оно связано с деятельностью Ф. К. Волкова – ученика Г. де Мортилье, навсегда оставшегося верным убеждениям своей молодости. Привлекательность палеоэтнологического подхода для молодёжи, учившейся в ту пору на естественных отделениях русских университетов, объясняется просто. В предшествующие 20 лет исследования первобытных памятников в России оказались, по большей части, свёрнуты в силу политической реакции. Применение естественнонаучных методик анализа, интенсивно применявшееся в русской археологии 1860-1880-х гг. и нашедшее воплощение в монографии А.А. Иностранцева, отошло на дальний план. В университетах преобладала классическая археология. Она имела строгий филологический метод исследования. Также с ней тесно была связана археология варварских провинций Римской империи. Но в среде молодёжи начала XX в. уже назревало стремление дистанцироваться от этой области знания. Многие ассоциировали её с системой классического образования, закрывавшей двери университетов перед «реалистами», не державшими экзамена по греческому и латыни. Напротив, палеоэтнологическая парадигма, возвращавшая права естественнонаучным методам и подходам, безусловно, воспринималась в начале XX в. как новаторская и оппозиционная господствующим тенденциям. По большому счёту, отечественная первобытная археология 1910-1920-х гг. обязана своим развитием Д. Н. Анучину и Ф. К. Волкову. Они принадлежали к одному поколению. Оба родились в николаевское время, оба начали интенсивную деятельность в науке в 1870-х гг., оба происходили из провинции – Д. Н. Анучин из русской, Ф. К. Волков из украинской, оба

¹Платонова Н. И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX–первая треть XX века. С. 133, 148, 150.

окончили физико-математические факультеты университетов по естественному отделению, оба дополнительно учились во Франции, были тесно связаны там с лабораторией П. Брока, что и оказало серьёзное влияние на их мировоззрение. Они всю жизнь считали антропологию синтетической наукой, центром, куда сходятся, как в фокусе, достижения всех отраслей знания. Оба исследователя оставили многочисленные труды в области физической антропологии, этнографии и археологии. Представление об органической связи этих дисциплин, объединённых между собой единством предмета изучения – человека – до сих пор называется в русской науке «анучинской триадой». Однако с не меньшей настойчивостью эту связь обосновывал Ф. К. Волков. И тот, и другой стали авторами курсов лекций по доисторической археологии, антропологии и этнографии – Д. Н. Анучин в Московском, Ф. К. Волков в Петербургском университетах. Оба обладали энциклопедическими знаниями и являлись «центрами притяжения» для своих студентов. Оба мало сами занимались раскопками, но были превосходными знатоками всей мировой археологии¹. Однако, в отличие от Д. Н. Анучина, Ф. К. Волков до конца дней своих считал систему Г. де Мортилье всеохватной². Также он являлся «чистым» естественником. Это проявилось в его определении палеоэтнологии и формулировке методов археологического исследования. Он отмечал, что задача доисторической археологии заключалась в более полном восстановлении типа, происхождения, миграций, бытовой обстановки, общественных отношений, верований культа и всей вообще соматической и психической деятельности древних обитателей Земли. Ведь, по заверению исследователя, при совершении раскопок происходит не только спасение, но и полное уничтожение памятников. В связи с этим, задачей их должно быть не только

¹Платонова Н. И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. С. 149–151.

²Волков Ф. К. Антропология и её университетское преподавание // Ежегодник Русского антропологического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. – 1915. – Вып. 5. – С. 300.

извлечение из земли древних предметов, но и полное восстановление всей культуры, остатками которой они являются. Помимо этого, учёный отмечал необходимость публикации находок¹.

Таким образом, методические требования Ф. К. Волкова, сформулированные в 1900 г., были очень высокими для своего времени. Но всё это требовалось по-настоящему внедрить в умы студентов, доказать им необходимость такого ужесточения требований, по сравнению с общепринятой археологической практикой. История раскопок Мезинской стоянки на Черниговщине показала, каким трудным и длительным явился этот процесс. Сам Ф. К. Волков, неизменно загруженный делами по Этнографическому отделу, практически не имел возможности лично присутствовать на раскопках². В дальнейшем, в 1909 г. им был прочитан доклад в Русском Археологическом Обществе об открытии Мезинской стоянки, где приводилась и общая характеристика палеолитических памятников России³. Однако большим препятствием к постановке новых широких исследований по палеолитическим памятникам оказалась приверженность учёного устаревшим схемам, которые, в его глазах, никогда не переставали быть истинными и, в сущности, не требовали никаких серьезных коррективов⁴.

Деятельность Ф. К. Волкова восполнила серьезный пробел в отечественных исследованиях каменного века, образовавшийся в 1880-1900-х гг., когда соответствующее направление в России практически заглохло. Благодаря нему целое поколение русских археологов, изучающих первобытность, приступило к собственным изысканиям, предварительно

¹Волков Ф. К. По поводу наших неолитических находок с керамикой домикенского типа // Киевская старина. – 1900. – Т. 70 (Июль-август). – С. 235, 240, 245.

²Платонова Н. И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX–первая треть XX века. – С. 157.

³Волков Ф. К. Палеолит в Европейской России и стоянка в с. Мезине Черниговской губернии // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. – 1913. – Т. 9. – С. 300.

⁴Платонова Н. И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX–первая треть XX века. – С. 158.

исчерпывающе освоив опыт западноевропейской науки. Учениками Ф. К. Волкова стали, в числе прочих, такие выдающиеся археологи, как А. А. Миллер, Г. А. Бонч-Осмоловский, С. А. Теплоухов, С. И. Руденко, П. П. Ефименко. С именами этих учёных связан новый взлет палеолитоведения, который произошёл в русской археологической науке в начале XX в.

2.2. Костёнковская и Борщёвская палеолитические стоянки в оценке археологов (А. А. Спицын, В. А. Городцов, П. П. Ефименко)

Время открытий первых следов палеолитического человека на территории Российской империи совпадало по времени с начальными этапами деятельности ИАК. Однако взять на себя ведущую роль в изучении памятников каменного века она не смогла. Только начиная с 1890-х гг. Императорская археологическая комиссия периодически стала вести переговоры по приобретению коллекций каменных орудий¹.

Из всех членов комиссии, в силу широты своих научных интересов, методической и преподавательской деятельности, сталкивался с проблемой изучения палеолита только Александр Андреевич Спицын (Рис. 2, 8). Им были описаны обнаруженные на территории Российской империи памятники, том числе Костёнковская и Борщёвская палеолитические стоянки².

С 15 по 29 мая 1905 г. состоялся первый приезд А. А. Спицына на Воронежскую землю. В это время он проводил раскопки на скифских и славянских памятниках (Борщёво, Голышёвка, Мастюгино). В ходе исследований Боршевского городища Александр Андреевич заложил рядом с ним шурф и обнаружил на небольшой глубине местонахождение мамонтовых костей вместе с кремнёвыми изделиями. Так была открыта

¹Платонова Н. И. Императорская археологическая комиссия и первобытные памятники // Императорская археологическая комиссия. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2009. – С. 582, 584.

²Там же. С. 585.

палеолитическая стоянка Борщёво 1. Материалы, полученные в результате её раскопок, были переданы в Москву¹.

Спустя 10 лет А. А. Спицын сделал попытку обновить, систематизировать и обобщить материалы по палеолитическим находкам, выявленным на территории России к началу XX в. В итоге, появилась его работа «Русский палеолит» (1915 г.). В неё были включены и сведения по Костёнковским и Борщёвским палеолитическим стоянкам. Александр Андреевич дал этим памятникам интересную характеристику и высказал ряд идей, опередивших своё время. В связи с этим, для полноты понимания концепции А. А. Спицына будет уместным сначала в целом дать описание труда 1915 г.

Изложение материала предваряло небольшое теоретическое введение, в котором автор сформулировал свой взгляд на специфику изучения палеолита. По его мнению, «палеолит есть особая, специальная область археологии, столь близкая к естественным наукам, что ещё долгое время она должна находиться в главном ведении натуралистов. Археологу доступно лишь изучение изделий из кремня, но восстановление физических условий жизни этого времени, а также понимание геологических наслоений, в которых такие остатки встречены, находится вне его компетенции. В то же время эти темы, особенно первая, составляют задачу огромной трудности. На удовлетворительное решение её потребуются, вероятно, вековые усилия. Чем шире и глубже исследователь войдёт в вопросы геологии, тем далее уйдёт он от археологии. Чем успешнее подвинется он в археологии, тем более удалится от геологии. Дилемма палеолита решится в тот момент, к которому возмужают, идя параллельно в развитии обе науки»².

¹Спицын А. А. Русский палеолит. С. 164; Аникович М. В. Палеолит Костёнковско-Борщёвского района в контексте верхнего палеолита Европы. С. 18; Захарова Е. Ю. Роль А. А. Спицына в становлении археологии Воронежского края // Российская археология. – 2009. – №3. – С. 150–151.

²Спицын А. А. Русский палеолит. С. 133.

Таким образом, А. А. Спицын рассматривал палеолит как подразделение археологии, для изучения которого требуются знания в области и археологии, и геологии. Учёный подчеркивал сложность в его изучении¹.

Учитывая то обстоятельство, что лидерские позиции в области изучения каменного века стало занимать направление во главе с Ф. К. Волковым, ставящее в основу палеолитической периодизации систему Г. Мортилье, Александр Андреевич отмечал: «Простой здравый смысл показывает, что русский палеолит не может быть простым повторением французского. Если с одной стороны несомненно, что схема Мортилье может выдержать какое угодно испытание и что она, по своей всеобщности, должна иметь применение и в России, то с другой стороны столь же очевидно, что схема эта неполна, так как она не прослеживает начала и конца культуры и, кроме того, между древним и новым периодом её ощущается огромный пробел. В отдалённой России, а может быть особенно в Сибири могут оказаться и искомые промежуточные формы. Во всяком случае здесь должны быть предполагаемы иные условия жизни; не может быть одного и того же на Роне и на Амуре. Материал по палеолиту в России должен быть по крайней мере не малый. Старый пример Костёнок и Мезина показывают, что русский палеолит в действительности может принять внушительные размеры»². Таким образом, учёный, не опровергая систему Мортилье, указывал на специфику палеолитических памятников России. На основе изучения множества памятников периода палеолита, в том числе Костёнковской стоянки, он предполагал, что они могут представлять отдельные этапы, а то и вовсе культуры.

А. А. Спицын описывал палеолитические стоянки, последовательно продвигаясь с запада на восток. Первыми следовали памятники Польши (пещера Скаржице, ныне известная как Окенник, Пекарская, Мамонтова

¹Спицын А. А. Русский палеолит. С. 134.

²Там же. С. 134.

пещеры, Новая Александрия или Гура Пулавска). Затем указывались пункты на Украине (Каменец-Подольский, Студеница, Городок, Искорость, Киево-Кирилловская стоянка, Протасов Яр в Киеве, Селище, Вязовка, Гонцы, Шаповаловка, Мезин, Дехтярево, Умрихино). Далее следовало описание палеолитических стоянок, обнаруженных в Костёнках и Борщёво, а также местонахождений Стенино, Мелтиново, Карачарово. Упоминались мустьерские находки в Крыму (Волчий Грот) и на Кавказе (Ильская), а также сборы Ж. де Моргана в Армении¹.

Описывая палеолитические стоянки, А. А. Спицын разделил их на две группы: кратковременные и долговременные. Это подразделение дополнялось сформированной исследователем типологией очагов, под которыми в период XIX – начала XX вв. понимались скопления насыщенного находками и окрашенного углем культурного слоя. Александр Андреевич выделял четыре их вида: «1) огромные очаги с костями вместо дров и без орудий (Кирилловская первая, может быть, Костёнки); малые очаги с такими же дровами и с мастерской (Кирилловская вторая); 3) мастерская с очагом из дерева (Кирилловская третья, Искорость)²; 4) очаги на месте пиршества, с немногими орудиями (Томск)³. Интересна его гипотеза о роли скоплений костей мамонта как запасов топлива, своего рода «кокса палеолита». Работа с таким названием так и не была опубликована, однако сохранилась в его архиве. Эту гипотезу исследователь попытался подкрепить результатами собственных экспериментов по сжиганию кости⁴.

Описывая изделия из камня, А. А. Спицын применял смешанную терминологию. Наряду с общепринятыми терминами (нуклеусы, ножи, скребки, резцы, проколки) им использовались такие наименования, как «пилы», «ланцеты», «заострения» (вместо острий). Здесь обнаруживается

¹Спицын А. А. Русский палеолит. С. 135–171.

²Здесь А. А. Спицын имел в виду остатки палеогеновой растительности из Кирилловской стоянки, ошибочно принятые в то время за одновременные палеолитическому поселению.

³Спицын А. А. Русский палеолит. С. 171–172.

⁴Платонова Н. И. Императорская археологическая комиссия и первобытные памятники. С. 591.

стремление к выделению типов орудий, специфических для материалов России. Учёный указывал, что для изучения отечественных палеолитических стоянок следует создать отдельный подход, прибегая к западным образцам лишь для сравнения¹.

Публикация А. А. Спицына была расценена палеоэтнологами как вторжение «чужого» на свою территорию. Это вызвало незамедлительную реакцию со стороны одного из учеников Ф. К. Волкова — Н. М. Могилянского, подвергнувшего обзор учёного жесткой критике. Сторонники палеоэтнологического направления считали, что изучение палеолита должно оставаться в русле антропологии как неотъемлемой части естествознания².

Хотя А. А. Спицын и не был «палеолитчиком» в полном смысле слова, его обзор, за исключением мелких неточностей, содержал вполне квалифицированную характеристику известных в России памятников палеолита на научном уровне того времени. Что касается расположения материала по географическому, а не хронологическому принципу, то подобная манера представления была единственно возможной на том этапе изученности. На этом строились все основные дореволюционные обобщающие труды по древнекаменному веку России (от А. С. Уварова до Ф. К. Волкова). Первые попытки построения собственной периодизации русского палеолита относятся к более позднему времени (связаны с В. А. Городцовым и П. П. Ефименко)³.

Непосредственно Костёнковской палеолитической стоянке А. А. Спицын посвятил целый раздел. В нём он привел подробное описание географического положения и геологическую сторону этого памятника: «В бассейне р. Дона знаменита палеолитическая стоянка в с. Костёнках, Воронежского уезда. Высокий берег реки в этой местности разрезан оврагом

¹Спицын А. А. Русский палеолит. С. 172.

²Могилянский Н. М. Несколько слов по поводу статьи А. А. Спицына // Журнал Министерства народного просвещения. – 1916. – Т. 62. – С. 328–336.

³Платонова Н. И. Императорская археологическая комиссия и первобытные памятники. С. 592.

(Чекалин) и тремя широкими балками (Покровская, Аносова и Александровская), по дну которых бегут ручьи. Против этих оврагов расположена заливаемая водою низина, отклонившая течение реки, которая некогда бежала у самого берега; на месте старицы остались два озера. Коренной берег состоит из мелового массива, покрытого сверху толщами глины (Поляков), или точнее – светлой, буро-жёлтой глины с валунами (Кельсиев), иногда до нескольких саженей толщины. На склонах глина смыта и образовала вторую террасу, без валунов и слоистости, не заливаемую водою, на которой и жил человек в пору палеолита; терраса эта неровна и имеет наклон»¹.

Александром Андреевичем были подробно рассмотрены исследования С. Г. Гмелина, И. С. Полякова и А. И. Кельсиева, результатом чего стала единая сводка по проведенным раскопкам. При этом А. А. Спицыным выдвигались определенные позиции, несколько отличавшиеся от выводов И. С. Полякова и А. И. Кельсиева. Так, в связи с тем, что кости в шурфах первого не лежали горизонтально, учёный выдвинул предположение, что стоянка испытывала некоторое влияние со стороны².

А. А. Спицын относил Костёнковскую палеолитическую стоянку к долговременным памятникам без орудий с огромными очагами, отапливаемыми костями вместо дров³. Особый интерес представляют его рассуждения относительно датировки стоянки. По этому поводу учёным было выдвинуто две версии. Согласно первой, памятник относится к культуре старше солютре. В то же время, согласно второй версии, учитывая особенности каменного и костяного инвентаря (например, наличие «широких клиньев из кремня»⁴), Александр Андреевич определял Костёнковскую

¹Спицын А. А. Русский палеолит. С. 159.

²Там же. С. 159–164.

³Там же. С. 171.

⁴Там же. С. 172.

палеолитическую стоянку как памятник, относящийся к уникальной культуре¹.

Что касается Борщёвской стоянки, то Александр Андреевич никаких идей относительно возраста памятника и каменного инвентаря не высказал, ограничившись описанием собственных исследований².

Работа А. А. Спицына не претендовала на обобщение, но она подвела определенный итог полевым работам по палеолиту в дореволюционной России и на территории Костёнок и Борщёво, в частности. Более того, исследователем был намечен переход от линейного эволюционизма Г. Мортилье к выделению и изучению местных археологических культур.

Открытие новой палеолитической стоянки в районе Костёнок и Борщёво в 1905 г. не осталось незамеченным в среде российского археологического научного сообщества. Оно привлекло внимание многих учёных, в том числе Василия Алексеевича Городцова (Рис. 2, 9).

В 1905 г. в ведение Василия Алексеевича, как младшего сотрудника и хранителя археологического отдела ГИМ, от А. А. Спицына поступила коллекция каменных орудий, полученная в результате раскопок Борщёвской стоянки. Её изучение вызвало у молодого учёного желание посетить Воронежскую губернию³.

Сохранившиеся архивные материалы позволили проследить исследователям ряд эпизодов, демонстрировавших намерения исследователя посетить Воронежскую землю и изучить её археологические памятники, в том числе Костёнковскую и Борщёвскую палеолитические стоянки⁴.

¹Спицын А. А. Русский палеолит. С. 164; Пахомов Р. В. Изучение стоянки Костёнки 1/ верхний слой в начале XX в. С. 99.

²Там же.

³Протоколы заседаний Императорского Московского Археологического общества за 1907–1908 гг. С. 124.

⁴ОПИ ГИМ. Ф.431. Ед.хр. 306. Л.48; ОПИ ГИМ. Ф.431. Ед.хр. 329. Л.163об.; Бессуднов А. Н. Костёнковско-Борщёвский археологический район в научном наследии В. А. Городцова. С. 203–207; Сафонов И. Е. О пребывании В. А. Городцова в Воронеже: планы и реальность // Грани гуманитарного знания. Сборник статей к 60-летию профессора Сергея Павловича Щавелёва. – Курск: КГМУ, 2013. – С. 379–385.

Ранние сведения, отражающие желание Василия Алексеевича, относятся к 1907 г. 13 марта 1907 г. во время заседания МАО В. А. Городцов доложил об открытом памятнике и указал на важность и необходимость его исследования. В апреле состоялось распорядительное совещание МАО, где он просил разрешения на проведение раскопок у с. Борщёво. Общество одобрило просьбу исследователя с условием совершить работы после окончания исследований в Маджарах – золотоордынском городе XIII–XVI вв. на р. Кума на Северном Кавказе. После разработки плана работ и получения открытого листа В. А. Городцов командировался в Ставропольскую и Воронежскую губернии с 24 мая по 20 июля 1907 г. К сожалению, удалось реализовать только раскопки в Маджарах. Во время них учёный получил серьёзную травму и вынужден был вернуться в Москву. Возвращая в конце августа 1907 г. неиспользованный открытый лист, он оставил у себя экземпляр дневника и бланки описи «в надежде получить разрешение на выполнение намеченных раскопок в ближайшем будущем»¹.

С 1907 по 1914 гг. Василий Алексеевич работал преподавателем в Московском археологическом институте². Его лекции нашли отражение в двух работах: «Первобытная археология» (1908 г.) и «Бытовая археология» (1910 г.). Особый интерес представляет первый труд, поскольку в нем приводится обобщающая характеристика Костёнковской палеолитической стоянки.

В. А. Городцов отмечал, что «первобытная археология – это наука, основным предметом которой является научное исследование всех памятников человеческой культуры до появления исторических исследований. Она имеет две задачи. Первая и главная состоит в открытии памятников древних людей, определении их датировок и степени

¹РО ИИМК РАН. Ф. 1. 1907 г. Д. 59. Л. 6; Бессуднов А. Н. Костёнковско-Борщёвский археологический район в научном наследии В. А. Городцова. С. 203–207; Сафонов И. Е. Указ. соч. С. 379–385.

²Бибииков С. Н. Указ. соч. С. 3–4; Бессуднов А. Н. Костёнковско-Борщёвский археологический район в научном наследии В. А. Городцова. С. 203–207; Сафонов И. Е. Указ. соч. С. 379–385.

культурного совершенства. Вторая задача предусматривает установление непрерывной связи в культурном развитии первобытного человека. В качестве основных источников первобытной археологии выступают археологические памятники и этнографические параллели. Исходя из этого, наука неразрывно связана с антропологией, этнографией, исторической археологией, а также естественными науками (палеонтологией, геологией и минералогией)»¹.

Основные методы изучения археологических памятников, по заверению В. А. Городцова, были следующие: геолого-археологический (стратиграфический), типологический, сравнительный. На основе их по технологическому принципу учёный составил периодизацию первобытной истории. Были выделены эолитическая, палеолитическая и неолитическая эпохи. Последние периоды подразделялись на два подэтапа². Костёнковскую стоянку Василий Алексеевич относил к палеолитическому периоду, соответствующему четвертичному геологическому этапу. Это время характеризовалось исследователем как пора освоения огня и создания обработанных каменных орудий. Подразделялась она на два подэтапа: «тесанных» и «сколотых» орудий. Костёнковская палеолитическая стоянка причислялась В. А. Городцовым к последнему³.

Василием Алексеевичем были рассмотрены отчёты К. де Бруина, С. Г. Гмелина, И. С. Полякова и А. И. Кельсиева о раскопках в Костёнках. Причем некоторые позиции последнего им критиковались. Так, исследователь подверг сомнению описанный Александром Ивановичем способ получения первобытными людьми мяса мамонта. В качестве аргументов он привёл примеры палеолитических стоянок, расположенных на территории Испании, Италии, Сирии и Египта. Там были выявлены кости мамонтов и носорогов.

¹Городцов В. А. Первобытная археология. С. 8–12.

²Там же. С. 8–12, 407, 408.

³Там же. С. 154–155, 166.

При этом никаких следов ледников, а, следовательно, и замороженных трупов на стоянках не обнаружено¹.

Исходя из изученных материалов, Василием Алексеевичем были выдвинуты следующие выводы: на территории Костёнковской палеолитической стоянки проживало многочисленное население, питавшееся мясом мамонта. В создании кремнёвых изделий первобытные люди использовали «сколотую технику», исходя из чего, для памятника были характерны следующие формы орудий: копьевидная, скребковидная и ножевидная. Стоянка располагалась на древней дилювиальной террасе, как и Гонцы. Всё это позволило Василию Алексеевичу датировать её периодом мадлена².

Таким образом, систематизация костёнковских материалов происходила в двух плоскостях. Если А. А. Спицын ориентировался на следы обнаруженных очагов и местоположения скоплений костного материала на территории стоянки, то В. А. Городцов делал свои выводы на основе технологии кремнёвых изделий.

Летом 1916 г. В. А. Городцов вновь планировал поездку в Воронеж. По предложению РИМ он собирался посетить его для изучения археологических коллекций в местном музее. Однако в связи с семейными обстоятельствами это сделать не удалось.

В 1910-х гг., используя новые открытия и выдвигаемые гипотезы, представители палеоэтнологической школы во главе с Ф. К. Волковым взяли на себя задачу систематизировать и охарактеризовать стоянки каменного века России. Для её реализации следовало провести сравнение отечественных древностей с европейскими находками для формирования хронологической шкалы. Решение такой сложной проблемы взял на себя Пётр Петрович Ефименко (Рис. 2, 12). Конечно, при этом он не мог обойти вниманием Костёнковскую и Борщёвскую палеолитические стоянки.

¹Городцов В. А. Первобытная археология. С. 222–232.

²Там же. С. 169, 224, 233, 234.

В 1910-е гг. П. П. Ефименко упорно и систематически работал, изучая палеолитические памятники, как в России, так и за рубежом. После окончания университета в 1912-1913 гг. он детально проработал костёнковские коллекции И. С. Полякова и А. И. Кельсиева¹. Результаты составили содержание статьи «Костёнковская палеолитическая стоянка» (1915 г.)². В ней автор изложил ряд идей, заложивших основу для новой концепции палеолита в Восточной Европе.

Характеризуя коллекции И. С. Полякова и А. И. Кельсиева, П. П. Ефименко особое внимание уделил каменным орудиям. Он отмечал, что всего их в обеих содержится до 1000 экз. Затрагивая материал орудий, Пётр Петрович привел как данные И. С. Полякова и А. И. Кельсиева, так и свои наблюдения. Он писал, что главным и практически единственным материалом для создания каменных орудий служил темный, почти черный кремнь, добывающийся в ближайших окрестностях, богатых желваками, происходившими из меловых отложений. При этом они оказались покрыты характерной светлой, серовато-лиловой патиной, и лишь местами, в виде более тёмных пятен, проглядывался натуральный цвет. Патиная представляла для исследователя особый интерес, поскольку она являлась общепринятым и ценным признаком аутентичности и древности доисторических орудий. Редко встречались обломки коричневатого, железистого кремня. Как и в большинстве палеолитических стоянок, отбросы производства составили главную массу находок. Среди них П. П. Ефименко выделил следующие категории: широковатые отщепки; неудавшиеся и сломанные пластинки; мелкие осколки; обломки; небольшие, призматические 3-4-гранные осколки³.

Изучив две коллекции, Пётр Петрович выделил следующие типы кремнёвых изделий: нуклеусы, отбойники, острия, скребки, резцы, проколки, пластинки, пластинки с оббитым концом, микролитические формы (Рис. 11,

¹Клейн Л. С. История российской археологии: учения, школы и личности. Том 2. Археологи советской эпохи. – Санкт-Петербург: ЕВРАЗИЯ, 2014. – С. 60–64.

²Ефименко П. П. Костёнковская палеолитическая стоянка. С. 13–26.

³Там же. С. 18–19.

12). Исходя из этого, исследователь сравнил находки И. С. Полякова и А. И. Кельсиева. Так, им отмечалось, что в коллекции первого отсутствуют нуклеусы, в то время как у второго их очень мало (всего 3). В то же время среди находок 1879 г. имелся нуклеобразный отбойник. В коллекции И. С. Полякова редко, а у А. И. Кельсиева чаще и в хороших экземплярах встречались пластинки с ретушированным краем; кроме того, в коллекции последнего были довольно многочисленны пластинки с тщательной ретушью. Скребки в первой составили однородную группу орудий: на конце широкой, солидной пластинки располагалось дугообразное, тщательно оббитое лезвие, причём ретушь продолжена и по краю пластинки, а противоположный конец заострен с помощью продольных ударов. Во второй они представлены хуже – в ней редки цельные и завершённые орудия, но при этом встречались двойной скребок и скребок с прямым лезвием (комбинированные орудия). Скребки по своему характеру он относил к формам культуры солютре; острия на основе определенных признаков (отделка с обеих сторон, удаления осколков путем отжима) были схожи с солютрейскими кремнёвыми наконечниками¹. Таким образом, на основе изученных орудий исследователем была аргументирована иная по сравнению с В. А. Городцовым точка зрения относительно хронологии стоянки.

В 1912 г. часть коллекций была осмотрена и определена доцентом Тюбингенского университета Р. Р. Шмидтом, который отнес находки к позднеориньякскому периоду². П. П. Ефименко оспорил и это предположение, поскольку типичных форм, характерных для этого времени, в обеих коллекциях им не было выявлено: «Если мы можем ныне признавать характерным для ориньякских слоёв определённый комплекс типичных орудий, то всё же в рассмотренных нами коллекциях этих орудий не встречается – ни *burins busques*, ни нуклевидных или ладьевидных орудий, ни пластинок типа Шательперрон или Лаграветт и т.д. При полном отсутствии

¹Ефименко П. П. Костёнковская палеолитическая стоянка. С. 19–22.

²Там же. С. 18.

типичных ориньякских орудий единственная форма, которая могла бы дать повод для сближения Костёнковской стоянки с «ориньякскими» находками, это костёнковское «остриё», если его рассматривать, как зарождение солютрейской техники. Мне кажется, что если в этих орудиях и проявляются действительно навыки солютрейской эпохи, то не решён вопрос, должны ли мы считать их зарождением или скорее вырождением солютрейских форм – дегенерирующими формами. Имеющийся у нас материал говорит в пользу, как одного, так и другого предположения»¹. Кроме того, учёный относил целый ряд орудий («атипических острий с выемкой») к эпохе старше солютре².

Кроме изделий из камня П. П. Ефименко описывает найденные И. С. Поляковым и А. И. Кельсиевым кости. Они плохо сохранились и к моменту изучения Петром Петровичем коллекций точного определения их не было сделано. Значительная часть резцов, специальных орудий, повсюду сопровождающих в верхнем палеолите костяную индустрию, показало, что в Костёнках кость служила материалом для поделок³.

В итоге, ориентируясь на работы западных археологов (раскопки Ла-Ферраси в Дордони, Ла Фонт Роберт, Зиргенштейн в Швабской Юре⁴) и учитывая актуальные для того времени исследования, П. П. Ефименко подробнейшим образом рассмотрел коллекции И. С. Полякова и А. И. Кельсиева и, более того, сумел дать свою интерпретацию находок, ставшей основой для будущих исследований. Идеи, приведенные им, отличались энциклопедичностью⁵.

В дальнейшем, Пётр Петрович в 1923 г. вновь обратился к Костёнковской палеолитической стоянке, проведя там собственные раскопки.

¹Ефименко П. П. Костёнковская палеолитическая стоянка. С. 24–25.

²Там же. С. 25.

³Там же. С. 17.

⁴Там же. С. 25.

⁵Гиря Е. Ю. Технологический анализ каменных индустрий. Методика микро-макроанализа древних орудий труда. – Санкт-Петербург: Институт истории материальной культуры Российской академии наук, 1997. – С. 20.

Они сделали совершенно ясным факт исключительного богатства данного сравнительно небольшого участка донского правобережья разнообразными памятниками палеолитической эпохи¹. Кроме того, раскопки дали возможность собрать коллекции, позволившие расширить и развить классификацию орудий. В итоге, П. П. Ефименко понадобилось 40 лет для того, чтобы изложить и опубликовать результаты своих исследований².

Таким образом, к середине 1910-х гг. в основе подхода П. П. Ефименко к археологическому материалу лежали представления о «непрерывной и последовательной смене форм», обусловленной саморазвитием культур и одновременно их постоянным взаимодействием. В работах 1920-х гг. Пётр Петрович будет уже напрямую говорить о сосуществовании разных «культурных типов» в палеолите и соотносить их с разными географическими ареалами. Как отмечала Н. И. Платонова, «стимулы к развитию культур П. П. Ефименко усматривал в тот период в изменениях природной среды. К этой идее подталкивала его сама логика развития русской палеоэтнологии, всегда рассматривавшей археологические данные в контексте данных физической географии и в тесной взаимосвязи с ними. Указанный подход к исследованиям имел глубокие корни на русской почве в трудах К. М. Бэра, И. С. Полякова, Ф. К. Волкова и др. В то же время, в своём раннем творчестве Петр Петрович органично сочетает этот подход с углубленными занятиями типологией. В конечном счёте, именно он разработал основы русской номенклатуры палеолита и дал первые квалифицированные типологические описания материалов отдельных памятников»³.

¹Ефименко П. П. Костёнки I. С. 18–19.

²Гиря Е. Ю. Следы как вид археологического источника (конспект неопубликованных лекций) // Следы в истории. К 75-летию Вячеслава Евгеньевича Щелинского. – Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 2015. – С. 233.

³Платонова Н. И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX вв. С. 190.

2.3. Раскопки С. Круковского в Костёнках: от разрозненных сведений к целостной картине

Исследования А. А. Штукенберга, Н. И. Криштафовича и А. А. Спицына вновь стимулировали интерес к костёнковским древностям¹. Их сообщения относительно обнаруженных находок порождали у современников стремление самим провести раскопки на Среднем Дону. К 1910-гг. Костёнковской палеолитической стоянкой заинтересовались представители польской археологической науки, в частности, Стефан Круковский (Рис. 2, 10).

Стефан Круковский являлся известным учёным-археологом, сыгравшим весомую роль в изучении каменного века в Польше. Им было обследовано множество памятников древности. Среди них следует упомянуть Цемну, Свидры Малые и Великие, Пекары 1 и 2, Галосскую пещеру, поселение у р. Каменной, скопления в Новом Млыне и Гжибовой Гуре. Полученные материалы заметно расширили представления о первобытных людях, проживавших на Польской низменности и Краковско-Ченстховской возвышенности. Именно С. Круковский разработал первую в польской археологии функциональную интерпретацию кремнёвых индустрий, выявил использовавшиеся верхнепалеолитическим человеком источники сырья. Более того, учёный проявил себя как новатор в области исследования каменных орудий, что прославило его не только в местной польской, но и во всей европейской науке².

По предварительным оценкам наследие исследователя насчитывает несколько сотен коллекций, включающих свыше ста тысяч артефактов. В настоящее время они хранятся в Отделе палеолита и мезолита Государственного археологического музея в Варшаве (далее – ГАМ). Особая

¹Березин Н. И. Указ. соч. С. 19.

²Jaskinia Gwardjilas Klde w Gruzji. Opracowanie wydane w stulecie badan polskiego archeologa Stefana Krukowskiego (Пещера Гварджилас Клде в Грузии. Результаты изысканий, опубликованные к столетию исследований польского археолога Стефана Круковского). – Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2019. – S. 20–29.

часть наследия С. Круковского – артефакты из кремнёвых шахт в Кшемёнках и поселения Цмелюв-Гавронец – находится в Отделе неолита ГАМ. Кроме собраний каменных орудий учёный оставил архив. В настоящее время он хранится в Лаборатории научной документации ГАМ. Сегодня бумаги С. Круковского оцифрованы и доступны в базе данных ICA AtoM¹. Эти документы дают возможность реконструировать его биографию.

История жизни и деятельности С. Круковского становилась объектом изучения многих учёных. В их числе были яркие представители польской археологии, такие как Стефан Кароль Козловский², Яцек Лех³, Марцин Карцевский⁴, Малгожата Кот, Марцин Шелига, Михаил Войнов⁵ и Эльжбета Чепелевска⁶. Благодаря их исследованиям удалось восстановить многие эпизоды в биографии знаменитого учёного.

В настоящее время установлено, что Стефан Круковский родился 22 января 1890 г. в городке Мщонув гмины (волости) Радзеёвицы Блонского уезда Варшавской губернии (сейчас гмины Мщонув Мазовецкого воеводства Жирардувского повята Республики Польши). К сожалению, практически не сохранилось сведений о его семье и детских годах. Известно только, что в 1895 г. Круковские переехали в Варшаву, где будущий исследователь получил начальное образование. В 1901 г. он поступил во II русскую

¹Jaskinia Gwardjilas Klde w Gruzji. Opracowanie wydane w stulecie badan polskiego archeologa Stefana Krukowskiego (Пещера Гварджилас Клде в Грузии. Результаты изысканий, опубликованные к столетию исследований польского археолога Стефана Круковского). С. 29–30.

²Kozłowski S. K. Stefan Krukowski. Narodziny giganta. – Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne istowarzyszenie naukowe archeologów polskich oddział w Warszawie, 2007. – 224 s.

³Lech J. Stefan Krukowski i początki badań nad prądziejowym górnictwem krzemienia w Polsce (1919–1939) // Prof. Stefan Krukowski (1890–1982): działalność archeologiczna i jej znaczenie dla nauki polskiej. – Ojców: OPN, 1992. – S. 129–162.

⁴Karczewski M. Stefan Krukowski (1890–1982) — kustosz państwowego muzeum archeologicznego w Warszawie // Seminare. – 2013. – Vol. 34. – S. 253 – 268.

⁵KotM. Badania wykopaliskowe Stefana Krukowskiego w dolinie Sąpowskiej // Wiadomości Archeologiczne. – 2019. – No.70. – S. 65 – 92.

⁶Jaskinia Gwardjilas Klde w Gruzji. Opracowanie wydane w stulecie badan polskiego archeologa Stefana Krukowskiego (Пещера Гварджилас Клде в Грузии. Результаты изысканий, опубликованные к столетию исследований польского археолога Стефана Круковского). S. 38–42.

прогимназию, которую не смог окончить. Через 4 года его отчислили, вероятно, из-за участия в школьных забастовках. Спустя некоторое время он поступил в реальное училище, которое закончил через 2 года, получив малый аттестат. С 1915 г., в возрасте 15 лет, чтобы помочь своей семье, оказавшейся в затруднительном материальном положении, С. Круковский стал работать конторским служащим, попутно подрабатывая репетиторством. Однако в конторе он пробыл меньше года¹.

Ещё в юном возрасте С. Круковский стал интересоваться историей древних обществ. В 1904 г. во время своего обучения в прогимназии он познакомился с археологом-любителем Эразмом Маевским. Будущий профессор Варшавского университета и основатель археологического музея дал молодому человеку первые знания о каменном веке и развил его тягу к исследованиям. В 1906 г., вдохновившись книгой Зигмунта Глогера «Долины рек», С. Круковский совершил поездку в с. Граб Блонского уезда (ныне гмины Кремпна Яспенского повята Подкарпатского воеводства), где изучил участок дюн с целью обнаружения древних памятников. Эразм Маевский не прекращал своего общения с молодым исследователем и в последующие годы. Более того, он пригласил его на работу в открытый им археологический музей на должность научного сотрудника².

В первый год работы в Музее Эразма Маевского С. Круковский занимался учётом имущества музея и созданием концепций для археологических выставок. Со временем его стали направлять в командировки для изучения памятников древности. В основном, ему приходилось исследовать могильники железного века, но и палеолитические

¹Karczewski M. Op. cit. S. 253; Jaskinia Gwardjilas Klde w Gruzji. Opracowanie wydane w stulecie badan polskiego archeologa Stefana Krukowskiego (Пещера Гварджилас Клде в Грузии. Результаты изысканий, опубликованные к столетию исследований польского археолога Стефана Круковского). S. 20.

²Karczewski M. Op. cit. S. 254; Trozp-Szczypiorska A. Profesor Stefan Wincenty Krukowski — pionier badań nad paleolitem Zakaukazia // Ad Rem. Kwartalnik Akademicki. – 2017. – No.4. – S. 5; Jaskinia Gwardjilas Klde w Gruzji. Opracowanie wydane w stulecie badan polskiego archeologa Stefana Krukowskiego (Пещера Гварджилас Клде в Грузии. Результаты изысканий, опубликованные к столетию исследований польского археолога Стефана Круковского). S. 20, 22.

находки не оставались без его внимания. Он активно занимался поисками кремнёвых изделий в Келецком регионе, а затем в Краковско-Ченстоховской возвышенности. На протяжении всего периода работы в музее с 1907 по 1913 гг. учёный изучал дюнные стоянки в Варшавском, Гроецком, Пинчовском уездах.

Несмотря на широкий круг обязанностей, С. Круковский находил время на научную работу. Он разбирал отчеты по раскопкам, занимался камеральной работой, собирал материалы для словаря, разрабатывал вопросы по типологии кремнёвых орудий. Находясь под покровительством Эразма Маевского, молодой исследователь познакомился с Леоном Козловским. Вместе с ним он, в дальнейшем, совершит ряд открытий в области польского палеолита¹.

В 1914 г. при содействии Э. Маевского С. Круковский занял должность ассистента в Антропологической лаборатории Варшавского научного общества (ВНО), которую возглавлял Казимеж Столыхво. За свою работу он получал достаточное, чтобы отказаться от не связанных с археологией дел, жалование. В итоге, молодой человек сосредоточился на изучении кремнёвых материалов из дюн, находившихся в окрестностях Варшавы. Также он занимался поисками палеолитических поселений в пещерах Краковско-Ченстоховской возвышенности – у деревни Злотый Поток (сейчас располагается в гмине Янув Ченстоховского повята Силезского воеводства на юге Польши) и в пещере Окенник в Скаржицах (ныне находится в округе гмина Стшега Свидницкого повята Нижнесилезского воеводства на юго-западе Польши). По результатам этих работ учёный подготовил ряд отчётов для заседаний ВНО².

¹Karczewski M. Op. cit. S. 254; Trozp-Szczypiorska A. Op. cit. S. 5; Jaskinia Gwardjilas Klde w Gruzji. Opracowanie wydane w stulecie badan polskiego archeologa Stefana Krukowskiego (Пещера Гварджилас Клде в Грузии. Результаты изысканий, опубликованные к столетию исследований польского археолога Стефана Круковского). S. 20, 22.

²Kozłowski S. K. Op. cit. S. 30; Karczewski M. Op. cit. S. 254; Trozp-Szczypiorska A. Op. cit. S. 5; Jaskinia Gwardjilas Klde w Gruzji. Opracowanie wydane w stulecie badan polskiego archeologa Stefana Krukowskiego (Пещера Гварджилас Клде в Грузии. Результаты

В это же время исследователь работал над несколькими темами по типологии: «Картина неолитического микролита в Польше», «Определение и классификация кремнёвых орудий», «Классификация кремнёвых изделий». Под руководством нового научного наставника он написал диссертацию под названием «Современные токарные и доисторические ножи»¹.

Как мы стремились показать, к моменту исследований Костёнковской палеолитической стоянки С. Круковский обладал большим опытом в изучении памятников каменного века.

Осенью 1915 г. С. Круковский в качестве представителя ВНО отправился на Кавказ, где год спустя получил место в Кавказском музее естественной истории в Тифлисе. В течение 2 лет исследователь изучал скальные жилища. Летом и осенью 1916 г. он проводил раскопки в пещере Гварджила Кде. При её изучении он уделял особое внимание вопросу технологии обработки кремня, выделяя отщепы, относящиеся к разным фазам расщепления нуклеусов, и подробно описывая последовательность этапов расщепления².

Летом 1916 г. в связи с продолжающейся Первой мировой войной С. Круковский был мобилизован и попал в пехоту. Поскольку он был человеком с высшим образованием и научной степенью, можно предположить, что ему присвоили какой-то невысокий офицерский чин. Участия в боевых действиях учёный не принимал. Более того, продолжал оставаться при Кавказском музее естественной истории в Тифлисе. Возможно, таким оборотом дел он был обязан руководству Кавказского музея, который напрямую участвовал в работе по регистрации и охране древностей на территориях, отбитых у турок. Все эти работы курировал академик Николай Яковлевич Марр – в 1916 г.

изысканий, опубликованные к столетию исследований польского археолога Стефана Круковского). S. 20, 22.

¹Trozp-Szczypiorska A. Op. cit. S. 5.

²Jaskinia Gwardjilas Klde w Gruzji. Opracowanie wydane w stulecie badan polskiego archeologa Stefana Krukowskiego (Пещера Гварджила Кде в Грузии. Результаты изысканий, опубликованные к столетию исследований польского археолога Стефана Круковского). S. 22.

руководитель большой научной экспедиции Академии наук в прифронтовой полосе Кавказского театра военных действий. Он имел возможность прикомандировать молодого археолога к своей миссии и позволить ему спокойно работать в музее¹.

В июле 1918 г. С. Круковский вернулся в Польшу, где в скором времени занялся исследованиями на знакомой ему Краковско-Ченстоховской возвышенности. Там он трудился одновременно с Леоном Козловским. С августа по сентябрь 1918 гг., затем с сентября по октябрь 1919 г. учёный проводил регулярные раскопки в пещере Цемна рядом с селом Ойцув (сейчас расположен в гмине Скала Краковского повята Малопольского воеводства). Полученные находки периода среднего палеолита, относящиеся к микокской культуре, побудили Стефана Круковского выделить орудия особой формы – ножи типа Продник. В 1919 г. он исследовал пещеры Садлана, Козярня, Окенник и грот Локетка².

Следующее десятилетие ознаменовалось для археолога изысканиями и предприятиями, направленными на сохранение историко-культурного наследия. Он принял участие в кампании по защите пещер в долине р. Продник от промышленной эксплуатации. Позднее по инициативе Государственного комитета по охране доисторических памятников его назначили инспектором по консервации археологических памятников южного округа Варшавы, а в последующие годы – Келецкого региона.

Осенью 1923 г. С. Круковский отправился по научной программе во Францию для изучения различных каменных индустрий. Результатом этой поездки стало введение в европейскую археологическую терминологию понятия «*rylcowiec Krukowskiego*». После возвращения в Польшу С.

¹Платонова Н. И. Николай Яковлевич Марр – археолог и организатор археологической науки // Археологические вести. – 1999. – Вып. 5. – С. 371–382; Jaskinia Gwardjilas Klde w Gruzji. Opracowanie wydane w stulecie badan polskiego archeologa Stefana Krukowskiego (Пещера Гварджилас Клде в Грузии. Результаты изысканий, опубликованные к столетию исследований польского археолога Стефана Круковского). С. 38; Пахомов Р. В. Раскопки Стефана Круковского на верхнепалеолитической стоянке Костёнки 1/І. С. 85.

²Kozłowski S. K. Op. cit. S. 30, 63; Karczewski M. Op. cit. S. 254–255; Trozp-Szczypiorska A. Op. cit. S. 5–6.

Круковский занялся поиском выходов кремня, который могли использовать первобытные люди. В этом вопросе он сотрудничал с геологом Яном Самсоновичем. Их исследования в районе северо-восточной окраины Свентокшинских гор 1921–1923 гг. позволили локализовать месторождения шоколадных, полосатых, серых и пятнисто-белых кремней. Более того, С. Круковский и Я. Самсонович выявили места добычи и обработки этих каменных пород. В результате их подробного исследования учёным удалось выделить два типа поселений, характерных для культур каменного века – добывающие и оседлые. Это была первая в истории попытка функциональной интерпретации кремнёвых индустрий. На этом исследовании месторождений и добычи кремнёвых пород С. Круковским не прекратились. Уже в 1928 г. он осмотрел неолитические шахты в Кшемёнках (сейчас расположены рядом с г. Островец-Свентокшинский в Свентокшинском воеводстве Островецкого повята) и провёл обширные разведки в поисках связанных с ними поселений. Осознавая значимость этого места, учёный стремился создать здесь заповедник, дабы прекратить использование территории для сельскохозяйственных и горнодобывающих нужд¹.

Одновременно исследователь продолжал поиски палеолитических пещерных комплексов. В 1927 г. он провёл раскопки памятника Пекары 2 (расположен в каньоне Вислы в окрестностях Кракова Краковского повята Малопольского воеводства). В дальнейшем, уже в 1930-х гг. Стефан Круковский изучил связанные с ним пещеры стоянки Пекары 3. На трёх памятниках были обнаружены леваллуа-мустьерские и микоокские материалы среднего палеолита, а также находки верхнего палеолита, отнесённые к ориньяку и граветту².

¹Trozp-Szczypiorska A. Op. cit. S. 6–7; Jaskinia Gwardjilas Klde w Gruzji. Opracowanie wydane w stulecie badan polskiego archeologa Stefana Krukowskiego (Пещера Гварджилас Кнде в Грузии. Результаты изысканий, опубликованные к столетию исследований польского археолога Стефана Круковского). S. 24–26.

²Karczewski M. Op. cit. S. 255–258; Trozp-Szczypiorska A. Op. cit. S. 6–7.

С 1929 по 1939 гг. С. Круковский работал хранителем Отдела каменного века в Государственном археологическом музее (ГАМ), созданном на базе Польского общества по охране археологических памятников. За это время он провёл археологические разведки в пределах Польской низменности, раскопки позднепалеолитических мастерских в районе Марьянки-Выглендув, дюны у Свидр Малых и Великих. В итоге, были обнаружены памятники с необычным каменным инвентарём. Руководящей формой орудий являлись наконечники, изготовленные на узких пластинках со слабо выраженным черешком. Это дало исследователям основания выделить новую для территории Польши археологическую культуру – свидерскую¹.

Итогом довоенных исследований С. Круковским палеолитических памятников Польши стал его труд «Польский палеолит»². Эта книга свидетельствует об интенсивности работы учёного, о глубине понимания им вопросов, связанных с кремнёвыми индустриями. Хотя некоторые идеи исследователя в систематике и хронологии устарели, этот труд до сих пор остаётся актуальным³.

В годы Второй мировой войны учёный переехал в Львов, где работал в Институте археологии Академии наук УССР, а затем в Историческом музее во Львове. В 1944 г. он вернулся в Варшаву, а осенью поселился в городке Скаржиско-Каменна на юго-востоке Польши. Спустя 3 года он занял должность сотрудника Археологического музея в Кракове. Но проработал там учёный всего 6 месяцев. С 1948 по 1949 гг. он читал лекции по истории древнего мира в Ягеллонском университете. Позже он устроился в

¹Karczewski M. Op. cit. S. 255–258; Trozp-Szczypiorska A. Op. cit. S. 6–7.

²Krukowski S. *Paleolit polski*. – Krakow: Drukarnia Uniwersytetu Jagiellonskiego, 1939. – 117 p.

³Jaskinia Gwardjilas Klde w Gruzji. Opracowanie wydane w stulecie badan polskiego archeologa Stefana Krukowskiego (Пещера Гварджилас Клде в Грузии. Результаты изысканий, опубликованные к столетию исследований польского археолога Стефана Круковского). S. 26–28.

лабораторию Древнего мира при первом отделении Польской Академии наук (ПАН)¹.

Проживая в Скаржиско-Каменна, исследователь продолжал проводить раскопки на стоянках близ Гжибовой Гуры и Нового Млына. В 1945 г. он нашёл остатки гематитового рудника и связал их со скоплением позднепалеолитических и мезолитических поселений. Этот комплекс получил наименование Рыдно. На нём Круковский проводил работы до 1960 г. Одновременно учёный занялся исследованиями позднепалеолитических дюнных стоянок в месте слияния рек Вислы и Нарев. Заслуги С. Круковского в области изучения памятников каменного века не остались без внимания научного сообщества, и в 1956 г. ему было присуждено звание профессора. В конце 1960-х гг. при Музее Земли ПАН учёный создал Отдел древней истории, где продолжал работать вплоть до своей смерти. С. Круковский скончался 1 мая 1982 г. в возрасте 92 лет².

Особый интерес у исследователей биографии С. Круковского всегда вызывали его археологические работы, в том числе, раскопки на Костёнковской палеолитической стоянке.

Первые сведения о раскопках 1915 г. были представлены С. Н. Замятниным. В 1922 г. он обратился к коллекции С. Круковского, хранящейся тогда в Воронежском губернском музее (сейчас Воронежский областной краеведческий музей). Он сообщил следующее: «В числе кремнёвых орудий из этих находок имеется ряд характерных форм Мадленской эпохи, большие ножи, скребки и мелкие острия, превосходные образцы остроконечников с выемкой в нижней части типа Солютре, и даже некоторые типичные изделия Ориньякской эпохи, как например, так наз. «скребки высокой формы». Среди многочисленных костей мамонта, частью

¹Trozp-Szczypiorska A. Op. cit. S. 8; Jaskinia Gwardjilas Klde w Gruzji. Opracowanie wydane w stulecie badan polskiego archeologa Stefana Krukowskiego (Пещера Гварджилас Кнде в Грузии. Результаты изысканий, опубликованные к столетию исследований польского археолога Стефана Круковского). S. 28, 30.

²Там же.

обожжённых и намеренно расколотых, есть челюсть с нарезками и штрихами, оставленными кремнёвыми орудиями при снятии мяса. Наиболее значительный интерес представляет небольшая статуэтка из мергеля, изображающая обнажённую женскую статуэтку. Верхняя часть её не сохранилась: ноги изображены лишь до колен; сильно отвислый живот; грудь не передана. Находки подобного рода известны среди палеолитических древностей Европы»¹.

Описывая материалы коллекции, Сергей Николаевич упомянул и про сами раскопки. Он указал, что эти исследования значительно превосходили предыдущие, как по размерам, так и по важности находок. Не остались незамеченными для него вопросы, связанные с условиями залегания материала и датированием стоянки: «условия находок, обнаруженные С. Круковским, сходны с результатами, добытыми И. С. Поляковым и А. И. Кельсиевым. Им также, как и раньше, обнаружены следы кострищ, залегавшие, однако, не на одинаковой высоте, в которых и были собраны находки, представляющие остатки деятельности палеолитического человека. Костёнковская стоянка, как и большинство других русских местонахождений, относится к новейшему палеолитическому периоду. Однако, даже при беглом ознакомлении с находками С. Круковского приходится, оставаясь в тех же хронологических рамках, приписывать ей большую продолжительность существования и древность, чем это делалось обыкновенно»².

Несколько иную точку зрения относительно исследований С. Круковского высказал П. П. Ефименко. Он признавал их масштаб, но при этом отметил бессистемный характер проведённых работ: «Только в 1915 г. на него [место стоянки Костёнки 1/І] обратил внимание польский археолог С. А. Круковский, который произвел здесь большие, но не систематические раскопки с целью сбора коллекции кремнёвых орудий... Добытый

¹Замятнин С. Н. Очерки по доистории Воронежского края. С. 7.

²Там же.

Круковским большой коллекционный материал, где одних вполне законченных орудий насчитывается несколько сот, представляет несомненный интерес, как и сборы Полякова и Кельсиева, хотя точная идентификация всего этого уже по характеру раскопок является, очевидно, невозможной»¹. Схожее мнение отражено и в коллективной монографии, посвящённой 100-летию исследований в Костёнковско-Борщёвском районе².

Н. И. Платонова уделила внимание вопросу о цели раскопок Круковского. Она отмечала, что «...в 1915 г. польский археолог С. А. Круковский провёл обширные раскопки на стоянке Полякова. Целью этих работ являлся сбор коллекции каменных орудий, которую Круковский собирался перевезти в Польшу для передачи частному коллекционеру, который, вероятно, и финансировал эти работы. Материалы оказались частично конфискованы на таможне, а позднее переданы в фонды Воронежского краеведческого музея. Несмотря на обилие находок (несколько сот орудий), их научная значимость невелика. Полевая документация раскопок, если и была, исчезла бесследно»³. Исследовательница также указала, что С. А. Круковский нашёл первую по времени женскую статуэтку, вырезанную из мергеля, вполне вписывающуюся в канон, в котором, как показали дальнейшие исследования, выполнено подавляющее большинство виллендорфско-костёнковских «венер»⁴. О судьбе коллекции Н. И. Платонова писала следующее: «В начале 1920-х гг. конфискованную коллекцию С. А. Круковского обработал в Воронежском музее С. Н. Замятин, ставший впоследствии одним из основоположников советского палеолитоведения. В своей брошюре, опубликованной в 1922 г., он писал, что условия находок Круковского

¹Ефименко П. П. Костёнки I. С. 18.

²Палеолит Костёнковско-Борщёвского района на Дону. 1879–1979. Некоторые итоги полевых исследований. С. 11.

³Аникович М. В. Палеолит Костёнковско-Борщёвского района в контексте верхнего палеолита Европы. С.19.

⁴Там же.

«сходны с результатами, добытыми И. С. Поляковым и А. И. Кельсиевым»¹. Но при этом Надежда Игоревна указывала, что замечания Сергея Николаевича наводят на мысль, что раскопками 1915 г. оказался затронут не только верхний слой Костёнок 1, но и несколько более ранних культурных слоёв, по-видимому, интенсивно окрашенных, с примесью угля. При отсутствии в музее документации этих раскопок, указанные сведения могли быть основаны или на личных впечатлениях, или на рассказах очевидцев, принимавших участие в работах, например, крестьянина П. И. Богданова².

Весомое дополнение к вышеуказанным свидетельствам предоставляют данные польской историографии. В 2007 г. Стефан Кароль Козловский обратился к изучению биографии и научного наследия С. Круковского. Результатом его работ стала книга «Стефан Круковский: рождение гиганта». В ней нашлось место и костёнковским исследованиям учёного. С. К. Козловский указал, что в 1915 г. С. Круковский отправился в с. Костёнки для изучения выявленной в 1879 г. палеолитической стоянки. О ней учёный узнал благодаря публикации И. С. Полякова. Раскопки памятника были проведены с середины июля до середины сентября. В итоге, С. Круковский собрал значительную коллекцию, которая так и не смогла попасть в Польшу. Причины такой ситуации С. К. Козловский не раскрыл³. Схожая информация была представлена в коллективной монографии, посвящённой исследованиям С. Круковского в пещере Гварджилас Клде⁴.

Спустя 7 лет о раскопках С. Круковского в Костёнках упомянул Марцин Карцевский. Он указал, что в 1915 г. учёный отправился на восток для изучения стоянки, получив финансирование от Варшавского научного

¹Аникович М. В. Палеолит Костёнковско-Борщевского района в контексте верхнего палеолита Европы. С.19; Замятнин С. Н. Очерки по доистории Воронежского края. С. 7.

²Там же.

³Kozłowski S. K. Op. cit. S. 41, 44.

⁴Jaskinia Gwardjilas Klde w Gruzji. Opracowanie wydane w stulecie badan polskiego archeologa Stefana Krukowskiego (Пещера Гварджилас Клде в Грузии. Результаты изысканий, опубликованные к столетию исследований польского археолога Стефана Круковского). S. 22.

общества¹. Это прямое указание на источник финансирования экспедиции С. Круковского.

В 2017 г. Агатой Тшоп-Щипиорской была издана статья «Профессор Стефан Круковский – пионер в исследованиях палеолита в Закавказье». В ней автор привела некоторые новые детали относительно костёнковской экспедиции С. Круковского. Она уточнила, что исследователь отправился на Дон по заданию Антропологической лаборатории ВНО. По поводу судьбы коллекции исследователя А. Тшоп-Щипиорская отметила следующее: «Неясно, где в будущем должны были храниться костёнковские коллекции – в Музее Эразма Маевского или в Антропологической лаборатории – известно лишь то, что они должны были попасть в Варшаву. После Первой мировой войны эта коллекция нашла своё место в Воронежском Краеведческом музее»². На данный момент каких-либо подтверждений факта передачи учёным находок в Польшу не было обнаружено.

Общим моментом для вышеуказанных работ является указание на место хранения коллекции С. Круковского – Воронежский Краеведческий музей. Однако в настоящее время установлено, что ещё до войны её перевезли в Музей антропологии и этнографии (Кунсткамеру) в Ленинграде³.

Некоторые вопросы организации экспедиции С. Круковского в Костенках вплоть до недавнего времени оставались открытыми. Как именно происходили раскопки? Где Стефан Круковский заложил свои шурфы? Как его костёнковская коллекция попала в Кунсткамеру? Изучение документов ГАМ и МАЭ РАН автором данного исследования позволили частично ответить на эти вопросы.

К настоящему времени какой-либо полевой документации по данной экспедиции не сохранилось. Однако в Государственном археологическом

¹Karczewski M. Op. cit. S. 254.

²Trozp-Szczypiorska A. Op. cit. S. 5.

³Верхний палеолит: образы, символы, знаки. Каталог предметов искусства малых форм и уникальных находок верхнего палеолита из археологического собрания МАЭ РАН. – Санкт-Петербург: Экстрапринт, 2016. – С. 32–33.

музее в Варшаве (ГАМ) хранится письмо исследователя от 28 сентября 1915 г., отправленное из Баку своему наставнику Казимежу Столыхве. В нём автор подробно описал свои раскопки на Костёнковской палеолитической стоянке¹.

Как он отмечал в этом письме, после отъезда из Варшавы он останавливался в Киеве и Воронеже, где собирал информацию о новых находках палеолита². По приезду в с. Костёнки С. Круковский планировал провести на обнаруженной И. С. Поляковым стоянке раскопки, но сразу приступить к работам не смог. Из-за продолжающегося сезона сбора урожая невозможно было нанять рабочих. «Поэтому, – как писал исследователь – как, и в связи с тем, что ранее в Воронеже я узнал о существовании ещё одной публикации о стоянке в Костёнках, я поехал в Москву, ознакомиться с ней и посмотреть коллекцию, описанную в ней»³. Учитывая, что в Москве, а именно в Императорском Российском историческом музее, хранилась коллекция, собранная А. И. Кельсиевым в 1881 г., можно с уверенностью сказать, что учёный изучил именно её. Собственно, судя по письму, он прочёл и труд Александра Ивановича «Палеолитические кухонные остатки в с. Костёнках Воронежского уезда» (1883 г.). После изучения соответствующих материалов С. Круковский вернулся в Костёнки, где, наняв 4 рабочих и договорившись с хозяином двора (Рис. 13), приступил, наконец, к раскопкам⁴.

Следует упомянуть, что исследования С. Круковского состоялись в годы Первой Мировой войны, а именно в 1915 г. В это время австро-германские войска совершили ряд успешных наступательных операций на Восточном фронте, после которых Россия потеряла Галицию, Польшу и Литву. 8 августа они беспрепятственно форсировали Вислу и вошли в

¹Перевод письма С. Круковского от 1915 г. приведён в Приложении №3.

²ГАМ. Ф. 6205. №75. Л. 1.

³Там же. Л. 1, 1об.

⁴Там же.

Варшаву. Этот момент упомянут в письме¹. Благодаря этому можно уточнить время начала раскопок – первая половина августа.

О ходе и результатах своих исследований С. Круковский написал, что он копал шесть недель, привлекая только четырёх рабочих. За это время исследователь нашёл только кремнёвые изделия, кости в разрушенном состоянии, охру, костный уголь и пепел. Самих орудий у него было не менее пары сотен, не считая фрагментов. Благодаря присутствию в деревне фотографа-любителя польскому учёному удалось сделать несколько фотографических снимков².

Таким образом, в результате 1,5 месяца работ С. Круковский собрал весомую коллекцию находок верхнего палеолита, включавшую в себя кремнёвые изделия, кости, охру, костный уголь и пепел. Последние из перечисленных свидетельств подтверждают наблюдение С. Н. Замятина о выявлении исследователем остатков очагов.

Интерес у С. Круковского вызвали кремнёвые орудия. Изучив их, он пришёл к выводу, что изделия Костёнок 1/І связаны с совершенно новой фазой солютре³. Примечательно, что подобные идеи о связи костёнковских находок с культурой солютре выдвигал П. П. Ефименко⁴.

Что касается судьбы коллекции, то учёный передал её на временное хранение в Воронежский сельскохозяйственный институт. В 1918 г. он планировал забрать и перевести находки в Варшаву⁵. Однако коллекция нашла своё место в Воронежском губернском музее. В связи с отсутствием какой-либо документации выяснить, при каких обстоятельствах она попала в это учреждение, не представляется возможным. Предположительно, Стефан Круковский забрал её из института и попытался провезти через границу в Варшаву в 1918 г. Однако сделать ему это не удалось. В 1920-х гг. коллекция

¹ГАМ. Ф. 6205. №75. Л. 1, 1об.

²Там же. 1об, 2, 2об.

³Там же. Л. 2об, 3.

⁴Ефименко П. П. Костёнковская палеолитическая стоянка. С. 24–25.

⁵ГАМ. Ф. 6205. №75. Л. 3об.

была передана в Государственный Русский музей (ГРМ), где пробыла до 1931 г. Возможно, не последнюю роль в этом сыграли С. Н. Замятнин и П. П. Ефименко. В итоге, находки С. Круковского попали в ведение МАЭ РАН, где хранятся до сих пор. В 1940 г. по ним была составлена инвентарная опись, благодаря чему есть возможность сформировать представление о содержании коллекции.

Всего в собрании насчитывается 350 предметов. В качестве основного материала представлен чёрный меловой кремнь, лишь малая доля предметов изготовлена из иных материалов. Так, 2 изделия сделаны из кварцита, 1 – из мергеля¹.

Большинство кремнёвых изделий (340 предметов из 350) патинизировано: 253 орудия покрыты светло-серой, 26 – тёмно-серой, 6 – серой, 23 – светло-голубой, 11 – тёмно-голубой, 16 – просто голубой, 3 – коричневой, 1 – молочной, 1 – разноцветной патиной. На 30 экземплярах прослеживается известковая или валунная корка. У 7 предметов наблюдаются следы от пребывания в огне².

В коллекции представлено два нуклеуса. Один из них является остаточным. В качестве заготовок выделяются микропластинки (14 экз.), пластинки (32 экз.), пластины (141 экз.), отщепы (35 экз.) и отдельные фрагменты (125 экз.). Каменный инвентарь тождественен материалам костёнковско-авдеевской культуры. В целом, здесь присутствует набор типичных для этой археологической культуры орудий: резцы (97 экз.), наконечники с боковой выемкой (31 экз.) (Рис. 17), листовидные наконечники (39 экз.), скребки (25 экз.), ножи костёнковского типа (около 13 экз.), острия (7 экз.), проколка (1 экз.), микропластинки и пластинки с притупленным краем (12 экз. целых и 14 экз. во фрагментах). В описи приведён ряд специфических изделий: пластины и отщепы с ретушью (45 экз.), нуклевидные орудия (2 экз.), отбойник (1 экз.), комбинированное

¹МАЭ РАН. №5346. Л. 3–70.

²Там же.

орудие скребок/резец (1 экз.) (Рис. 14). В качестве приёмов вторичной обработки применялись ретушь, формирование резцового скола, отжим, чешуйчатая подтеска¹.

Уникальной находкой в коллекции С. Круковского является обломок женской статуэтки из мергеля. На сегодняшний день сохранилась лишь часть торса. Длина фигурки достигала 3 см, ширина – 1,7 см (Рис. 15, 16).

К сожалению, подробной информации относительно мест заложенных шурфов, методики раскопок в письме С. Круковский не представил. Дневники П. П. Ефименко и его труды позволяют осветить некоторые из этих моментов. В них упоминается, что исследователь заложил по всей площади стоянки около 14 шурфов в виде прямоугольных колодцев размером от 1 до 3 м². Его главный раскоп был обнаружен в границах риги Аносова. К нему примыкал ряд ям, заложенных в саду Михаила Емельяновича Юрьева².

Исходя из всего вышесказанного, экспедицию Стефана Круковского в Костёнки можно охарактеризовать следующим образом. В июле-начале августа 1915 г. исследователь прибыл в село с целью сбора материалов для Антропологической лаборатории ВНО. Перед началом своих исследований на памятнике он побывал в Москве, где изучил информацию о раскопках А. И. Кельсиева. По возвращении после 8 августа, наняв 4 рабочих, исследователь раскопал свои первые шурфы. Всего за время проведения раскопок их было заложено около 14, размером до 3 м² каждый. Работы продолжались до середины сентября. В результате удалось собрать коллекцию, включающую 350 предметов. Изучив найденный материал, С. Круковский пришёл к выводу, что стоянка относится к неизвестной фазе солютре.

¹МАЭ РАН. №5346. Л. 3–70; Пахомов Р. В. Раскопки Стефана Круковского на верхнепалеолитической стоянке Костёнки 1/И. С. 92.

²РО ИИМК РАН. Ф.2. Оп. 1. 1931. №866. Л. 20; РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 870. л. 1–7; РО ИИМК РАН. Ф.2. Оп. 1. 1931. №871. Л. 1, 2; Ефименко П. П. Костёнки I. С. 32–37; Пахомов Р. В. Раскопки Стефана Круковского на верхнепалеолитической стоянке Костёнки 1/И. С. 92–93.

Таким образом, раскопки С. Круковского охватили куда большую площадь, чем исследования И. С. Полякова, А. И. Кельсиева, А. А. Штукенберга и Н. И. Криштафовича. Как и прежние работы, они проводились с акцентом на поиск материала для формирования коллекции.

Что касается судьбы самого собрания, то оно побывало на хранении в 4 учреждениях: 1. 1915 г. – возможно 1918 г. – Воронежский сельскохозяйственный институт; 2. возможно 1918 г. – 1920-е гг. – Воронежской губернский музей; 3. 1920-е гг. – 1931 г. – Государственный Русский музей; 4. 1931 г. – по настоящее время – МАЭ РАН. Коллекция хорошо сохранилась, а значит может стать для современных исследователей ценным объектом для изучения¹.

Полевые исследования С. Круковского 1915 г. оказались последними работами, связанными со стоянкой Костёнки 1/І в дореволюционное время. Только спустя 7 лет на территорию этого памятника вновь ступила нога исследователей. Причины такого разрыва очевидны – страна переживала сначала военное лихолетье, затем коренную государственную ломку, затронувшую все сферы жизни, в том числе и науку.

¹Пахомов Р. В. Раскопки Стефана Круковского на верхнепалеолитической стоянке Костёнки 1/І. С. 93.

ГЛАВА 3. СТАНОВЛЕНИЕ КОСТЁНКОВСКОЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

3.1. Возобновление работ воронежских исследователей в Костёнках и Борщёво (1922 г.)

В период с 1920-х до начала 1940-х гг. советской власти удалось сформировать отлаженную организационную систему для успешного проведения археологических исследований. Она включала в себя свод законодательных актов, устанавливавших и регулирующих процесс изучения объектов прошлого, и учреждения, бравшие на себя полномочия вести полевые работы и хранить добытый материал. Благодаря ей удалось выявить, исследовать и сохранить значительное число памятников разных эпох. Палеолитические стоянки Костёнковско-Борщёвского района не стали исключением. Так, основываясь на принятых советской властью декретах «Об охране научных ценностей» и «О регистрации, приеме на учёт и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» на Костёнковской и Борщёвской палеолитических стоянках вновь возобновляются раскопки¹.

Первые послереволюционные исследования связаны с Воронежским губернским музеем, в котором в духе времени также происходили кардинальные перемены. После издания советской властью первых декретов по охране культурного наследия в 1918 г. его преобразовали «из музея при Воронежской губернской архивной комиссии с неопределённым числом совершенно бесплатных сотрудников (членов архивной комиссии) в учреждение с определённым штатом платных сотрудников, подведомственное отделу народного образования – Воронежский губернский

¹ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед хр. 532. Л. 20; РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1935. Д. 1; Сорокина И. А. Археология в законодательстве первых десятилетий советской власти // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2015. – Т. 17. № 3(2). – С. 587–589.

музей»¹. С этого времени со стороны государства (прежде всего, местных революционных властей – заведующего Губернским отделом народного образования (ГУБОНО) П. Д. Смирнова и заведующего музейным подотделом А. Ф. Боевой) учреждению стала оказываться всевозможная поддержка. Изменилось музейное руководство. Первый директор заведения С. Е. Зверев, в связи с сохранением духовного сана, ушёл со своего поста и стал завхозом. Новым руководителем учреждения назначили бывшего офицера-воспитателя Кадетского корпуса, дворянина М. К. Паренаго².

Вместе с этим, расширились связи музея с иными учреждениями культуры и образования. Так, удалось установить контакты с организованным в 1918 г. Воронежским университетом, что ознаменовалось расширенным заседанием ВУАК от 22 августа. Профессора гуманитарных факультетов не замедлили включиться в работу краеведов, войдя в состав коллегии музея и возглавив соответствующие отделы³.

В конце 1918 г. Воронеж оказался в зоне активных боевых действий Гражданской войны. Перебои в работе учреждений стали закономерным следствием беспрестанных передвижений в городе войск. Особенно пострадал Воронежский университет. В нём разместились лазареты и красноармейские подразделения, в связи с чем в период с 1918 – 1919 гг. он практически не функционировал. Кроме того, шли радикальные преобразования на гуманитарных направлениях: 23 декабря 1918 г. закрылся юридический факультет, к 1921 г. был упразднен историко-филологический. Вместо них сформировался факультет общественных наук, просуществовавший в Воронежском университете до 1923 г. Попытки повернуть ситуацию вспять, предпринятые во время оккупации Воронежа белыми войсками с 1 по 24 октября 1919 г., провалились. Новые

¹ГАВО. Ф. Р-904. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

²Шестова С. Н. Воронежский государственный историко-культурный музей (Краткий исторический очерк) // Сборник Воронежского Государственного Историко-Культурного Музея. – Воронеж: Тип. Губсоюза, 1925. – Вып. I. – С. 26.

³Там же.

реорганизации гуманитарного образования пришлось на 1921 г. В Воронежском университете, как и везде, были сформированы многопрофильные педагогические факультеты. Особое место на них занимала подготовка учителей истории и обществоведения. Ответственность за это легла на плечи небольшого коллектива историков. Благодаря им студенты получали необходимые знания о прошлом, пусть и в усечённом и бессистемном виде. Но даже при таких условиях появлялись молодые люди, увлекавшиеся археологией. Благо, этому способствовало открытие в 1920 г. воронежского филиала Московского археологического института (ВО МАИ). Именно сюда для получения профильного образования поступят археологи из первого поколения студенчества Воронежского университета – Сергей Николаевич Замятнин (Рис. 2, 11), Мария Евгеньевна Фосс и Дмитрий Дмитриевич Леонов. Задача филиала состояла в подготовке кадров квалифицированных работников в деле охраны памятников искусства и старины для местного края. Для её осуществления учёными и профессорами из Московского и Воронежского университетов читались курсы как по общим дисциплинам (таким как, русская история и историческая география), так и специальным (первобытной археологии, христианской археологии, истории учреждений, музееведению, бытовой археологии, истории археологических открытий, нумизматике). На протяжении двух лет филиал института плодотворно осуществлял свою деятельность по подготовке в Воронеже учёных-археологов. Однако с закрытием центрального учреждения в июне 1922 г. его работа прекратилась, что вынудило молодых исследователей искать новые пути в получении археологических знаний и навыков. Ещё в 1920 г. параллельно с ВО МАИ Мария Евгеньевна поступила на историческое отделение факультета общественных наук, спустя год продолжила обучение на общественно-педагогическом. В 1922 г. она перевелась в Московский университет на археологическое отделение факультета общественных наук. Одновременно на физико-математическом и педагогическом факультетах с 1921 г. учился Дмитрий Дмитриевич Леонов.

Что касается Сергея Николаевича Замятнина, то с 1918 по 1923 гг. он продолжал своё обучение на факультете общественных наук. Спустя некоторое время молодой исследователь перевёлся на отделение естественных наук физико-математического факультета¹.

После закрытия ВО МАИ молодые исследователи стали посещать историко-археологические курсы, организованные местным Обществом по исследованию памятников древности. Занятия проводились по схожей программе. Но уже в октябре 1922 г. в канцелярии и учебных аудиториях представителями ГПУ и губполитпросвета был произведён обыск, часть комнат оказалась опечатана. В январе 1923 г. продолжалась проверка документов. В итоге уже с лета того же года набор на курсы прекратился².

Что касается Воронежского губернского музея, то, несмотря на все тяготы, в 1918 г. ему удалось отпраздновать свой 25-летний юбилей. Спустя 4 года он был преобразован в Воронежский губернский историко-археологический музей (ВГИАМ). В 1923 г. учреждение изменило своё название на Воронежский государственный историко-культурный. В условиях стремительных перемен, развернувшихся при переходе к мирной жизни, заведение решало множество значимых задач: 1) сохранение, инвентаризация и каталогизация уцелевших коллекций; 2) реорганизация экспозиционного зала; 3) проведение полевых исследований на территории губернии для пополнения музейных фондов; 4) публикация краеведческих изданий. И с их выполнением музей эффективно справлялся. В частности, как и раньше, продолжали проводиться разведки и раскопки в крае, в фонды передавались культурные ценности. По сути, в 1920-е гг. Воронежский губернский музей оставался единственным местом, где сохранилось

¹Акиншин А. Н. Центральное Черноземье в биографии и исследованиях Марии Евгеньевны Фосс // Самарский научный вестник: научный журнал. – 2019. – Т 8. – № 2 (27). – С. 94; Акиншин А. Н. Первое студенчество Воронежского университета. Архивная мозаика // Университетская площадь. – 2013. – № 6. – С. 13–14; Захарова Е. Ю. Деятельность Сергея Николаевича Замятнина в Воронежском губернском музее. С. 48–49;

²Акиншин А. Н. Воронежское отделение Московского археологического института (1920–1923 гг.) // Исторические записки. – 2004. – Вып. 10. – С. 121–128.

археологическое направление. Это обстоятельство привлекло в учреждение М. Е. Фосс, Д. Д. Леонова и ряд других молодых людей, увлекавшихся археологией. Вместе с С. Н. Замятниным они возобновили и изучение костёнковских древностей¹. Началом этого процесса можно считать 1921 г.

С февраля 1921 г. С. Н. Замятнин вступил в должность хранителя отдела первобытных древностей. В этом году сюда устроился на работу в качестве младшего научного сотрудника Д. Д. Леонов. Именно на них на первых порах легли заботы по организации археологической экспозиции. Эта работа оказалась достаточно объёмной. В 1923 г. она была закончена на 75%. На тот момент в Воронежский музей устроились слушатель историко-археологических курсов В. К. Быстржинский и преподаватель художественно-промышленного техникума Н. В. Валукинский. В дальнейшем, они сыграли серьёзную роль в развитии музея и изучении костёнковских стоянок.

В июле-августе 1920 г. С. Н. Замятнин от Воронежского отделения МАИ отправился в командировку в Москву с целью приобретения книг для библиотеки отделения. По мнению Е. Ю. Захаровой, именно тогда состоялась его первая встреча с В. А. Городцовым, который выразил желание посетить Воронежскую губернию и, в частности, Костёнки с Борщёво. Это предположение подтверждает письмо С. Н. Замятниного, где высказывались надежды на приезд исследователя в Воронежскую губернию². Но в 1920 г. Василию Алексеевичу удалось посетить лишь поволжские города. Однако с этого времени началась долговременная переписка между В. А. Городцовым и сотрудниками Воронежского губернского музея. С. Н. Замятнин, а затем и

¹Захарова Е. Ю. Деятельность Сергея Николаевича Замятниного в Воронежском губернском музее. С. 48.

²ОПИ ГИМ. Ф. 431. Оп. 1. Ед.хр. 402. Л. 25; Захарова Е. Ю. Деятельность Сергея Николаевича Замятниного в Воронежском губернском музее. С. 49.

Д. Д. Леонов, и Н. В. Валукинский советовались с ним, оперативно высылали по его просьбе фотоматериалы из воронежского музея¹.

Археологическая экспозиция разместилась на первом этаже музея в зале общей площадью около 78 м². При её создании соблюдался хронологический принцип. Согласно ему, сотрудники подготовили 3 подотдела: каменный век, бронза и железо. Немалую помощь в этом им оказал заведующий археологическим отделом ГИМ В. А. Городцов, рекомендации и консультации которого помогли воссоздать их по лекалам ГИМ. Для размещения предметов зал оснастили таблицами, шкафами и витринами. Об объёме и видах проведённых работ нам сообщает Акт обследования музея № 184 от 24 января 1923 г.: «По отделу первобытных древностей имеется совершенно полный инвентарный каталог, выделенный из общего; все предметы проведены по их логической классификации и нашиты на таблицы, которые пронумерованы, как по общему инвентарю цифровому, так и буквенно на самом картоне»². Что касается наполнения зала, то в отчёте об организации и работе музея за 1922 – 1923 гг. приведено наиболее полное его описание: «Хорошо представлен палеолит с его стоянками в Костёнках и неолит близ села Шелаева. Достаточно выявлена «Салтовская» культура предметами из Маяцкого городища с фигурами и надписями на камнях, предметами домашнего обихода и двумя деформированными черепами. Скифо-Сарматская культура представлена раскопками из урочища «Частые курганы» близ г. Воронежа, откуда извлечён в 1911 г. известный серебряный чеканный сосуд с 3-мя парами скифов, находящиеся теперь в Эрмитаже, и большое количество бронзовых предметов, украшенных орнаментом звериного стиля. Культура кочевников – одна витрина: с оружием, украшениями, сосудами и каменная баба. Всего

¹Формозов А. А. Российские археологи в период тоталитаризма. С. 125; Клейн Л. С. История российской археологии. Том 2. Археологи советской эпохи. С. 66; Захарова Е. Ю. Деятельность Сергея Николаевича Замятина в Воронежском губернском музее. С. 51.

²ГАВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 955. Л. 29об.

102 планшет и 139 отдельных предметов, из которых 99 сосудов»¹. Здесь особый интерес для нас представляет упоминание Костёнок. Исходя из него, можно сделать вывод, что для отражения палеолита на территории Воронежской губернии в зале были представлены находки, полученные в результате исследований Костёнковской стоянки. Высока вероятность, что здесь имелись ввиду предметы из поступившей в конце 1910-х – начале 1920-х гг. в фонды музея коллекции С. Круковского, а также каменные изделия и кости, выявленные самим С. Н. Замятниным в ходе разведок.

Ключевым направлением в работе хранителя первобытных древностей являлось изучение и систематизация археологических коллекций в фондах. В частности, это коснулось и костенковских древностей. В начале 1920-х гг. им была обработана конфискованная в 1915 г. коллекция каменных и костяных изделий С. Круковского. Результаты работы были опубликованы в 1922 г. в брошюре «Очерки по доистории Воронежского края». Сергей Николаевич указывал, что в числе кремневых орудий имелся ряд характерных форм периода мадлена: большие ножи, скребки и мелкие острия. Кроме того, в число изделий входили «остроконечники с выемкой в нижней части типа солютре» и «скребки высокой формы» ориньякской эпохи. Следует отметить, что при определении типов каменных орудий С. Н. Замятнин ориентировался на позиции французских и отечественных исследователей, таких как Анри Брейль (Рис. 18)² и Петр Петрович Ефименко. Среди костного материала учёный выделял кости мамонта, челюсть с нарезками и штрихами. Помимо этого, в коллекции исследователь обнаружил небольшую статуэтку из мергеля, изображающую женскую фигуру. Сергей Николаевич подчеркнул,

¹ГАВО. Ф. Р-904. Оп. 1. Д. 1. Л. 3 об., 4.

²Breuil H. Études de morphologie paléolithique. La transition du moustérien vers l'aurignacien a l'abriaudi (dordogne) et au moustier // Revue de l'école d'anthropologie. – Paris: Felix Alcan 1909. – Т. 59, № 1. – Р. 320–340.

что эта находка имела огромное значение, поскольку являлась на территории России первой и единственной в своём роде¹.

Будучи музейным инспектором в Губмузее до конца 1921 г. Сергей Николаевич занимался учётом и сохранением археологических памятников Воронежской губернии. В его обязанности входили поиск историко-археологических и художественных ценностей, наблюдение за выявленными памятниками. На IX Губернском съезде ему было поручено составить археологическую карту Воронежского края. В рамках этого задания за период 1921 – 1922 гг. учёный изучил и зафиксировал большинство памятников Воронежской губернии. Не осталась без внимания и Костёнковская палеолитическая стоянка².

После составления карты памятников свои силы Сергей Николаевич направил на изучение палеолитических памятников на Среднем Дону. Уже в 1922 г. он посетил сёла Костёнки и Борщёво. Здесь молодой исследователь провёл небольшие археологические работы. Они включали как разведку с целью выявления новых памятников и находок, так и раскопки на уже известных памятниках (Рис. 19, 26). На них учёный заложил несколько шурфов, в результате чего обнаружились новые находки³. Они были представлены кремнёвыми изделиями (как заготовками, так и полноценными орудиями, среди которых современные исследователи выделяют резцы (Рис. 20, 21), проколку (Рис. 22), наконечник с боковой выемкой (Рис. 23), долотовидное орудие (Рис. 24) скребки (Рис. 25) и остатками мегафауны (в

¹Замятнин С. Н. Очерки по доистории Воронежского края. Каменный и бронзовый век в Воронежской губернии. С. 9.; Пахомов Р. В. Деятельность Воронежского краеведческого музея по изучению Костёнковско-Борщёвского археологического района в 1920-х годах. С. 77.

²Бухтоярова И.М. Сергей Николаевич Замятнин и его вклад в изучение палеолита. Автореф. дис... к.и.н. – Санкт-Петербург: Институт истории материальной культуры РАН, 2013. – С. 11–12.

³Праслов Н. Д. Сергей Николаевич Замятнин: основные вехи жизни и творчества (21.04.1899–5.11.1958). С. 6–7; Формозов А. А. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. С. 125; Аникович М. В. Палеолит Костёнковско-Борщёвского района в контексте верхнего палеолита Европы. С. 21; Пахомов Р.В. Деятельность Воронежского краеведческого музея по изучению Костёнковско-Борщёвского археологического района в 1920-х годах. С. 77–78.

основном, бивнями и костями мамонта). Эти материальные свидетельства Сергей Николаевич передал в фонды ВГИАМ. В настоящее время предметы С. Н. Замятина, собранные в результате исследований 1922 г., разделены на три коллекции, которые в настоящее время хранятся в фондах следующих учреждений: Государственного музея-заповедника «Костёнки» (МЗК-454, 16 предметов), Музея антропологии и этнографии РАН (Кунсткамеры) (МАЭ №4633, 513 находок), Воронежского областного краеведческого музея (ВОМ-4661, 12 изделий). В настоящее время находки активно прорабатываются современными исследователями и сотрудниками организаций. Вместе с находками Сергей Николаевич собрал новые сведения о местах обнаружения мамонтовой фауны и кремней в регионе.

Исследования С. Н. Замятина привлекли внимание научного сообщества к костёнковским древностям. Так, уже в 1922 г. в процесс их изучения вошёл Воронежский сельскохозяйственный институт. С целью проведения палеоботанических исследований Ботаническая опытная станция с ведома кафедры ботаники направила в район Костёнок и Борщёво своего сотрудника – лаборанта Петра Алексеевича Никитина.

П. А. Никитин прибыл в с. Борщёво в октябре 1922 г. Первоочередной его задачей стало изучение геологического строения плиоценовых и четвертичных толщ в области берегов р. Дон. Для её осуществления исследователь детально описал береговые разрезы реки. При обнаружении отложения с растительными остатками участок зачищался, а затем морфологически разбивался на ряд горизонтов. Наиболее интересные слои промывались на месте. Отдельно отбирались образцы пород для лабораторного исследования¹.

В итоге, у террасы правого берега р. Дон Петром Алексеевичем было выявлено следующее строение: 1. Вязкая глина тусклых зеленовато-синих тонов с пропластками и чешуйками серой глины (2,5 м). 2. Культурный слой из вязкой глины тёмного серо-шоколадного цвета, с кремнёвыми орудиями,

¹Никитин П. А. Плиоценовые и четвертичные флоры Воронежской области. С. 12–13.

остатками очагов и фауной (0,5 м). 3. Перемежающиеся слои грязно-зеленоватого глинистого слюдистого песка с пропластками сине-зелёной глины (0,9 м). 4. Уровень реки¹.

По мнению исследователя, отложения были делювиального происхождения. В дальнейшем, к 1929 г., вместе с П. П. Ефименко и С. Н. Замятниным учёный определил возраст культурного слоя – период мадлена. Выявленные орудия из камня и фаунистические остатки указывали на наличие в этом месте поселения палеолитических людей².

О результатах своих исследований П. А. Никитин сообщил в отдел первобытных древностей ВГИАМ С. Н. Замятнину. У последнего информация о новом скоплении на правом берегу Дона близ с. Борщёва вызвала неподдельный интерес. Вместе с Петром Алексеевичем Сергей Николаевич провёл разведку в указанном месте. В итоге, была выявлена новая палеолитическая стоянка Костёнковско-Борщёвского района – Борщёво 2³. С тех пор Костёнковская и Борщёвская палеолитические стоянки получили свою нумерацию: Костёнки 1 и Борщёво 1.

Таким образом, в 1921–1922 гг. благодаря работе сотрудников ВГИАМ, в особенности С. Н. Замятина, а также Воронежского сельскохозяйственного института в лице П. А. Никитина древности Костёнок и Борщёво вновь привлекли внимание научного сообщества.

3.2. Деятельность Костёнковской экспедиции под рук. П. П. Ефименко (1923–1941 гг.)

¹Никитин П. А. Плиоценовые и четвертичные флоры Воронежской области. С. 77.

²Там же.

³Ефименко П. П. Первобытное общество. С. 560–561; Ефименко П. П. Палеолитическая стоянка Борщёво II. С. 56; Ефименко П. П. Первобытное общество. Очерки по истории палеолитического времени. С. 555–559, 612–614; Палеолит Костёнковско-Борщёвского района на Дону. 1879–1979. Некоторые итоги полевых исследований С. 11; Аникович М. В. Палеолит Костёнковско-Борщёвского района в контексте верхнего палеолита Европы. С. 236; Бояркин М. В. Археология в краеведческих музеях Центрального Черноземья России (конец 1870-х – начало 1990-х гг.). С. 88.

Открытие новой палеолитической стоянки и добытые сведения о мамонтовой фауне в очередной раз подтвердили слова И. С. Полякова, что «в окрестностях Костёнок остаётся ещё широкое поприще»¹. Это подтолкнуло С. Н. Замятнина продолжить исследования в Костёнках и Борщёво. Однако следовало организовать крупную экспедицию, на что у Воронежского губернского музея не хватало средств. Необходимо было привлечь организации или учреждения, готовые вложиться в дело. Кроме того, специфика памятников требовала высокого уровня подготовки, в связи с чем Сергей Николаевич решил привлечь для исследований высококвалифицированного специалиста, обладающего опытом в изучении палеолитических памятников и специализированными знаниями по периоду. Для выполнения всех этих задач требовалась подготовительная работа.

Весь последующий зимний период 1922–1923 гг. сотрудники отдела первобытных древностей разбирали предметы с костёнковских стоянок. В результате, были изучены коллекции, собранные во время исследований 1915 и 1922 гг. В первой половине 1923 г. Сергей Николаевич по поручению музея был командирован в Москву для рассмотрения и исследования коллекций каменного века, хранящихся в ГИМ. По мнению Е. Ю. Захаровой, в это время состоялись переговоры Сергея Николаевича по поводу экспедиции в Костёнках с выдающимися деятелями отечественной археологии – В. А. Городцовым и П. П. Ефименко². И перед тем как раскрыть результаты этих переговоров, следует в нескольких словах обрисовать позиции двух исследователей.

Революция принесла Василию Алексеевичу резкое повышение статуса: в 1919 г. он был назначен профессором Московского университета, а спустя 4 года руководителем археологического отделения в Институте археологии искусствознания Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН). В 1923 г. в Историческом музее

¹Поляков И. С. Указ. соч. С. 79.

²Захарова Е. Ю. Деятельность Сергея Николаевича Замятнина в Воронежском губернском музее. С. 51.

отмечалось 35-летие научно-исследовательской деятельности В. А. Городцова, а одному из залов учреждения было присвоено его имя¹.

Тогда же, в 1923 г. В. А. Городцов опубликовал свой монументальный труд по каменному веку – «Археология. Т. I. Каменный период». Согласно ему, весь период существования человечества следовало подразделять на две крупные эпохи: 1. Доиндустриальная. Совпадает с плиоценом, когда свершился переход от антропоморфных приматов к человеку. В это время в качестве орудий труда применялись камни без обработки. 2. Индустриальная. Охватывает время плейстоценовых образований. Для неё характерны повсеместное применение людьми орудий из камня и железа, первые поселения. По характеру применяемого материала для изготовления орудий учёным выделялись каменный и металлический периоды. Первый, в свою очередь, подразделялся на 5 стадий: 1. эолитическая; 2. археолитическая; 3. мезолитическая; 4. палеолитическая; 5. неолитическая².

Особое внимание В. А. Городцов в своём труде уделил стоянке Костёнки 1. На основе результатов исследований С. Г. Гмелина, И. С. Полякова и А. И. Кельсиева им был сделан вывод, что она представляла собой крупное поселение, где проживали охотники на мамонтов. Сам памятник учёный относил к ранней поре палеолитической эпохи. Таким образом, он актуализировал уже представленную им гипотезу относительно стоянки³.

Выявленный в 1879 г. на Среднем Дону палеолитический памятник, как и Борщёвская стоянка, продолжали вызывать у Василия Алексеевича неподдельный интерес, о чём знал Сергей Николаевич. Неудивительно, что С. Н. Замятнин сначала хотел договориться именно с ним. В результате их встречи Василий Алексеевич высоко оценил знания молодого археолога, однако от приглашения возглавить Костёнковскую экспедицию отказался.

¹Клейн Л. С. История российской археологии. Учения, школы и личности. Том 1. Общий обзор и дореволюционное время. С. 598–599.

²Городцов В. А. Археология. Т. I. Каменный период. С. 27–28.

³Там же. С. 192–197.

Предположительно, план исследований на полевой сезон 1923 г. В. А. Городцов уже разработал, и поездка в Воронежскую губернию в него не вписывалась¹.

Отказ В. А. Городцова заставил С. Н. Замятина искать другого специалиста. Именно тогда во время работы в ГИМ состоялось его знакомство с П. П. Ефименко, являвшимся на тот момент заведующим отделением славяно-финской археологии I археологического разряда. Как это случилось? Вот что об этом писал сам Сергей Николаевич в своём автобиографическом очерке: «В 1923 году получил, благодаря поддержке Цекубу (Центральная комиссия по улучшению быта учёных при СНК РСФСР – авт.), возможность длительной командировки для занятий в Москву (февраль – июнь), где работал под руководством хранителя Российского Исторического Музея, П. П. Ефименко, занимаясь обработкой материала из исследований предыдущего года и систематическим ознакомлением с западно-европейской палеоэтнологической литературой»². Таким образом, Пётр Петрович курировал стажировку Сергея Николаевича в музее. Правда, Т. Д. Белановская описывает, что встреча С. Н. Замятина с П. П. Ефименко произошла в Воронеже, во время которой была представлена женская статуэтка с раскопок С. Круковского 1915 г.³ В любом случае, в результате встречи двух исследователей договорённость о проведении совместных раскопок в районе Костёнок и Борщёво была достигнута.

К желанию Петра Петровича В. А. Городцов отнёсся весьма ревностно. Он использовал все свои полномочия для задержки утвердительного решения по выдаче соответствующего открытого листа. Конфликт между

¹Бессуднов А. Н. Костёнковско-Борщёвский археологический район в научном наследии В. А. Городцова. С. 203–207; Клейн Л. С. История российской археологии. Том 2. Археологи советской эпохи. С. 66; Формозов А. А. Российские археологи в период тоталитаризма. С. 125.

²ВОКМ. Ф. 4533. №124. Л. 1.

³Белановская Т.Д. Воспоминания о Сергее Николаевиче Замятине // Локальные различия в каменном веке. Тез. докл. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения С.Н. Замятина. – Санкт-Петербург: Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого Российской академии наук, 1999. – С. 44 – 45.

исследователями обострился настолько, что он стал предметом обсуждения на научном собрании ГАИМК. В итоге, было принято постановление в поддержку П. П. Ефименко и необходимое разрешение было получено¹.

Перед тем как охарактеризовать ход и результаты Костёнковской палеолитической экспедиции следует прояснить ситуацию, что происходило с П. П. Ефименко в 1915–1921 гг. После двухлетнего кругосветного путешествия 16 сентября 1915 г. он был принят в РИМ на должность помощника хранителя отделения музея им. П. И. Щукина, а затем помощника хранителя отделения памятников народного творчества Отдела исторического быта. В 1918 г. Петра Петровича повысили до заведующего отделением памятников народного творчества Отдела исторического быта. На этом месте исследователь проработал до 1921 г., после чего его определили на должность заведующего отделением славяно-финской археологии I археологического разряда².

Во время работы в РИМ П. П. Ефименко показал себя, как инициативный и предприимчивый сотрудник. Так, в мае 1916 г. он выдвинул в Совете музея предложение о рассылке особого циркулярного обращения во все торфяные предприятия Московской и смежных с ней губерний, согласно которому им следовало извещать музей обо всех находках в разрабатываемых торфяниках. Спустя 2 года под руководством Петра Петровича состоялась первая в истории музея историко-бытовая экспедиция Отдела исторического быта в Рязанскую губернии. В 1921 г. по инициативе П. П. Ефименко была образована комиссия Музея по изучению русской одежды. С 1922 по 1923 гг. он разбирал и описывал коллекции из собрания Уваровых, Румянцевского музея, а также занимался устройством экспозиции в залах №8-12 РИМ. Не забывал Пётр Петрович и своих занятий по изучению каменного века. В 1922 г. на Оке он исследовал ряд неолитических стоянок и местонахождение четвертичной фауны у с. Троице-Пеленицы в Рязанской

¹Бессуднов А. Н. Костёнковско-Борщёвский археологический район в научном наследии В. А. Городцова. С. 203–207;

²Формозов А. А. Русские археологи в период тоталитаризма. С. 121–125.

губернии. Продолжал исследователь работы с коллекциями каменных орудий, в ходе которых были рассмотрены неолитические макролиты с Верхней Волги, Оки, Донца, Крыма, западных областей России и Казахстана. Однако занятия каменным веком Петром Петровичем велись не столько в РИМе, сколько в Московской секции ГАИМК, где он состоял с 1919 г. ассистентом по разряду палеоэтнологии. Причиной тому было влияние В. А. Городцова. На тот момент Василий Алексеевич стремился охватить все древности России, читал курс археологии, освещавший и каменный век, принял участие в раскопках на стоянке Гонцы. Такой видный специалист, как Пётр Петрович, представлялся ему конкурентом и в отделе археологии был ему не нужен. Такая ситуация во многом повлияла на желание П. П. Ефименко вернуться в Петроград¹. Его намерение осуществилось.

В 1923(?) г. Пётр Петрович переехал в Петроград, где стал работать в ГАИМК в должности ассистента в палеоэтнологическом отделении и Этнографическом отделе Русского музея в качестве сотрудника 1 отделения (помощником хранителя). Это сыграло важную роль в организации Костёнковской экспедиции. Памятуя о договорённости с С. Н. Замятниным, П. П. Ефименко уговорил руководство Русского музея пойти на соглашение с Воронежским губернским музеем и совместными усилиями произвести новые археологические работы в Костёнках и Борщёво².

Итак, Костёнковская экспедиция была организована к июлю 1923 г. Средства на её осуществление выделили Этнографический отдел ГРМ и Воронежский губернский музей. Руководство взял на себя, согласно договорённостям, П. П. Ефименко. От воронежского музея в исследованиях приняли участие С. Н. Замятин, Д. Д. Леонов и В. К. Быстрижинский. В первый год экспедиции удалось провести раскопки на стоянках Костёнки 1/1,

¹Отчёт Государственного исторического музея за 1916–1925 гг. С. 69–72, 75; Формозов А. А. Русские археологи в период тоталитаризма. С. 121–125.

²Третьяков П. Н. Пётр Петрович Ефименко. С. 311; Формозов А. А. Русские археологи в период тоталитаризма. С. 121–125; Клейн Л. С. История российской археологии. Учения, школы и личности. Т. 2. Археологи советской эпохи. С. 66; Захарова Е. Ю. Деятельность Сергея Николаевича Замятина в Воронежском губернском музее. С. 51.

Борщёво 1, Борщёво 2 и выявить новые памятники – Костёнки 2 и 3, Борщёво 3 (Рис. 27, 28)¹. В итоге, удалось обнаружить следы верхнепалеолитического жилища, выявить несколько ям-хранилищ, а также собрать богатую коллекцию каменных и костяных изделий. Так, согласно инвентарной описи МАЭ РАН под № 4464 количество предметов, обнаруженных на стоянке Костёнки 1/І, составило 1219 единиц². В результате изучения материалов удалось установить, что в качестве сырья в коллекции выступают чёрный и цветной кремнь, кости животных, зубы и бивни мамонта, мергель, кварцит, сланец и песчаник. Формы первичного раскалывания немногочисленны: всего один призматический нуклеус. Заготовки разнообразны: в коллекции присутствуют изделия из микропластинок (4 пр.), пластинок (50 пр.), пластин (284 пр.), фрагментов (116 пр.), отщепов (70 пр.). В большинстве своём, они покрыты патиной светло-серого и голубого оттенков. Кремнёвый инвентарь включает в себя скребки, комбинированные орудия, наконечники (листовидные и с боковой выемкой), острия, резцы, ножи костёнковского типа, долотовидные изделия, микроорудия, микропластинки и пластинки с притупленным краем. В качестве приёмов вторичной обработки представлены различные виды ретуши (притупливающая и приостряющая), формирование резцового скола, чешуйчатая подтёска. Костяные изделия представлены проколками, мотыгой/долотом, ложилами, пластиной и костью с насечками. Уникальной находкой в коллекции стала женская статуэтка из

¹РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1923. Д. 76; ВОКМ. Ф. 4533. № 90; ВОКМ. Ф. 4533. №124. Л. 1; Ефименко П. П. Костёнки І. С. 27–30; Палеолит Костенковско-Борщёвского района на Дону. С. 11; Захарова Е. Ю. Археологическое изучение Чернозёмного центра России в 20-е годы XX века. С. 154; Аникович М. В. Палеолит Костёнковско-Борщёвского района в контексте верхнего палеолита Европы. С. 21; Клейн Л. С. История российской археологии. Учения, школы и личности. Том 2. Археологи советской эпохи. С. 66–67; Захарова Е. Ю. Деятельность Сергея Николаевича Замятина в Воронежском губернском музее. С. 51; Пахомов Р. В. Деятельность Воронежского краеведческого музея по изучению Костёнковско-Борщёвского археологического района в 1920-х годах. С. 78.

²Пахомов Р.В. К 100-летию первой экспедиции П. П. Ефименко на стоянке Костёнки 1/І. С. 236–240.

кости мамонта высотой 9,05 см¹ (Рис. 29). По мнению Петра Петровича, подобные фигурки носили культовую, эстетическую и социальную функции².

Таким образом, Костёнковская экспедиция 1923 г. открыла новую страницу в истории изучения Костёнковско-Борщёвского археологического района. Именно с неё начались систематические, многолетние, целенаправленные исследования палеолита Среднего Дона (Рис. 30). На протяжении 15 лет с 1923 по 1937 гг. они велись под руководством П. П. Ефименко, с 1938 г. – А. Н. Рогачёва (Рис. 2, 14). Немалую лепту в изучение стоянок Костёнок и Борщёво в этот период внесли С. Н. Замятнин в качестве аспиранта ГАИМК³, работники Воронежского музея в лице Д. Д. Леонова, М. Е. Фосс, Н. В. Валукинского и ученики Петра Петровича – П. И. Борисковский (Рис. 2, 13), А. Н. Рогачёв и С. А. Семёнов.

Изначально исследования памятников представляли собой разведки и раскопки ограниченными площадями. Однако с обнаружением на Костёнках 1 и 3 остатков жилищных конструкций и раскопок С. Н. Замятнина на Гагаринской стоянке 1927-1929 гг., в ходе которых была выявлена палеолитическая землянка, у Костёнковской экспедиции стали намечаться новые задачи. Одной из них стал поиск и целостное изучение жилищ, что требовало новой методики⁴. В связи с этим, Пётр Петрович решительно отказался от старого метода поквadratного вскрытия слоя со снятием всех находок и начал изучать стоянку широкими площадями, что принесло свои результаты.

¹МАЭ РАН. №4464; Палеолит Костенковско-Борщёвского района на Дону. С. 50–62; Верхний палеолит: образы, символы, знаки. Каталог предметов искусства малых форм и уникальных находок верхнего палеолита из археологического собрания МАЭ РАН. С. 48–56; Гиря Е. Ю. Палеолитическая стоянка Костёнки 1 (верхний слой) как опорный памятник и источниковая база развития экспериментально-трассологической методики в отечественной археологии. С. 61–64; Гиря Е. Ю. Доказательная интерпретация каменных индустрий: морфономия, морфология, контекст // Древний человек и камень: технология, форма, функция. – Санкт-Петербург: Центр «Петербургское востоковедение», 2017. – С. 34–45.

²Ефименко П. П. Статуэтка солотрейского времени с берегов Дона. С. 139–141; Ефименко П. П. Костёнки I. С. 29–30.

³Захарова Е. Ю. Сергей Николаевич Замятнин – аспирант ГАИМК. С. 176–177.

⁴Ефименко П. П. Палеолит СССР. Итоги и перспективы его изучения. С. 9.

Для наглядного отражения достижений Костёнковской палеолитической экспедиции под руководством П. П. Ефименко и А. Н. Рогачёва здесь будет уместно дать в краткой форме изложение хода и результатов археологических работ за период 1924–1938 гг. Наиболее детальное рассмотрение полевых исследований приведено в Приложении 8.

В 1924 г. сотрудниками Воронежского государственного историко-культурного музея Д. Д. Леоновым и М. Е. Фосс в ходе разведок на Костёнках 1 и Борщёво 2 был собран богатый материал¹.

С 16 сентября по 3 сентября 1925 г. Костёнковская палеолитическая экспедиция под руководством П. П. Ефименко изучила Борщёво 1, 2 и 3. На Борщёво 1 была вскрыта площадь 40,5 м². Борщёво 2 исследовалось 3 раскопами 61,5 м² общей площадью².

В 1926 г. экспедиция под руководством П. П. Ефименко провела разведочные работы в окрестностях стоянки Костёнки 1. В итоге, был обнаружен новый памятник – Костёнки 7³.

Октябрь 1927 г. ознаменовался новыми исследованиями в районе Костёнок. Группа Костёнковской палеолитической экспедиции под руководством аспиранта ГАИМК С. Н. Замятниной произвела раскопки Костёнок 2, 3 и открыла новые стоянки – Костёнки 4, 6 и 20. Основные работы были сосредоточены на стоянке Костёнки 4. Здесь было заложено 11 шурфов от 2 до 20 м². На Костёнках 3 было исследовано 38 м². На Костёнках 2 группа С. Н. Замятниной выявила очаг с богатым культурным слоем. Здесь

¹Акиншин А.Н. Центральное Черноземье в биографии и исследованиях Марии Евгеньевы Фосс // Самарский научный вестник: научный журнал. – 2019. – Т. 8. – № 2 (27). – С. 95; Пахомов Р. В. Деятельность Воронежского краеведческого музея по изучению Костёнковско-Борщёвского археологического района в 1920-х годах. С. 78.

²Ефименко П. П. Некоторые итоги изучения палеолита СССР. С. 45; Ефименко П. П. Палеолитические стоянки Восточно-Европейской равнины. С. 88–89. Ефименко П. П. Первобытное общество. С. 456–458, 560–564; Векилова Е. А. Палеолитическая стоянка Борщёво I. С. 113–136; Ефименко П. П. Первобытное общество. Очерки по истории палеолитического времени. С. 555–559, 612–614.

³Палеолит Костёнковско-Борщёвского археологического района. 1879–1979. Некоторые итоги полевых исследований. С. 91–92.

впервые применили технику раскопок с помощью почвенного бура (Рис. 31, 32)¹.

В 1928 г. Костёнковская палеолитическая экспедиция под руководством П. П. Ефименко при участии П. Н. Третьякова осуществила раскопки на Костёнках 3 (Глинище) и 4 (Александровская стоянка) (Рис. 33, 34). Также исследователи осуществили разведки на Костёнках 5 и 14².

С 15 июля по 15 сентября 1929 г. экспедиция под руководством П. П. Ефименко, при участии П. И. Борисковского, провела исследования Борщёво 2 и Костёнок 6, а также результативную разведку в окрестностях села Рудкино³.

В период с 21 августа по 22 сентября 1931 г. силами Костёнковской палеолитической экспедиции проведены обширные раскопки стоянки Костёнки 1/1⁴, в ходе которых оказались выявлены остатки большого позднепалеолитического жилища с мощным культурным слоем, ямы хозяйственного значения и очаги. Была изучена территория общей площадью 145 м². Также была собрана весомая коллекция, состоявшая из каменных и костяных изделий, предметов искусства и фаунистического материала (более 5949 находок)⁵.

¹РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1927. Д. 226. Л. 1–3; Замятнин С. Н. Экспедиция по изучению культур палеолита в 1927 г. С. 211; Рогачёв А. Н. Александровское поселение древнекаменного века у села Костёнки на Дону. С. 17; Векилова Е. А. Летопись Костёнковской палеолитической экспедиции. С. 209; Палеолит Костёнковско-Борщёвского археологического района. 1879–1979. Некоторые итоги полевых исследований. С. 76, 88, 197; Желтова М. Н. Этапы изучения Александровской стоянки (Костёнки 4). С. 113–116; Аникович М. В. Палеолит Костёнковско-Борщёвского района в контексте верхнего палеолита Европы. С. 157.

²Рогачёв А. Н. Александровское поселение древнекаменного века у села Костёнки на Дону. С. 11–100; Векилова Е. А. Летопись Костёнковской палеолитической экспедиции. С. 209; Желтова М. Н. Этапы изучения Александровской стоянки (Костёнки 4). С. 116–118.

³Векилова Е. А. Летопись Костёнковской палеолитической экспедиции. С. 209; Палеолит Костёнковско-Борщёвского археологического района. 1879–1979. Некоторые итоги полевых исследований. С. 88.

⁴Подробнее о раскопках стоянки Костёнки 1/1 в 1931 см. Приложение №4.

⁵РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1931. №866. Л. 1–22; РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1931. №869. Л. 1–11; РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1931. №870; РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1931. №871. Л. 1–2; МАЭ. №868; Ефименко П. П. Палеолит СССР. Итоги и перспективы его изучения. С. 7–9; Ефименко П. П. Костёнки I. С. 30–33.

Спустя год Костёнковская палеолитическая экспедиция под руководством П. П. Ефименко продолжала изучение обнаруженного на территории стоянки Костёнки 1/1 жилища. В результате, в его внутренней части обнаружилась целая сеть углублений различных размеров. Интересной особенностью участка являлось преобладание небольших ям и западин, часто формировавших единые группы. В процессе раскопок уточнялась методика вскрытия и фиксации культурных остатков, была поставлена проблема соподчинения деталей и общей планировки жилища, соотношение горизонтальной планировки объектов и вертикального членения толщи культурного слоя¹.

В течение августа – октября 1933 г. экспедиция продолжала изучать палеолитическое жилище на стоянке Костёнки 1/1² (Рис. 35, 36). Было заложено 2 раскопа размерами от 4 до 12 м в длину. В итоге, зафиксирована двухкамерная землянка, заполненная костями мамонта, очаги с золой и костным углём (2 объекта), ямы в полу жилья по типу объектов 1931 г. Впервые были встречены более древние находки, свидетельствующие о многослойности памятника. Их образцы Пётр Петрович передал для анализа в Воронежский сельскохозяйственный институт П. А. Никитину и В. И. Громову. Группа в составе С. А. Семёнова и А. Н. Рогачёва провела ряд разведок в районе водораздела Дона и Оскола в радиусе 15 км от Костёнок, в ходе которых новых палеолитических памятников и месторождений кремня обнаружено не было. После завершения раскопок Костёнок 1/1 П. П. Ефименко вместе с сотрудниками Воронежского государственного историко-культурного музея Д. Д. Леоновым и И. Д. Смирновым совершил поездку вверх по Дону в направлении с. Конь-Колодезь и г. Задонск. В результате,

¹РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1932. №254. Л. 1–10; РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1932. №256. Л. 1–37; Векилова Е. А. Летопись Костёнковской палеолитической экспедиции. С. 209; Ефименко П. П. Костёнки I. С. 33–34.

²Подробнее о раскопках Костёнки 1/1 за 1933 г. см. Приложение №5.

было изучено несколько пунктов и на одном, в местности Конь-Колодезь, обнаружен призматический нуклеус¹.

В августе–ноябре 1934 г. изучение палеолитического жилища на стоянке Костёнки 1/1 было продолжено. Целью исследований являлось определение границы распространения культурных остатков с южной, восточной и западной сторон. Вначале было заложено 2 раскопа. В первом была полностью изучена найденная в 1933 г. землянка, разобрана прилегающая хозяйственная яма. Таким образом, удалось определить контуры жилища и уточнить его площадь. Она достигала размеров 30х15 м. Во втором раскопе, заложенном западнее, исследователи обнаружили новое жилище двухкамерного типа. На недалёком расстоянии от неё была разобрана необычная яма с костным углём и золой. С точки зрения П. П. Ефименко, на этом месте раньше находилась однокамерная землянка. Вскрытая двумя раскопами территория продемонстрировала, что жилые землянки и ямы-кладовые сосредоточились по обеим сторонам от линии очагов, непосредственно у окраины жилого пространства, часто выходя за его пределы. За ней культурный слой резко прерывался. В связи с этим, перед исследователями встал вопрос: насколько простирается жилое пространство? Для ответа на него экспедицией было заложено 6 раскопов. В результате, в третьем раскопе обнаружилась яма-кладовая; в четвёртом – 2 очага с ямами-хранилищами и фрагментами больших трубчатых костей рядом; в пятом – яма-кладовая; в седьмом – место выклинивания культурных остатков; в восьмом – небольшое скопление кремнёвых изделий и дроблёной кости. Шестой участок оказался вне пределов жилья (Рис. 36).

¹РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1933. №184. Л. 2–8; РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1933. №247. Л. 1–34; РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1933. №254. Л. 1–28; РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1933. №255. Л. 3–7об; РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1933. №184. Л. 8–10; Векилова Е. А. Летопись Костёнковской палеолитической экспедиции. С. 209; Ефименко П. П. Костёнки I. С. 34.

Недалеко от Костёнок 2 А. Н. Рогачёв благодаря разведочной шурфовке обнаружил новую стоянку – Костёнки 10 (Аносовка 1)¹.

С июля по ноябрь 1936 г. Костёнковская палеолитическая экспедиция работала в составе двух отрядов. Первый под руководством Н. В. Валукинского², а затем А. Н. Рогачёва продолжал исследования Костёнок 1/І. Им был заложен 1 крупный раскоп. В результате, выявились 4 участка концентрации находок, во время изучения которых обнаружили 2 очага, ямы-кладовые, западины и новая землянка со следами заброшенности и разрушений. В целом, рассмотренная за полевой сезон 1936 г. территория была покрыта мощным слоем культурных отложений. По её центральной оси располагались 2 очага (в диаметре 1–1,20 м) с золой и углём. Для завершения общей конфигурации экспедиция вскрыла небольшой участок в западной части стоянки, расширила площадь основного раскопа в районе восточных границ. Однако они оказались вне пределов жилища. В результате исследований 1936 г. удалось вскрыть площадь свыше 600 м², установить границы жилого пространства стоянки Костёнки 1/І и изучить все находившиеся в его рамках скопления культурных остатков. Была собрана богатая коллекция находок (Рис. 38, 39, 40). Второй отряд во главе с П. И. Борисковским производил раскопки на стоянке Борщёво 2 площадью более 350 м². В итоге, выявлен необычный объект – выкладка из камней, по своей форме приближавшаяся к полукругу. По мнению П. И. Борисковского, это могли быть остатки древнего культового места. Проводились разведочные работы на Борщёво 3. Также А. Н. Рогачёв осуществил археологическую разведку на территорию колхоза имени Тельмана, где жителем села Костёнки А. Е. Фокиным обнаружались кости ископаемых животных. В результате

¹РО ИИМК РАН Ф. 2. Оп. 1. 1934. №387. Л. 1–38; Ефименко П. П. Итоги работ в Костёнках. С. 64–71; Ефименко П. П. Палеолитические стоянки Восточно-Европейской равнины. С. 88–113; Ефименко П. П. Село Костёнки, 1934 г. С. 154–156; Ефименко П. П. Костёнки І. С. 34–36; Векилова Е. А. Летопись Костёнковской палеолитической экспедиции. С. 209; Пахомов Р. В. Открытие и изучение жилых комплексов на стоянке Костёнки 1/І (1926–1936 годы). С. 51.

²Подробнее о работах Н. В. Валукинского на Костёнках 1/І см. Приложение №6.

обследования исследователю удалось обнаружить тонкий культурный слой с кремнёвыми и кварцевыми изделиями верхнепалеолитического времени. Таким образом была открыта новая стоянка – Костёнки 8 (Тельманская стоянка)¹.

В 1937 г. Костёнковская палеолитическая экспедиция вела раскопки на стоянках Костёнки 4 и 8². На Костёнках 4 были расчищены смежные шурфы 1927 и 1928 гг., а затем раскопана площадь до 400 м². Здесь выявлено первое длинное жилище размерами 34х5,5 м с очагами. На Костёнках 8 была вскрыта территория размером более 70-80 м² и обнаружены остатки округлого жилища. В 3 шурфах на глубине 3-4 м от поверхности найдены кремни и обломки костей, указывавшие на наличие нижнего слоя. В 50 м от Тельманской стоянки шурфовка позволила выявить новую стоянку – Костёнки 9 (Бирючий лог). Также М. Н. Грищенко провёл на изученной территории небольшие геологические исследования³.

В 1938 г. продолжались работы на Александровской стоянке. Здесь были вскрыты остатки второго длинного жилища размерами 23х5,5 м с очажными ямами. К ним примыкали округлые жилые углубления. Их заполнение заметно отличалось от культурного слоя «длинного дома», что

¹РО ИИМК РАН Ф. 2. Оп. 1. 1936. №334. Л. 68–101; РО ИИМК РАН Ф. 2. Оп. 1. 1936. №416. Л. 1–119; РО ИИМК РАН. Ф.2. Оп. 1. 1936. Д. 395. Л. 38; Ефименко П. П. Село Костёнки, 1936 г. С. 156; Ефименко П. П. Тельманское палеолитическое поселение (раскопки 1937 г.). С. 192; Борисовский П. И. Раскопки Боршевской второй палеолитической стоянки в 1936 г. С. 281–284; Ефименко П. П. Палеолитическая стоянка Борщёво II. С. 93; Ефименко П. П. Костёнки I. С. 36–40; Векилова Е. А. Летопись Костёнковской палеолитической экспедиции. С. 210; Пахомов Р. В. Открытие и изучение жилых комплексов на стоянке Костёнки 1/I (1926–1936 годы). С. 56; Костёнки 8 (Тельманская стоянка). С. 15.

²Подробнее о работах А. Н. Рогачёва на стоянках Костёнки 4 и 8 см. Приложение №7.

³РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1937. №242. Л. 38, 39; Ефименко П. П. Тельманское палеолитическое поселение (раскопки 1937 г.). С. 192–229; Ефименко П. П. Некоторые итоги полевых исследований. С. 95, 109; Литвинов М. В. Раскопки в Костёнках // Коммуна. – 11 сентября. – 1937. – С. 234; Рогачёв А. Н. Костёнковская экспедиция. С. 18–19; Рогачёв А. Н. Палеолитическое поселение Костёнки IV. С. 36–37; Рогачёв А. Н. Александровское поселение древнекаменного века у села Костёнки на Дону. С. 1–138; Векилова Е. А. Летопись Костёнковской палеолитической экспедиции. С. 210; Желтова М. Н. Этапы изучения Александровской стоянки (Костёнки 4). С. 118–123; Костёнки 8 (Тельманская стоянка). С. 15–17.

натолкнуло А. Н. Рогачёва на мысль о одновременности этих комплексов. Также были проведены исследования с целью изучения стратиграфического положения культурных остатков на других стоянках. Так, на Костёнках 1 был заложен шурф, в котором на глубине 3,5 м обнаружили остатки нового нижнего культурного слоя¹.

Таким образом, в результате планомерных и систематических археологических исследований на Среднем Дону в 1923-1938 гг. было выявлено 15 палеолитических памятников, предоставивших огромный массив сведений по быту, материальной и духовной деятельности местного населения этой эпохи. Исследователям удалось обнаружить объекты хозяйственной деятельности первобытного человека: остатки различных видов жилищ (округлые и длинные дома) (Рис. 39, 49, 50), ямы-кладовые, ямы-хранилища, очаги (Рис. 39, 40). Экспедицией были собраны богатые коллекции каменных и костяных изделий, насчитывающие более 10000 предметов (Рис. 41–48, 53, 54). Среди них значительную часть составили произведения искусства – женские статуэтки (Рис. 51), фигурки животных (Рис. 52), подвески. Благодаря материалам, собранным на костёнковских и борщёвских стоянках, П. П. Ефименко сформулировал авторскую концепцию верхнего палеолита Восточной Европы.

3.3. Утверждение стадияльной парадигмы в изучении Костёнок.

Воронежский геологический пленум (22–29 мая 1941 г.)

Какая же картина верхнего палеолита Восточной Европы была построена П. П. Ефименко? Перед тем, как дать её характеристику, следует охарактеризовать события, происходившие вокруг учёного.

В 1929-1930-х гг. в ГАИМК началось движение по внедрению марксистских позиций в историческую науку. Учёным следовало проводить

¹Рогачёв А. Н. Палеолитическое поселение Костёнки IV. С. 37–40; Рогачёв А. Н. Александровское поселение древнекаменного века у села Костёнки на Дону. С. 1–138; Векилова Е. А. Летопись Костёнковской палеолитической экспедиции. С. 210; Желтова М. Н. Этапы изучения Александровской стоянки (Костёнки 4). С. 120–123.

свои археологические изыскания в соответствии с марксистской идеологией. О том, как проходило становление археологии на коммунистические рельсы, подробно описано в трудах О. Ю. Артёмовой¹. Согласно ей, вследствие огромного влияния учений К. Маркса, Ф. Энгельса Л. Моргана и представителей эволюционизма, развитие человеческого общества в советской науке представлялось в форме последовательной и повсеместной смены эпох, в рамках которых шло становление следующих формирований: промискуитет, кровнородственная и пуналуальная семья, материнский род, отцовский род и, наконец, первобытнообщинный строй².

Эти представления, ввиду линии партии, оставались неукоснительными вплоть до 1950-х гг. Советским учёным предписывалось реализовывать свои исследования в соответствии с принятыми установками. Будучи членом РСДРП, П. П. Ефименко придерживался коммунистических идей. Однако совместить их с изучением палеолита Русской равнины для него представлялось весьма сложной задачей³. Проблемы было две: теоретическая и методологическая. В первом случае, советская археология 1930-х гг. стала активно бороться со всеми проявлениями буржуазной науки, якобы делавшей акцент лишь на поиске, анализе и систематизации обнаруженных материалов и не заботившейся о реконструкции социальных явлений. Вместо этого следовало выявлять и раскрывать социально-экономические связи и общие исторические закономерности⁴. Это порождало вторую проблему: вставал вопрос о том, как правильно реконструировать общественные отношения первобытных людей, поскольку сведений, полученных с помощью типологического метода, для решения поставленных задач явно не хватало.

¹Артёмова О. Ю. А. М. Золотарев: трагедия советского учёного // Репрессированные этнографы. – Москва: Восточная литература РАН, 2003. – Вып. 2. – С. 193–226.

²Артёмова О. Ю. Указ. соч. С. 189–190.

³РО ИИМК РАН. Ф. 2. 1937. Д. 35. Л. 108–109; Аникович М. В. Палеолит Костёнковско-Борщёвского района в контексте верхнего палеолита Европы. С. 24.

⁴Аникович М. В. Палеолит Костёнковско-Борщёвского района в контексте верхнего палеолита Европы. С. 192.

Для преодоления вышеуказанных проблем П. П. Ефименко решил кардинально изменить подход к раскопкам. В ходе изучения костёнковских и борщёвских стоянок он стал учитывать не только конструкции и предметы, но и следы. Исследователь описал их формы, размеры и контекст обнаружения. Таким образом, Пётр Петрович сделал первые шаги к появлению трасологии. В этом направлении продолжил работать выдающийся исследователь Сергей Аристархович Семёнов. Он подробно изучил находки с костёнковских стоянок, выделив типы и природу обнаруженных на них следов. Результаты своих изысканий учёный представил в 1937 г. в кандидатской диссертации «Изучение функций верхнепалеолитических орудий труда по следам от употребления». Около 20 лет Сергей Аристархович совершенствовал методику изучения этого типа источника, вырабатывал общие теоретические основы. В итоге, он создал новый метод изучения артефактов – трасологический. Его принципы были опубликованы в книге «Первобытная техника»¹.

Помимо привлечения новых источников археологи меняли и саму методику полевых исследований. Если в 1920-х гг. раскапывали памятник с помощью отдельных квадратов, вскрывая культурный слой вплоть до горизонта, то уже в 1930-х гг. работы проводились широкими площадями с учётом прилегающего контекста. Это позволило выявить чёткую взаимосвязь между находками, а также расширить материальную базу для изучения поселений древнего каменного века. Были выявлены разновременные жилые комплексы, включавшие землянки, хозяйственные ямы, очаги. В итоге, перед глазами учёных-палеолитоведов предстала довольно разнообразная и весьма сложная картина жизни первобытных людей, обитавших на Русской равнине. Исходя из результатов изучения долговременных жилищ и женских

¹Семёнов С. А. Первобытная техника. Опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы // Материалы и исследования по археологии СССР. – Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1957. – 240 с.; Гиря Е. Ю. Палеолитическая стоянка Костёнки 1 (верхний слой) как опорный памятник и источниковая база развития экспериментально-трасологической методики в отечественной археологии. С. 76, 90, 96–97.

статуэток, а также этнографических параллелей П. П. Ефименко пришёл к выводу, что на Среднем Дону проживала родовая община с культом Богини-Матери. Таким образом, учёным продвигалась идея матриархата в палеолите. По мнению Н. И. Платоновой, несмотря на то, что выдвинутые Петром Петровичем позиции сейчас подвергаются справедливой критике, результатом создания такой концепции стал опыт, который нужно учитывать¹.

Не ограничившись социальными реконструкциями, П. П. Ефименко попытался включить выявленные находки в общеевропейскую систему палеолита. Ведь считалось, что человечество в культурном плане проходило одинаковые стадии развития. В итоге, была сформулирована стадияльная концепция, которой придерживались советские археологи вплоть до середины 1950-х гг. Она строилась на следующих столпах: 1. Основным ориентиром для определения характера и хронологии памятника являются орудия и выявленные на памятнике конструкции. В свою очередь, стратиграфия хоть и учитывалась, но не имела большого значения. 2. Человечество прошло семь стадий становления: раннетельманская (соотносились с перигордьеном; представлена материалами нижнего культурного слоя Костёнок 8), позднетельманская (связана с ранним солютре; её памятники – верхний слой Костёнок 8, нижний слой Костёнок 1), костёнковская (увязывалась с средним солютре; ключевыми стоянками здесь являются Костёнки 1/1, Борщёво 1, Пушкари 1, Авдеево), мезинская (стадия позднего солютре; её стоянки – Костёнки 4, Дольни Вестонице, Елисеевичи, Мезин), кирилловская (связана с ранним мадленом), гонцовская (связывалась с средним и поздним мадленом; представлена материалами стоянок Гонцы и Борщёво 2), боршевская (фаза эппалеолита; к ней причислялось Борщёво 3)². Здесь налицо попытка Петра Петровича синтезировать идеи европейских учёных, свои прежние типологические наработки, результаты исследований

¹Платонова Н. И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. С. 194.

²Ефименко П. П. Первобытное общество. С. 328–329; Васильев С. А. Указ. соч. С. 53–54.

1920-1930-х гг. и социально-экономические позиции коммунистической идеологии. При этом ни ему, ни его ученикам не удалось выработать общих критериев по соотнесению костёнковских и западных материалов. Для этого необходимо было глобальное усовершенствование типологического метода, что в то время не приветствовалось. Всё ограничивалось выявлением некоторых общих черт. Более того, на Костёнках 1/І, 2, 4, 8 обнаруживались находки, не вписывавшиеся в предложенную периодизацию, что отмечал А. Н. Рогачёв. Пытаясь объяснить эти противоречия, Пётр Петрович писал, что ориньяк и солютре – лишь вариации комплекса технологических приёмов по работе с камнем, характерные для ранней фазы верхнего палеолита. Позднее он и вовсе указывал на вероятность существования синхронных, но различных по характеру инвентаря археологических культур¹.

Таким образом, сам создатель стадияльной парадигмы выдвигал идеи, подтачивавшие её неколебимость. Это заставляло некоторых исследователей задумываться над созданием новой концепции верхнего палеолита в Костёнках. Однако имевшихся результатов для опровержения на момент 1930-1940-х гг. было недостаточно. Необходимы были новые работы комплексного характера. В этой связи заметным событием стал Воронежский геологический пленум Советской секции INQUA, состоявшийся 22–29 мая 1941 г.

Пленум стал первым организованным посещением верхнепалеолитических памятников Среднего Дона археологами и геологами, что положило начало комплексного археологического подхода к изучению палеолитических древностей Костёнковско-Борщёвского района. Немалое значение пленум имел для региональной науки: впервые Воронеж принимал столь многочисленную именитую публику – несколько десятков учёных (геологов, почвоведов, археологов) из столичных и провинциальных научных учреждений страны. Ход и результаты пленума отражены в

¹Ефименко П. П. Первобытное общество. С. 326; Ефименко П. П. Первобытное общество. Очерки по истории палеолитического времени. С. 435.

документах архивов ИИМК и ГАВО, дневниках В. А. Городцова. Подробно эту тему изучили А. Н. Бессуднов, Е. Ю. Захарова и А. А. Бессуднов¹. Согласно их исследованиям, мероприятие было организовано совместными усилиями ИИМК, Воронежского СХИ и ВГУ. Перед его открытием М. Н. Грищенко, Д. Д. Леонов и А. Н. Рогачёв по поручению Института провели зачистку на Борщёво 2 и Костёнках 3, а также заложили шурф площадью около 4 м² рядом с местами раскопок 1938 г. В свою очередь, геологи из ВГУ провели подготовительные геологические исследования².

Председателем пленума являлся Сергей Александрович Яковлев. Работа секции INQUA делилась на заседания и полевые экскурсии. Всего было проведено 7 заседаний (22, 24, 27, 29 мая), в ходе которых участники зачитали 50 сообщений по археологическим и геологическим темам: 1. Четвертичные отложения Донского ледникового языка, их стратиграфическое обоснование по палеонтологическим, археологическим и литолого-петрографическим данным, а также их практическое значение в связи с освоением полезных ископаемых и использованием подземных вод. 2. Новые данные об ископаемом человеке на территории СССР за период с 1939 по 1941 гг. 3. Новые данные о межледниковых отложениях на территории СССР. 4. О границе между третичным и четвертичными периодами. Число слушателей составило 80 человек (Рис. 55). 23, 26 и 28 мая состоялись экскурсии по памятникам Верхнего и Среднего Дона. 25 мая участники пленума познакомились с коллекциями музея СХИ. В конце мероприятия была составлена резолюция³.

В работе пленума приняли непосредственное участие В. А. Городцов (выступил с докладом «О роли геологии, палеонтологии и антропологии в археологии»), П. П. Ефименко (зачитал сообщение «Палеолитические

¹Бессуднов А. Н. Из истории археологии: Воронежский геологический пленум (22–29 мая 1941 г.) // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. – 2013. – №2. – С. 92–93.

²Там же. С. 92–93.

³Там же.

памятники Костёновско-Борщёвского района»), С. Н. Замятнин (прочитал доклады «Основные проблемы изучения древнего палеолита СССР» и «Основные стадии палеолита Костёновско-Борщёвского района»), П. И. Борисковский (выступил с сообщением «Палеолитическая стоянка Борщёво 2»)¹.

Наиболее значимым событием на пленуме стало получение и освещение геоморфологических сведений на костёнковских и борщёвских памятниках. Благодаря геологическим работам, проведённым М. Н. Грищенко, стадияльная концепция продемонстрировала своё несовершенство².

Таким образом, Воронежский геологический пленум 1941 г. дал начало формированию новому подходу к изучению памятников Костёновско-Борщёвского археологического района.

¹Бессуднов А. Н. Из истории археологии: Воронежский геологический пленум (22–29 мая 1941 г.). С. 95.

²Там же.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Костёнковско-Борщёвский археологический район занимает особое место в археологической науке. На всей территории Восточной Европы только здесь, на Среднем Дону, выделяется комплекс индустрий, относящихся к самому началу верхнего палеолита (древнее 45 тыс. л. н.). Сосредоточенные на довольно небольшой территории памятники отличаются исключительным культурным разнообразием. До сих пор находки из Костёнок и Борщёво играют важную роль в развитии концепций, связанных с формированием и распространением культурных традиций палеолита. Без обращения к памятникам Костёнковско-Борщёвского района невозможно даже правильно поставить какую-либо важную проблему верхнего палеолита Восточной Европы. В связи с этим не утратила актуальности история изучения памятников района.

В настоящей работе обобщены и проанализированы данные, отражающие процесс археологического изучения Костёнковско-Борщёвского района в период с конца XVII до середины XX вв. В результате, мы пришли к следующим выводам. Изучение древностей Костёнок, начавшееся с эпизодических сборов материала в конце XVII в. и продолжающееся вплоть до настоящего времени с помощью ежегодных научных экспедиций, представляет собой наглядный пример обращения последовательно сменяющихся поколений исследователей и любителей к этим памятникам для аргументации или опровержения магистральных концепций/парадигм в области палеолитоведения, одновременно на них внедряются и отрабатываются новые методические приемы.

Период конца XVII – конца XVIII вв. стал временем появления ранних представлений о костёнковских древностях. Именно тогда к ним зародился познавательный интерес, были проведены работы на территории Костёнок (раскопки, произведённые по личному указанию Петра I солдатом Преображенского полка Филимоном Яковлевичем Катасоновым 1696 г.,

«научное путешествие» С. Г. Гмелина 1768–1769 гг.) и сформированы предположения о природе обнаруженных находок. Если, с точки зрения зоологии, выявленные кости единодушно относились исследователями к останкам слонов, то историческая интерпретация разнилась. Все, кто пытался понять природу древних костей – от Петра I до Е. А. Болховитинова – считали, что они остались от животных, пришедших на территорию Подонья с войсками завоевателей: по версии царя – Александра Македонского; Г. З. Байера – персидского царя Дария II; Е. А. Болховитинова – хана Батыя. Лишь С. Г. Гмелин предполагал автохтонное происхождение этих животных.

Важным событием, ставшим предпосылкой для возобновления интереса к Костёнкам, стала Антропологическая выставка 1879 г. Охватив все передовые для того времени достижения отечественной и зарубежной археологии, она сформировала научную основу для дальнейшего изучения палеолитических стоянок. Также во время её подготовки обрели ценный опыт первые исследователи Костёнковской палеолитической стоянки – И. С. Поляков и А. И. Кельсиев. В результате их раскопок были получены неопровержимые доказательства одновременного существования палеолитического человека и мамонта. Сегодня собрания находок палеолита Ивана Семёновича и Александра Ивановича находятся в фондах МАЭ РАН и ГИМ соответственно. Открытая стоянка по-разному интерпретировалась исследователями: И.С. Поляков характеризовал Костёнки 1 как стоянку охотников на мамонтов; А. И. Кельсиев описывал её, как «мамонтовое кладбище», эксплуатируемое древними людьми в течение длительного времени.

Несмотря на организационные и идеологические преграды, в 1880-х гг. изучение территории Костёнок было продолжено силами членов ВГСК – Л. Б. Вейнберга, Е. Л. Маркова и С. Е. Зверева. В результате фонды Воронежского губернского музея пополнились первыми экземплярами верхнепалеолитических кремнёвых и костяных изделий (в настоящее время предметы утрачены).

В первое десятилетие XX в. интерес к Костёнкам стали проявлять геологи: А. А. Штукенберг и Н. И. Криштафович. Помимо сборов данных по геологии берегов Дона они провели небольшие археологические раскопки. Если определить масштаб исследований Александра Антоновича 1890 г. из-за утраты всей документации не представляется возможным, о раскопках Николая Иосифовича 1904 г. известно, что в Костёнках было заложено 6 шурфов, а полученная им коллекция хранится в фондах Отдела эпохи камня Общественного Археологического музея в Варшаве и пока недоступна для непосредственного изучения.

В 1905 г. представитель ИАК А. А. Спицын открыл стоянку Борщёво 1, близкую по времени к Костёнкам 1. Коллекция исследователя, сформированная в результате изучения памятника, хранится в фондах ГИМ. Александру Андреевичу принадлежит и обобщающий труд по палеолиту России (1915), в котором вышеуказанным стоянкам отведено особое место. Он ввёл их в общий реестр памятников восточноевропейского палеолита. Более того, учёный выявил специфику костёнковских и борщёвских находок и создал предпосылки для выделения археологических культур в регионе.

Обнаружение в 1905 г. новой палеолитической стоянки привлекло внимание к костёнковским древностям В. А. Городцова. В 1908 и 1923 гг. он опубликовал работы, где, основываясь на технологическом принципе, дал подробную характеристику Костёнкам 1/1. Учёный описал памятник как поселение охотников на мамонтов, основными орудиями которых были копы, скребки и ножи.

Вершиной исследовательской мысли первых десятилетий XX в. в области изучения костёнковских материалов признана публикация П. П. Ефименко (1915 г.). Изучив коллекции первых исследователей Костёнок, он поставил вопрос о выделении новой верхнепалеолитической фации, путях эволюции в различных широтах. Однако малочисленность данных не позволила развить эти мысли дальше.

С. Круковский в 1915 г. провёл в Костёнках самые крупные раскопки дореволюционного периода, но эти исследования носили бессистемный и поспешный характер. Их главной целью стал сбор наиболее интересных предметов древности для формирования коллекции Антропологической лаборатории Варшавского научного общества (ВНО). Сейчас собрание польского учёного хранится в фондах МАЭ РАН.

В 1923 г. по инициативе сотрудников Воронежского, Русского музеев и ГАИМК была создана Костёнковская палеолитическая экспедиция под руководством П.П. Ефименко. Её силами за период с 1923 по 1941 гг. были изучены 15 памятников верхнего палеолита (Костёнки 1–10, 14/I, 20 и Борщёво 1–3), собраны богатые коллекции каменных и костяных изделий общей численностью более 10 000 предметов (основная часть хранится в фондах МАЭ РАН), выявлены объекты хозяйственной деятельности человека (ямы-кладовые, ямы-хранилища, очаги), найдены остатки различных типов жилищ (округлые и длинные дома, жилищные комплексы с землянками). Этих результатов удалось достичь путём изменения методики. Если в 1920-х гг. памятники изучались с помощью отдельных квадратов, то в 1930-х гг. в связи с новыми материалами и необходимостью реконструкции социально-культурных связей первобытных людей Костёнковская палеолитическая экспедиция стала проводить раскопки широкими площадями с учётом окружающего контекста.

В итоге, П. П. Ефименко сформулировал свою позицию относительно жизни первобытных людей в Подонье. Он считал, что на Среднем Дону проживала родовая община с культом Богини-Матери. Основой таких умозаключений стала стадияльная концепция, согласно которой человечество в период 40–12 тыс. л.н. прошло ряд общих стадий: раннетельманская, позднетельманская, костёнковская, мезинская, кирилловская, гонцовская, борщевская. Здесь очевидна попытка Петра Петровича синтезировать идеи европейских учёных, свои прежние типологические наработки, результаты исследований 1920–1930-х гг. и

социально-экономические позиции коммунистической идеологии. При этом ни ему, ни его ученикам не удалось выработать общих критериев по соотнесению костёнковских и западных материалов.

Уже в 1930-х гг. исследователями устанавливались факты, противоречащие концепции стадиализма. В 1938 г. А. Н. Рогачёв во время раскопок Костёнок 4 отметил разницу в характере орудий у длинных и круглых жилищ: первым были свойственны мадленские изделия, вторым – ориньяко-солютрейские. Также исследователем отмечалась обратная последовательность слоёв, что зародило у Александра Николаевича сомнения в стадиальной концепции. Однако требовались новые исследования с привлечением геологов. Важным шагом в этом направлении стал Воронежский геологический пленум 22–29 мая 1941 г. В итоге, с 1947 г. начались комплексные археологические и геологические исследования, положившие начало длительной дискуссии, приведшей к падению стадиального подхода. Эти события – начало нового периода в изучении археологических памятников Костёнковско-Борщёвского региона.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Неопубликованные источники

Российский государственный архив древних актов (РГАДА)

1. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. №1403. Л. 588, 613.

Рукописный отдел научного архива

Института истории материальной культуры РАН (РО ИИМК РАН)

Ф. 1. (ИАК)

2. 1907. Д. 59. О раскопках В.А. Городцова у с. Борщёво Коротоякского у. Воронежской губернии. 6 л.

Ф. 2. (ГАИМК)

3. Оп. 1. 1923. Д. 76. Материалы по раскопкам палеолитической стоянки Борщёво 1 в Воронежской области.
4. Оп. 1. 1927. Д. 226. Материалы по раскопкам Костёнковской палеолитической экспедиции. Описание фауны.
5. Оп. 1. 1928. Д. 218. Материалы по раскопкам Александровской стоянки (Костёнки 4).
6. Оп. 1. 1931. Д. 866. Полевой дневник раскопок стоянки Костёнки I. 28 л.
7. Оп. 1. 1931. №868. Материалы по раскопкам палеолитической стоянки Костёнки I Воронежской области. Инвентарная опись коллекции кремня. 54 л.
8. Оп. 1. 1931. Д. 869. Материалы по раскопкам палеолитической стоянки Костёнки I Воронежской области. Описание фауны. 11 л.
9. Оп. 1. 1931. Д. 870. Материалы по раскопкам палеолитической стоянки Костёнки I Воронежской области. Полевое описание материалов раскопок по квадратам. 7 л.

10. Оп. 1. 1931. Д. 871. Материалы по раскопкам палеолитической стоянки Костёнки I Воронежской области. Начало отчета о работах. Описание поделок из кости и мергеля. Описание статуэток, находящихся в экспозиции МАЭ. Сравнительный список фауны стоянок Костёнки I, Гагарино, Мезин и др. Список фотоотпечатков экспедиции. Список особи выделяющихся материалов. Указатель распределения документальных материалов экспедиции по описям, чертежам и дневникам. 46 л.

11. Оп. 1. 1932. Д. 254. Материалы по раскопкам палеолитической стоянки Костёнки I, Воронежской области. Экспедиция под руководством П. П. Ефименко. Опись материалов. 10 л.

12. Оп. 1. 1932. Д. 256. Материалы по раскопкам палеолитической стоянки Костёнки I, Воронежской области. Экспедиция под руководством П. П. Ефименко. Опись фауны. Опись сломанных орудий. Список фотоотпечатков экспедиции. Опись поделок из мергеля. Указатель документальных материалов. 47 л.

13. Оп. 1. 1933. Д. 184. Переписка по раскопкам в ЦЧО. Отчёт начальника экспедиции П.П. Ефименко по изучению палеолитических местонахождений Центральной Чернозёмной Области в 1933 г. Август 1933 – 8 февраля 1934 гг. 10 л.

14. Оп. 1. 1933. Д. 247. Полевая поквadratная опись раскопок стоянки Костёнки I. 35 л.

15. Оп. 1. 1933. Д. 254. Материалы по раскопкам палеолитической стоянки Костёнки I, Воронежской обл. Экспедиция под руководством П.П. Ефименко. Описи материалов стоянки. Раскопы I и II. Опись материалов поселения в урочище Ерик у с. Костёнки. 35 л.

16. Оп. 1. 1933. Д. 255. Материалы по раскопкам палеолитической стоянки Костёнки I Воронежской области. Экспедиция под руководством П. П. Ефименко. Дневник раскопок и указаний к нему. Дневник раскопок в с. Костёнках. 10 л.

17. Оп. 1. 1934. Д. 387. Полевой дневник с раскопок Костёнки. Книга 1. 38 л.
18. Оп. 1. 1935. Д. 1. Письмо Музейного отдела в ГАИМК по поводу передачи права выдачи открытых листов на производство археологических разведок и раскопок. 1 л.
19. Оп. 1. 1936. №334. Дневник Костёнковской экспедиции 1936 г. Опись особых вещей из раскопок в Костёнках 1. Л. 68–101.
20. Оп. 1. 1936. Д. 395. Дневник работ Костёнковской экспедиции ГАИМК в 1936 г. в с. Костёнках, Гремячского района Воронежской области. В 2 альбомах.
21. Оп. 1. 1936. Д. 416. Инвентарная опись археологических коллекций Костёнковской экспедиции. Начальник П. П. Ефименко. 119 л.
22. Оп. 1. 1937. Д. 242. Информационные отчёты об экспедициях 1937 г. 47 л.
23. Оп. 1. 1941. Д. 847. Письмо заместителя директора ИИМК П. Н. Третьякова заведующему кафедрой геологии Воронежского сельскохозяйственного института А. А. Дубянскому от 13 мая 1941 г. 1 л.
24. Оп. 1. 1941. Д. 124. Отчёт о деятельности Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра Академии наук СССР за январь–июль 1941 г.

**Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН
(Кунсткамера) (МАЭ РАН)**

25. №5346. Инвентарная опись коллекции, собранной С. Круковским на палеолитической стоянке Костёнки 1. Раскопки 1915 г. 70 л.
26. №4464. Инвентарная опись коллекции, собранной П. П. Ефименко на палеолитической стоянке Костёнки 1. Раскопки 1923 г. 55 л.
27. №5735. Инвентарная опись коллекции, собранной П. П. Ефименко на палеолитической стоянке Костёнки 1. Раскопки 1926 г. 175 л.

28. №868. Инвентарная опись коллекции кремня из палеолитической стоянки Костёнки 1. Раскопки 1931 г. 250 л.

Отдел письменных источников

Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ)

29. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 341. Письма А.И. Кельсиева А.С. Уварову за период с 1877 по 1883 гг. Л. 129–150. 21 л.

30. Ф. 431. Оп. 1. Ед.хр. 402. Письмо С. Н. Замятина В. А. Городцову от 22 августа 1920 г. 1 л.

31. Ф. 440. Оп. 1. Ед. хр. 55. Письма А. И. Кельсиева И. Е. Забелину. 3 л.

32. Ф. 450. Оп. 1. Ед. хр. 17. Письма А. И. Кельсиева Е. В. Барсову. 5 л.

Архив Политехнического музея (ПМ)

Ф. 100

33. Оп. 1. Д. 16540. №73. Отношение секретаря Политехнической выставки Н. К. Зенгера в хозяйственную комиссию от 31 марта 1872 г. с просьбой оплатить А. И. Кельсиеву работу в канцелярии. 1 л.

34. Оп. 2. Д. 16513. №30. Письмо генерального комиссара Всероссийской промышленно-художественной выставки 1882 г. в Москве А. Б. Бера хранителю учебного отдела Политехнического музея А. И. Кельсиеву от 16 ноября 1882 г. с просьбой доставить предметы в дом Строгановского училища технического рисования. 2 л.

35. Оп. 2. Д. 16513. № 82. Письмо Харьковского отделения Императорского Русского технического общества А. И. Кельсиеву от 15 ноября 1883 г. о высылке экземпляра «Записок». 1 л.

36. Оп. 2. Д. 16513. № 167. Письмо правителя канцелярии попечителя Московского учебного округа А. И. Кельсиеву от 27 сентября

1882 г. по поводу приобретения учебников преподавателей Московского учебного округа. 1 л.

37. Оп. 2. Д. 16514. № 1. Письмо директора Учительского института Московского учебного округа Министерства народного просвещения А. Ф. Малинина в правление Политехнического музея с просьбой сохранить без изменения содержание А. И. Кельсиева от 19 января 1884 г. 1 л.

38. Оп. 2. Д. 16514. № 2. Письмо сопроводительное первого председателя Политехнического музея Г. Е. Щуровского Д. А. Наумову к письму и списку ученых заслуг А. И. Кельсиева от 14 декабря 1883 г. 1 л.

39. Оп. 2. Д. 16514. № 3. Письмо А. И. Кельсиева Г. Е. Щуровскому от 8 декабря 1883 г. по поводу сокращения расходов на учебный отдел и с просьбой продлить его службу в отделе до лета 1884 г. 1 л.

40. Оп. 2. Д. 16514. № 4. Список ученых заслуг А. И. Кельсиева. Описание результатов поездки А. И. Кельсиева в Восточную Болгарию и Восточную Румелию. Коллекция детских игрушек. Таблицы учебного отдела, изображающие небесные светила и смещения для первоначального ознакомления с устройством Солнечной системы. 20 л.

41. Оп. 2. Д. 16531. № 75. Письмо титулярного советника и письмоводителя гимназии А. Н. Величкова от 27 мая 1880 г. о направлении в Политехнический музей списка вещей, сделанных из бумаги его 12-летним сыном, и ответ А. И. Кельсиева. 2 л.

42. Оп. 2. Д. 16549. №22. Письмо Екатерины Михайловны Кельсиевой в правление Политехнического музея от 16 октября 1886 г. 1 л.

Воронежский областной краеведческий музей (ВОКМ)

Ф. 4533 (Фонд С. Н. Замятнина)

43. №67. Временная трудовая карточка С. Н. Замятнина о том, что он находится на службе в Губнаробразе в должности инструктора. 25 августа 1921 г. 1 л.

44. №90. Справка о том, что С. Н. Замятнин находился в командировке в Москве в марте, апреле и мае сего года на раскопках в сёлах Костёнки и Борщёво. Воронежского уезда с половины июля по 20 сентября сего года. 10 апреля 1923 г. Воронеж. 1 л.

45. №124. Curriculum vitae (Жизнеописание) С. Н. Замятнина. 27 сентября 1925 г. Ленинград. 3 л.

Архив Государственного археологического музея в Варшаве (ГАМ)

46. Ф. 6205. №75. Письмо Стефана Круковского Казимежу (Казимиру) Столыхве от 28 сентября 1915 г. 3 л.

Государственный архив Воронежской области (ГАВО)

47. Ф. 1. Оп. 1. Д. 955. Акт обследования музея № 184 от 24 января 1923 г. 1 л.

Опубликованные источники

48. Антропологическая выставка Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Общий обзор Антропологической выставки и последнее слово о ней. – Москва: Типография А. А. Карцева, 1886. – Т. 4. Ч. 1. – 150 с.

49. Анучин Д. Н. Отдел доисторических древностей / Д. Н. Анучин // Труды антропологической выставки 1872 г. – Москва: Типография А. А. Карцева, 1879–1880. – Т. 3. Ч. 2. – С. 1–30.

50. Байер Г. З. Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова, от создания сего города до возвращения онаго под Российскую державу / Г. З. Байер. – Санкт-Петербург: Императорская Академия Наук, 1738. – 244 с.

51. Барсов Е. В. Речь пред гробом А. И. Кельсиева / Е. В. Барсов // Современные известия. – 1886. – № 18. – С. 2.

52. Березин Н. И. Справочник по палеолиту СССР / Н. И. Березин. – Москва: Издательство АН СССР, 1936. – 74 с.

53. Богданов А. П. Антропологическая выставка Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Заседания комитета по устройству выставки в 1877 году. – Москва: Типография М. Н. Лаврова и К°, 1878. – Т. 1. – 428 с.

54. Богданов А. П. Краниологическое собрание / А. П. Богданов // Труды антропологической выставки 1872 г. – Москва: Типография М. Н. Лаврова и К°, 1879–1880. – Т. 3. Ч. 2. – С. 1–28.

55. Богданов А. П. Воспоминания об умерших деятелях о сотрудинках Общества Любителей Естествознания по устройству антропологической выставки / А. П. Богданов // Антропологическая выставка (1879 года). – Москва: Типография А. А. Карцева, 1886. – Т. 4. Ч. 2. – Стб. 9–42.

56. Болховитинов Е. А. Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии / Е. А. Болховитинов. – Воронеж: Типография Губернского Правления, 1800. – 230 с.

57. Борисковский П. И. Раскопки Борщёвской второй палеолитической стоянки в 1936 г. / П. И. Борисковский // Советская археология. – 1940. – №5. – С. 281–285.

58. Борисковский П. И. Вопросы периодизации палеолита / П. И. Борисковский // Советская археология. – 1954. – Т. 21. – С. 30–37.

59. Бруин де Корнелий. Путешествие через Московию / Корнелий де Бруин. – Москва: Университетская типография на Страстном бульваре, 1873. – 292 с.

60. Бэр К. М. Человек в естественно-историческом отношении / К. М. Бэр. – Санкт-Петербург: Типография К. Вингебера, 1851. – 235 с.

61. Бэр К. М. О древнейших обитателях Европы / К. М. Бэр // Древность человеческого рода, происхождение видов, положение человека в природе. – Санкт-Петербург: Издание О. И. Бакста, 1865. – С. 77–104.

62. Бэр К. М. Предисловие / К. М. Бэр, А. А. Шифнер // Северные древности Королевского Музея в Копенгагене, отобранные профессором

Копенгагенского Университета И. И. Ворсо. – Санкт-Петербург: Издательство Императорской Академии наук, 1861. – С. 1–9.

63. Волков Ф. К. По поводу наших неолитических находок с керамикой домикенского типа / Ф. К. Волков // Киевская старина. – 1900. – Т. 70 (Июль-август). – С. 235–245.

64. Волков Ф. К. Палеолит в Европейской России и стоянка в с. Мезине Черниговской губернии / Ф. К. Волков // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. – 1913. – Т. 9. – С. 299–306.

65. Волков Ф. К. Антропология и её университетское преподавание / Ф. К. Волков // Ежегодник Русского антропологического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. – 1915. – Вып. 5. – С. 99–107.

66. Ворсо Й. Я. А. Северные древности Королевского музея в Копенгагене, отобранные профессором Копенгагенского университета И. И. А. Ворсо. / Й. Я. А. Ворсо – Санкт-Петербург: Императорская Академия наук, 1861. – 200 с.

67. Воскресенский Н. В. Исторический обзор деятельности Воронежского Губернского Статистического Комитета / Н. В. Воскресенский // Памятная книжка Воронежской губернии 1893 года. – Воронеж: Воронежский Губернский Статистический Комитет, 1893. – С. 1–84.

68. Гернес М. Культура доисторического прошлого. Ч. 1. Каменный век / М. Гернес. – Москва: Фарос, 1913. – 139 с.

69. Гмелин С. Г. Путешествие по России для исследования трех царств естества / С. Г. Гмелин. – Санкт-Петербург: Императорская Академия Наук, 1806. – Ч. 1. – 285 с.

70. Голиков И. И. Деяния Петра Великого / И. И. Голиков. – Москва: Типография Николая Степанова, 1838. – Т. 6. – 679 с.

71. Городцов В. А. Первобытная археология / В. А. Городцов. – Москва: Печатня А. И. Снегиревой, 1908. – 416 с.

72. Городцов В. А. Археология / В. А. Городцов. – Москва: Государственное издательство, 1923. – Т. 1. – 397 с.
73. Докучаев В. В. Рецензия на книгу А. С. Уварова «Археология России. 1. Каменный период» / В. В. Докучаев // Труды Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. – 1882. – Т. 13. – Вып. 1. – С. 1–65.
74. Ефименко П. П. Костёнковская палеолитическая стоянка / П. П. Ефименко // Ежегодник Русского антропологического общества. – 1915. – Т. 5. – С. 13–26.
75. Ефименко П. П. Статуэтка солютрейского времени с берегов Дона / П. П. Ефименко // Материалы по этнографии. – 1926. – Т. 3. – Вып. 1. – С. 139–142.
76. Ефименко П. П. Экспедиция для изучения палеолитических культур / П. П. Ефименко // Сообщения ГАИМК. – Ленинград: Издание Государственной академии истории материальной культуры, 1926. – Т. 1. – С. 319–320.
77. Ефименко П. П. Некоторые итоги изучения палеолита СССР / П. П. Ефименко // Человек. – 1928. – №1. – С. 45–59.
78. Ефименко П. П. Палеолит СССР. Итоги и перспективы его изучения / П. П. Ефименко // Сообщения ГАИМК. – Ленинград: Издание Государственной академии истории материальной культуры, 1931. – №3. – С. 7–9.
79. Ефименко П. П. Итоги работ в Костёнках / П. П. Ефименко // Проблемы истории докапиталистических обществ. – 1934. – №4. – С. 64–71.
80. Ефименко П. П. Палеолитические стоянки Восточно-Европейской равнины / П. П. Ефименко // Труды II Международной конференции Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы. – 1934. – Вып. 5. – С. 88–113.

81. Ефименко П. П. Первобытное общество / П. П. Ефименко. – Ленинград: Государственное социально-экономическое издательство, 1938. – 636 с.
82. Ефименко П. П. Село Костёнки, 1934 г. / П. П. Ефименко // Археологические исследования в РСФСР. 1934–1936 гг. – Москва: Издательство Академии наук СССР, 1941. – С. 154–156.
83. Ефименко П. П. Село Костёнки, 1936 г. / П. П. Ефименко // Археологические исследования в РСФСР. 1934–1936 гг. – Москва: Издательство Академии наук СССР, 1941. – С. 156.
84. Ефименко П. П. Палеолитическая стоянка Борщёво II // Материалы и исследования по археологии СССР / П. П. Ефименко. – Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1953. – С. 56–111.
85. Ефименко П. П. Первобытное общество. Очерки по истории палеолитического времени / П. П. Ефименко. – Киев: Издательство Академии наук Украинской ССР, 1953. – 663 с.
86. Ефименко П. П. Тельманское палеолитическое поселение (раскопки 1937 г.) / П. П. Ефименко // Материалы и исследования по археологии СССР. – Ленинград: Издательство Академии наук СССР. – 1957. – Вып. 59. – С. 191–234.
87. Ефименко П. П. Костёнки I / П. П. Ефименко. – Москва: Издательство Академии наук СССР, 1958. – 452 с.
88. Замятнин С. Н. Очерки по доистории Воронежского края. Каменный и бронзовый век в Воронежской губернии / С. Н. Замятнин. – Воронеж: Типография 1-го отделения автономного управления, 1922. – 16 с.
89. Замятнин С. Н. Экспедиция по изучению культур палеолита в 1927 г. / С. Н. Замятнин // Сообщения ГАИМК. – Ленинград: Издание Государственной академии истории материальной культуры, 1929. – Т. 2. – С. 209–214.

90. Зверев С. А. Воронеж на XII археологическом съезде / С. А. Зверев // Труды Воронежской учетной архивной комиссии. – 1904. – Вып. 2. – С. 147–158.

91. Зверев С. Е. Воронежские древности (Статистические данные о находках древних каменных и бронзовых изделий в Воронежской губернии с 1863 по 1893 года) / С. Е. Зверев // Памятная книжка Воронежской губернии 1893 года. – Воронеж: Типо-литография губернского управления, 1893. – С. 161–167.

92. Историческая записка о деятельности императорского Московского археологического общества за первые 25 лет существования. – Москва: Синодальная типография, 1890. – 426 с.

93. Каталог выставки XI-го Археологического съезда в Киеве. – Киев: Типо-литография Товарищества И. Н. Кушнерев и К°, 1899. – 346 с.

94. Кельсиев А. И. Поездка к лопарям / А. И. Кельсиев. – Москва: Тип. М. Н. Лаврова и К°, 1878. – 13 с.

95. Кельсиев А. И. Раскопки, произведенные в Ярославской и Тверской губерниях в 1878 году / А. И. Кельсиев. – Москва: Тип. М. Н. Лаврова и К°, 1878. – 16 с.

96. Кельсиев А. И. Палеолитические кухонные остатки в с. Костёнках Воронежского уезда / А. И. Кельсиев // Древности. Труды Императорского Московского археологического общества. – 1883. – Т. 9. – Вып. 2 и 3. – С. 154–180.

97. Кельсиев А. И. Записка об основаниях деятельности и проект устава Историко-этнографического музея в г. Ростове Ярославской губернии / А. И. Кельсиев – Москва: Русская типо-литография, 1884. – 12 с.

98. Кельсиев А. И. О каменных бабах / А. И. Кельсиев // Труды V Археологического съезда в Тифлисе. 1881. – Москва: Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1887. – С. 76–80.

99. Кельсиев В. И. Пережитое и передуманное / В. И. Кельсиев. – Санкт-Петербург: Печатня В. Головина, 1868. – 443 с.

100. Криштафович Н. И. О геологическом исследовании палеолитических стоянок европейской России, летом 1904 года /Н. И. Криштафович // Древности. Труды Императорского Московского археологического общества. – 1907. – Т. 21. – №2. – С. 174–183.

101. Леббок Д. Доисторические времена или первобытная эпоха человечества, представленная на основании изучения остатков древности и нравов и обычаев современных дикарей / Д. Леббок. – Москва: Природа, 1876. – 492 с.

102. Литвинов М. В. Раскопки в Костёнках / М. В. Литвинов // Коммуна. – 11 сентября. – 1937. – С. 234.

103. Лайель Ч. Геологические доказательства древности человека с некоторыми замечаниями о теории происхождения видов / Ч. Лайель. – Санкт-Петербург: Типография О. И. Бакста, 1864. – 512 с.

104. Марков Е. Л. Древний город Костёнок / Е. Л. Марков // Русский вестник. – 1891. – Т. 217. – №12. – С. 72–90.

105. Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Воронежские писцовые книги. – Воронеж: Типо-литография губернского правления, 1891. – Т. 2. – 296 с.

106. Никитин П. А. Плиоценовые и четвертичные флоры Воронежской области / П. А. Никитин. – Москва: Издательство Академии наук СССР, 1959. – 206 с.

107. Обермайер Г. Доисторический человек / Г. Обермайер. – Санкт-Петербург: Брокгауз–Ефрон, 1913. – 687 с.

108. Отчёт Государственного исторического музея за 1916–1925 гг. – Москва: Работник просвещения, 1926. – 275 с.

109. Отчёт о деятельности Воронежской Губернской Ученой Архивной Комиссии за 4-й год её существования (1 декабря 1903 – 1 декабря 1904 г.) // Труды Воронежской учетной архивной комиссии. – 1908. – Вып. 4. – С. 1–44.

110. Пекарский П. П. История Императорской академии наук / П. П. Пекарский. – Санкт-Петербург: Отделение русского языка и словесности Императорской академии наук, 1870. – Т. 1. – 774 с.

111. Поляков И. С. Антропологическая поездка в Центральную и Восточную Россию, исполненная по поручению академии наук /И. С. Поляков. – Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук, 1880. – 81 с.

112. Приказ №71-01-07/12 «О включении выявленного объекта культурного наследия «Костёнско-Борщёвский историко-археологический комплекс» в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации». 28 января 2016 г. – Воронеж: Управление по охране объектов культурного наследия, 2016. – 89 с.

113. Протоколы заседаний Императорского Московского Археологического общества за 1907–1908 г. // Древности. Труды Московского археологического общества. – 1909. – Т. 22. – Вып. 1. – С. 99–202.

114. Протоколы заседаний Этнографического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете // Труды Этнографического отдела Императорского ОЛЕАЭ при Московском университете. – 1888. – Кн. 8. – С. 1–37.

115. Рогачёв А. Н. Палеолитическое поселение Костёнки IV / А. Н. Рогачёв // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – 1940. – Вып. 4. – С. 36–41.

116. Рогачёв А. Н. Предварительные сообщение о работах Костёнковской экспедиции в 1936 г. / А. Н. Рогачёв // Советская археология. – 1940. – №5. – С. 278–281.

117. Спицын А. А. Русский палеолит / А. А. Спицын // Записки Отделения русской и славянской археологии. – Петроград: Типография М. А. Александрова, 1915. – С. 133–172.
118. Спицын А. А. Мои научные работы / А. А. Спицын // *Seminarium Kondakovianum*. – 1928. – №2. – С. 331–342.
119. Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен / В. Н. Татищев. – Москва: Ладомир, 1995. – Т. 4. – 556 с.
120. Титов А. А. Ростов-Великий, 3 января 1886 // Ярославские губернские ведомости. – 1886. – №3. – С. 3–4.
121. Уваров А. С. Археология России. Каменный период / А. С. Уваров. – Москва: Синодальная типография, 1881. – Т. 1. – 474 с.
122. Шестова С. Н. Воронежский государственный историко-культурный музей (Краткий исторический очерк) / С. Н. Шестова // Сборник Воронежского Государственного Историко-Культурного Музея. – Воронеж: Тип. Губсоюза, 1925. – Вып. I. – С. 3–32.
123. Штукенберг А. А. Каменные орудия и бронзовые вещи, найденные в Печорском крае в 1874 году / А. А. Штукенберг // Труды IV Археологического съезда в России. – Казань: Типография Императорского университета, 1884. – Т. 1. – С. 31–33.
124. Штукенберг А. А. Материалы для изучения каменного века в Казанской губернии / А. А. Штукенберг // Труды Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. – Казань: Типография Императорского университета, 1885. – Т. 14. – Вып. 5. – 138 с.
125. Штукенберг А. А. Геологический очерк берегов Дона между Воронежем (Семилуками) и Калачём / А. А. Штукенберг. — Санкт-Петербург: Типография Академии наук, 1892. — 74 с.
126. Штукенберг А. А. Находка скелета мамонта около Майкопского завода в Пермской губернии / А. А. Штукенберг // Ежегодник по геологии и минералогии России. – 1900. – Т. 4. – №1–2. – С. 1–3.

Использованная литература

127. Акинъшин А. Н. Первое студенчество Воронежского университета. Архивная мозаика / А. Н. Акинъшин // Университетская площадь. – 2013. – № 6. – С. 6–14.
128. Акинъшин А. Н. Воронежское отделение Московского археологического института (1920–1923 гг.) / А. Н. Акинъшин, В. А. Алленова, И. Е. Сафонов // Исторические записки. – Воронеж: Издательство ВГУ, 2004. – Вып. 10. – С. 121–128.
129. Акинъшин А. Н. Центральное Черноземье в биографии и исследованиях Марии Евгеньевы Фосс / А. Н. Акинъшин, А. Н. Бессуднов, Е. Ю. Захарова // Самарский научный вестник: научный журнал. – 2019. – Т. 8. – № 2 (27). – С. 93–101.
130. Аникович М. В. О значении Костёнковско-Борщёвского района в современном палеолитоведении / М. В. Аникович // Петербургский археологический вестник. – 1993. – №3. – С. 3–19.
131. Аникович М. В. Человек и мамонт в Восточной Европе: подходы и гипотезы / М. В. Аникович, Н. К. Анисюткин, Н. И. Платонова // Stratum plus. – 2010. – №1. – С. 99–136.
132. Аникович М. В. Палеолит Костёнковско-Борщёвского района в контексте верхнего палеолита Европы / М. В. Аникович, В. В. Попов, Н. И. Платонова. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2008. – 304 с.
133. Артёмова О. Ю. А. М. Золотарев: трагедия советского учёного / О. Ю. Артёмова // Репрессированные этнографы. – Москва: Восточная литература РАН, 2003. – Вып. 2. – С. 193–226.
134. Балахонова Е. И. Концепция Всероссийской Антропологической выставки и место этнографии в ней / Е. И. Балахонова // Вестник Московского университета. Серия XXIII: Антропология. – 2011. – №1. – С. 4–15.

135. Бараков П. Ф. Василий Васильевич Докучаев: Биографический очерк / П. Ф. Бараков // Ежегодник по геологии и минералогии России. – 1904. – Т. 7. – Вып. 1. – С. 3–9.
136. Бибиков С. Н. Старейший русский археолог Василий Алексеевич Городцов / С. Н. Бибиков // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. – 1940. – Вып. 5. – С. 3–4.
137. Белановская Т.Д. Воспоминания о Сергее Николаевиче Замятнине / Т.Д. Белановская // Локальные различия в каменном веке. Тез. докл. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения С.Н. Замятина. – Санкт-Петербург: Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого Российской академии наук, 1999. – С. 44–45.
138. Беляева В. И. Наконечники с боковой выемкой: форма, категория, тип / В. И. Беляева, В. Г. Моисеев. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет. Институт истории, 2013. – 134 с.
139. Бессуднов А. А. История изучения палеолита бассейна верхнего и среднего Дона / А. А. Бессуднов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: история, политология. – 2009. – №9 (64). – С. 86–96.
140. Бессуднов А. А. Верхний палеолит / А. А. Бессуднов, А. Н. Бессуднов // Археология Центрального Черноземья (Дон): коллективная монография. – Воронеж: Издательско-Полиграфический центр «Научная книга», 2022. – С. 14–31.
141. Бессуднов А. А. Новые данные о радиоуглеродной хронологии стоянок поздней поры верхнего палеолита центра Русской Равнины / А. А. Бессуднов, Р. Диннис, А. А. Синицын, А. Е. Дудин, А. Н. Бессуднов, Е. А. Петрова, Г. А. Хлопачев, М. В. Саблин // Stratum plus. Археология и культурная антропология. – №1. – 2024. – С. 161–201.

142. Бессуднов А. Н. Костёнковско-Борщёвский археологический район в научном наследии В. А. Городцова / А. Н. Бессуднов, Е. Ю. Захарова // Естественные научные методы в изучении и сохранении памятников Костёнковско-Борщёвского археологического района. – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2017. – С. 203–207.

143. Бессуднов А. Н. Из истории археологии: Воронежский геологический пленум (22–29 мая 1941 г.) / А. Н. Бессуднов, Е. Ю. Захарова, А. А. Бессуднов // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. – 2013. – №2. – С. 92–96.

144. Борисковский П. И. Очерки по палеолиту бассейна Дона. Малоизученные поселения древнего каменного века в Костёнках / П. И. Борисковского // Материалы и исследования по археологии СССР. – Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1963 – Вып. 121. – С. 5–192.

145. Бояркин М. В. Место археологии в проектах организации Воронежского губернского музея в XIX в. / М. В. Бояркин // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2018. – Т. 20. – №3(2). – С. 544–547.

146. Бухтоярова И.М. Сергей Николаевич Замятнин и его вклад в изучение палеолита. Автореф. дис... к.и.н. / И.М. Бухтоярова. – Санкт-Петербург: Институт истории материальной культуры РАН, 2013. – 22 с.

147. Васильев С. А. Древнейшее прошлое человечества: поиск российских учёных / С. А. Васильев. – Санкт-Петербург: Институт истории материальной культуры Российской академии наук, 2008. – 179 с.

148. Векилова Е. А. Палеолитическая стоянка Борщёво I / Е. А. Векилова // Материалы и исследования по археологии СССР. – Москва: Издательство Академии наук СССР, 1953. – №39. – С. 111–137.

149. Векилова Е. А. Летопись работ Костёнковской палеолитической экспедиции (1922–1976 гг.) / Е. А. Векилова // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. – Ленинград: Наука, 1977. – С. 208–215.

150. Верхний палеолит: образы, символы, знаки. Каталог предметов искусства малых форм и уникальных находок верхнего палеолита из археологического собрания МАЭ РАН. – Санкт-Петербург: Экстрапринт, 2016. – 384 с.

151. Гиря Е. Ю. Технологический анализ каменных индустрий. Методика микро-макроанализа древних орудий труда / Е. Ю. Гиря. – Санкт-Петербург: Институт истории материальной культуры Российской академии наук, 1997. – 199 с.

152. Гиря Е. Ю. Палеолитическая стоянка Костёнки 1 (верхний слой) как опорный памятник и источниковая база развития экспериментально-трассологической методики в отечественной археологии / Е. Ю. Гиря // Древние культуры Восточной Европы: эталонные памятники и опорные комплексы в контексте современных археологических исследований. Замятнинский сборник. – Санкт-Петербург: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2015. – Вып. 4. – С. 60–102.

153. Гиря Е. Ю. Следы как вид археологического источника (конспект неопубликованных лекций) / Е. Ю. Гиря // Следы в истории. К 75-летию Вячеслава Евгеньевича Щелинского. – Санкт-Петербург: Институт истории материальной культуры Российской академии наук, 2015. – С. 232–269.

154. Гиря Е. Ю. Доказательная интерпретация каменных индустрий: морфономия, морфология, контекст / Е. Ю. Гиря // Древний человек и камень: технология, форма, функция. – Санкт-Петербург: Центр «Петербургское востоковедение», 2017. – С. 34–45.

155. Жебелев С. А. Археолог-энтузиаст (Памяти А. А. Спицына) / С. А. Жебелев // Советская археология. – 1948. – №10. – С. 9–11.

156. Желтова М. Н. Костёнковские стоянки первой надпойменной террасы: варианты адаптации к окружающей среде верхнего плейстоцена / М. Н. Желтова // Проблемы биологической и культурной адаптации человеческих популяций. – Санкт-Петербург: Наука, 2008. – С. 48–52.

157. Желтова М. Н. Этапы изучения Александровской стоянки (Костёнки 4) / М. Н. Желтова // Хронологизация, периодизация и кросскультурные связи в каменном веке. – Санкт-Петербург: Наука, 2008 – С. 113–126.
158. Загоровский В. П. Пригороды Воронежа в XVII в. – Костёнк и Орлов / В. П. Загоровский // Из истории города Воронежа. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1984. – С. 53–60.
159. Загоровский В. П. Возникновение и развитие городов в Воронежском крае в XVII–XVIII в. / В. П. Загоровский // История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в эпоху феодализма. – Воронеж, Издательство Воронежского университета, 1987. – С. 62–93.
160. Загоровский В. П. Воронеж: историческая хроника / В. П. Загоровский. – Воронеж: Центрально-Чернозёмное книжное издательство, 1989. – 253 с.
161. Загоровский В. П. Пётр Великий на воронежской земле: исторический очерк / В. П. Загоровский. – Воронеж: Издательство ВГУ, 1996. – 165 с.
162. Замятнин С. Н. Первая русская инструкция для раскопок (находка костей «волота» в 1679 г.) / С. Н. Замятнин // Советская археология. – 1950. – Вып. 13 – С. 287–291.
163. Захарова Е. Ю. Археология в деятельности Воронежского губернского статистического комитета / Е. Ю. Захарова // Вестник Воронежского Государственного Университета, Серия: История. Политология. Социология. – 2006. – №1. – С. 71–75.
164. Захарова Е. Ю. Роль А. А. Спицына в становлении археологии Воронежского края / Е. Ю. Захарова // Российская археология. – 2009. – №3. – С. 148–152.
165. Захарова Е. Ю. Деятельность Сергея Николаевича Замятниина в Воронежском губернном музее / Е. Ю. Захарова // Вестник ВГУ: Серия: История. Политология. Социология. – 2014. – №2. – С. 48–53.

166. Захарова Е. Ю. О роли воронежских учёных и краеведов в изучении Костёнковско-Борщёвского археологического района / Е. Ю. Захарова // Древнейший палеолит Костёнок: хронология, стратиграфия, культурное разнообразие. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2019. – С. 13–18.
167. Захарова Е. Ю. Сергей Николаевич Замятнин – аспирант ГАИМК / Е. Ю. Захарова, Р. В. Пахомов // Археология Евразийских степей. – 2021. – №5. – С. 175 – 182.
168. Клейн Л. С. История российской археологии: учения, школы и личности. Том 1. Общий обзор и дореволюционное время / Л. С. Клейн. – Санкт-Петербург: ЕВРАЗИЯ, 2014. – 704 с.
169. Клейн Л. С. История российской археологии: учения, школы и личности. Том 2. Археологи советской эпохи / Л. С. Клейн. – Санкт-Петербург: ЕВРАЗИЯ, 2014. – 640 с.
170. Комолов Н. А. Воронежские страницы в биографии Петра Великого / Н. А. Комолов – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2019. – 102 с.
171. Комолов Н. А. Пётр Великий. Воронежские страницы / Н. А. Комолов – Воронеж: Центр духовного возрождения Чернозёмного края, 2022. – 240 с.
172. Костёнки 8 (Тельманская стоянка). – Санкт-Петербург: Институт истории материальной культуры РАН, 2025. – 278 с.
173. Котлярова И. В. Музеи Воронежского края (вторая половина XIX – первая треть XX вв.) / И. В. Котлярова. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2008. – 164 с.
174. Котлярова И. В. Николай Дмитриевич Праслов – учитель и наставник / И. В. Котлярова. – Записки Института истории материальной культуры. – 2018. – Вып. 17. – С. 25–30.

175. Лебедев Г. С. История отечественной археологии. 1700–1971 гг. / Г. С. Лебедев. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1992. – 464 с.
176. Лисицын С. Н. Культурная дифференциация и периодизация граветта Костёнковско-Борщёвского района на Дону / С. Н. Лисицын // Человек и мамонт в палеолите Европы. – Санкт-Петербург: Ars longa, 2019. – Ч. II. – С. 157–193.
177. Лисицын С. Н. Граветт / эпиграветт в Костёнковско-Борщёвском районе на Дону: критерии разделения, культурная интерпретация и периодизация / С. Н. Лисицын, А. Е. Дудин // Camera Praehistorica. – 2019. – №1 (2). – С. 70–107.
178. Мортилье Г. де. Доисторическая жизнь. Происхождение и древность человека / Г. де Мортилье. – Санкт-Петербург: XX Век, 1903. – 576 с.
179. Нидерле Л. Человечество в доисторические времена. Доисторическая археология Европы и в частности славянских земель / Л. Нидерле. – Санкт-Петербург: Издательство Л. Ф. Пантелеева, 1898. – 655 с.
180. Палеолит Костёнковско-Борщёвского района на Дону. Некоторые итоги полевых исследований. – Ленинград: Наука, 1982. – 286 с.
181. Пахомов Р. В. Коллекция А. И. Кельсиева как источник по изучению стоянки Костёнки 1 / Р. В. Пахомов // Актуальная археология-5. – Санкт-Петербург, 2020. – С. 156–158.
182. Пахомов Р. В. Изучение стоянки Костёнки 1/верхний слой в начале XX в. / Р. В. Пахомов // Рогачевские чтения: труды музея-заповедника «Костёнки». – Воронеж, Полиграфический центр «Пресс-Бургер», 2021. – С. 98–102.
183. Пахомов Р. В. Коллекция И. С. Полякова как источник по изучению верхнего слоя стоянки Костёнки 1 / Р. В. Пахомов // Культурный слой. Материалы международной научно-практической конференции «П Зверевские чтения – культурный слой города: исторический,

археологический, этнографический аспекты (г. Воронеж, 11-12 сентября 2021 г.). – Воронеж, Государственная инспекция историко-культурного наследия, 2021. – С. 122–125.

184. Пахомов Р. В. Деятельность Воронежского краеведческого музея по изучению Костенковско-Борщевского археологического района в 1920-х гг./ Р. В. Пахомов // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. – 2022. – №2. – С. 76–80.

185. Пахомов Р. В. Древности Костёнок в исследования воронежских краеведов (вторая половина XIX в.) / Р.В. Пахомов // Археология в исследованиях молодых: сб.научн.ст. – Белгород: ИД «БелГУ», 2022. – С. 231–234.

186. Пахомов Р. В. Сравнительный анализ костёнковских коллекций И. С. Полякова и А. И. Кельсиева. Предварительные итоги // Верхнедонской археологический сборник. Материалы V Международной археологической конференции «Археология в исследованиях молодых» (22-23 октября 2021 г.). – Липецк: ЛГПУ имени П. П. Семенова Тян-Шанского, 2022. – №12. – с. 16–19.

187. Пахомов Р. В. А. И. Кельсиев – археолог, этнограф и музейный деятель (по материалам фонда 100 Политехнического музея) / Р. В. Пахомов // Записки Института истории материальной культуры. – 2023. – №28. – С. 144 – 159.

188. Пахомов Р. В. Экспедиция А. И. Кельсиева в Южную Россию 1881 г. (по материалам фондов Государственного исторического музея) / Р.В. Пахомов // Рогачевские чтения: музей, археология, история. – Вып. 3. – Воронеж: ПЦ «Пресс-Бургер», 2023. – С. 148–156.

189. Пахомов Р. В. К 100-летию первой экспедиции П. П. Ефименко на стоянке Костёнки 1/1 / Р. В. Пахомов // Труды Воронежского областного краеведческого музея. – Вып. 4. – Воронеж: Алекс Принт, 2023. – С. 236–240.

190. Пахомов Р. В. Раскопки Стефана Круковского на верхнепалеолитической стоянке Костёнки 1/І / Р. В. Пахомов // Записки Института истории материальной культуры. – 2024. – Вып. 30. – С. 144–157.
191. Пахомов Р. В. Открытие и изучение жилых комплексов на стоянке Костёнки 1/І (1926–1936 годы) / Р. В. Пахомов // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. – 2025. – №2. – С. 50–58.
192. Платонова Н. И. Николай Яковлевич Марр – археолог и организатор археологической науки / Н. И. Платонова // Археологические вести. – 1999. – Вып. 5. – С. 371–382.
193. Платонова Н. И. История археологической мысли. Вторая половина XIX–первая треть XX века / Н. И. Платонова. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2010. – 316 с.
194. Платонова Н. И. Александр Николаевич Рогачёв: ранние этапы биографии / Н. И. Платонова // Рогачевские чтения: труды музея-заповедника «Костёнки». – Воронеж: Полиграфический центр «Пресс-Бургер», 2021. – Вып. 1. – С. 103–116.
195. Платонова Н. И. Александр Николаевич Рогачёв: материалы, воспоминания и размышления / Н. И. Платонова, А. Н. Рогачёв // Проблемы ранней поры верхнего палеолита Костёнковско-Борщёвского района и сопредельных территорий. – Санкт-Петербург: ООО «Копи-Р», 2005. – С. 10–28.
196. Платонова Н. И. Проблема палеолитического человека в отечественной науке (XIX–XX вв.) / Н. И. Платонова, М. В. Аникович, Н. К. Анисюткин // История археологии: личности и школы. Материалы Международной научной конференции к 160-летию со дня рождения В. В. Хвойки. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2011. – С. 70–98.
197. Платонова Н. И. Императорская археологическая комиссия и первобытные древности / Н. И. Платонова, С. А. Васильев, А. Е. Мусин // Императорская археологическая комиссия (1859–1917). – Санкт-Петербург: Дмитрий Булавин, 2009. – С. 556–593.

198. Плешакова О. Д. Книжные знаки в собрании Политехнической библиотеки. Книга I. / О. Д. Плешакова – Москва: Политехнический музей, 2015. – 254 с.
199. Поташкина Н. А. Л. Б. Вейнберг и археологические экскурсии 1888-1890 гг. / Н. А. Поташкина // Из истории Воронежского края: сборник статей. – 2004. – Вып. 12. – С. 134–144.
200. Праслов Н. Д. Памяти П. И. Борисковского / Н. Д. Праслов // Российская археология. – 1992. – № 3. – С. 288–296.
201. Праслов Н. Д. Об одной малоизвестной странице исследований в Костёнках / Н. Д. Праслов, М. Н. Желтова // Записки Института истории материальной культуры Российской академии наук. – 2007. – №2. – С. 182–192.
202. Прохоров В. А. Вся Воронежская земля: краткий историко-топонимический словарь / В. А. Прохоров. – Воронеж: Центрально-черноземное книжное издательство, 1973. – 367 с.
203. Рогачёв А. Н. Некоторые вопросы верхнего палеолита (по материалам Тельманской стоянки в Костёнках) / А. Н. Рогачёв // Советская археология. – 1953. – Т.17. – С. 149–160.
204. Рогачёв А. Н. Александровское поселение древнекаменного века у села Костёнки на Дону / А. Н. Рогачёв // Материалы и исследования по археологии СССР. – Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1955. – Вып. 45. – С. 1–164.
205. Рогачёв А. Н. Многослойные стоянки Костёнковско-Борщёвского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита / А. Н. Рогачёв // Материалы и исследования по археологии СССР. – Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1957. – Вып. 59. – С. 9–134.
206. Русакова Е. А. Василий Докучаев: масштаб личности (к 175-летию В.В. Докучаева) / Е. А. Русакова // Бюллетень Почвенного института им. В. В. Докучаева. — 2021. – Спецвыпуск №1. – С. 84–155.

207. Семёнов С. А. Первобытная техника. Опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы / С. А. Семёнов // Материалы и исследования по археологии СССР. – Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1957. – 240 с.

208. Синицын А. А. Костёнки 14 (Маркина гора) как опорный разрез культурной изменчивости палеолита Восточной Европы на фоне климатической изменчивости МИСЗ / А. А. Синицын // Пути эволюционной географии. – Москва: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт географии РАН, 2016. – С. 707–713.

209. Смирнов Я. Е. «Вы не изменяете себе и носите в груди воспламененное сердце...». Письма А. И. Кельсиева А. А. Титова (публикация, исследование, комментарии) / Я. Е. Смирнов // Сообщения Ростовского музея. – 2017. – №22. – С. 130–228.

210. Соколов Б. С. Александр Антонович Штукенберг. 1844–1905. / Б. С. Соколов – Казань: Издательство Казанского университета, 2003. – 8 с.

211. Сорокина И. А. Археология в законодательстве первых десятилетий советской власти / И. А. Сорокина // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2015. – Т. 17. № 3(2). – С. 587–591.

212. Стрижёв А. Н. Евгений Львович Марков (1835-1903): материалы к библиографии / А. Н. Стрижёв, М. А. Бирюкова // Литературоведческий журнал. – 2019. – №46. – С. 195–208.

213. Сафонов И. Е. О пребывании В. А. Городцова в Воронеже: планы и реальность / И. Е. Сафонов, Е. Ю. Захарова // Грани гуманитарного знания. Сборник статей к 60-летию профессора Сергея Павловича Щавелёва. – Курск: Курский государственный медицинский университет, 2013. – С. 379–385.

214. Третьяков П. А. К 80-летию Петра Петровича Ефименко / П. А. Третьяков // Советская археология. – 1964. – №4. – С. 52–57.

215. Формозов А. А. Собиратели каменных орудий в России в середине XIX в. / А. А. Формозов // Советская археология. – 1981. – №3. – С. 97–107.
216. Формозов А. А. Начало изучения каменного века в России / А. А. Формозов. – Москва: Наука, 1983. – 128 с.
217. Формозов А. А. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки / А. А. Формозов. – Москва: Знак, 2006. – 341 с.
218. Breuil H. Études de morphologie paléolithique. La transition du mousterien vers l'aurignacien a l'abriaudi (dordogne) et au moustier / H. Breuil // Revue de l'école d'anthropologie. – Paris: Felix Alcan, 1909. – T. 59, № 1. – P. 320–340.
219. Holliday V. T. Geoarchaeology of the Kostenki–Borshchevo Sites, Don River Valley, Russia / V. T. Holliday, J. F. Hoffecker, P. Goldberg, R. I. Macphail, S. L. Forman, M. V. Anikovich, A. A. Sinitsyn // Geoarchaeology: An International Journal. – 2007. – Vol. 22. – No. 2. – Pp. 182.
220. Jaskinia Gwardjilas Klde w Gruzji. Opracowanie wydane w stulecie badan polskiego archeologa Stefana Krukowskiego (Пещера Гварджилас Клде в Грузии. Результаты изысканий, опубликованные к столетию исследований польского археолога Стефана Круковского). – Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2019. – 386 s.
221. Karczewski M. Stefan Krukowski (1890–1982) — kustosz państwowego muzeum archeologicznego w Warszawie / M. Karczewski // Seminare. – 2013. – Vol. 34. – S. 253–268.
222. Klein R. Man and Culture in the Late Pleistocene. A case study /R. Klein – San-Francisco: Chandler Publishing Company, 1969. – 259 p.
223. Kot M. Badania wykopaliskowe Stefana Krukowskiego w doline Saspowskiej / M. Kot, M. Szeliga, M. Wojenka // Wiadomości Archeologiczne. – 2019. – No. 70. – S. 65–92.

224. Kozłowski S. K. Stefan Krukowski. Narodziny giganta / S. K. Kozłowski – Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne i stowarzyszenie naukowe archeologów polskich oddział w Warszawie, 2007. – 224 s.
225. Krukowski S. Paleolit polski / S. Krukowski. – Krakow: Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1939. – 117 s.
226. Lech J. Stefan Krukowski i początki badań nad pradziejowym górnictwem krzemienia w Polsce (1919–1939) / J. Lech // Prof. Stefan Krukowski (1890–1982): działalność archeologiczna i jej znaczenie dla nauki polskiej – Ojców: OPN, 1992. – S. 129–162.
227. Reynolds N. Kostënki 9: the chronology and lithic assemblage of a Gravettian site in Russia / N. Reynolds, S. N. Lisitsyn, D. K. Eskova, N. A. Tsvetkova, M. Buckley, A. Y. Pustovalov // Quaternary International. – T. 587–588. – 2021. – P. 344–367.
228. Trozp-Szczypiorska A. Profesor Stefan Wincenty Krukowski — pionier badań nad paleolitem Zakaukazia / A. Trozp-Szczypiorska // Ad Rem. Kwartalnik Akademicki. – 2017. – No. 4. – S. 4–8.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГАВО – Государственный архив Воронежской области
- ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
- ГАМ – Государственный археологический музей в Варшаве
- ГИМ – Государственный исторический музей
- ВГИАМ – Воронежский губернский историко-археологический музей
- ВГСК – Воронежский губернский статистический комитет
- ВУАК – Воронежская учёная архивная комиссия
- ВГУ – Воронежский государственный университет
- ВНО – Варшавское научное сообщество
- ВОКМ – Воронежский областной краеведческий музей
- ВО МАИ – Воронежский филиал Московского археологического института
- ВУАК – Воронежская учёная архивная комиссия
- ГУБОНО – Губернский отдел народного образования
- ИАК – Императорская археологическая комиссия
- ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры
- МАО – Московское археологическое общество
- МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии Российской академии наук имени Петра Великого (Кунсткамера)
- МЗК – Государственный археологический музей-заповедник «Костёнки»
- ОЛЕАЭ – Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии
- ОРТЗ – Общество распространения технических знаний
- ПАН – Польская академия наук
- ПМ – Политехнический музей
- РАИМК – Российская академия истории материальной культуры
- РАНИИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук

РГО – Русское географическое общество

РТО – Русское техническое общество

РИМ – Российский исторический музей

РТО – Императорское Русское техническое общество

СХИ – Воронежский сельскохозяйственный институт

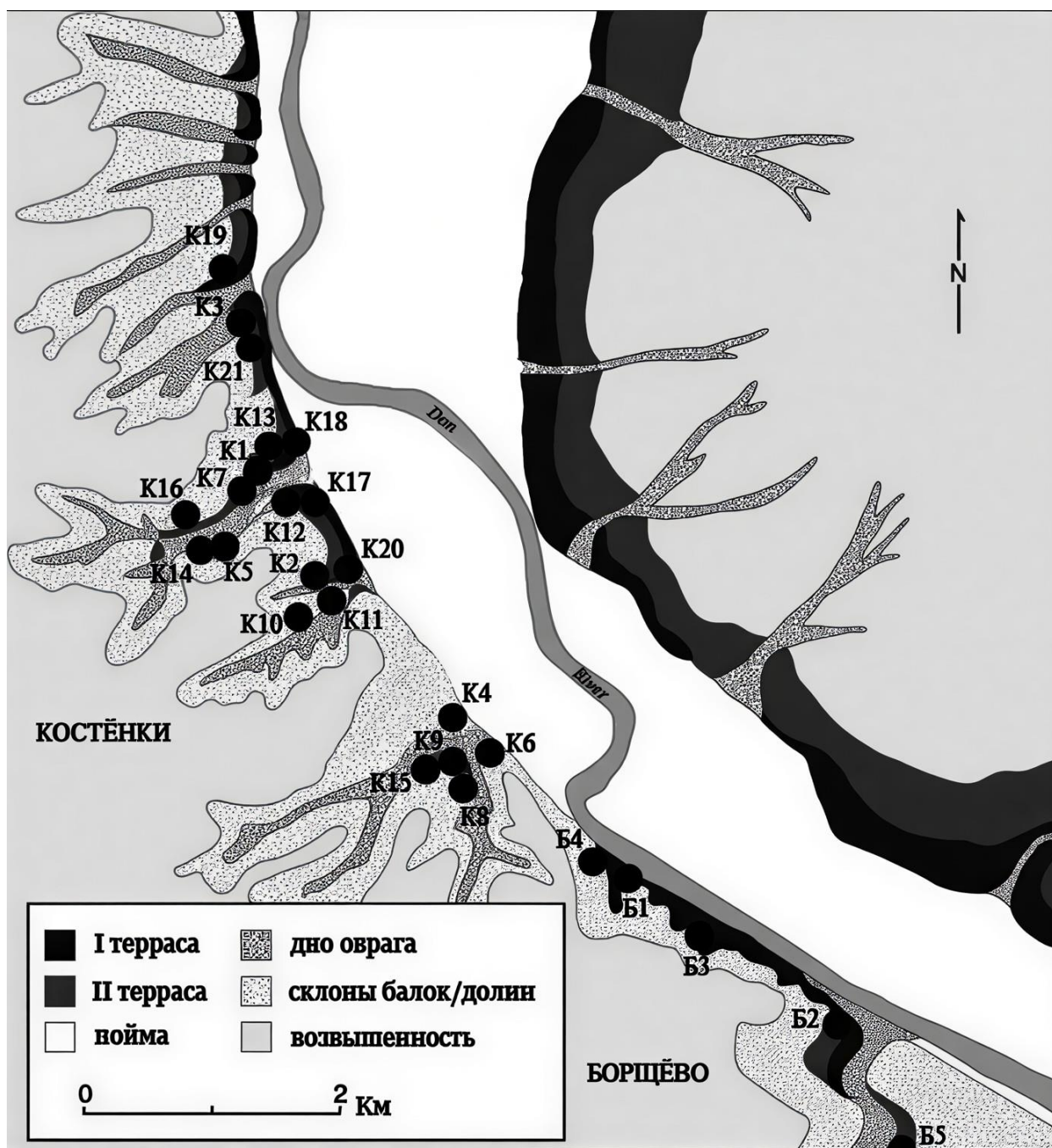

Рис. 1. Карта стоянок Костёнковско-Борщёвского района (K1-K21 – Костёнки 1-21; B1-B5 – Борщёво 1-5)

(По: Аникович, Попов, Платонова, 2008. С. 7)

Рис. 2. Исследователи древностей Костёнок и Борщёво в период с конца XVII в. по начало 40-х гг. XX в.:

1. Пётр I. 2. С. Г. Гмелин. 3. И. С. Поляков. 4. Л. Б. Вейнберг. 5. Е. Л. Марков.
6. А. А. Штукенберг. 7. Н. И. Криштафович. 8. А. А. Спицын. 9. В. А.
Городцов. 10. С. Круковский. 11. С. Н. Замятнин. 12. П. П. Ефименко. 13. П.
И. Борисковский. 14. А. Н. Рогачёв.

(По: Марков, 1884. С. 4; Энциклопедический словарь Брокгауза и Эйфрона. 1904. С. 21; Аникович, Попов, Платонова, 2008. С. 7; Бессуднов, Бесуднов 2022. С. 17; Trozp-Szczypiorska, 2017. S. 4; ГИМ. Ф. 68257. №16354; ЦМДН. Ф. 6987. №90)

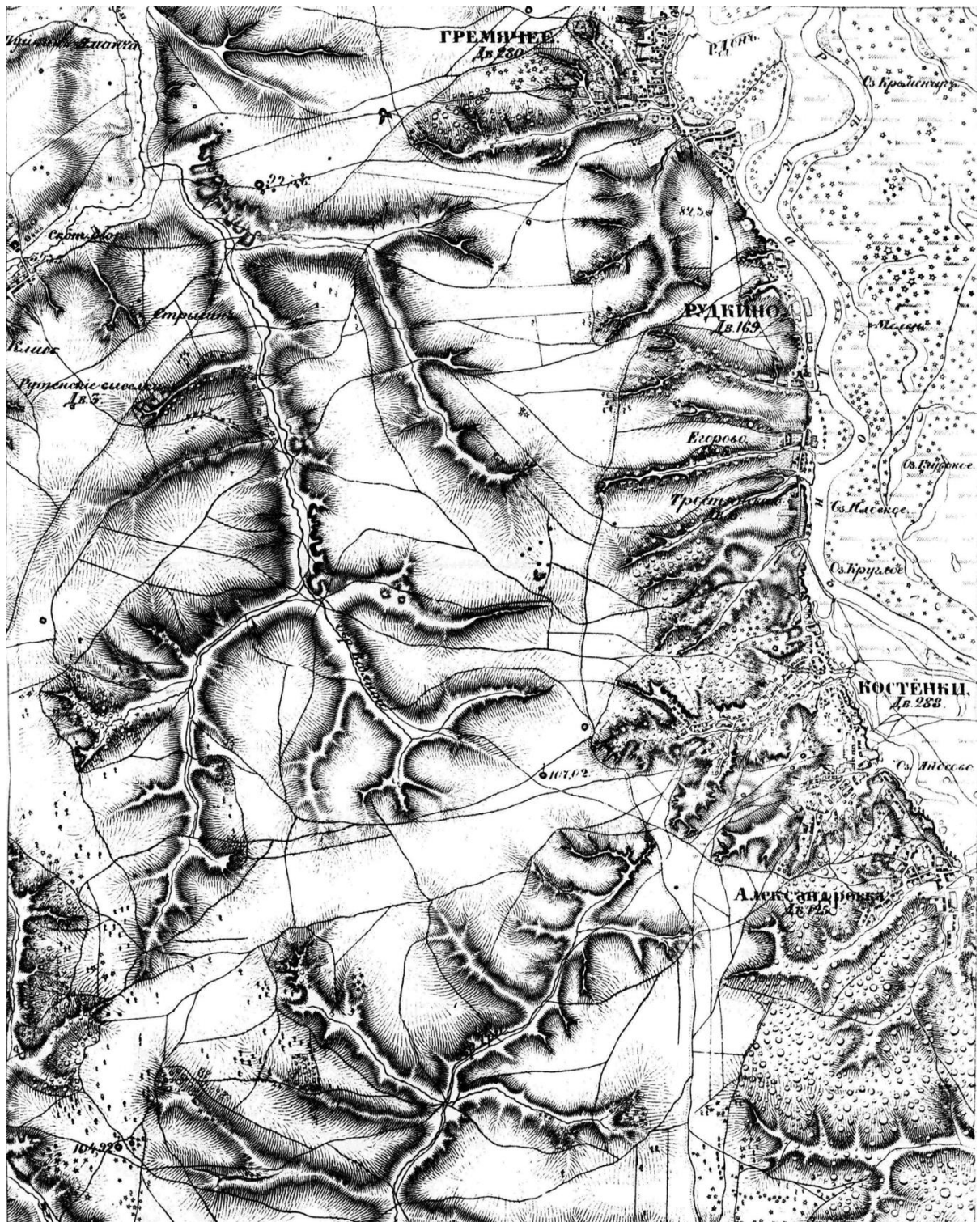

Рис. 3. Первый план села Костёнки и Костёнковской палеолитической стоянки

Составлен И. С. Поляковым

(По: Поляков, 1880. С. 83)

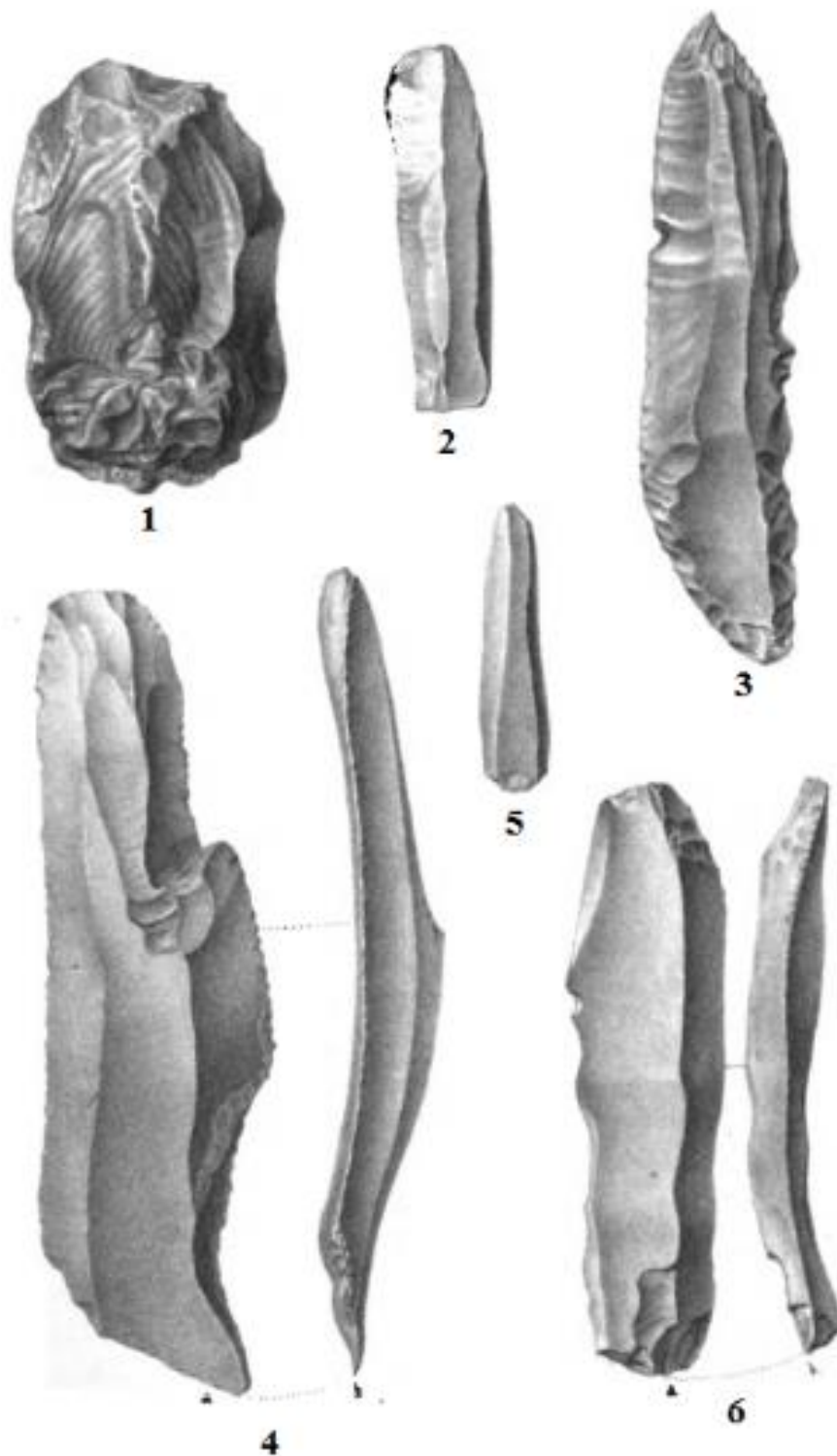

Рис. 4. Кремнёвые орудия, полученные И. С. Поляковым при раскопках стоянки Костёнки 1:

1. ядро; 2–5. кремнёвые осколки или ножи; 6. Нож

Рисунки И. С. Полякова

(По: Поляков, 1881. Таб. 1)

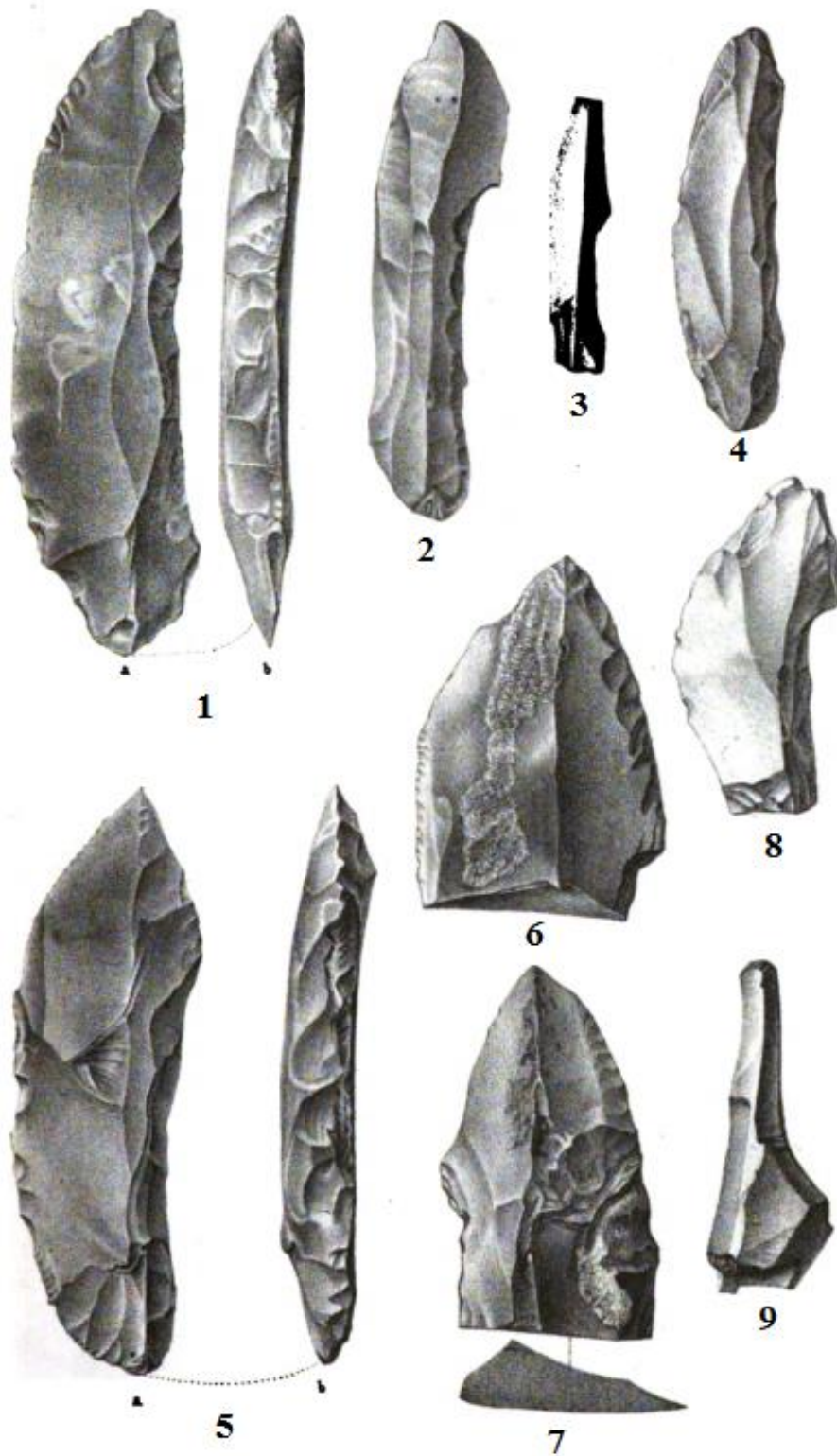

Рис. 5. Кремнёвые орудия, полученные И. С. Поляковым при раскопках стоянки Костёнки 1:

1, 2, 4, 8, 9. ножи; 3, 5. ножо-ланцеты; 6, 7. наконечники копья

Рисунки И. С. Полякова

(По: Поляков, 1881. Таб. 2)

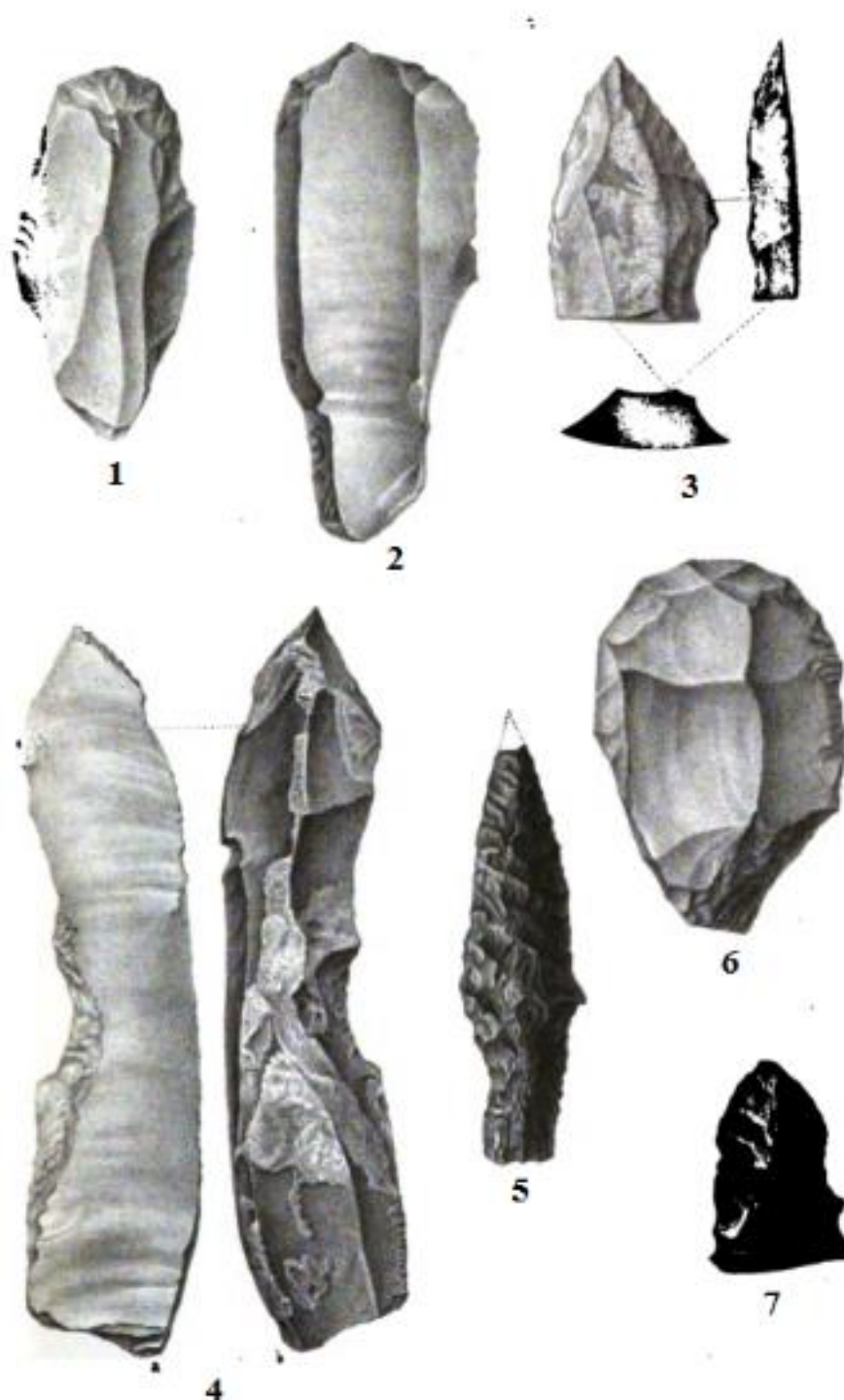

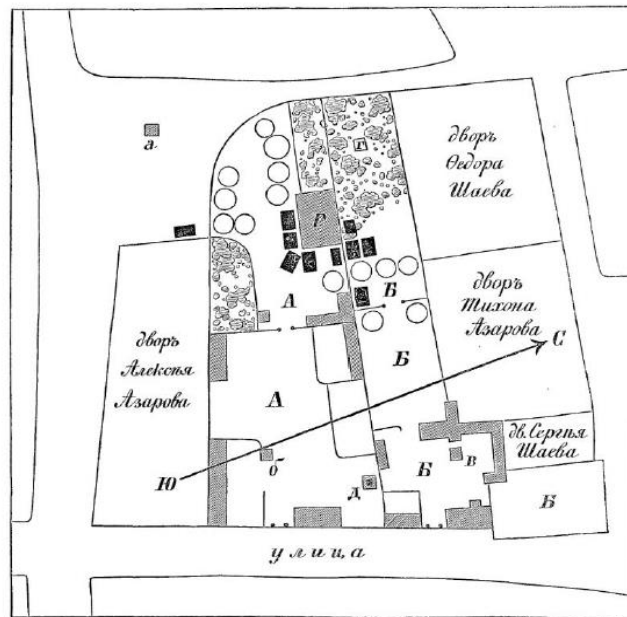
Рис. 6. Кремнёвые орудия, полученные И. С. Поляковым при раскопках стоянки Костёнки 1:

1, 2, 6. скребки; 3, 7. наконечники копья или стрелы; 4. орудие, среднее между скребком и ножом; 5. наконечник стрелы

Рисунки И. С. Полякова

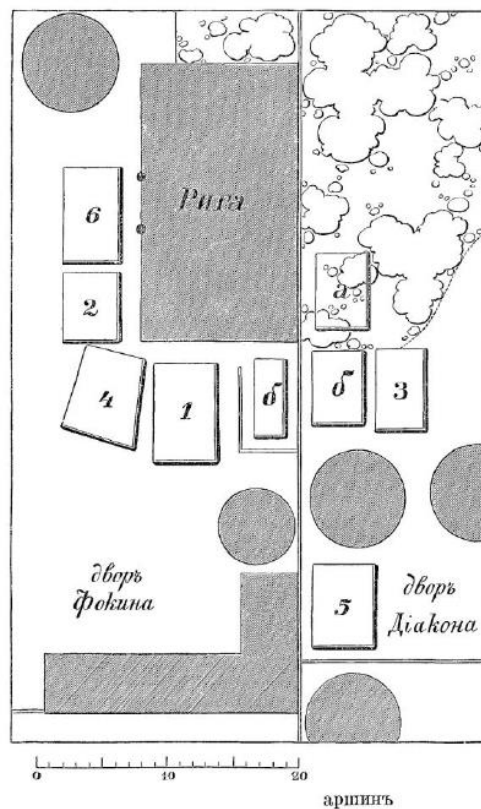
(По: Поляков, 1881. Таб. 3)

ПЛАНЪ I.

А—дворъ крест. Артема Григорьевъ Фоккина; Б—дворъ діакона Феодора Абрамовича Малуйлова; а—храмъ, на мѣстѣ бывшей церкви Покрова Богородицы; б—погребъ Фоккина. в—погребъ діакона; г—старый, нынѣ засыпанный погребъ діакона въ нишевомъ саду; д—общій колодезь; е—рига Фоккина. Ж—ружки—скирды. Черные четырехъ угольники—мѣста раскопокъ.

ПЛАНЪ II.

а—старый ошаникъ; бб—ямы г. Полякова; 1, 2, 3, 4, 5, 6—раскопки Кельсиева. Кружки—скирды.

Рис. 7. Планы раскопок А. И. Кельсиева
(По: Кельсиев, 1883. С. 161–162)

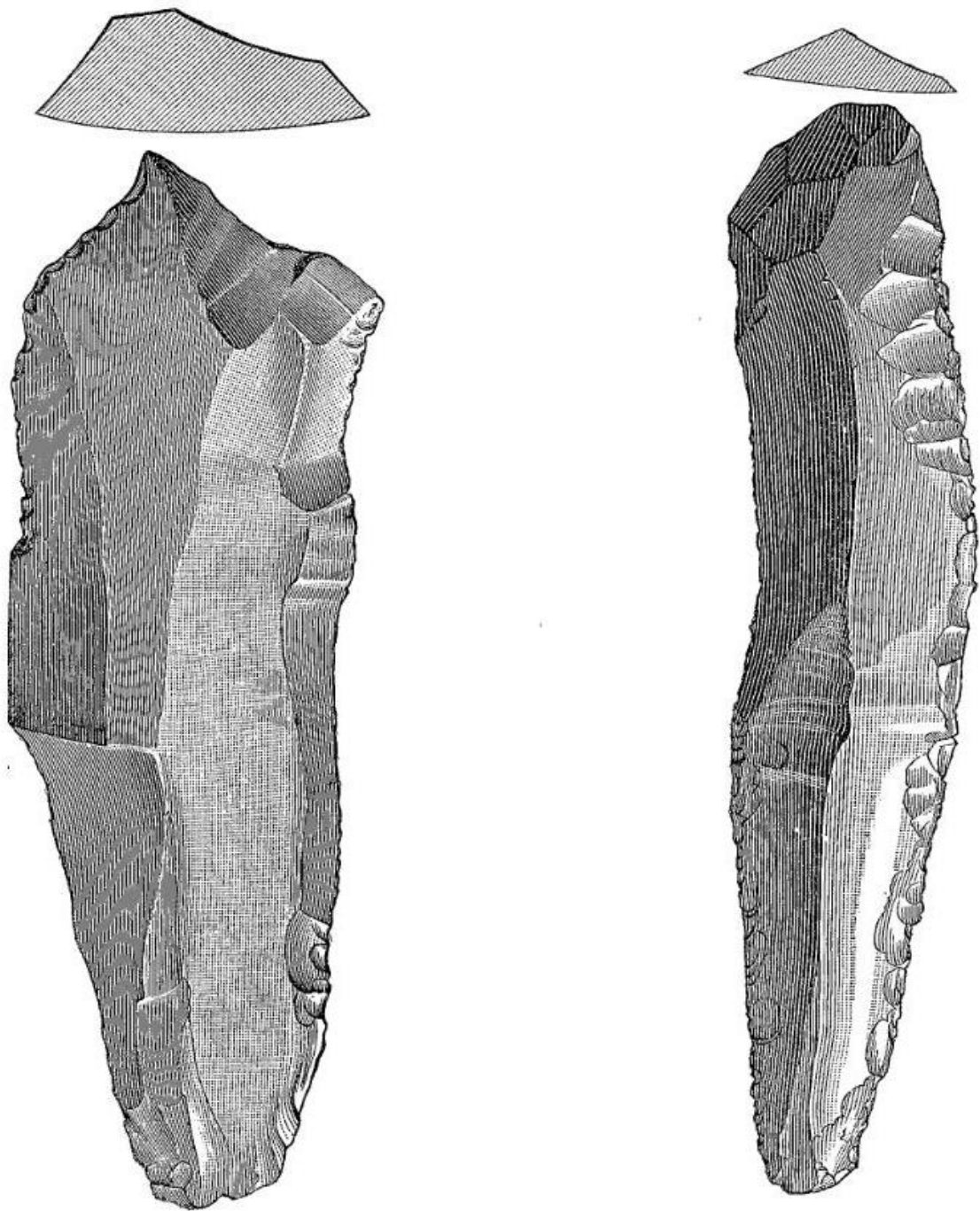

Рис. 8. Крупные орудия, выявленные во время раскопок стоянки Костёнки 1/І в 1881 г. (Ножи костёнковского типа).

Рисунки А. И. Кельсиева.

(По: Кельсиев, 1883. С. 180)

Рис. 9. Каменные орудия из коллекции А. И. Кельсиева:

1. наконечник с боковой выемкой; 2. пластинка с притупленным краем; 3. скребок; 4. нож костёнковского типа; 5. Резец

(ГИМ. А 132)

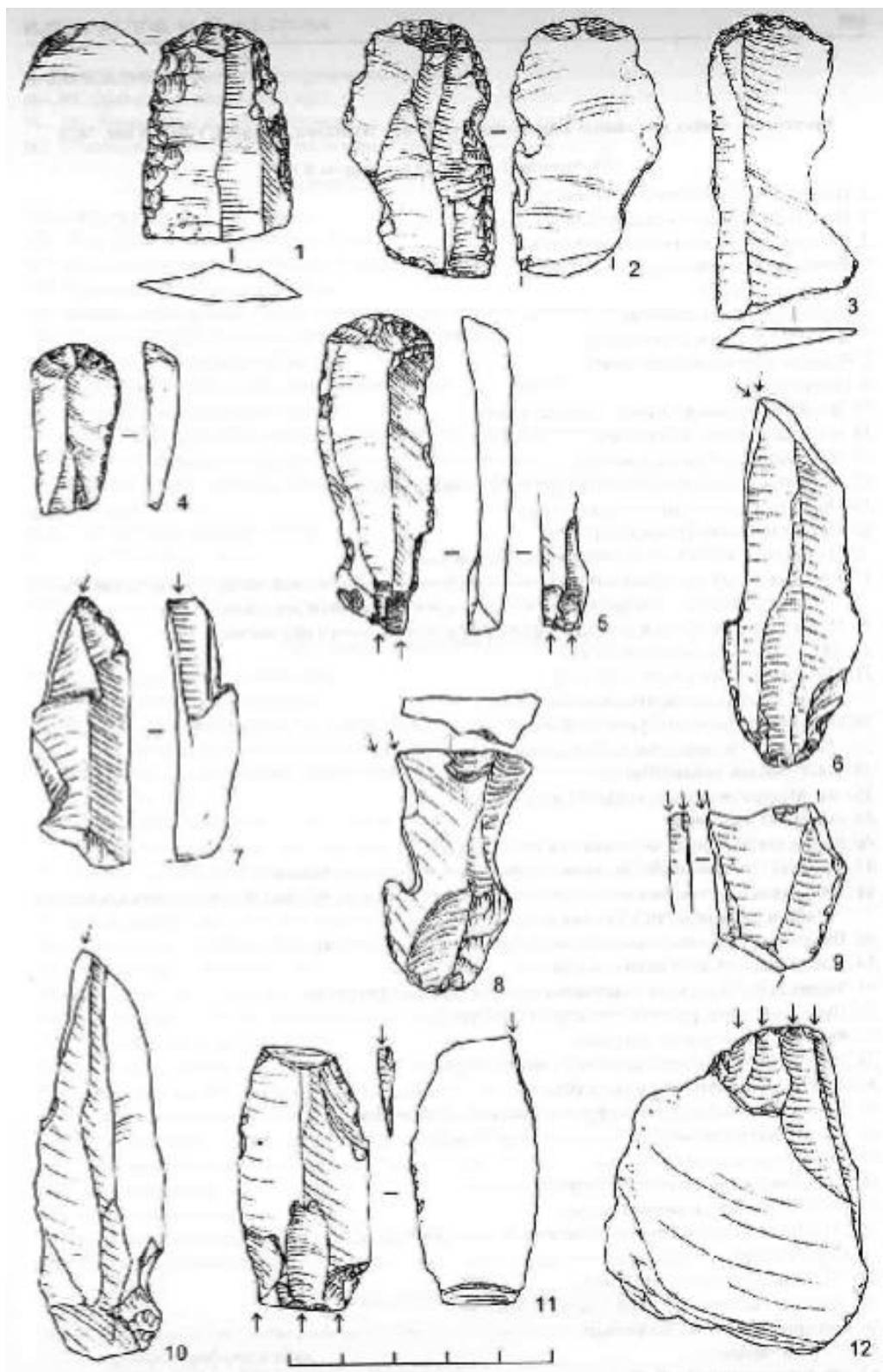

Рис. 10. Кремнёвые изделия из коллекции Н. И. Криштафовича: 1-4. скребки;
5. комбинированное орудие (скребок/резец); 6-12. резцы.

Рисунки Н. Д. Праслова и М. Н. Желтовой

(По: Праслов, 2007. С. 187)

Рис. 11. Формы кремнёвых орудий верхнего палеолита, обнаруженные на Костёнковской палеолитической стоянке в 1879 и 1881 гг.:

1, 2. боковые отщепки резцов (eclats lateraux); 3, 4. скребки с резцом на противоположном конце орудия (grattoirs-burins); 5. маленькая пластинка с тонкооббитым угловым рабочим концом (petite lame avec retouche finale); 6. резец обыкновенный, срединный (burin ordinaire); 7-9. Резцы боковые (burins lateraux), на противоположном конце «угловой резец на конце сломанной пластинки».

Рисунки П. П. Ефименко

(По: Ефименко, 1915. С. 20)

Рис. 12. Острия (наконечники) с боковой выемкой, обнаруженные на стоянке

Костёнки 1/1 в 1879 и 1881 гг.

Рисунки П. П. Ефименко

(По: Ефименко, 1915. С. 23)

Рис. 13. С. Круковский во время археологических работ на стоянке Костёнки
1/І в 1915 г.

(По: Trozр-Szczypiorska, 2017. S. 6)

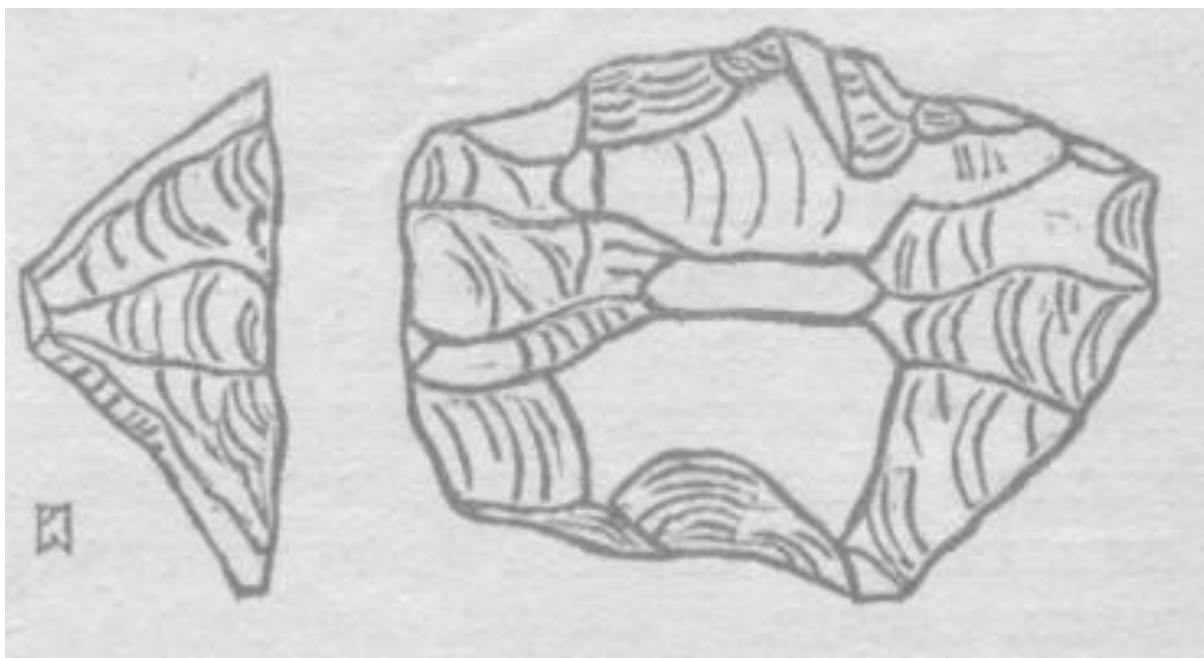

Рис. 14. Скребок «высокой формы» ориньякского типа (скребок/резец).

Предмет из коллекции С. Круковского.

Рисунок С. Н. Замятина

(По: Замятин, 1922. С. 6)

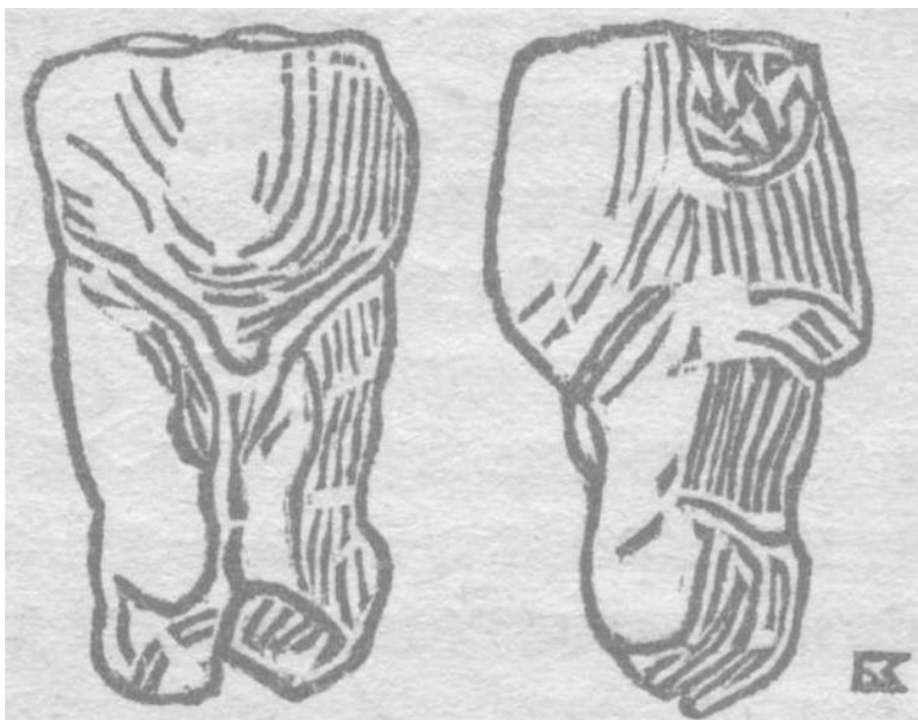

Рис. 15. Женская статуэтка из мергеля. Предмет из коллекции С. Круковского 1915 г.

Рисунок С. Н. Замятина

(По: Замятин, 1922. С. 7)

Рис. 16. Костёнки 1/1. Женская палеолитическая статуэтка. Костёнковско-авдеевская культура. Раскопки С. Круковского 1915 г.

(Верхний палеолит..., 2016. С. 15–16.)

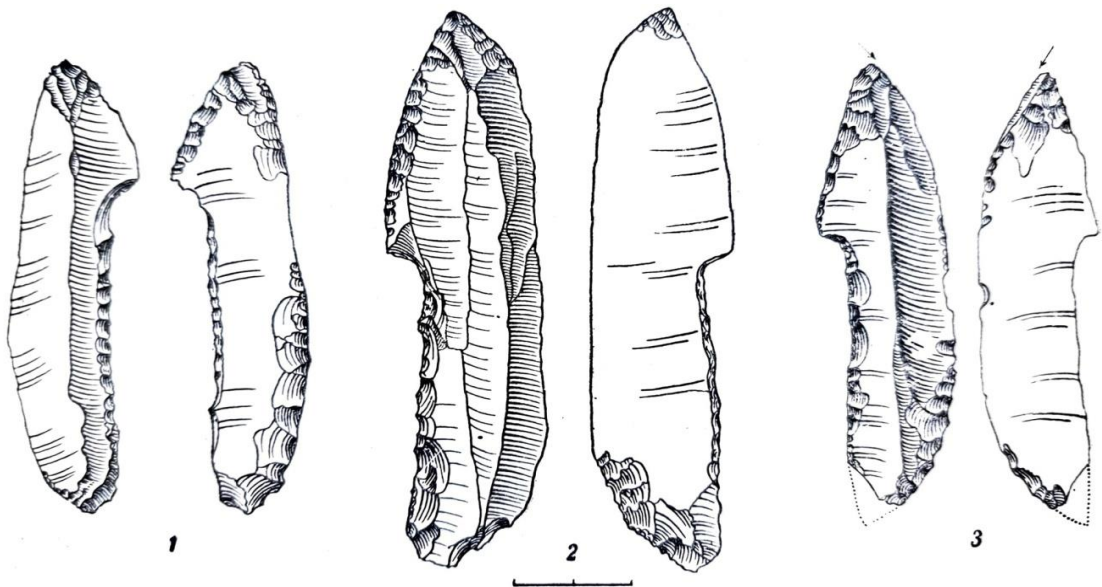

Рис. 17. Костёнки 1/1. Наконечники с боковой выемкой. Костёнковско-авдеевская культура. Раскопки С. Круковского 1915 г.

Рисунки П. П. Ефименко

(По: Ефименко, 1958. С. 242)

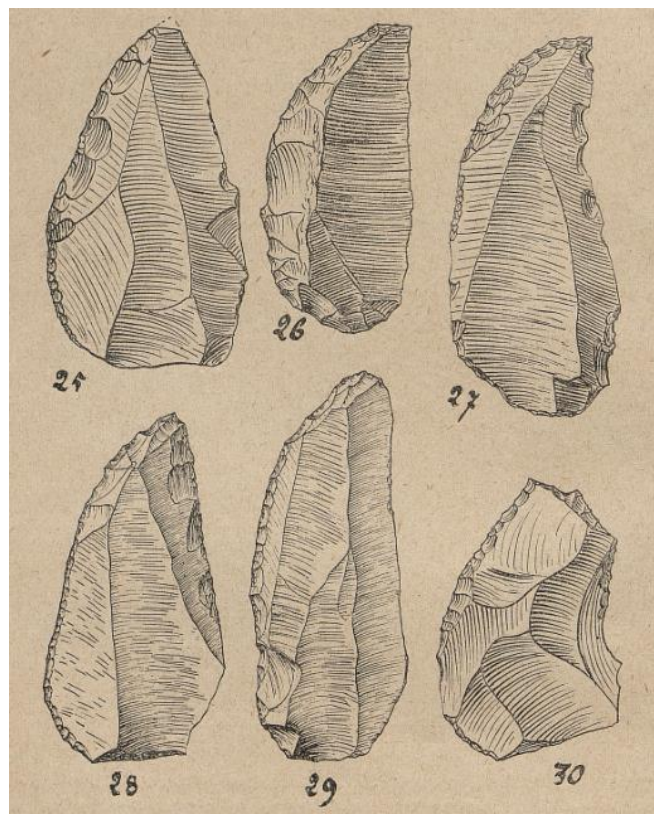

Рис. 18. Стоянка Абри-Оди. Наконечники. Ашельская культура.

Исследования А. Брейля 1909 г.

Рисунки А. Брейля

(По: Breuil H., 1909. P. 326)

Рис. 19. Исследования С. Н. Замятнина на стоянке Борщёво 1. 1920-е гг.
(По: Аникович, Попов, Платонова, 2008. С. 21)

Рис. 20. Костёнки 1/1. Резец. Костёнковско-авдеевская культура. Раскопки С.
Н. Замятнина 1922 г.
(МЗК. Ф. 454. №4)

Рис. 21. Костёнки 1/І. Двойной резец. Костёнковско-авдеевская культура.

Раскопки С. Н. Замятина 1922 г.

(МЗК. Ф 454. №7)

Рис. 22. Костёнки 1/І. Проколка на пластине с ретушированными краями.

Костёнковско-авдеевская культура. Раскопки С. Н. Замятина 1922 г.

(МЗК. Ф. 454. №11)

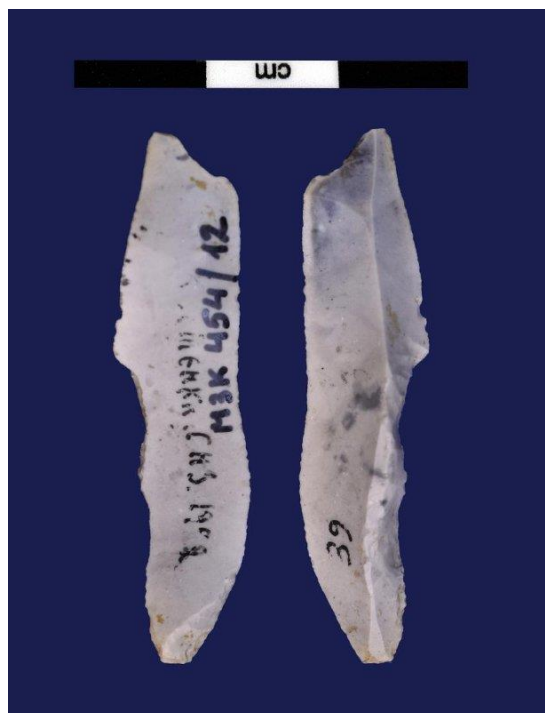

Рис. 23. Костёнки 1/І. Наконечник с боковой выемкой. Костёнковско-авдеевская культура. Раскопки С. Н. Замятина 1922 г.
(МЗК. Ф. 454. №12)

Рис. 24. Костёнки 1/І. Долотовидное орудие. Костёнковско-авдеевская культура. Раскопки С. Н. Замятина 1922 г.
(МЗК. Ф. 454. №14)

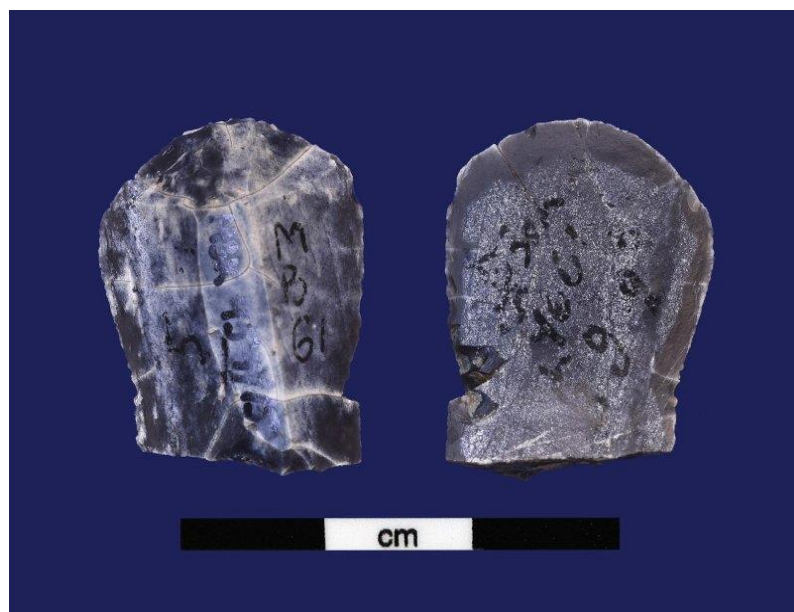

Рис. 25. Костёнки 1/1. Скребок на фрагменте пластины. Костёнковско-авдеевская культура. Раскопки С.Н. Замятина 1922 г.
(МЗК. Ф. 454. №15)

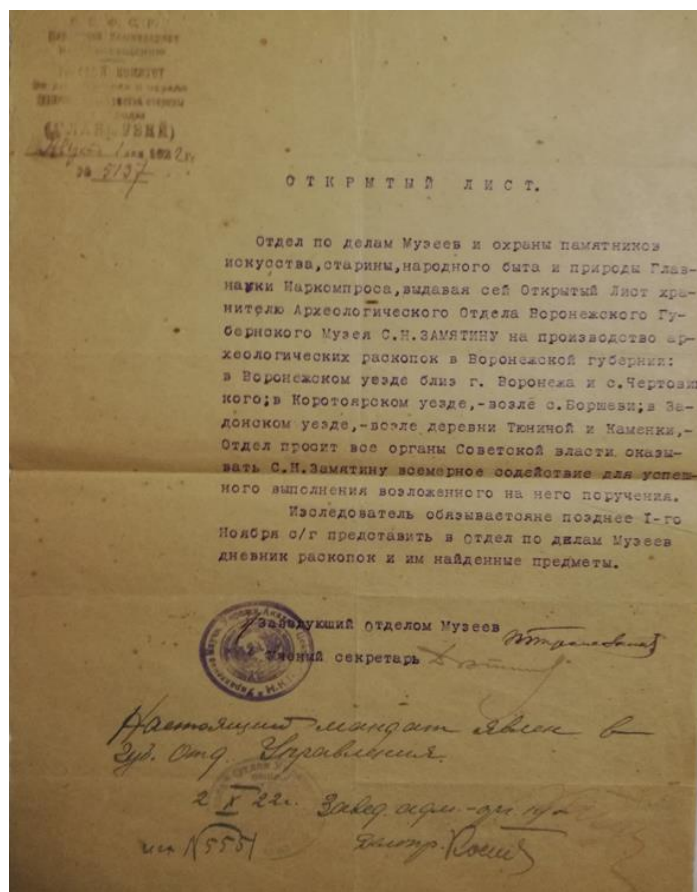

Рис. 26. Открытый лист на имя С. Н. Замятина на производство археологических раскопок в Воронежской губернии от 1 мая 1922 г.
(ВОМ. Ф. 4533. №77)

Рис. 27. Начало Костёнковской палеолитической экспедиции. Шурф П. П.

Ефименко на Костёнках 1/І. 1920-е гг.

(По: Аникович, Попов, Платонова, 2008. С. 22)

Рис. 28. Раскопки П. П. Ефименко на Костёнках 1. 1920-е гг.

(По: Аникович, Попов, Платонова, 2008. С. 22)

Рис. 29. Костёнки 1/І. Палеолитическая женская статуэтка. Костёнковско-авдеевская культура. Из раскопок 1923 г.
(По: Верхний палеолит...2016. С. 72)

Рис. 30. Раскопки на стоянке Костёнки 1/І. Разборка в шурфе у ворот
усадьбы Аносова
(ВОМ. Ф. 12405. №5829)

Рис. 31. Раскопки на стоянке Костёнки 2 в 1927 г. Разведка почвенным буром
(ВОМ. Ф. 12405. №5829)

Рис. 32. Изучение стоянки Костёнки 2. 1920-е гг.
(ВОМ. Ф. 12405. №5829)

Рис. 33. Костёнки 3. Разрез культурного слоя.
(ВОМ. Ф. 12405. №5829)

Рис. 34. Костёнки 4. Разработка культурного слоя.
(ВОМ. Ф. 12405. №5829)

Рис. 35. Раскопки на стоянке Костёнки 1/І. 1930-е гг.

(По: Аникович, Попов, Платонова, 2008. С. 25)

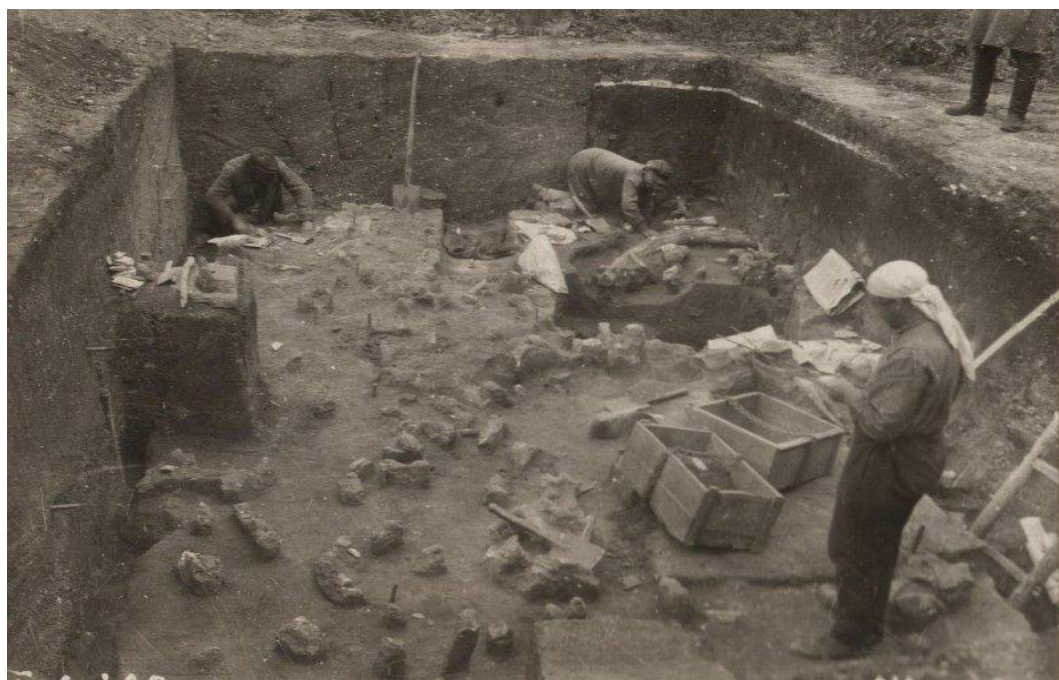

Рис. 36. Раскопки Костёнок 1/І в 1933 г.

(По: ВОР. Ф. 12405. №5830)

Рис. 37. Раскопки первого жилого комплекса стоянки Костёнки 1/І. 1934 г.
(По: Аникович, Попов, Платонова, 2008. С. 26)

Фото 1

Фото 2

Фото 3

Рис. 38. Фотографии с раскопок на стоянке Костёнки 1/І в 1936 г.:

Фото 1. Общий вид раскопа 1936 г.

Фото 2. Землянка В, начало разборки.

Фото 3. Землянка В, окончание разборки

(По: Ефименко, 1958. Табл. II, XI)

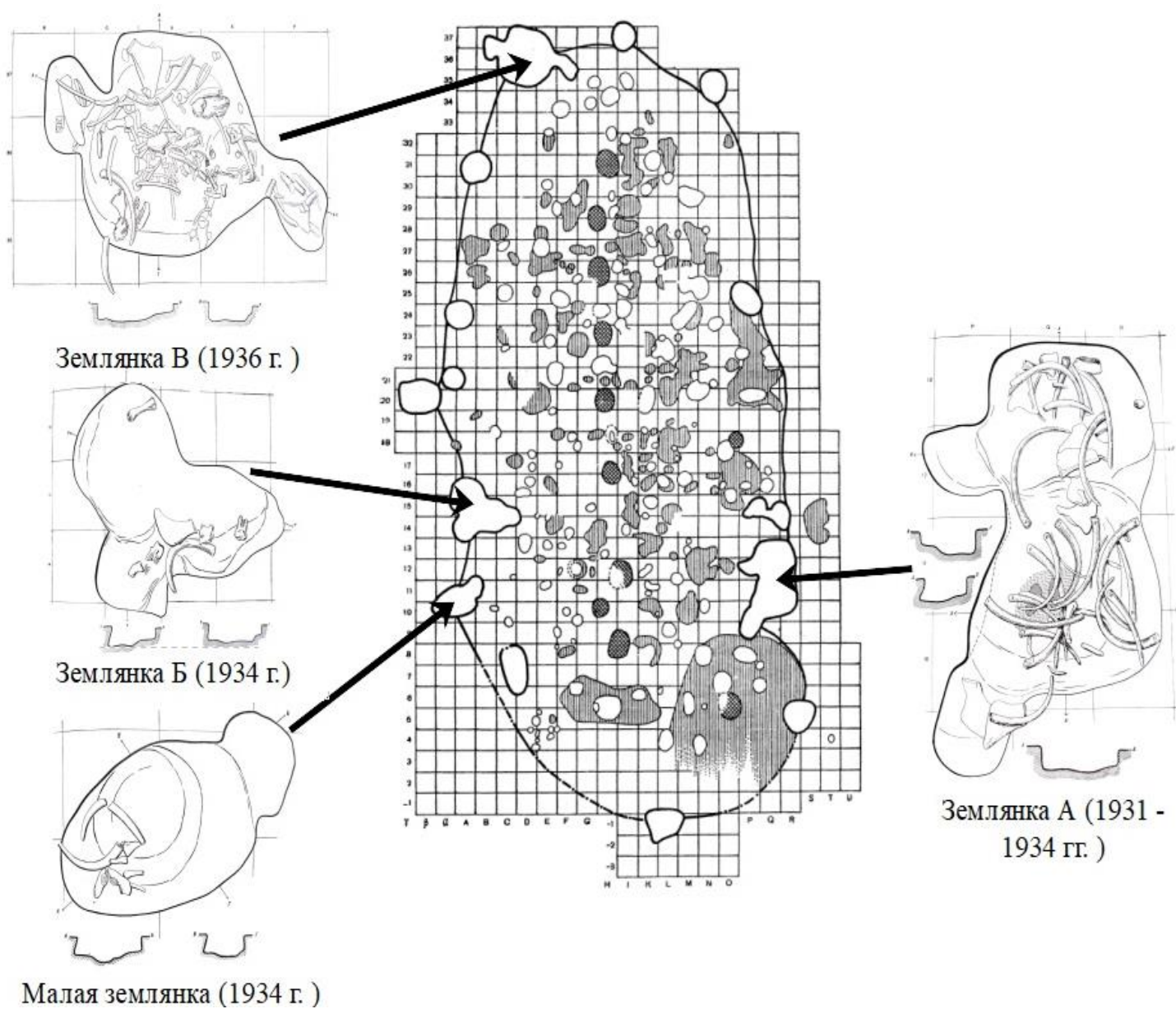
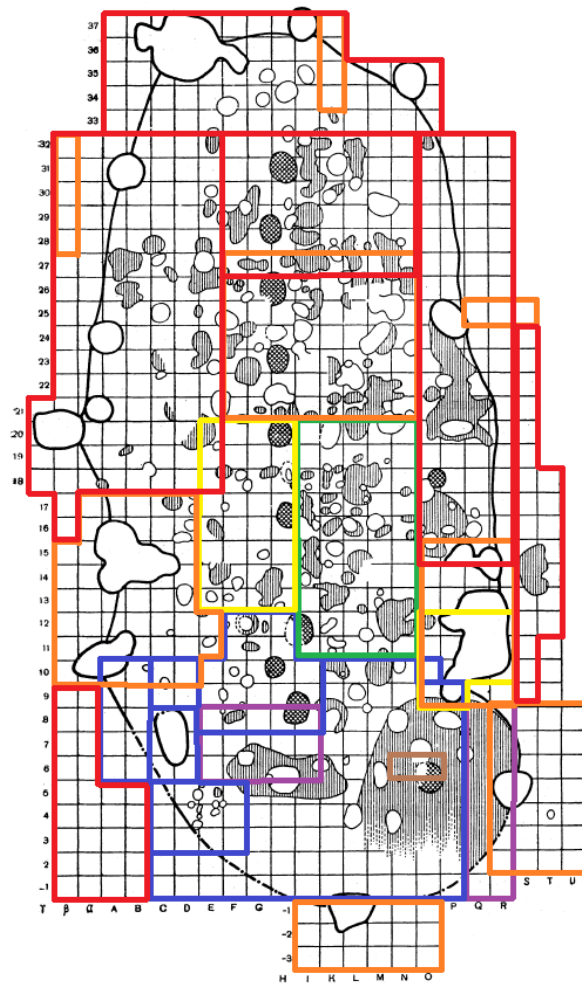

Рис. 39. Костёнки 1/1. Общий план 1-го жилого комплекса с обозначением
выявленных землянок

(По: Ефименко, 1958. С. 39, 79, 115, 121, 181)

Условные обозначения:

- - контуры жилой площадки, землянок, полуземлянок и кладовых
- - - - - приблизительная граница жилой площадки на местах старых раскопок
- очаги
- западины культурного слоя
- ямки-хранилища
- разведочный шурф С. Н. Замятнина 1922 г.
- границы исследованной территории во время раскопок 1923 г.
- границы исследованной территории во время раскопок 1931 г.
- границы изученной территории во время раскопок 1932 г.
- границы изученной территории во время раскопок 1933 г.
- границы изученной территории во время раскопок 1934 г.
- границы изученной территории во время раскопок 1936 г.

Рис. 40. Костёнки 1/І. План 1-го жилого комплекса.

Цветаи обозначены места раскопок 1922–1936 гг.

(По: Ефименко, 1958. Рис. 1.)

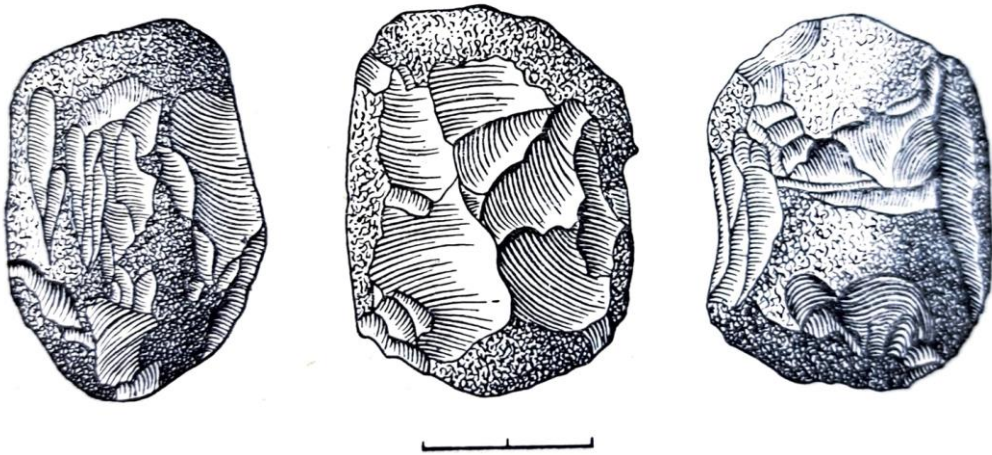

Рис. 41. Костёнки 1/І. Отбойник. Костёнковско-авдеевская культура.

Раскопки П. П. Ефименко 1931–1936 гг.

Рисунок П. П. Ефименко

(Ефименко, 1958. С. 213)

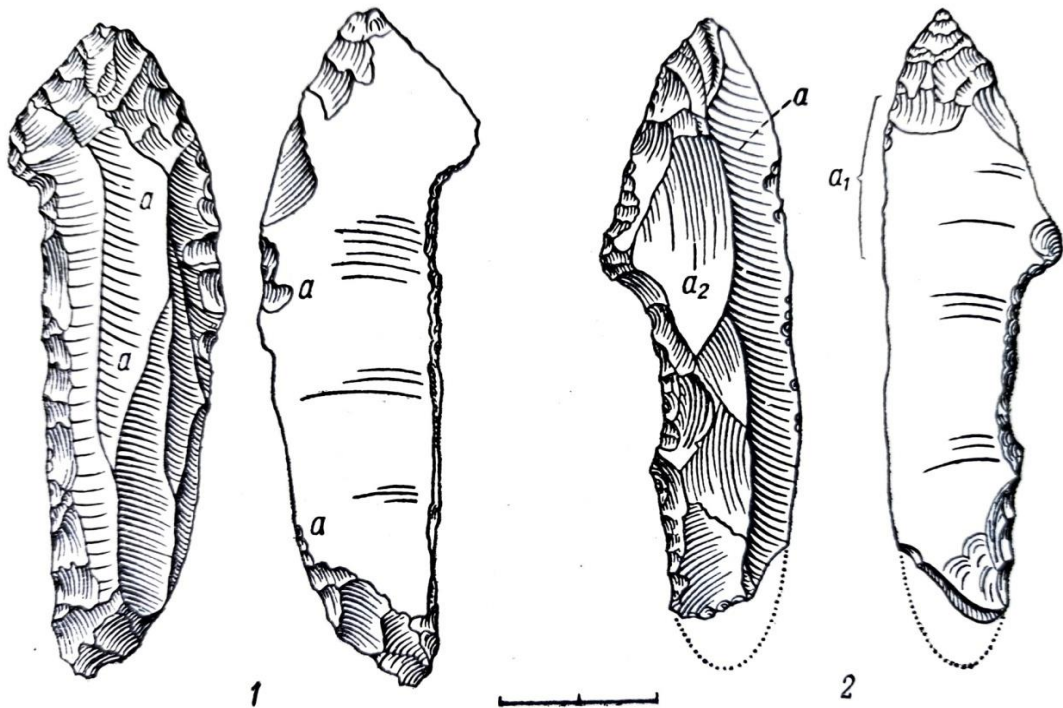

Рис. 42. Костёнки 1/І. Наконечники с боковой выемкой. Костёнковско-авдеевская культура. Раскопки П. П. Ефименко 1931–1936 гг.

Рисунки П. П. Ефименко

а, а₁, а₂ – следы заполированности

(По: Ефименко, 1958. С. 241)

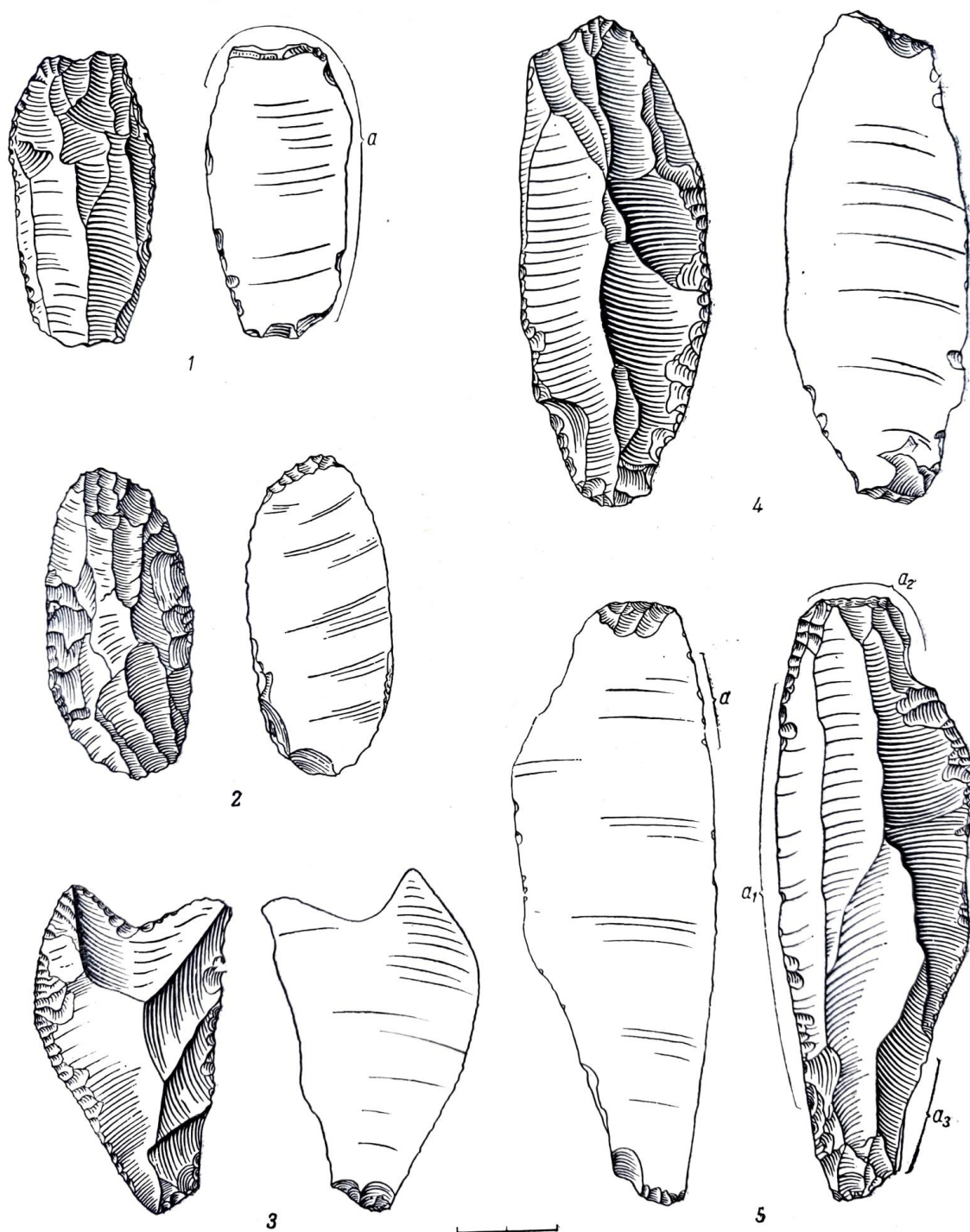

Рис. 43. Костёнки 1/І. Ножи костёнковского типа. Костёнковско-авдеевская культура. Раскопки П. П. Ефименко 1931–1936 гг.

Рисунки П. П. Ефименко

а, а₁, а₂, а₃ — следы заполированности

(По: Ефименко, 1958. С. 233)

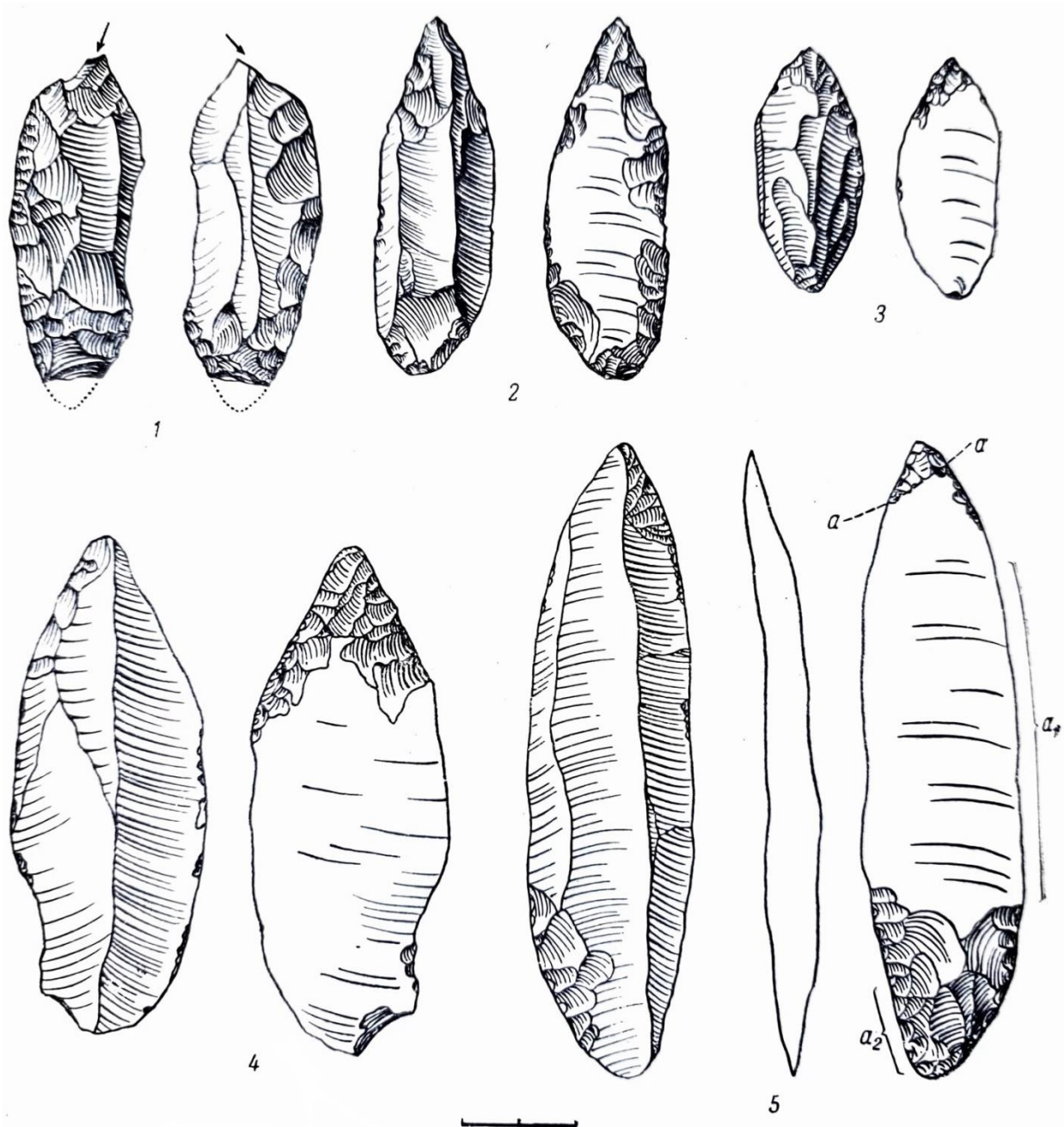

Рис. 44. Костёнки 1/І. Листовидные наконечники. Костёнковско-авдеевская культура. Раскопки П. П. Ефименко 1931–1936 гг.

Рисунки П. П. Ефименко

а, а₁, а₂ — следы заполированности

(По: Ефименко, 1958. С. 248)

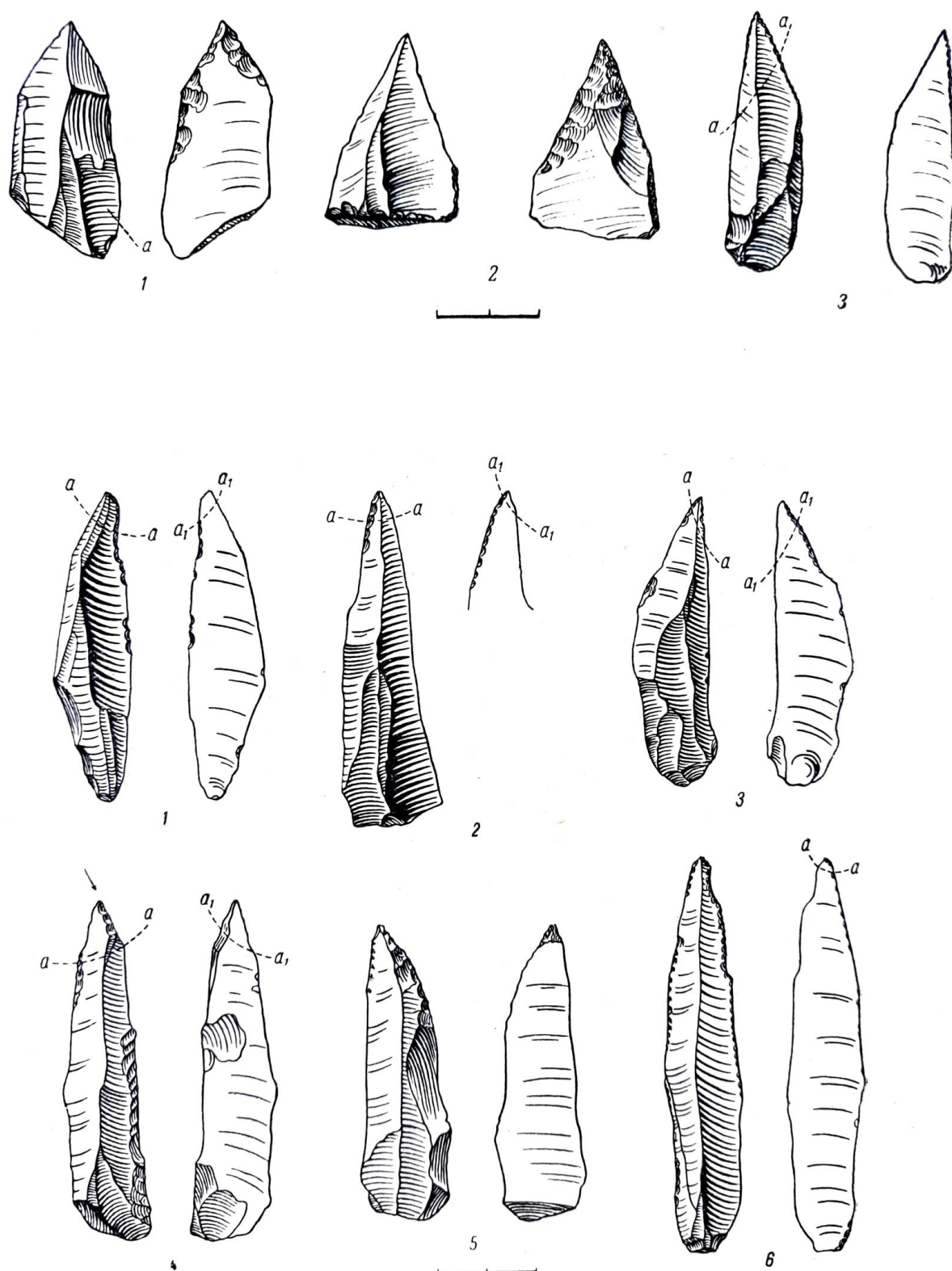

Рис. 45. Костёнки 1/1. Проколки. Костёнковско-авдеевская культура.

Раскопки П. П. Ефименко 1931–1936 гг.

Рисунки П. П. Ефименко

а, а₁ — сильная заполированность

(По: Ефименко, 1958. С. 252)

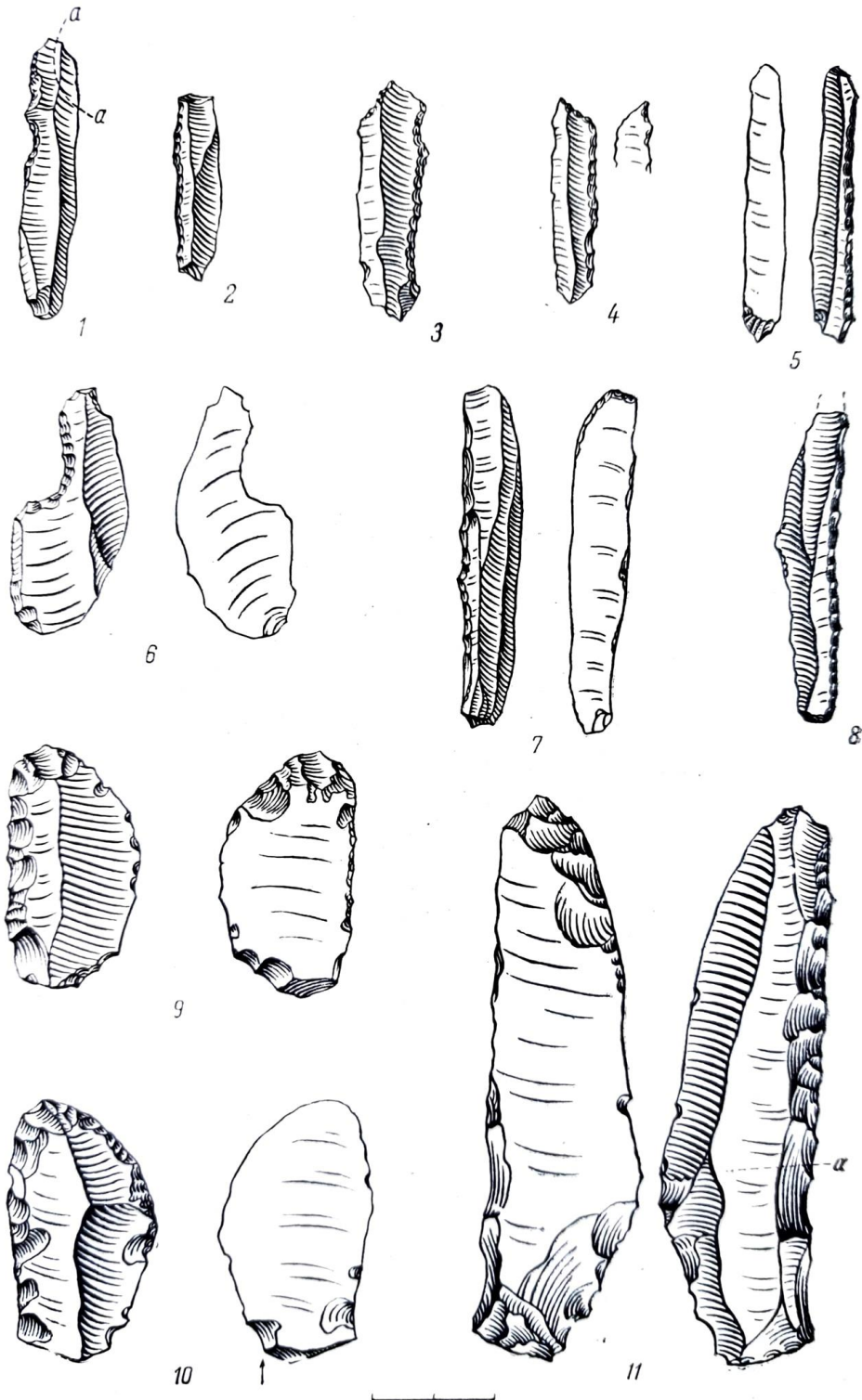

Рис. 46. Костёнки 1/I. Пластины с притупленным краем. Костёнковско-авдеевская культура. Раскопки П. П. Ефименко 1931–1936 гг.

Рисунки П. П. Ефименко

а – участки заполированности

(По: Ефименко, 1958. С. 259)

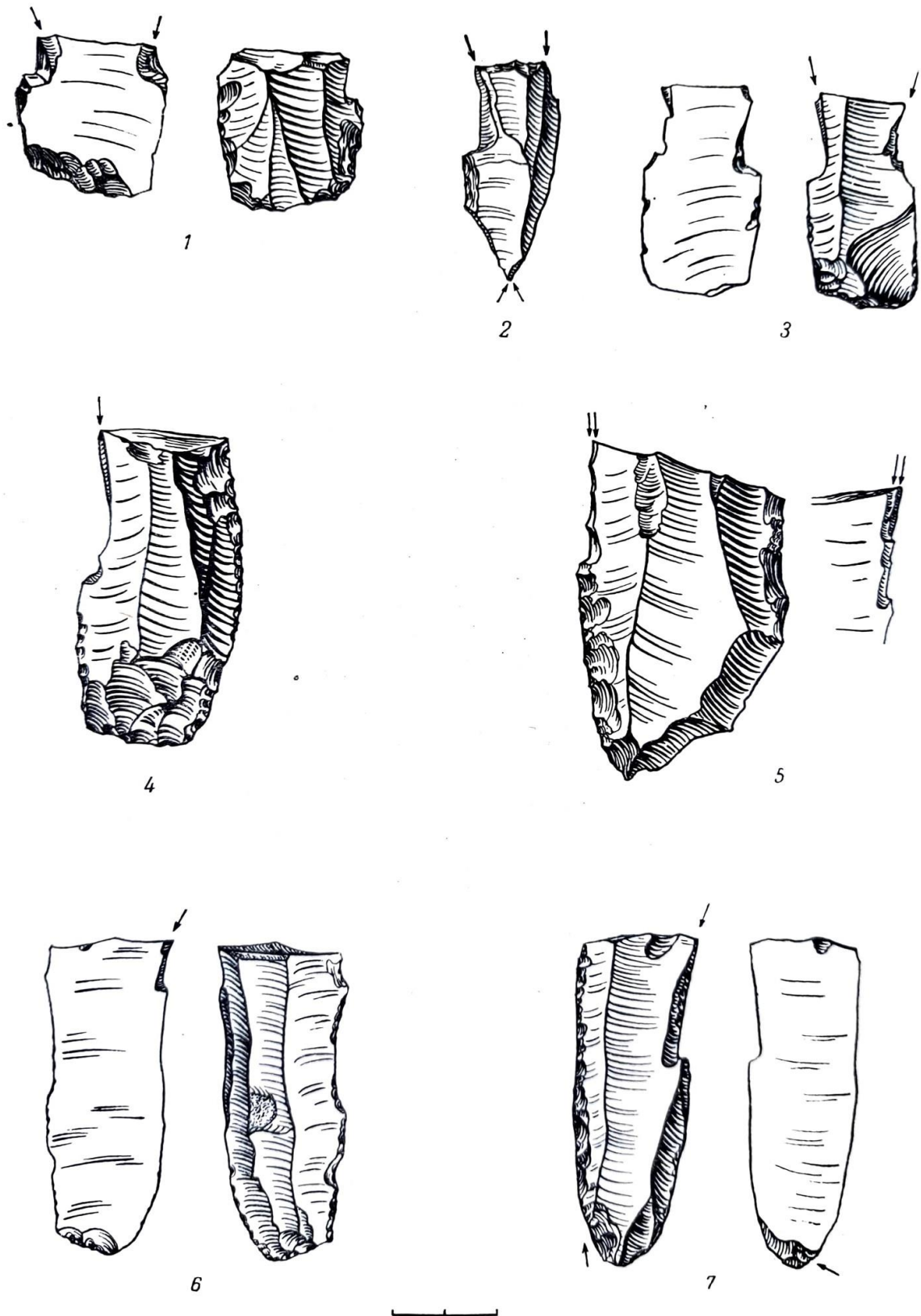

Рис. 47. Костёнки 1/І. Резцы. Костёнковско-авдеевская культура. Раскопки П.

П. Ефименко 1931–1936 гг.

Рисунки П. П. Ефименко

(По: Ефименко, 1958. С. 262)

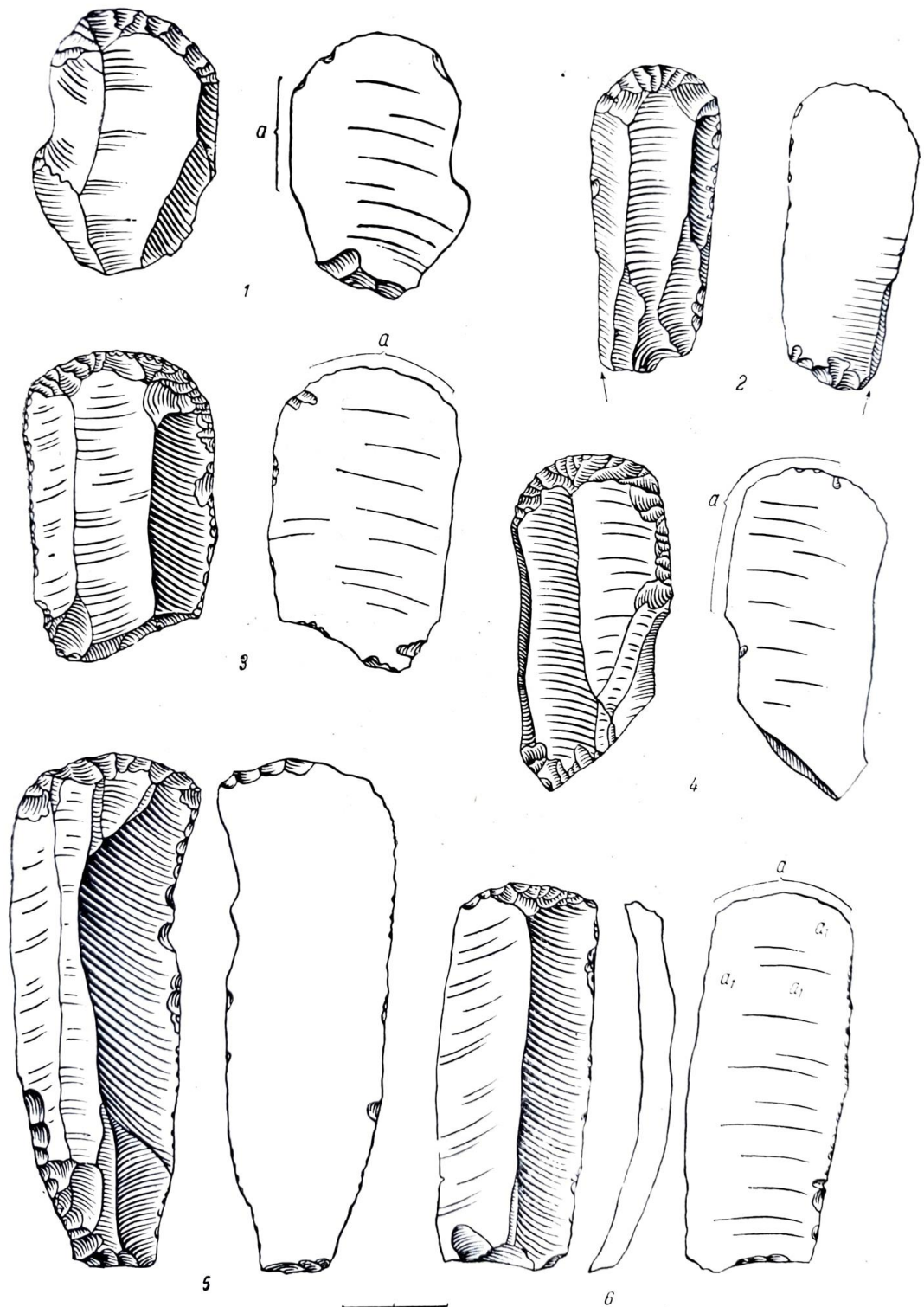

Рис. 48. Костёнки 1/І. Скребки. Костёнковско-авдеевская культура. Раскопки

П. П. Ефименко 1931–1936 гг.

Рисунки П. П. Ефименко

а, а₁ — следы заполированности

(По: Ефименко, 1958. С. 276)

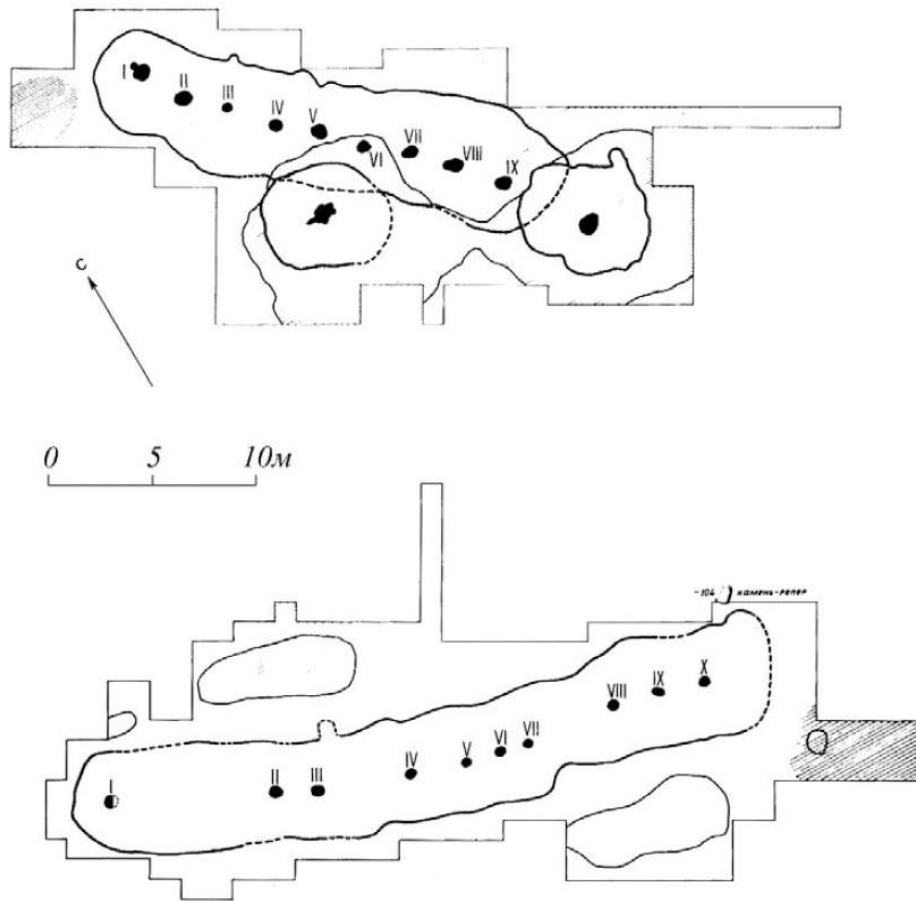

Рис. 49. Планы «длинных домов» со стоянки Костёнки 4
I–XI– очаги.

(По: Рогачёв, 1940. С. 37–38)

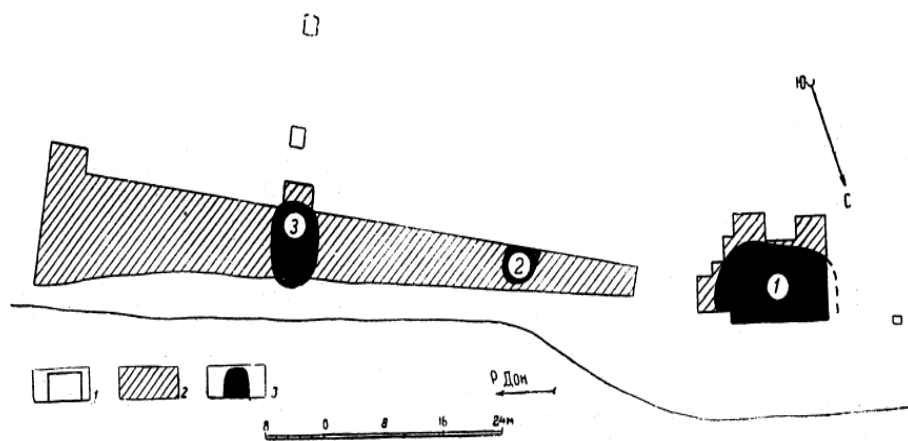

Рис. 50. Нижний культурный слой Борщёво 2

1. Границы раскопов. 2. Территория распространения редких изолированных находок. 3. Скопления.

(По: Борисковский, 1941. Рис. 3)

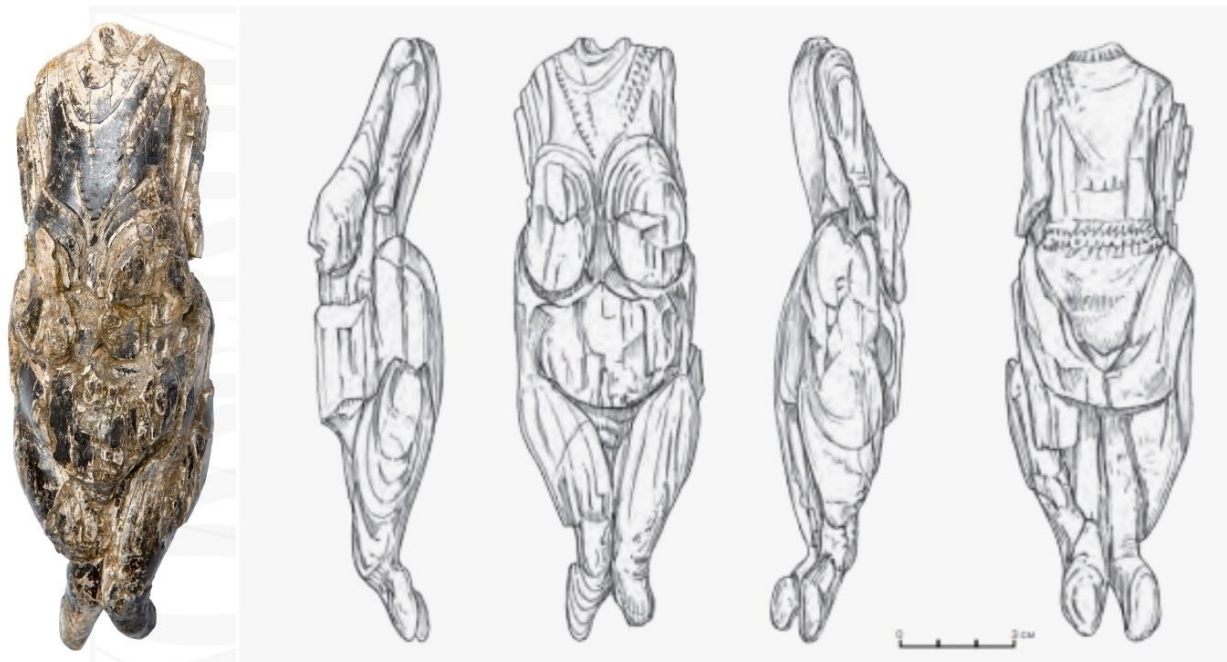

Рис. 51. Костёнки 1/І. Женская статуэтка из бивня мамонта. Костёнковско-авдеевская культура. Раскопки П. П. Ефименко 1931 гг.
(Верхний палеолит..., 2016. С. 76–79)

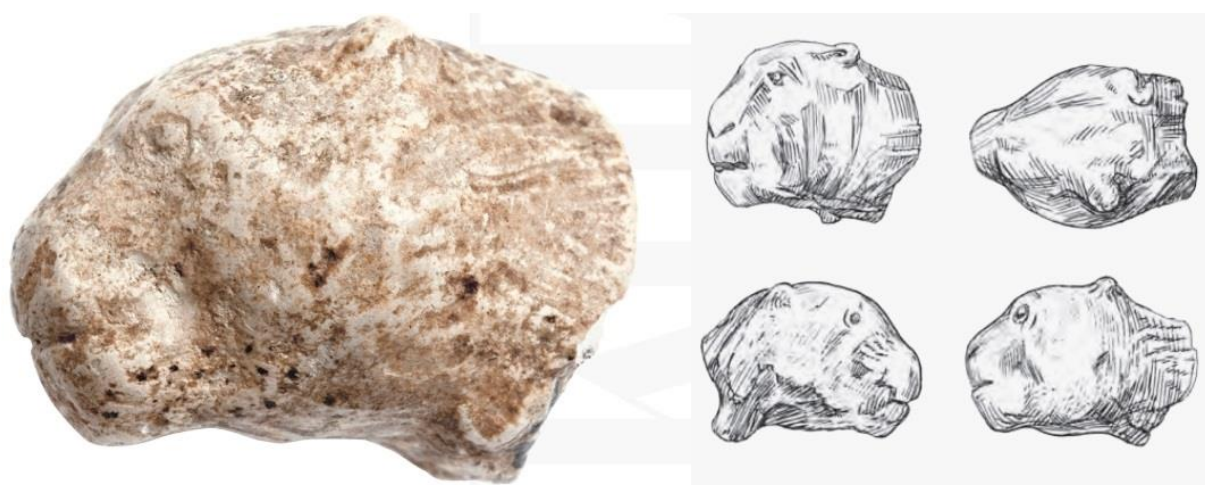

Рис. 52. Костёнки 1/І. Фигурка в форме головы львицы. Костёнковско-авдеевская культура. Раскопки П. П. Ефименко 1931–1936 гг.
(Верхний палеолит..., 2016. С. 196–197)

Рис. 53. Костёнки 1/І. Скребок на широкой пластине. Костёнковско-авдеевская культура. Раскопки П. П. Ефименко 1934 г.
(МЗК. Ф. 454. №1)

Рис. 54. Костёнки 1/І. Резец на крупной пластине. Костёнковско-авдеевская культура. Раскопки П. П. Ефименко 1934 г.
(МЗК. Ф. 454. №2)

Рис. 55. Участники Воронежского геологического пленума Советской секции

INQUA. Май 1941 г.

(По: Бессуднов, Захарова, 2013. С. 93)

ПРИЛОЖЕНИЯ¹

Приложение №1

Собрание документов по истории Политехнического музея // ПМ. Ф.

100. Оп. 1 и 2.

Отношение Зенгера Н.К. и.о. председателя комитета

*Политехнической выставки, в хозяйственную комиссию с просьбой
оплатить Кельсиеву Александру Ивановичу работу в канцелярии // ПМ. Ф.*

100. Оп. 1. Д. 16540. №3

Комитет

Политехнической

Выставки 1872 г.

Председатель:

Марта 31 дня 1872 г.

№13

В Хозяйственную
Комиссию Комитета

Сте. Сметы:

Имею честь покорнейше просить Хозяйственную Комиссию сделать надлежащее распоряжение со выдачи Александру Ивановичу Кельсиеву из суммы наших двадцать рублей, причитающихся за деятельность по канцелярии.

За. Председатель Зенгер.

Ответ А.И. Кельсиева на письмо А. Б. Бера от 16 ноября 1882 г. // ПМ.

Ф. 100. Оп. 1. Д. 16513. №30

¹Орфография, пунктуация и стиль документов, в основном, сохранены; внесены незначительные исправления для приведения в соответствие с нормами современного правописания.

Большинство предметов, требуемых из Музея, обратно все равно не были бы выставлены по незначительности интереса или по недостатку места.

По Кавказскому учебному округу остаются в Музее все издания Кавказского учебного округа (9 числа), модели классной мебели, слесарной работы модели сельскохоз. туземных орудий – возвращаются женские рукоделия именные, столярные поделки (рамки, корзинки, конторки и т.д.) Сожалеть можно лишь об одном столе с насекомыми и яйцами.

Из предметов 11 экспонентов, оставивших свои вещи усмотреть комиссии по управлению выставкою – пять коллекций (Новикова – струны, Профатилова – струны, Федорова – календарь, Коткины – Протапа и Подобы – книги) оставляют. По сем следует три коллекции: Ляховицкого – фотографии; Лагина – матрицы; Рождественского – копирователи не были бы выставлены. Заслуживают сожаления часовой регулятор Мерца, Несмеянова гильзы и журнал Рижского Технического общества.

Хранитель Кельсиев.

*Письмо харьковского отделения Императорского Русского
технического общества Александру Ивановичу [Кельсиеву] о
высылке экземпляра записок технического общества// ПМ. Ф. 100. Оп.*

1. Д. 16513. № 82

Милостивый Государь

Александр Иванович

Имею честь препроводить второй экземпляр Записок Технического Общества с покорнейшею просьбою оказать Вам содействие в ходатайстве нашего Отделения, выраженным в письмах на Ваше имя, так и на имя Д.А. Наумова.

С почтением имею быть в
ожидании скорого ответа
Вашим покорным слугою

Иван Фесенин

Р.С. Извольте Вас просить передать прилагаемое заявление в Совет
Музея.

*Письмо правителя канцелярии попечителя Московского учебного
округа Александру Ивановичу Кельсиеву, главному хранителю
Политехнического музея, по поводу приобретения учебников преподавателей
Московского учебного округа // ПМ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 16513. № 167*

Милостивый Государь

Александр Иванович!

Г. Попечитель Округа изволил выразить ответ на то, чтобы учебники преподавателей Московского Учебного Округа бывшие на содержании были переданы в Политехнический Музей. По сему Вам надлежит обратиться по сему предмету со встречным отношением к его Святейшеству.

Прошу Вас принять уверение в совершенном почтении и желанием ...

Честь, милостивый государь,

Покорнейший слуга

ДеВьижаев

Его Святейшеству

А.И. Кельсиеву

Г. Хранителю Политехнического музея

*Письмо директора Учительского института Московского округа
Министерства народного просвещения в правление Политехнического музея
с просьбой сохранить без изменения содержание г. Кельсиева, хранителя
учебного отдела // ПМ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 16514. №1*

М.Н.П.

Московский учебный округ
Директор Учительского института
Января 19 дня 1884 г.
№48
Москва

В Правление Политехнического Музея

В ответ на вопрос, полученный мною от г. Секретаря Музея, имею честь уведомить Правление, что при обстоятельствах, изложенных в письме хранителя Учебного Отдела г. Кельсиева к г. Председателю Комитета, и в записках об его ученой деятельности, я со своей стороны не вижу повода предлагать ухудшение его положения в Музее, а напротив считал бы справедливым сделать г. Попечителю Учебного Округа представление о продолжительных трудах г. Кельсиева, направленных к поддержанию в хорошем порядке и к развитию Учебного Отдела. С Декабря прошлого года я вступил в переговоры представителями Учебного Отдела Общества распространение технических знаний относительно совместной деятельности на будущее время учебного Отдела Общества с учебным Отделом Музея и об учреждении постоянной Комиссии с целью обогащения педагогических коллекций музея, о чем своевременно мною будет доложено Комитету. Постоянное сотрудничество г. Кельсиева в настоящее время, при начале деятельности Комиссии оказывается, по моему мнению, особенно необходимым. Посему имею честь покорнейше просить Правление оставить в проекте бюджета содержание, отпускаемое хранителю учебного отдела, без изменения, по меньшей мере на текущий год.

Директор Учебного Отдела г. А. Ф. Малинин.

*Письмо сопроводительное Г.Е. Щуровского Дмитрию Алексеевичу
Наумову к письму и списку учёных заслуг А.И. Кельсиева // ПМ. Ф. 100. Оп. 1.*

Д. 16514. №2

Глубокоуважаемый Дмитрий Алексеевич,

Прилагаемые при сем письмо А.И. Кельсиева и список его учёных заслуг прошу Вас прочесть и обсудить в заседании Правления вместе с бюджетной Комиссией.

С совершенным почтении честь имею быть

Вашего Превосходительства

Покорнейший слуга Г. Щуровский.

14 декабря 1883 г.

Письмо А.И. Кельсиева Г.Е. Щуровскому и расходов на учебный отдел и с просьбой продлить его службу в отделе до лета // ПМ. Ф. 100. Оп. 1. Д.

16514. №3

Ваше превосходительство

Милостивый государь

Григорий Ефимович

Г. Директору Учебного отдела А.Ф. Малинину и мне также было передано частным образом, что Комитет Политехнического музея предполагает сократить в будущем расходы на Учебный Отдел, имея в виду главным образом жалование Хранителя Отдела.

Уменьшение жалования кому-либо после его продолжительной службы есть во всяком учреждении, научном и ненаучном, факт очень редкий, – и Комитет утвердит его, конечно, при достаточных основаниях.

С разрешения Вашего превосходительства имею честь представить прилагаемую краткую записку для сведения при обсуждении вопроса.

Я заочно готов на всякие жертвы для Музея если они урегулируются меж всеми служащими. В случае же решение Комитета будет неблагоприятно только для меня, имею честь почтительно просить Вас продлить мою службу при Музее до лета для устройства личных дел и завершения предпринятых трудов по этому.

Вашего Превосходительства всегда преданный

Кельсиев

8 декабря 1883 г.

Записка А. И. Кельсиева, приложенная к письму Г. Е. Щуровскому от 8 декабря 1883 г. (список научных заслуг)// ПМ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 16514. №4

Инженер Губернский Секретарь, Александр Иванович Кельсиев, ныне 37 лет, женатый, ведет непрерывно, в течение последних 12 лет, деятельность, посвященную распространению знаний и развитию отечественных наук.

К учреждениям Общества Люб. Естествознания он примкнул впервые с Марта 1872 года, приняв на себя занятия при Секретаре Политехнической Выставки, по исполнении коих в знак «искренней признательности за особые труды, оказанные им по устройству Выставки», получил большую серебряную медаль Общества.

После Выставки он не мог, по домашним обстоятельствам, принять приглашение администрации остаться тогда от при Музее, а занимал должности преподавателя, воспитателя и старшего воспитателя в разных учебных заведениях, от коих и имеет одобрительные свидетельства.

В 1874—1875 году путешествовал на собственные средства по Германии и Франции с целью осмотра научных и художественных учреждений, заметки о коих печатал в разных изданиях.

С осени 1876 года возобновил свои занятия у секретаря Политехнического Музея и представлен им Комитету для должности хранителя Учебного Отдела Музея, на каковую и зачислен с 1 марта 1877 года при годичном содержании в 1000 руб. и личном обещании улучшить при первой возможности его положение при Музее.

В месяц перед сим утверждением, Комитет, по поводу перенесения коллекций в новый дом, рассматривал составленные в разное время проекты программ Музея и пришел к заключению, что с 1870 года, с самого

возникновения вопроса о Музее, твердо были установлены основные части Музея и явления его на Технический, Сельскохозяйственный, Ест. – исторический и Учебный отделы и что учредители никогда не колебались относительно сей программы Музея (смотри. Изв. И. О. Л. В. Т. XXII, вып. 2, стр. 22).

Принадлежность учебных коллекций Музея к Министерству Народного Просвещения ни разу не представляла для Комитета фактического повода относиться к развитию сего отдела иначе нежели к трем другим, причем не следует забывать, что передачу вещей министерство сопровождало суммою в 1487 р., назначенною специально на пополнение отдела. (Т. XXII, вып. 1. Прил. стр. 5).

В истекшие 6 лет исполнения должности хранителя г. Кельсиев был единственным активным представителем интересов Учебного Отдела и применяясь к обстоятельствам, содействовал его развитию.

По соображениям дирекции, по мере увеличения коллекций и прибавки помещения, отдел весь переустраивался 5 раз.

Хранитель в видах пользы отдела принимал деятельности участие в организации Учебного Отдела Антропологической Выставки 1879 года и научно-учебной группы Всероссийской Выставки 1882 года. Привлеченные им пожертвования слишком от 60 лиц и учреждений составляют единственные и довольно крупные приращения отдела; списки их частью напечатаны в изданиях Комитета (Т. XXXVI, вып. 2, стр. 94).

Настояниями хранителя увеличена для коллекций мебель отдела: сделано 3 новых стола, к 12 прежним витринам добавлено 7 новых, к 5 бывшим шкафам – 12 новых, старые громоздкие щиты заменены 6-ю новыми. Вертикальное пространство т.е. стены, весьма нужны отделу для размещения таблиц и рисунков исподволь, при разных обстоятельствах, увеличены в 3 раза сравнительно с первоначально отведенным помещением. Отдел в общей сложности занимает ныне свыше двух зал Музея. Публика, особенно бесплатная, наполняет его всегдагуще чем прочия залы Музея.

Отдел приведен в систему, содержится вообще в порядке, имеет этикетки. Составлены систематические каталоги картин для волшебного фонаря и библиотеки отдела, и в текущем году переработаны заново с включением всех поступлений, пересоставлением каталога предметов хранитель занят в настоящее время.

Хранитель дежурит в отделе регулярно 4 раза в неделю; присутствует в заседаниях правления и Комитета Музея.

Он принимает наравне с прочими сослуживцами участие в воскресных объяснениях музейных коллекций; за истекшие 6 зим им произнесено 16 воскресных объяснений, большая часть коих напечатана в изданиях музея.

Коллекции учебного отдела служили разным лицам предметом для бесед:

В 1877 году	3 раза
1878	14
1879	1
1880	12
1881	13
1882	13

что в общей сложности составляет свыше одной пятой части всех произнесенных в Музее объяснений.

Картины для волшебного фонаря отпускаются из отдела еженедельно по несколько раз в Московскую Комиссию Народных чтений, во многия учебныя заведения, в учёныя общества, в аудиторию Музея и пр.

Со стороны Комитета и правления Музея отдел никогда не получал никаких ассигнований на распространение печатных сведений о себе в учебном мире, на приобретение тех или иных научных коллекций, пополняющих его пробелы, не выписывает ни одного педагогического журнала.

Хранитель лично ходатайствовал о вспомоществовании отделу 30 сентября 1880 года перед А.А. Сабуровым, 25 и 27 Мая 1883 года перед И.Д.

Деляновым. Он выработал и подал в 1878 году Председателю Комитета Антропологической Выставки записку о необходимости усовершенствования пособий по истории, географии и искусствам с точки зрения антропологии и приложил примерные списки желательных коллекций. Он представлял соответственные записки об отделе членам совета Министра Народного Просвещения через распорядителя Научно-учебной группы Всероссийской Выставки 1882 г. В настоящее время он составляет доклад об истории учебного отдела, его составе, пробелах и способах к его развитию для представления в Комитет Музея и г. Попечителю Учебного Округа.

Усердием к наукам хранителя и его готовностью трудиться на всяком ученом поприще, пользовались за описанное время, преимущественно во время каникул, многия учёные учреждения из коих достаточно упомянут лишь иллюзия некоторое отношение к Музею.

С 2 февраля 1877 года г. Кельсиев состоит действ. Членом Общ. Люб. Естествознания, в котором произнес по разным отделам всего 6 сообщений, и с 12 февраля 1878 года в течение года исправлял должность секретаря Антропологического отдела.

С 1 мая 1877 года в течение двух с половиной лет принимал деятельное участие в организации антропологической выставки в звании члена ея Комитета, совершил для нея три учёные поездки, коллекции коих поступили в Антропологический и Этнографический Музеи общества Люб. Ест., и подробно описаны в изданиях Комитета. За труды и добросовестные доклады награжден председательским жетоном Выставки.

С 9 ноября 1878 года принимает участие в занятиях Московской Комиссии Народных Чтений, где и работает до сих пор в редакционной подкомиссии по цензуровке книг и картин. Заведывал (в самое трудное для комиссии время) изготовлением картин, участвовал в организации всех бывших детских утр, получал неоднократно письменные благодарности Комиссии.

8 Марта 1878 года избран в члены-корреспонденты и 17 февраля 1882 года в действительные члены Императорского Московского Археологического Общества, имел отсюда две командировки с научными целями, собрал коллекции, произнес 9 рефератов, печатающихся в разных организационных Комиссиях.

От Управления Императорского Российского Исторического Музея совершил в 1881 году поездку в южную Россию и собрал две большие коллекции, помещённые в Музее. Представил в Управление записку программы и сметы к организации в Музее публичных лекций.

Во внимание к особым трудам по устройству научно-учебной группы Всероссийской Выставки 1882 года, отказавшись от представления к чину или ордену, получил от Министра Финансов денежную награду и за выставленные пособия по древней истории – диплом второго разряда, соответствующий серебряной медали.

Был и принимал участие докладами в трех учёных съездах: в Московском Антропологическом 1879 года, в С. Петербургском съезде естествоиспытателей 1880 г. и в Тифлисском Археологическом съезде 1881 года.

С ноября 1880 года принимает участие в розыскании и собирании материалов из рукописей пяти Московских и двух иногородних хранилищ для издаваемого с Высочайшего соизволения на средства государственного казначейства сочинения и «Славянский и Восточный орнамент от VI до XIX века» с большим атласом. Осенью того по поручению Императорского Московского Археологического Общества выработал подробную программу занятий и проект устава новооткрытого церковно-исторического Музея Ярославской губернии в г. Ростове; программа утверждена обществом и составитель избран в члены Комитета сего Музея.

26 ноября 1883 года по приглашению учебного отдела Обществом Распространения Технических Знаний сделал очерк положения Учебного Отдела в Политехническом Музее, избран в действительные члены Общества

и призван ныне в Комиссию по выработке проекта взаимодействия обоих учреждений.

Все вышеизложенные сведения о внешней деятельности г. Кельсиева составлены по имеющимся у него документам. Только от Комитета и от Правления Политехнического Музея у него нет никаких бумаг, ибо он не получал отсюда ни командировок на педагогические выставки, ни каких иных поручений с целями обогащения отдела и поддержания его на уровне требований современной науки, не получал никаких выражений отличиями или внимания. Служба при Музее, единственная, которую имеет г. Кельсiev, не считается государственной, не дает пока никаких прав и преимуществ в будущем, и участь лиц, трудящихся для Музея, зависит исключительно от взглядов Комитета.

Подана при письмах г. Председателю и некоторым членам Комиссии Музея 8 декабря 1883 г. с просьбами выяснить взгляды Комитета Отдела на его хранителя в ближайшем заседании.

*Описание коллекций, собранных А.И. Кельсиевым. // ПМ. Ф. 100. Оп. 1.
Д. 16514. №4. Л. 6–8.*

~~ММГГ~~. Собранные мною коллекции ещё не доставлены в Москву, но Совету Общества было удобно чтобы я вкратце сообщил о том, что мне удалось сделать.

Восточная Болгария и Румыния представляют чрезвычайно мною (мне?) любопытного, но к сожалению, по независимым от меня обстоятельствам, я мог собрать только отрывочные сведения и коллекции.

1) собрана коллекция турецких амулетов – хотя ислам проповедует крайний фанатизм, тем не менее Турки верят в амулеты, которые могут предохранять от дурного глаза, пожара, яда, внезапной смерти и т.д. Амулеты эти фабрикуются в Константинополе и других больших городах, при мечетях, которые пользуются доходами от их продажи. Кроме молитвы и заклинаний они по б.ч. снабжены грубыми политинажами змей, ружей,

сабель, магическими кругами и т.д. Самые верные амулеты фабрикуются в Мекке и снабжаются фамильными печатями Шерифа и других высоких духовных особ - амулеты эти, по мнению Турок, наверное предохраняют от смерти на войне, а для тех, которые будут убиты наверное обеспечивают все блаженства в будущей жизни – показываемые амулеты сняты с убитых под Чаркиоем Турок и Египтян.

2) В Балканах близ Твардицкого прохода найден был каменный топор, который по форме своей представляет некоторые особенности. Находка эта доказывает, что доисторический человек обитал и в Балканах. Впрочем нужно помнить, что древние греческие писатели упоминают о современных им варварах, употреблявших каменные орудия.

3) По южному склону Балкан близ (Сливно) исследовано несколько пещер – все они находились в первичных горных породах, были покрыты небольшими сталактитами, но не заключали в себе никаких органических остатков. Одна из них состояла из нескольких отделений и имела вход в виде колодца.

4) В Румынии (близ Г.Г. Сливно, Ямбоске, Бурнаса и т.д.) были исследованы кладбища Турок, Болгар, Греков, Армян, Жидов и Цыган.

По турецким преданиям перед страшным судом будут посланы по всем дорогам ангелы с трубами для созвания на суд мертвых и живых и те которые придут первыми будут пользоваться преимуществами – вследствие этого турецкия кладбища обыкновенно располагаются вдоль больших дорог от уха покойника устраивается снаружи труба из досок, которая впрочем скоро обрушивалась сама собою. Обыкновенно Турок хоронят без гробов, кладут на бок, лицом к Мекке и могила бывает глубиною около 2 аршин. Надгробные памятники (фотограф Кладов) состоят из продолговатой камеры поставленной стоймя в головах покойника – Бедные люди ставят простую нешлифованную каменную плиту, более достаточные на шлифованной плите из местного камня делают надписи краской или высекают на камне; но при малейшем недостатке родственники считают долгом поставить мраморный

памятник. Общий тип турецких памятников можно видеть на этих моделях – памятники над мирскими могилами постоянно увенчаны различного рода чалмами, фесками и шайками, которые именного строгоустановившееся геральдическое значение – паща, ага, дерерсиди, мулле, дервидиш, кунеус и так далее, каждый имеет свою шапку [на женских памятниках нет головных украшений]. Вверху памятника, в особом медальоне ставится надпись: Эльбаки!, или Эль-Фатихе! – его нет! – у него нет жен! – Имени покойника не пишется, но ставится год смерти. Вообще Турки, вопреки учению Корана, смотрят на загробную жизнь несколько с буддийской точки зрения, в особенности женщины. – На памятниках [кроме надписи] изображаются уветыивиноградные лозье имеющие эмблематическое значение. Кроме одиноких памятников есть общие семейные памятники в виде мавзолеев, часовен, башен итд. – Между своими дервишами и муллами Турками считают очень много святых – как при жизни так и после смерти личности эти пользуются большим почетом – могилы их обыкновенно устраиваются на холмах и кроме того заметны издали по множеству рубак, ... и различных лоскутьев, которыми бывают обвешаны все соседние кусты – по мнению Турок бол... есть дело «Шайтана», потому связь угодника по вере большагоискупления его от болезни, при этом для верного искупления необходимо снять с себя сорочку, в которую носит молитвы, переходит болезнь, и надеть её на кусни вблизи святой могилы – болезнь так и остается прикованной к сорочке и уничтожается вместе с нею – но если кто-нибудь вздумал бы взять такую сорочку, то болезнь тотчас же переходит на него – этому впрямь и болгары. Кроме кладбищ за городом наиболее почетных покойников хоронят в ограды городских мечетей.

Болгарския кладбища устраиваются как за городами, так и в оградах городских церквей. В головах покойника также ставится или продолговатая каменная плита вершина которой обделана в виде креста, или могилы более почтенных покойников прикрываются большой мраморной плитой. Обыкновенно пишется полный титул умершаго, а на могилах духовных лиц.

Кроме того высикался безкрылый двуглавый орёл. В гробах хоронят богатых лиц, а обыкновенно покойника только обкладывается досками. Могила очень неглубока, местами более аршина, на над могилой всегда делается небольшая насыпь. На новую могилу всегда ставят фонарь с лампадой, которая в первые дни горит постоянно, а потом зажигается в памятные дни. Кроме того иногда приносят на могилу кушанье и вино – у болгар существует странный обычай – первые 3 года большинство покойников выкапывается и кости их кладутся в общую могилу если родные не купили могилу навсегда. Но так как это стоит значительных денег, то обыкновенно родственники отдавая кости берут череп родных и сохраняют их при своих приходских церквях. В последствии по смерти ближайших родственников эти черепа сваливают в кучу в нарочно для того устроенные подвалы, куда также сваливают старые иконы и другие церковные вещи. – Обычай этот относительно новый произошел вследствие финансовых соображений духовных. Греческие и Армянские кладбища не представляют ничего особенного. Евреи чрезвычайно тщательно охраняют своих покойников, хоронят их без гробов и над каждой могилой кладут большую каменную плиту.

Так как между цыганами есть христиане и мусульмане, то они хоронят и по турецки и по болгарскими кладбищами, но постоянно отдельно, так как цыганы презираются всеми подобно индийским царям.

5) В Адрианополе мне удалось составить небольшую коллекцию фотографий Турок и Болгар: Турки, как Вы можете видеть из фотографий, представляют красивый тип – по б.ч. они среднего роста, хотя часто попадаются высокого, прекрасно сложены, с отлично сформированным брахицефалическим черепом и сильной мускулатурой. – Женщины также отличаются красотой, с прекрасным бюстом и торсом, но после 20 лет чистокровные турчанки становятся очень полными. В деревнях трудно увидеть лицо женщины но в городах они носят такие легкие покрывалы что

все черты лица очень видны. – Дети очень красивы и в большинстве случаев пользуются цветущим здоровьем (Бами–Бурука).

Болгары, согласно своему происхождению, представляют смешанный тип – обыкновенно мужчины среднего роста, по б.ч. с удлиненным типом черепа, попадаетса почти одинакы количество блондинов и брюнетов. Женщины, за редкими исключениями, не красивы, с плоским бюстом, выдавшимися лопатками, большим животом, вялой мускулатурой и огромными руками и ногами. Часто страдают чахоткой и малокровием. Обыкновенно кажутся старше своих лет. – Дети по б.ч. бледны, малокровны, худы и очень много рахитников. Зубы прорываются поздно. Кормятся грудью иногда до 3-х лет. Вообще по своему типу – болгары стоят ниже турок, к которым приближаются Помахи или потурченные болгары (посты?).

Как между Турками, так и между Болгарами чрезвычайно развиты тиф, корь, оспа, скарлатина, дифтерия и другие заразительные болезни хотя они живут очень опрятно и по-видимому при относительно благоприятных гигиенических условиях – не зависит ли это от многочисленных сряков, которые обыкновенно набиваются обрезками старых тряпок (дома и улицы наполненные тряпками).

Предлагаемая фотография представляет болгарскую телегу (каруцу) – в таких телегах по б.ч. перевозились наши раненые и больные и дня многих такая перевозка была тяжелее самой болезни – мне кажется что самая достойная задача дня общественной благотворительности – это заблаговременно устроить хорошие перевозочные транспорты – Правительство в изобилии снабдило лазареты и госпитали отличными медикаментами, инструментами, перевязками, чаем, сахаром, вином и пр. – по перевозочныя в большинстве случаев были самые примитивныя. – наши газеты указами на это и накануне нашего перехода через Балканы ко мне приехали Д. Зубовский уполномоченный московского благотворительнаго Комитета советывались со мной о лучшем типе экипажей для раненых, но чем это кончилось не знаю!

6) Благодаря любезному содействию сливецкого Митрополита Серафима в Сливно был открыт вспомогательный комитет дня устройства антропологической выставки в Москве:

1. При содействии Комитета сделаны раскопки кладбищ и добыто 204 автентичных черепа турок, болгар, армян, греков, цыган и жидов, а также взяты черепа из церквей (низов). Коллекция эта на днях должна доставиться в Москву;

2. Собраны сведения о нравах и обычаях вышеназванных народов (цыганы);

3. Заведены сношения в Константинопольской медицинской школой – школа эта повидимому устроены очень хорошо – и может быть чрезвычайно полезна для всего нашего общества так как грек посредство ея можно преобрести цельные скелеты негров, арабов, феллахов, курдов и других восточных племен сравнительно за недорогую цену.

4. Протоколы заседаний смежного Комитета высланы в Москву и вероятно скоро появятся в печати.

Вот все что я мог сделать для нашей выставки.

Коллекция детских игрушек // ПМ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 16514. №4. Л. 9.

(8 января 1878 года)

А.И. Кельсиева

Обыкновенно слишком пренебрегают воспитанием детей в—н до поступления времени учения, а предметы с которыми обращается и играет ребенок в первые месяцы жизни имеет большое влияние на развитие всеего мыслительных способностей. Немцы уже давно обратили на этот предметы внимание и там прославился учитель Фрёбель, умерший 25 лет тому назад придумавший систематический и вполне остроумный ряд полезных игрушек для самых маленьких детей, начиная с младенческого возраста. (Игры

Фрёбеля) вызвавшие учреждение для малюток новых школ, известных под названием детских садов состоят в следующем:

1) Шерстяные уветные мячики. К колыбели трехмесячного ребенка младенца подшивается красный мячик. Мячик возбуждает любопытство и привлекает внимание ребенка. Дитя старается схватить его и развивает при этом глаза и руку. Мячик (не как напр. свеча или солнце) двигается, в в ..., при толчке движется в разнообразных направлениях по кривым линиям и ребенок приглядывается и с ним. Если мячик закатится, ребенок сосредотачивает все способности, чтобы отыскать его. В последствии красный мячик заме—

~~х) по учебному Отделу музея. 8 января 1878 г.~~

~~х) Объяснение Фрёбелевской игры сделано по руководителю Я. Фосса.~~
няется подобными же, по сделанными из шерсти желта, синей, зеленой и т.д.

2) Шар, куб и цилиндр деревянные. даются ребенку на втором году и представляют материал для сличений и умозаключений. Деревянный шар по твердости и гладкости катится дальше мячика [при ударе в стену отскакивает в определенном направлении]. Куб, сравнительно с мячом, по форме устойчив, приземистый положения разнообразен, движется мало, но соответственно сим удара, привлекает внимание симметричностью, правильностью и числом ребер и орлов. Цилиндры (валик) имеет качества средняя между кубом и шаром. Эта игрушка в после наставительна, доставляет удовольствие даже самому слабому ребенку, наглядно знакомит его с основными ~~знана~~законами математики и механики ~~и тем абеспечивают может к науке~~когда впоследствии ребенок услышит в классе учителя ~~енета~~мог~~о~~говоряща~~го~~подробно рассказывающий о предметах ему отчасти знакомым уже привлекавшими его любопытство; ~~ребеночто~~ребенок для других будет непреодолимым препятствием, то для него явится только~~о~~неудовольствием ~~и учителя и некому и науку и учителя~~ [удовольствием и он веет душой привязывают их к учителю, и к науки, и к

школе]. А как пользоваться Фрёблевскими играми и занимать ими ребенка, об этом написаны унылые книги.

3) Куб, разделенный на 8 кубиков, дается не для сличения только а как самостоятельные предметы заслуживающий изучения. Игрушка в полне удовлетворяет желания ребенка разобрать разделить на части и опять восстановить в прежнем виде: Из 8 кубиков строится множество предметов и это не наскучает детям. Глаз и рука, ум осваиваются с правой частью, симметрией, размерами и замечают беспорядок также, где не увидеть его иное существо не получившее подобающего развития; при этом следует наблюдать, чтобы ни одна постройка не была разорена и не представляла бы очами груды материала, а превращалась бы в другой лучший предмет перемещением части материала. И под методичным руководством воспитателя ребенок строит из кубиков сначала формы окружающих его предметов, затем упражняется в выкладке красивых фигур, звездочек, и наконец просто геометрических тем.

4) Кубы подобные первому, но разделенные на 8 кирпичиков, на 27 кубиков, на 27 кирпичиков и т.д. слепляя один другой доставляют ребенку удовольствие и пищу для ума. Кирпичики дают средства на постройку самых разнообразных предметов. Постройте ребенку трон, крест, монумент, шахту, верстовой столб, колодезь, башню, винтовую мельницу, триумфальную арку, обелиск, абсерваторию, пчелиную ячейку, городской сад. Умная мать может при этом простыми рассказами затронуть чувствительнейшие струны детского сердца, сообщить много важнейших даже исторических сведений, не упуская при этом их виду упражнений в счете и мере. Наконец что всего важнее в домашней жизни, с молодупреобретается умение, па малу, но заботливой распорядительности, в простых под рукой находящихся предметах найти быстрое удовольствие, чем в массе цветных украшений.

5) Треугольники. После востороннего изучения правильных тел, естественен переход к плоскостям. Здесь вы видите целый ряд плоских ящичков с разноцветными, выпиленными из тонкого дерева треугольниками:

прямоугольными, равносторонними и треугольными. Дети на столе или на полу выкладывают плоские изобретения предметов, вполне получают свойства треугольников, упражняют глаз в приятном сочетании красок и приобретают точное понятие о рисовании.

6) Лучины дают понятие об упругости тем о линиях, об углах и случайным материалом для выкладки и сплетания фигур. Особенно важно пробуждающееся внимание к взаимному ~~наклоне~~ ^{наклонению} соразмерному наклонению линий, зависящему от силы и ловкости ребенка.

7) Спички и железные дуги предпалагаются для даже не прежде 5-летнего возраста и удовлетворяют их склонности и возсозданию очертаний виденных предметов. Имея в своем распоряжении верныепрямые линии и верныекривые круга, ребенок остается удовлетворен своею работою и в нем чаще и чаще является к ней желание. Дуги дают случай ребенку вполне ознакомит их с главными свойствами округлости. Если желают сохранить фигурки; ~~из-енички~~ ^{из-енички} спички с(к)репляются концами, помощью пробочек или различных в воде горошки.

8) Бусы весьма охотно нанизываются детьми на нитку. Употребляя при этом разноцветные бусы, можно предложить ему нанизывать при посчету и с определенным чередованием.

9) Плетение уже бумажных разноцветных полосок образует коврики в четверку или осьмушку листа. Удовольствие детей весьма велико, когда они видят, что ~~результат~~ ^{результат} труды сохраняются, так как ~~недобные~~ ^{недобные} коврики могут служить поставками для письменных принадлежностей, или просто наклеенные в тетрадку абразуют альбомы. Внимание к трудам ребенка вообще приучает его к бережливости и чрезвычайно одобряет его. Необходимо тоже наблюдать что их каждая начатая ребенком работа была окончена.

10) Вырезывание ножницами из бумаги треугольников и разных фигурок сопровождается наклеиванием их на цветную бумагу. Каждый поднятый с пола клочек бумаги может дать продолжительное занятие.

Брасать не следует даже нарезков; их можно группировать в красивые симметричные фигурки. Если ребенок безумно крошит бумагу и сорит ею в том вина окружающих, съумейте показать ему что из той же бумажки и тем же ножницами можно сделать мною интереснаго. Ножницы даются с длинными ручками, короткими лезвиями и с закрученными концами. Пробегая в последствии тетрадь с вырезками, вы многое поймете в ребенке, узнаете его общия склонности и способности так, как дома не узнали бы при их разговорах.

11) Выкалывание составляет естественен переход к рисованию. На мести булавки делают на оригинальном рисунке наколы и на подложенной бумаги получается точная копия. Эти пунктирные линии можно в последствии абвести цветными карандашом или вышить шерстью.

12) Рисование после тем Фребеля полагается с черчения палочек на грифельной доске, разделенной на квадраты, потом на бумаге, тоже разделены на квадраты. Успехи даже при этом так быстры, что они уже не удовлетворяются одним систематическим занятием и стремятся рисовать с натуры. Рисование не есть роскошь. Оно необходимо во всяком мастерстве и ремесел, ~~разв~~ и в науке развивает глазомер и наблюдательным ~~и для каждого делового челои~~ и в каждом из развлечений составляет важное пособие. Недостаток художественнаго образования дает себя чувствовать на каждом шагу, даже в людях образованных; эти ~~их~~ ~~аб~~особенно заметно в ~~их~~неряшливости, в вкусах, обстановке ~~и к~~особенно в женских нарядах.

13) Лепление из глины есть первая ступень скульптурных работ. Удастся ребенку слепить шарик, кубик, это его уже радует. Предложите затем сделать булку, сигару, крендель, чашку, ногу ~~рубрыбу~~, буквы – занятие быстро оживится и пойдет само собою

Играми Фребеля ребенок доводится до правильного сознания форм предметов, их величины, числа. Разстояния отличает основное от прибавочнаго, выражает свои мысли е словами ясными имеет

наблюдательность и развитые глаз и руку, после в себе зачаток художественного также и таким образом представляет организм вполне подготовленный к восприятию науки.

Игры Фребеля есть бесспорно лучшее, что выработано по отношению к воспитанию малолетних детей, но как всякий предмет и они имеют свою оборотную сторону, заключающуюся главным образом в односторонности. ~~Во-первых~~ Все они ~~требуют~~ принаровлены к комнате и требуют сидячего положения и напряженности трения. Они не развивают органов слуха и голоса, не дают ~~ре~~упражнения для мускулов тела, не склоняют ребенка к наблюдению за благородством и мерах ~~грации~~ собственных движений, не дают повода к веселию. Ум есть только правильная группировка ~~н~~ ~~получаемый~~ полученных впечатлений, а последующих в ... ещё столь мало, что при развитом уме, ребенок становится непослушным серым, испытывает ~~б~~ ~~е~~ ~~и~~стоющую жажду [...] и вообще чувствует себя не совсем ловко.

А) ~~Вообще~~ Игры Фребеля не дадут ребенку того кто всего приятнее в нем видеть: здоровья и веселья.

В числе прочих игр за столом, не включенным по той или другой причине в стелажинскую коллекцию, вы видите здесь складные картины наклеенные на растленных дощечках и на кубиках, между — ~~хитро~~ ~~не~~косяные колечки хитро надеты на медные крючки и шпильки, восточный вопрос, На слепленные стальные крючки и деревянные замки ~~клетая~~ известные под названиями китайских головоломок. По замыслу они очень далеки от тех затруднений преодолевать которые человеку приходится все занятия ~~и возбуждают непродолжительных хотя неинтересных и скор~~ не давая мечта самостоятельному труду, скоро надоедать. С другой стороны; ~~возб~~ к этим предметам возбуждается сильный, ~~хот~~ хотя непродолжительный интерес и или нельзя отказать в пользе случая настойчиво и терпеливо довести до конца предпринятое дело и победить все его трудности.

Карты игральные, лото и рулетки. Последняя ~~представляет~~ круглая коробка в которой движется стрелка; на какой цифре стрелка остановится,

столько играющий приобретает или теряет напр. денег, орехов и проч. Такими играми занимаются 2(9) людей, которым нравится ~~нравится~~трепет испытываемый при приобретении или утрат имущества, и игры эти для человечества вообще бесспорно вредны. Надо всеми мирами содействовать, чтобы переход денег и обнал. кармана в других сопровождения всегда какими-либо плодами человеческого труда чтобы деньги течением своими постоянно увеличивали вещественное богатство общества. Карты, лото, рулетка и вообще азартные (~~и~~случайные) игры В) лишают деньги этой плодотворной силы. Оправданием азартных игр не может служить обыкновенно приводимое от нечего делать. Каждый желающий быть полезным людям, находит всегда так много делу что не в состоянии обыкновенно переделать и половины. Любитель же сильных ощущений с меньшим риском и с большей пользой может пустить свободные деньги в какое-либо промышленное предприятие или просто дать ~~взаймы~~взаймы нуждающимся труженикам. Потому карты, лото, рулетка и другиеподобные игры, ~~могущия~~сверх сказанных неудобств, способные~~могущия~~ впустить ~~ребенку~~ребенку, что он может что-либо терять или приобретать помимо деятельности ~~не—вследствие~~своих развитых способности, прилежания, настойчивости, а только вследствие слепой случайности, и приучающие его прикрывать свою люль одним только призраком ~~ее~~ежедела, должны быть решительно изгнаны из ряда детских ~~игр~~занятий.

Куклы.Какая польза детям от кукол? Давать ли куклу ребенку? Непременна давать. Если не дать, ребенок сам себе сделает куклу из [лесной] щепки или тряпочки. Ребенок переимчив. Каждое ~~вид~~действие окружающих он желает проделать ~~не—вторить~~сам. Кукла служит ~~ему~~необходимым орудием для укрепления в детском мозгу получаемых впечатлений и в толще великое воспитательное значение. Как ходит отец по улицам, принимает мать гостей, ~~и—не~~заботится о платьях, стряпает кухарка, разливают чай, пеленают младенца — ~~на~~ребенок все это практикует над ~~тоже—предельна~~е куклой. Добро или зло развивается в ребенке не от куклы, а от окружающих его

людей. Обманываются, бранятся, ~~приблизительно~~ жестоки к бедным, к прислуге, употребляют кулаки розгу или же напротив семейные отношения ласковы и благотворительны, это лично легко понять их разговоры и их обращения ребенка с куклой.

Совершенно достаточно если кукла имеет только грубое подобие человеческого тела. Её тщательная отделка будет часто привлекать на себя взгляды ребенка, а человеческое лицо без подвижности и смены выражений, покажется наконец тяжелыми, застывшими, мертвыми и такая кукла станет ребенку противной. Притом хорошо сделанная кукла дорога, ~~и родители не~~ берегутся под стеклом, ~~и не~~ позволяют ей много играть, в случае же повреждений строго взыскивают. Парижскую куклу меньше всего желательно видеть детских руках, так как весь французский женский костюм раз считал, зато чтобы ~~в наибольшей мере~~ привлечь внимание к формам плеч, груди, талии, зада, к обуви ног ~~и знаменитости~~ и несколько не выражает духовных свойств человека. Куклы в русских костюмах, а также резные деревянные вполне соответствуют назначению. Деревянные раскрашенные куколки, особенно троичко-сергиевского производства, очень опасны и уже не раз печатно доказывалась ядовитость покрывающих их красок.

Также что и об куклах можно сказать вообще и о мелких игрушках вроде чайного сервиза, кухонной ~~и~~ утвари или мелочной лавочки с помощью их ребенок повторяет виденные ими действия старших. Если отец лавочник надувает покупателей, если кухарка ошпаривает кипятком ~~не~~ ~~дошедшую~~ собаку просящую подачки, если слуга к общему саседу обносит чаем бедную гостью и ребенок тоже проделывает в своей детской ~~е~~ ~~игрушками~~, то конечно ~~не игрушки в том~~ виноваты в том не игрушки находящиеся в его руках. В защиту военных игрушек, как то кивера, эполет, сабли, ружья барабана можно сказать ~~то же самое. При том~~ что в каждом ребенке есть воинственные склонности, которым лучше дать возможность удовлетвориться на игрушках. Устраните от ребенка примеры военного деспотизма и жестокости, вызовите в нем проявление рыцарских достоинств,

защиты угнетенных, ответ, безстрашия, мужества ~~и вежливости~~ и ловкости, особенно ребенку вялом ~~слабом~~ и трусливом, тогдавы убедитесь, что и военная игрушка как яд в руках искусного врача, обнаружит свои полезные свойства.

Другая сторона военных игрушек есть повод к разнообразным телесным упражнениям. Для движений ~~занятий~~ на полу или на ковре могут быть рекомендованы, во-первых простой аршин. Поручите ребенку измерить величину комнат и всей мебели, потом при нем начните план помещения, а докончит его уже он сам. При этом он ознакомится практически со свойствами геометрических фигур, напр. узнает, что для определения прямоугольника достаточно измерить только две его стороны, а не все четыре.

Вкладные домики – в один небольшой ~~дом~~ картонный домик вложены последовательно до 30 меньших их коих можно составлять целые серии по своему вкусу. Разные снаряды с шариками, колечками и стрелами для попадания в цель их коих особенно интересен пестрый числовой коврик, на нем ~~издали~~ ~~браз~~ставлены цифра ~~и с такими же цифрами~~ в них издали бросаются заветные ~~кружки~~карточные кружочки с такими же цифрами – практика для начального сложения и вычитания. Волчек, бильбонс, волан и новая красивая игрушка летучая мышь – общественны. Маскарадные костюмы и шутовские маски доставляют случай повеселиться и проявить свои комические таланты. Наконец, дудки, сопылки, свирели и разные гармонии необходимо давать детям чтобы ~~в~~ ~~обратить~~ ~~их~~ ~~внимание~~ ~~на~~ ~~музыку~~удовлетворять их прирожденной наклонности упражнять на разные манеры свой голос и обратить их внимание на музыку. Но как эти инструменты беспокоят старших, то во избежание ссоры лучше позволят упражняться или только на открытом воздухе.

Для детей подростающих существует теперь большой выбор игрушек основанных на ~~разных~~физических свойствах тел. Такая игрушка достигает своей цели если она или служит к продолжительной забаве или к

самостоятельному наблюдению, и если она понятна. Игрушки со скрытым механизмом или представляющую жалкое пособие физических приборов не достигает своей цели. Лучше дарить настоящие недорогие инструменты и при этом основательно растолковать их ~~назначение~~ устройство. Сюда могут быть отнесены ~~вынуженный~~ рупор, металлический барометр, кривые стекла и зеркала, зрительная труба, микроскоп, призма, для спектра, призма для рисования снаружи камер-обскура, ~~микроскоп~~, магнит, компас, электрофор и игрушки ~~оно~~ приводимые воздействием посредством электричества, наконец ~~различные~~ шкатулки с прибором для фокусов.

Воспитание, как и всякое важное дело, требует от принявшегося за него человека ~~большин~~ способностей и обширного образования. В ребенке непременно нужно выискать преобладающую склонность, но ~~самым темн~~, чтобы было ~~полезно~~ если давать ей свободное развитие, она разрастется в ущерб другим. ~~Знакомством~~ Знакомлением ~~с другими~~ с прочими сторонами человеческого существования нужно поставить ребенка в возможность дать своему таланту более высокое и быстрое полезное направление. Способность не заглухнет; она ~~с~~ такой же силой проявит себя и в юношеском возрасте. Узкая специализация, односторонность всегда жалка тем, что человеку остались неизвестными ~~друга~~ ~~благодетель~~ из бесчисленных благо земного существования. Одинаково неприятны и изсохший над книгами учёный и ~~глупый силач~~ невежественный силач при современных требованиях от детей большой учености, удовлетворение коих возложено на школу, на долю родителей выпадает почти исключительная забота о правильном физическом развитии ребенка. Выражение, ~~че~~ что «здоровье есть высшее благо на земле» сделалось пыловицей. Здоровье наживается работой мускулов на открытом воздухе, как зимой, так и летом. Бабки сами по себе не имеют ничего предосудительного, но эта игра, сделавшись любимой у ребятишек низших классов в своей терминологии и приемах включает так и того ~~вульгарного~~, ~~что~~ грубого, что может быть допущена в семью среднего круга, только под непосредственным контролем старших.

Лук и стрелы достаточно если будут применятыя для ни—стра попадания в цель. Бумеранг, кривая палка, бросательное орудие австралийских дикарей, енимеющее знаменитую способность, возвращаыясделав дугу в воздухе к бросившему ея человеку. Крокет мало прививающаяся в России английская игра на ровной лужайке, состоящая в том что деревянные шар прогоняются молотковидными колотушками под железныя дуги воткнутыя в землю в разных местах. В крокет в ныне играют и взрослые одинаково мужчины и девушки. Лапта игра в мяч подбрасываемый к—вервверх палкой совершенно заслуженная любимая русскими детьми. Тут же престижная работа глазу зрению, енуху, елязажируке, голосу, практика меткости, быстроте бега, высоте прыжка, левкости увертливости, при том много шума и смеха. Принадлежности фехтованье, верховой езде, катанья на коньках неиятны—всеми. Гимнастики не нуждаются в объяснениях.

Письмо Александра Николаевича Величкова, титулярного советника, письмоводителя гимназии, зав. Политехнического музея о направлении в музей списка вещей, сделанных из бумаги его 12-летним сыном; на обратной стороне – письмо А.И. Кельсиева // ПМ. Ф. 100. Оп. 1. Д.16531. №75

Письмо А. Н. Величкова

Александр Николаевич
Величков
Лубянка, д. 3. Гимназии
В Москве

Господину Заведующему
Политехническим Музеем

Сын мой Павел Величков, 12 лет, бывше в Музее видел несколько вещей, сделанных из бумаги. Умея делать много вещей, он предложил мне сделать полную коллекцию, которую и сделал в количестве 20 штук.

По сему я желал бы предложить их Музею и прилагаю список вещей, составляющих коллекцию, под названиями, известными между детьми.

Если Музею благоугодно будет принять сей дар моего сына то имею честь покорнейше просить прислать за вещами.

Титулярный советник
Александр Величков
(Письмоводитель гимназии)

Письмо А. И. Кельсиева

Многоуважаемый

Пётр Петрович

Я осмотрел и взял для музея вещи, обозначенные в списке. Особе благодарности не надо. Достаточно будет моей росписи. Корректуру препровождаю.

Совершенно предан
Кельсиев

Список вещей, сделанных из бумаги

1. Лягушка;
2. Воздушный шар;
3. Стол;
4. Ломберный стол;
5. Кораблик;
6. Баржа;
7. Тайная лодка;
8. Лодка с седоком;
9. Ящик;

- 10.Коробок;
- 11.Солонка;
- 12.Мехи кузнечные;
- 13.Зеркало;
- 14.Петушок;
- 15.Бабочка;
- 16.Шляпа;
17. Рубашка (куртка);
- 18.Шаровары;
- 19.Пара сапог;
- 20.Сумка (пачтовая);
- 21 и 22. Порт-мане;
23. Звезда;
- 24 и 25. Стрелки;
26. Письмо;
27. Бантик;
28. Гармония;
29. Рамка;
30. Сердце.

Приложение №2

Письма А. И. Кельсиева А. С. Уварову // Ф. 17. Оп. 1. Ед. хран. 341.

Ф. 17. Оп. 1. Ед. хран. 341. Л. 129

Милостивый Государь

Алексей Сергеевич

Имею честь почтительно попросить Вас отпустить подателю сего на 24 часа Мадсена «Каменный и бронзовый век» и ещё, если что имеете под рукою, по орнаментчине каменного века.

Вашего Сиятельства

Покорный слуга

Ал. Кельсиев

10 Дек. 1877.

*Ф. 17. Оп. 1. Ед. хран. 341. Л. 130*Императорское Общество Любителей Естествознания, Антропологии и
Этнографии

Москва Мая 14 дня 1878 года

Милостивый Государь

Алексей Сергеевич

Обдумавши беседу с Вами в Археологическом Обществе я совершенно убедился в затруднительности выяснения того содействия, которое может быть оказано Вашим обществом нашей выставке. Конечно дело антропологов изложить представителям других наук, что именно от [нас] нужно – а не наоборот. Не как должностное лицо, а совершенно частным образом, я прошу Вас рассмотреть ниже излагаемые принципы и определить заслуживают ли они рассмотрения в Комитет.

Вашего Сиятельства совершенно предан и глубоко уважающий

Ал. Кельсиев

Ф. 17. Оп. 1. Ед. хран. 341. Л. 130об, 131, 131об.

Антропология, изучающая анатомию и морфологию племен, сообразуется особенно при первых шагах с показаниями гуманитарных наук, пользуется ими, где имеет пробелы в собственном материале и одухотворяет их данными краниологические типы.

Археология и этнография занимаются обе вещественными и духовными произведениями человека, поскольку в них выражается во времени культурный гений народов. Аналитическим методом они приходят

неуклонно к определению племенных творческих элементов. Характеризуя ими культуру существующих и вымерших племен археология и этнография притом обладают материалом для уяснения состояния человека в первое время его проявления на земле.

Потому этими науками подлежат на нашей выставки три существенные задачи:

I. Собрать данные уясняющие состояние человека вообще на первых ступенях культуры:

1. Древнейшие следы существования человека: разрезы, пещеры, кухонные остатки, свайные постройки;
2. Типы орудий каменных, бронзовых, железных со способами прикрепления;
3. Металлические памятники. Примеры постоянного развития архитектурного искусства;
4. Группы вещей по археологическим эпохам с доказательствами древности;
5. Первобытные способы графического искусства: знаки на сколах, иероглифы, символы, клейма, бирки;
6. Амулеты и зубы, когти, пояски, ладанки;
7. Средства для добывания огня;
8. Снаряды для ловли ~~диких~~ животных;
9. Все принадлежности для гончарного производства. Горшки и пр.

Археология и этнография могут дать наиболее материала для оригинального украшения выставки отечественными мегалитическими памятниками, бывшими идолами, типами древних, старинной архитектурой, наконец живыми исполнителями народных словесных и музыкальных произведений.

II. Определить физич. свойства вымерших племен и их культуру:

1. Исякого рода древния изображения людей с признаками национальности. Портреты на могилах, каменные бабы, фрески, мозаики, миниатюры;
2. Живописные и скульптурные реставрации древних типов в соответственных деяниях и обстановки. Орнаменты. части одеяний, прически;
3. Модели курганов и могил;
4. Карты размещений переселений, нашествий. Статистика древних.

III. Характеризовать племенные гении (черты):

1. Группы образцов художественного творчества по племенам, параллельно со стилями доисторическими и древними. Зодчество, узоры, утварь;
2. Рядовые коллекции уясняющие последовательные трансформации орудий (параллельно с курганными).

Постоянное собрание древних и новых народных изображений людей и животных. Идолы, игрушки, привесы, резьба, вышиванья и пр.

Ф. 17. Оп. 1. Ед. хран. 341. Л. 132

Императорское Общество Любителей Естествознания, Антропологии и
Этнографии

(Москва) Июля 15 дня 1878 года.

Угличский уезд

Неуёмный и многоуважаемый

Алексей Сергеевич

Считаю обязанностью донести Вам о своих поисках за мерянскими черепами.

Я все собирался быть у Вас в Игоре, как вдруг узнал, что Вы приглашены в Петербург на дело, побуждающее ветра попутские все археологические сердца. Потому не пришлось хорошо договориться с Вами о своем маршруте. 10 дней я потратил на разыскания курганов в Ростовском

уезде и все безследно. И в каждом месте вместо нашёл курган исследованные, в другом вместо них одни названия могилы, или ямы, а в старину были почины кладов, или городища и т.п. Я не посещал места упоминаемые в Вашем труде, во-первых потому что там же сказано остались в раскопанных группах ещё не исследованные могилы, а во-вторых потому что нуждался в больших кладбищах.

Стараясь утомить Вас короче, я весной почти каждый день трудился свободные часы в Арх. Общ. Пересматривал библиотеку и перечитал труды Арх. Съездов. Какая неподобная энциклопедия! Я желаю Лист с ведущими в археологии не менее чем в других науках, и конечно достигну. И Вы потому поймете с каким удовольствием осматривал и изучал я ростовские древности.

Мне осталось искать мерян в других уездах. В Ярославском есть Б. Жимерёво со 150 могилами, но кажется в каждом лесу (как быть в подобных случаях?). Есть курганов много на р. Черемут в Рыбинском уезде. Ожидаю подробностей от исправника.

Ф. 17. Оп. 1. Ед. хран. 341. Л. 137.

15 августа. 10 августа 1881 г.

с. Костёнки

Милостивый государь

граф Алексей Сергеевич

Я выехал из Москвы 5 числа и уехал в Тамбовскую губернию за своими помощниками. 7 вечером прибыл в Воронеж, был у губернатора. Он уже имел от нас бумаги и принял меня очень любезно. дал мне указания относительно каменных баб. К удивлению моему он сообщил, что рассматривал Костёнковские находки Полякова, видел в числе их большой обломанный рог оленя, о чем Поляков не упоминает в своей статье. 9 августа под большим дождем я ознакомился с местностью. Костёнки - огромное селение, дворов до 800 растянуты по доменам оврагов. Остатки костей и

орудий находятся на большом протяжении. По прибытии становой я нанял 12 рабочих и сегодня уже день копал 2 большие ямы, рядом с прежними поляковскими и с теми же результатами. Теперь засну с облегчённым сердцем, потому что Костёнокское дело меня очень томило. Можно было прокопать много денег и ничего не найти. Где ни копаешь, везде на 2 аршина глубины под чернозёмом кухонные остатки с костями мамонта: зола, уголь, грубые кремни, серые и черные. Непонятным образом кремнёвые осколки встречаются во всей толще чернозёма рассеянные равномерно. Я не понимаю, что это значит. Начало сделано успе[шно]. Кости все перегнившие, наберу лишь немного образцов. Здесь пробуду ещё дней шесть. Потом напишу подробности. Мой помощник работает лучше меня и ...10-ти ... Я буду впоследствии просить для него письменную благодарность.

Надпись по вертикали: собираю большие коллекции кремнёвых орудий.

Всегда Ваш Кельсиев.

Ф. 17. Оп. 1. Ед. хран. 341. Л. 139

23 августа 1881 года

г. Екатеринослав.

Ваше Сиятельство

Милостивый Государь

Алексей Сергеевич

Мне очень грустно, что на сей раз не могу сообщить ничего полезного для Исторического Музеума. Неделя, следовавшая за выездом из Костёнок, пришла совершенно бесплодно при ежедневных значительных тратах. Уже не распространяюсь о том сколько мне приносит огорчения бесцельная трата денег и драгоценного времени. Впрочем припоминаю, что и во всех прежних моих поездках были такие чёрные дни. Они как и всё земное, непродолжительны.

Из Костёнок для сокращения пути я решил переехать по 200 с лишком вёрст на почтовых от Острогожска на Белгород. Вместо 1,5 дорога отняла без малого 3 суток, ... задержек и в лошадях в нынешнее рабочее время. Скакали в поле и под палящими лучами солнца, тряслись и по ночам. И к Харькову опоздал таким образом на один день. Там есть на университетском дворе 6 отличных баб с большими подробностями сколько догадывались, это лучшее из тех, которые изображены в нашем атласе. Они доставлены сюда давно из Екатеринославской губернии, но принадлежат местному университетскому музеуму. Я виделся с ректором и другими нужными для меня профессорами для получения указаний. Большую статью о местных бабах готовит профессор Морозов Юрий Иванович. Он вообще задумывает основать в Харькове археологическое общество. Ездил за Ю.В. осматривать баб по слухам дорожную, оказалась плохая. Чтобы кончить с Харьковской губернией поехал в Валновский уезд с целью осмотреть в 2 деревнях 11 баб. Увы! Вместо 11 нашел двух, очень плохих, и сверх того, за отсутствием на статуе подвод, и потому что заказанные лошади опоздали, вынужден был по страшной жаре с вещами в руках сделать пешком один раз 6 и потом ещё 2 версты. Надо было дорожить временем и не опоздать к поезду. Эта экскурсия все-таки отняла целое 21 августа. Вечером мы двинулись в г. Екатеринославль. По Терещенко, там в губернаторском саду были сложены избранные 11 баб. Предполагал взять их и добыть необходимые для разъездов по губернии. Новое отчаяние! Бабы все давно им то увезены из города к нему именно неполными. Вообразите ещё пережитые минуты, когда мне сначала сказали, что они разбиты в прошлом году все выброшенные; эти дни точно вышли вследствие предположения будто я приехал за алебастровыми статуями украсившими глубокий сад. Остается без пользы до отъезда сии поезда просидеть здесь сутки. Сегодня 23 августа выезжаю по мелкой дороге в Бахмутский уезд и 24 утром надеюсь быть между десятками баб годные к отправке и Бог даст, начну отправлять. Я уже оставил всякую мысль об изучении баб теперь. Для разъездов и осмотров нужны целые

месяцы и главное новые верные семьи. Я буду просить археологическое общество через местных властей собрать сведения в каких селениях и сколько находят баб - без этого нельзя и ехать в экскурсию. Обыватели по недоразумению сами не в состоянии дать никаких сведений и на их рассказы полагаться нельзя. Для работы в восточной части Екатеринославской губернии остаётся ещё неделя.

Вы видите, что я старался исполнить Ваше указание - добыть баб из разных мест. Придётся ограничиваться Новочеркасскими двумя пунктами Екатеринославской губернии. К 1 августа буду в Новочеркаске, к 3 или 4 в Екатеринодаре.

Простите.

Ваш всегда Кельсиев.

Ф. 17. Оп. 1. Ед. хран. 341. Л. 141

г. Бахмут

31 августа 1881 г.

Ваше сиятельство

Милостивый государь

Алексей Сергеевич

На сей раз мое письмо хотя не особенно богато радостными известиями, зато и не так печально, как предшествовавшее. Эту неделю от 23 до 30 августа я провел в розысках каменных баб в Бахмутском уезде. Потерпев неудачи в уездах Харьковском, Вольновском и Екатеринославском, я решил, дабы не истратить без пользы денег и времени, пожертвовать той стороной своей коллекции, которая имела ввидуея достоинство по разнообразию пунктов происхождения баб. По составленному мною компилятивному каталогу Бахмутский уезд оказывается наиболее изобилующим бабами, потому я здесь собираю их. Всю неделю я не имел получасу свободного. Мы с помощниками объездили около 15 селений. Дело

требует крайнего напряжения силы и воли. Казалось легким приехать в селение, где значится по списку 25 баб, осмотреть их, выбрать лучшие и поехать дальше. Во-первых, селение от селения разделены пустырями и полями верст по 20 и более; во-вторых селения огромные, тысячи в 1,5 или 2 душ и растянута каждое на 3-4 версты. Но главное затруднение, что крестьяне не говорят у кого есть бабы. Лучшие, бывшие у ворот, уже давно, по рассказам, куда-то кем-то свезены, приходится разъезжать по дворам, по огородам, по избам. Этакie розыски в каждом селении отнимают до полудня времени и приходится делать верст по 10, чтобы обойти все улицы и дворы. Мой помощник сделался очень ловок в таких полетах и лучшие находки принадлежат ему. Я видел около 150 баб, но в ужасно печальном положении. Они переломлены пополам, изувечены, без голов, с большими протирками, потому что крестьяне с них точат железные инструменты. Я видел баб закопанных вверх ногами, заделанных в заборы, заложенных подпорками под лавки в избах, под свигняжники, служащих порогами в избах, плитками на мостах и т. п. Их лица обыкновенно служат мальчишкам целью для упражнения выбрасании камней. Чумаки измажут дегтем, помещики раскрашивают масляными красками. Таково состояние памятников истории нашего отечества. Притом, сделанные из мягкого, крупнозернистого, иногда слоистого песчаника и простояв до 1000 лет на открытом воздухе, выдержав все грозы, метели, морозы и жар, они конечно не имеют привлекательной свежести ископаемой античной скульптуры. Я видел однако фрагменты, хорошо сохранившиеся и принадлежащая выдающимся артистам. Я выбрал не хороших, но сносных 10 штук, целых с некоторыми подробностями костюма и лицами. Я забыл ещё упомянуть о том, что на мысли убедился в верности того слуха, что крестьяне умеют и делают каменных баб, то есть подобия им. От одного такого изделия я пришёл в восторг, им можно было бы обморочить. Учёным миром оно считалось бы украшением музея. С грустью и разочарованием должен был поверить старцу, уверившему меня, что статую отделил сам. Я долго не доверял и колебался, потому что

крестьяне часто поднимаются на разные хитрости, дабы не расставаться с бабами, особенно с теми которые им удалось сберечь от покушений прежних любителей. Крестьянские изделия имеют все непокрытые головы потому к ним должны быть отнесены все те, которые во в нашем исследовании признаются древнейшими. Гермы, т.е. столбы с головами, не составляют редкости; я уже достал таких три штуки разной отделки. И так я имею 3 гермы (женские), 2 женщины и 3 мужчины и одну голову. Мы оба с помощником ведем ... в быстрых абрисах ... все заслуживающее внимание, фрагменты и детали на них. По осмотру района я, через сельскую полицию, объявляю такие и такие экземпляры поступающими в собственность казны, плачу по 3 р. за штуку (умеренной величины, которую вы мне рекомендовали) и смотря по обстоятельствам ещё за перевозку, так что пока баба, доставленная на платформу мел.дороги, не обратилась дорожке лежат на станции Константиновка, близ Бахмута. Я нашел и взял ту бабу с пережжениями на ногах, которая нарисована в Вашем атласе; она довольно массивна, пудов 25, но хорошо сохранилась. Большое неудобство в недостатке сведений, где есть бабы. Так например, Земля Войска Донского в этом отношении ещё ..., Мариупольский уезд также. А там есть основания предполагать большие сокровища. Я работаю в надежде, что эта моя экспедиция за бабами не есть последняя и года через два Вы мне дадите возможность позаниматься этим делом целое лето. Это вопрос очень крупный и один из самых темных в археологии. Теперь я приступаю к окрестностям Бахмута и заеду к Славяносербский уезд. Если не найду здесь достаточно хорошего, то поищу в Таганроге, возьму лучших баб в Новочеркаске и проберусь на северные побережья в Азовского моря к Мариуполю и Бердянску. Я работаю без отдыха от восхода до заката - и в этом нахожу большое наслаждение. К сожалению природа не имеет привлекательности. Степи все сухие, опаленные солнцем. Но утренние и вечерние ... все ещё прелестны. Мне кажется я не ... должен до съезда. Вы мне позвольте исполнить это после 20 сентября. Собственно взять должен ...

каждый унтер-офицер; меня не интересует сделать под ним раскопку. Я никогда не копал дольменов. Лучшие выделяются мною. До сего дня бабы есть 6 штук в Харьковском университете проф. Юрий Ив. Морозов будет на съезде. Я уже просил его пожертвовать нашему Музею хорошие фотографии.

Всегда Ваш Кельсиев.

Ф. 17. Оп. 1. Ед. хран. 341. Л. 143

9 сентября село Спасское

Ваше Сиятельство

Милостивый государь

Алексей Сергеевич.

Имею честь уведомить Вас, что мои работы по раскопке продолжаются ежедневно, невзирая на начавшуюся дурную погоду. Но по величине большого кургана и по крепкости почвы дело затягивается, так что к отпущенным 200 рублям надо прибавить пока мои более рублей 50, ибо трудно ручаться за место нахождение костяка. Мы ещё далеко до грунта и с каждым снимаемым слоем диаметр значительно увеличивается. Курган насыпан из глины, которая особенно в средних слежалась, что заступы не берут ее и приходится работать ломами. Работает ежедневно 20-25 землекопов по 1 р. и каждый сваливает по 10 куб. аршин. Кончить думаем в воскресенье или в понедельник ибо разведку группа надо сделать основательно. Я поджидал так эти дни, теперь же не дурной погодой отчаявалось.

Здесь обозначены части по мере того как они снимались. Диаметр основания достигает 12 сажень. Из еняных частях не попались ни человеческих останков, ничего сколько-нибудь выдающегося.

Из ближайших пяти маленьких курганов раскопано 4, во всех оказались костяки с вещами обычного московского типа. По многим признакам усегабольшого кургана нету ничего особенного. Подобные курганы были разрываемы гг. Анастасьевым и Чертковым. Прилагаю

краткий перечень расходов. Прошу Вас вручить сколько-нибудь денег
подателю сего письма.

Совершенно преданный

Кельсиев.

Ф. 17. Оп. 1. Ед. хран. 341. Л. 144об

Мое содержание и квартира	25 р.
Помощнику (8 дней)	15 р.
Разъезды 4 раза	15 р.
Инструменты и принадлежности	8 р.
Уряднику	3 р.
Крестьянам за раскопку	10 р.
На сводку при...	5 р.
Плата рабочим	6 р.

Плата землекопам

5 сент.	6 р.
6	25
7	27
8	20
9	21
Итого	99 р.

Итого к вечеру 9 сентября

израсходовано - 186 р.

остается - 14 р.

Получил 50 рублей

Миколай Иль. Гарденин

Ваше Сиятельство

Весьма виноватый в том, что запаздываю уведомлением, имею честь донести, что раскопки мои благополучно закончились в понедельник. «Великая могила» оказалась, как я и предполагал, простым курганом над одним пока пиком с весьма ординарным и бледным содержанием. Занимался обработкой добытых результатов.

Совершенно преданный

Кельсиев

Приложение №3

*Письмо С. Круковского Казимежу Столыхве об исследованиях в Костёнках
1915 г.*

ГАМ. Ф. 6205. №75

Баку 28 сентября 1915 г.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

Отдел документации

Кн. входящих п. № 6205/75

Многоуважаемый

Господин,

[Надпись сбоку]:

Информация для г-на К. Столыхвы

Поскольку я не знаю, когда увижу и увижу ли вообще г-на Казимира (Казимежа) Столыхво, поэтому покорнейше прошу вручить ему это письмо при любой благоприятной возможности. После отъезда из Варшавы я останавливался в Киеве и Воронеже, где я ~~останавливался~~ я собирал информацию о новых находках палеолита. Приехав в Костенки, я не мог сразу приступить к работам из-за абсолютного отсутствия рабочих (это

был самый разгар сбора урожая). Поэтому, как, и в связи с тем, что ранее в Воронеже я узнал о существовании ещё одной публикации о стоянке в Костенках, я поехал в Москву, ознакомиться с ней и посмотреть коллекцию, описанную в ней. Там я узнал о входе немцев в Варшаву. Вернувшись в Костенки, я вскоре начал копать. Я копал шесть недель, привлекая к этому только четырех рабочих. Ибо при большем их количестве я не смог бы за всем проследить, что грозило порчей стоянки и материалов. Здесь я объясняю, что я был один. Самсонович тоже подвел; я получил от него через Воронеж одно или два письма, а ~~но~~ ~~не~~ после чего он замолк и молчал до конца. Вероятно что-то случилось с ним во время эвакуации или входа немцев в окрестности Белостока и прилегающие части Седлецкой губернии (Соколовский повет). - Я также использовал вышеуказанных рабочих для засыпки ям по отдельной договоренности сверхурочно. Кроме того, я платил владельцу сада, где я делал раскопки за срубленные деревья, и кроме того, за разрешение копать и др. Я нашел только кремнёвые изделия, кости в очень плохом состоянии, охру, костный уголь и пепел. Образцы я не считал. Во всяком случае, самих инструментов у меня не менее пары сотен, не считая обломков, сломанных экземпляров и т.п. Благодаря присутствию в деревне фотографа-любителя мне удалось сделать несколько фотографических снимков, за что он потребовал очень дорого заплатить. Я опускаю многочисленные и очень интересные детали, относящиеся к геологической, и картографической и стратиграфической природе стоянки. Не слишком знакомые мне остатки фауны доставляю, кроме очень многочисленных, но из-за огромных размеров непригодных для вывоза костей мамонтов, среди прочего и несколько остатков мелких животных. А вот тамошний кремнёвый промысел для меня был, однако, абсолютной неожиданностью. Передо мной в Костенках находили кремни Поляков, Кельсиев и Криштафович. Мой невероятно удачный сбор и ~~ж~~ мало того, что превосходит вместе взятые их коллекции, так ещё и только он раскрыл истинную природу этого промысла. Короче говоря, мы имеем дело с совершенно новой ещё не известной фазой

солютерийской индустрии, которая находится в таком отношении к позднему солютре (*pointe a cran*), как протосолютре к среднему солютре (*pointeenfeuille de laurier*). Он предоставил, по крайней мере, два великолепных совершенно новых типа инструментов. Несмотря на это, его совокупность очень оригинальна, не имеющая ничего равного - такие вот сочетания определенных типов. Довольно восторгов. Все это большое удовольствие, впрочем, дорого обошлось, если сегодняшние военные масштабы расходов мы сравним с расходами на прошлогоднюю кампанию, ~~и учитывая соотношение~~ и с учетом археологических той всей или только ее Дупицкой части по отношению к тем же результатам этого года. Таким образом, если бы можно было сравнивать вещи столь же несоизмеримые, как доисторические рукотворные изделия, найденные мной во время этих двух кампаний, то следует указать, что в этом году она гораздо менее освещена, но, напротив, представляет собой бóльшую «редкость», чем в прошлом году, поскольку она единственная на земном шаре до сих пор, в то время как эта находка является третьей или четвертой находкой такого рода. Конечно, это (способ сообщить о результатах только для использования племени, курьерский). Во всяком случае, мне уже второй год везет и ~~если только~~ я многое обещаю себе после него в будущем [неразборчиво], если только благодетельный Бог не сделает из меня *Kennerfleisch* по законам военного искусства. Поэтому я прошу вас не использовать этот сбор, если он будет доставлен в Варшаву до того момента, когда пройдет год с даты заключения общего европейского мира. Если к тому времени я не сообщу о своих претензиях, то, пожалуйста, не стесняйтесь выбрать человека, желающего над ним работать. Он был принят на хранение проф. Йузефом Сёмой в Воронежском сельскохозяйственном институте (гимназия Морозовой, угол ул. Малой Дворянской и Тулиновского переулка). Это три деревянных ящика помеченные: А, Л, В, У, О и порядковыми номерами 1, 2, 3, 4 и связка больших инструментов для копания, завернутая в мешки и связанная

веревкой. Эти вещи будут возвращены по требованию руководителя работ Антроп. Й. Н. В.

С высоким уважением,
 Стефан Круковский

Приложение №4

Полевой дневник раскопок стоянки Костёнки I // РО ИИМК РАН. Ф. 2.

Оп. 1. 1931. Д. 866. Л. 1–22.

Костёнки

21.08.1931. Поздно вечером приехали в Костёнки

Следующий день приём наёмных рабочих и обследование фауны в усадьбе М.Ф. Сысоева /быв. Аносова/, который был намечен по плану работ этого года

23 августа. Раскопки начаты. Раскоп 1, который заложен в расстоянии 3,5 м. от плетня параллельно последнему, непосредственно по краю (СВ) раскопа 1923 г. Длина раскопа 10 м., ширина – 2 м. Земля отбрасывается на оставленное пространство между раскопом и плетнем. Работало 7 человек.

Раскоп доведён до глубины 1 м. На всей площади встречаются в чернозёме кремни и обломки костей. Ниже, в нижней части чернозёма находки кремня становятся редки, но кости встречаются чаще и с глубины 1, -1, на глине попадают в значительном числе и, часто, видимо *insitu*, коре и в очень плохом состоянии.

24 августа. Работает 8 человек.

Раскоп продолжен квадратом 9x10 м. с таким расчётом, чтобы охватить всю предполагающуюся площадь культурного слоя (пятна). В пределы раскопа включена целиком траншея 1923 г. и знач. хар. ямы Круковского на месте риги. В противоположной стороне раскопа ~~кремни~~ начато 2-х метровой траншеей (2x10) для ориентировки в условиях, как со стороны перекопанности, так и в отношении выложенных находок культурных остатков в чернозёме, оказалось, что значительная часть площади здесь

занята прежними ямками, но кремьнь хоть и редко покажется, преимущественно в С-3 конце. Зато по всей площади траншеи встречены много обломков костей древних животных, некоторые остатки мамонта.

25 августа. Работает 12 человек.

Продолжен основной раскоп – до глубины 1 м. В центре и юго-западной части раскопа заметен ряд старых ям. Кремьнь и обломки костей спорадически попадаются почти на всей площади.

26 августа. Работает 12 человек.

Раскоп продолжен на 3 м в сторону плетня Юрьева на стык с большим раскопом 1923 г.

27 августа. День отдыха.

28 августа. Начата расчистка выброса в западной стороне для расширения раскопа. Работает 12 человек.

29 августа. Работает 12 человек.

30 августа. Работает 10 человек. Сторож с вечера.

1, 2, 3 августа в Воронеже.

4 августа. Работает 10 человек.

5 августа. Работает 9 человек (для сего был оплачен сторож).

6 августа. Работает 8 человек.

7 августа. Работает 8 человек.

8 августа. Выходной.

9 августа. Работает 9 человек.

10 августа. Работает 8 человек (Лунев в отлучке).

11 августа. Работает 9 человек.

12 августа. Работает 2 человека.

13 августа. Выходной.

14 августа. Работает 2 человека.

15 августа. Работает 3,5 человека.

16 августа. Работает 4 человека.

17 августа. Работает 4 человека.

18 августа. Выходной.

19 августа. Работает 7 человек.

20 августа. Работает 7 человек – двойная оплата. Нашли статуэтку.

21 августа. Работает 6 человек. Продолжали раскоп за плетень Ильина
Михаила Емельяновича на стык с раскопом 1923 г.

22 августа. Работает 6 человек.

23 августа. Выходной.

24 августа. Воронеж.

25 августа. Работает 6 человек.

26 августа. Работает 6 человек.

27 августа. Работает 6 человек.

28 августа. Работает 6 человек.

29 августа. Выходной.

30 августа. Работает 4 человека.

1 августа. Дождь.

2 августа. 4 человека.

3 августа. 4 человека.

4 августа. 4 человека.

5 августа. Выходной. 6 человек.

6 августа. 6 человек.

7 августа. 6 человек.

8 августа. 7 человек.

9 и 10 августа. 7 человек.

12. 0,5 квадрата

Три тела позвонков молодого мамонта.

Уходит в глубь аршина

На глубине 0,3 м.

По всей площади встречаются рассеянные кремь, кусочки костей, хотя и в небольшом числе и без замеров. Глубина залегания см. до 15-20 от

нижней границы чернозёма. Бивень уходит ниже залегания культурных остатков.

13. Почти целый квадрат. I. 4.

Культурного слоя незаметно, обломков костей немного. Но кремня относительно довольно много – 30, главным образом мелких осколков.

Культурные остатки залегают главным образом в самом основании чернозёма по границе с суглинком и слое на 15 ниже. Скоплений костного угля, краски и проч. не наблюдается. Культурные остатки встречаются рассеянно в унит. Границах.

16. Квадрат I. 5.

Скопление жжёной кости, лёгкая окраска. Утолщается до 0,30 ниже границы чернозёма. Кремня немного. Но обломков мелких костей больше, чем в предыдущих квадратах.

Квадрат I. 8.

Кремня немного. Культурный слой выражен слабо, но к углу с кв. J. 8. Появились жжённые кости и более крупные фрагменты костей животных.

Квадрат I. 10.

Кремня немного, культурный слой слабо выражен. Но в стене раскопа непосредственно ниже чернозёма заметны угли, кости и отдельные кремни.

31) Квадрат I. 9 и I. 8.

Кремня немного, обломки костей (немного).

В углистом слое почти никаких находок.

Темная углистая масса. Слой в 13-18 см. непосредственно под чернозёмом. Состоит сплошь из костного угля и кусков обгоревшей кости. Обнаружен в квадрате J. 8 на глубине 0,80 м. обломок бивня.

Квадрат E. 4.

Около 20 десятков кремнёвых отщепов.

Непосредственно под чернозёмом скопление костей, гл. образом рёбра, обломки бивня.

Квадрат E. 5.

Продолжение костей. Разобраны 0,5 квадрата. В сторону квадрата В. 5 появляются кости, окраска, угли. В разобранной части квадрата в сторону – много мелких обломков костей, 20 кремней.

Квадрат Е. 6.

Немного кремня и обломков костей.

Квадрат Е. 8.

2-3 кремня, довольно много мелких обломков костей. На глубине 0,30 скопление – преимущественно обломки костей.

Квадраты С. 3 и D. 3. Части квадратов.

Находок погр. нет.

31. Квадрат Н. 3.

Четверть квадрата. Немного кремн. отщепов.

Квадрат Н. 10.

В разобранной 1/3 квадрата несколько кремнёвых осколков и отдельных фрагментов костей, камня.

Квадрат Н. 8

Обломки костей, немного кремня.

Квадрат Н. 9.

При расчистке кострища, состоящего из массы пережжённых костей, встречено немного кремня.

Квадрат G. 5.

Значительное утолщение культурного слоя (идущее из кв. С. 5.). В большей части квадрата, к раскопу 1923 г. и кв. Е. 5. Наблюдается красная окраска и жжённые кости, хотя без сплошного распространения. Довольно много мелких фрагментов костей. Относительно много кремня. В сторону квадрата Н. 5. Красная окраска исчезает. Толщина культурного слоя до 20-25 см. начинается непосредственно под чернозёмом. Найден фрагмент небольшого костяного ложила.

31. Квадрат F. 4.

Культурный слой становится малозаметным. Кремня немного, обломки костей. В сторону квадрата Е несколько рёбер, среди них, видимо служивших в виде орудий, с вырезкой для рукоятки.

Квадрат G. 9

Культурный слой выражен довольно хорошо красной окраской и костным углём, а также присутствующими значит. Числом/количеством обломков костей и средоточенными находками кремня. Обследован слой см. на 15 ниже чернозёма.

Квадрат G. 8.

Остаток квадрата, немного кремня. В стене к G. 10. хорошо выражен культурный слой.

Квадрат С. 8.

Остаток квадрата. Пара кремней, нет костей.

Квадрат С. 9.

Кремня 15 шт., мелкие обломки костей. Четверть квадрата не разобрана. В восточной стороне - краски.

Квадрат С. 10.

Часть квадрата. 5 кремней, немного костей.

Квадрат F. 8.

Остаток квадрата. Исследована часть. Несколько кремней. Появляется краска и заметное утолщение культурного слоя.

Квадрат F. 10

Около скопления костей наблюдается хорошо выраженный слой – окраски, угли, местами утолщения до 2- и менее см., много кремней, обломки костей.

4/IX.

Квадрат С. 4.

Находки здесь немного – несколько осколков кремня.

Квадрат D. 4.

К правой стороне находки кремня увеличиваются, много осколков костей. Глубина залегания от границы чернозёма до 20-25 см. ниже его. Обнаружены окрашенность, костный уголь.

Квадрат D.10.

Несколько отщепов кремня, немного мелких обломков кости.

Квадрат D. 9.

Обнаружены обломки более крупных костей. Однако кремней мало. Хорошо выражен культурный слой и окраска.

Квадрат D. 8.

3 отщепа кремня и немного обломков костей.

Квадрат D. 7.

Несколько отщепов кремня.

Квадрат H. 4.

Культурный слой мало заметен – отмечено скопление угольков ниже чернозёма в суглинке. Но кремня 30 пр., обломков костей мало.

Квадрат G. 4.

Кремня 20 отщепов и осколков, немного костей.

5/IX.

Квадрат K. 1.

В юго-восточном углу немного остатков в виде хранимых краски, угольков, нескольких отщепов кремня, косточек.

Линза. Маленький очажок культурного слоя на глубине 0,40 см от чернозёма.

Квадрат K. 2.

Кремней нет

Квадрат K. 3.

Несколько кремешков.

Вместе K. 2 И K. 3.

Несколько крупных костей, начиная от границы чернозёма, уходят вглубь до 25 см. часто идут наискос под значительным углом.

Квадрат К. 4.

2 кремнёвых отщепа, несколько костей.

Квадрат С. 10.

Ниже дна ямы, в сторону квадрата С. 1. Обозначились 2 обширные (диам. до 70 см.) линзы, ярко окрашенного культурного слоя. При измере найдено довольно много (20) кремня, жжённой косточки. Разборки мною оставлены на последующее время.

Квадрат С. 9.

Часть очажка входит в квадрат немного кремней. С другой стороны несколько обломков более крупных костей.

Квадрат С. 8.

Крупные кости непосредственно под чернозёмом несколько отщепков кремня.

Квадрат L. 4.

Под чернозёмом скопление крупных костей, уходящих в суглинок. 15 кремнёвых отщепов. Культурного слоя не заметно.

Квадрат L. 1

Крупные кости, уходящих на глубину до 40 см. ниже чернозёма. С 10 кремнями.

6/IX.

Квадрат А. 10.

Скопление зубов мамонта под чернозёмом. При разметке, сверху, найдено несколько осколков кремней.

Квадрат В. 10.

В восточной стороне обнаружено пятно. Вне пятна отдельные кремни. Ниже 15 см. от чернозёма – обломки ребер.

Квадрат С. 10.

Линза культурного слоя, окрашенного в ярко-красный цвет. Насыщена обломками костей. Много кремней на 40 см. ниже чернозёма.

Квадрат В. 9.

Под чернозёмом скопление костей. При расчистке сверху найден с 10 кремней.

Квадрат В. 8.

Продолжается по предыдущему квадрату скопление костей на том же уровне. При замере сверху несколько отщепов кремня.

Квадрат В. 6.

В нелёгкой сохранившейся части квадрата найдено несколько кремней.

Квадрат В. 7.

В остатках квадрата 4 отщепа.

Квадрат А. 6.

Находок пока нет. 4 отщепков и головка ребра мамонта.

Квадрат D. 5.

Несколько кремней.

Квадрат L. 1.

Скопление костей на глубине 1.50 – 1.60, ниже чернозёма до 50 см. немного кремней.

Квадрат L. 2.

Скопление костей выше предыдущего квадрата. Кремней пока нет.

Квадрат L. 4.

Скопление костей, кремня почти нет.

Квадрат М. 4.

Несколько более крупных обломков костей, 20 кремней. Частью зачист. Скопление костей из кв. М. 3. Залегание 15-20 см. ниже чернозёма.

Квадрат N. 3.

В сторону М. 2. и 3. В стену уходят кости, появляются окраски, кремней довольно много, крупные пластины, орудия.

Квадрат N. 2.

В середине квадрата скопление костей, около 10 кремней.

Квадрат О. 4.

С 10 кремней. Кремнёвое орудие.

7/IX

Квадрат N. 4.

Скопление костей идёт в сторону стены квадрата М. 4. С 10 кремней, среди них несколько орудий много расколотых мелких обломков костей.

Квадрат О. 5.

Скопление костей по всему квадрату. При расчистке его сверху немного кремней.

Квадрат М. 3.

Немного обломков костей – в центре квадрата кругом крупные кости. Крупная пластина, с 10 отщепов и пластин, в углу квадрата на глубине 0,40 в аршине (0,3) с раст. Под прикрытием кости (таза?) мамонта вместе сложены 4 отборные пластины.

Квадрат А. 8.

Культурный слой незаметен. Незначительное количество обломков кости, 9 отщепов.

Квадрат D. 6.

Несколько кремней

Квадрат С. 6.

1 кремнь.

Квадрат N. 5.

При расчистке ямы Замятнина в сторону квадрата найдено много кремней, среди них несколько прекрасных орудий.

Квадрат А. 9.

9/IX.

Квадрат М. 2.

Крупные кости в половине квадрата при очистке ещё несколько крупных пластин и отщепы.

Квадрат N. 1

Несколько отщепов, пластины (10 экз.), несколько осколков кости.

Квадрат О. 10.

Свыше 10 кремней, кости – костей нет.

Квадрат N. 3.

При подчистке в основании квадрата – 10 отщепов.

Квадрат О. 9.

Старая яма. Несколько мелких отщепов.

Квадрат N. 15 – несколько кремней

М. 5 – с 10 кремней, среди них орудия.

М. 6. – при подчистке сверху немного отщепов.

Н. 6. – немного кремней.

О. 7. – с 10 кремней.

Н. 7. – с 10 кремней, при подчистке квадрата сверху

М. 7. - при подчистке квадрата сверху, несколько кремней.

М. 8. - при подчистке квадрата сверху, несколько отщепов.

М. 9. – при подчистке квадрата сверху, несколько отщепов.

О. 8. – С 10 кремней, немного обломков костей.

Н. 8 – при подчистке квадрата сверху, 1 кремень.

Н. 9. – с 10 отщепов.

Н. 10. – больше 20 отщепов, зуб мамонта, обломки костей.

Л. 9. – при расчистке костей, 20 отщепов, камни.

Л. 10. – 20 кремнёвых отщепов.

Д. 5. – ниже скопления костей, на глубине 1,50 в суглинке при следах краски прекрасный наконечник. Вероятно дно жилища?

В кв. на глубине от 1,50 до 2,00 слой костей гл. образом мамонта. Рассеянно и в горизонтальном положении. На всей площади. Кости плохой сохранности, жжённые, часть в естественном состоянии. Они крупные, но

расколотые. Присутствует краска в месте обнаружения зуба мамонта. Почвы: жёлто-бурый суглинок с включением мела и щебёнки; очень плотный светлый палевый слой, в нижней части обнаруживается переслаивание с более светлым мергелем и более тёмным глинистым «пятнами»; местами мелкий меловой щебень; прослой железистых глин с гумусовой пролойкой; мергель с местами железистых ярко-рыжих почв; углистая прослойка (2,15 и 2,90 м)

Сектор А.

Старый раскоп 1923 г. Квадраты F и G -10

Яма круглая, диам. 0,40-0,45 с плоским дном. Заполнена окрашенным слоем, обломки костей (немного), угля немного, относительно много кремня.

17/IX.

Очажная яма при кв. G. 12.

Глубокая, круглой (или полукруглой) формы, частично разрушена чей-то ямой в виде рва. Заполнена углистым слоем с мелочн. Количеством мелкой дроблёной кости, много кремня. Глубина её в глине до 50 см. Обнаружены 2 головки мамонта.

16/IX.

Плоская западина, заполненная культурным слоем, окраска, мелкие обломки костей, немного кремней. Глубина – от 0 до 0,46 м ниже культурного слоя около 30 см.

В ямах кости размещены в вертикальном положении. Культурный слой беден находками. Западина – углубление костей до 55 см ниже 0.

12.09 – 14.09.

Квадраты С. 9- С. 10.

1-я очажная яма, пятно культурного слоя. Размеры 75х50 см. Глубина от 0 линии – 65 см. В ней был обнаружен бивень, погребённый вертикально.

Верхний конец на 50 см. выше основания очажной ямы. Толщина слоя заполнения ямы на дне её и реже окрашенного – до 15-25 см.

Яма заполнена всякого рода культурным отбросом – много костного угля, дроблёных костей, камни, много кремней, среди которых показались прекрасные орудия. Кремень мало наретуширован. Сплошь окрашены в интенсивный красный цвет. Много обломков рёбер. Над ямой лопатка небольшого животного

Квадрат F. 10.

2-я очажная яма. Глубина 0,58 м ниже 0. Заполнение того же характера, что и в предыдущей ямке. Сплошь заполнена отбросом. Фрагменты костей. Суставные кости, много обломков черепных костей (перегородчатых) вероятно молодого мамонта. Яркие окраски, комки краски. Пол костный. Много кремня, лоцило, обломки рёбер, мелкие отщепы слон. Кости.

Под В-С/10

3-я яма. Представляет небольшое овальное пятно с той же красной окраской. Неправильной формы, размером 35x20 см. Под старой ямой, глубже (тому около 0,20 м) на 0,20 м. несколько обломков костей, кремней на дне почти нет (3 отщепа). Пластина орнаментированная из слоновой кости. Она плохой сохранности.

Квадраты F.10 – H.10

Изучались 2 очажные ямы. Обнаружены редкие отдельные находки кремня. Очажная яма заполнена ровным слоем жжёных костей. К низу – переход. Слой костной золы и кальцимированных костей. Земля кругом обожжена. Вырезана в глине, имеет правильную полукруглую форму (д. нам. 0,83). Перед ним пропажная глубокая яма.

В квадратах D, E, F – 4,5.

Обнаружено 9 углублений – 7 ямок и 2 западины. 1. Ямка. Глубина – 0,40 м. ниже 0 отметки. В ямке обнаружен фрагмент бивня мамонта. 2. Ямка. Глубина – 0,82 м. ниже 0 отметки. Ямка неправильной овальной формы, заполненная на дне слоем с культурным слоем. 3. Ямка. Глубина – 0,48 м.

ниже 0 отметки. 4. Ямка. Глубина – 0,52 м. ниже 0 отметки. 5. Глубина – 0,7 м. ниже 0 отметки. 5. Ямка. Глубина – 0,75 м. ниже 0 отметки. 6. Неглубокая западина. 7. Ямка. Глубина – 0,6 м. ниже 0 отметки. Имеются утолщения культурного слоя. Местами окраска. В нижнем правом углу ямки кости мамонта. 8. Западина 9. Ямка глубиной – 0,60 м. В ней обнаружены кости мамонта

Между углублениями 7,8,9 на глубине -0,4 м. обнаружены кости мамонта. У западины 6 на глубине - 0,2 м. – бивень.

О.1 Второй полуквадрат. Находок нет.

О.2. Второй полуквадрат. 2 отщепа.

О.3. Вторая половина. Отщеп, несколько косточек. Появилась краска.

О.4. В углу. В сохран. части квадрата несколько косточек.

В квадратах G.5 – I.5 на глубинах -0,98 м., -0,75 м., -0,60 м., -0,50 м., - 0,40 обнаружены кости мамонта, костяная мотыга, кремни.

Квадраты М-О

Обнаружена яма. Костей почти нет (присутствуют фрагменты бедр. костей). Дно окрашено. Имеются бивни мамонта и кремни. Под суставной костью содержатся две крупные пластины.

Квадраты М-10 и N-10.

Обнаружены кости мамонта (лопатка и бедр. кость?)

Квадраты К-О – 5-10

Выявлены ямы с костями и бивнями: 1. Глубина 0,30 - 0,50 м. ниже 0 отметки. Содержит мелкие и крупные кости; 2. Глубина – 0,70 м ниже 0 отметки. Находок нет; 3. Глубина – 0,80 м. ниже 0 отметки. Находок нет; 4. Глубина – 0,25 м. Находок нет. Рядом с ней обнаружены кости; 5. Глубина – 0,35. К низу идёт расширение около 0,70 м. Находок нет; Глубина – 0,80 м. Находок нет; 6. Глубина – 0,80 м. Имеются кости мамонта. Рядом также найден костяной материал на глубинах – 0,40, - 0,50 - 0,60 м. 7. Глубина от – 60 до – 1,10 м. Находок нет. 8. Глубина от – 0,60 до – 1,05 м. Есть находки.

Кроме ям изучены западины: 1. Глубина от – 0,45 до – 0,80. Найдены лопатка и др. кости. Дно имеет следы краски. 2. Глубина от – 0,60 до – 0,70. Имеются кости.

Между квадратами L-M – 7-8 был найден бивень мамонта.

По всей площади находились кости крупных и мелких животных.

Квадраты O-P – 4-9

Обнаружены несколько ям: 1. Глубина от -0,25 до -0,75 м. Имеется скопление костей мамонта (не разобрано). Без углей; 2. Глубина -1,10 м. Есть находки костей как внутри ямы, так и рядом с ней на гл. -0,65 м. и -0,75 м.; 3. Западина с окраской в 15 см ниже дна. Там присутствуют 2 обломка больших пластин; 4. Глубина -1,05 м. Присутствуют кости; 5. Неглубокая ямка. Глубина – 1,05 м.; 6. Яма. Глубина – 1,20 м. Крутые стенки (расширенные книзу) на дне зола. Глина зеленоватая, видимо обожжена. Сверху затенено глиной; 7. Глубина – 0,90 м. Кострище с костями.

По всей площади на глубинах от – 0,70 до – 0,90 м. обнаружены кости.

На квадратах K-N – 1-4

Обнаружены 2 ямы на глубинах от -0,80 до -1,30. Все с костями.

Также кости были обнаружены по всей изученной площади на глубинах от -0,70 до -1,10 м.

Место раскопок.

Для раскопок на бывшей усадьбе Аносова, теперь колхозника Матвея Федоровича Сысоева, намечено место которое представляло интерес по целому ряду соображений. Здесь был заложен начальный раскоп в 1923 г., который дал интересные находки, в частности замечательную статуэтку из слоновой кости. Затем в непосредственном соседстве за плетнем соседа Михаила Емельяновича Юрьева, траншея то же 1923 г. обнаружили культурный слой, выходявший из под риги Аносова и вскоре заканчивавшийся.

На этой площади, внутри риги Аносова находился главный раскоп Круковского (1915 г.) т. О. представлялось, что площадь часто занятая ригой,

часто непосредственно к ней примыкающуюся должна была явиться некоторым сосредоточием культурных остатков стоянки Костёнки 1. В особенности же нас интересовал вопрос о характере поселения и составлявших его обиталищ.

Раскопками охвачена площадь в 145 квадратных метров. В центре находится раскоп 1923 г. у риги; затем раскоп смыкался с траншеей в саду Юрьева. На плане раскопок можно видеть, что это место оказалось в значительной мере затронутым прежними раскопками. Помимо нашего раскопа и самой ямы Круковского, а также небольшой разведочной ямки Замятниной, нами было обнаружено несколько старых раскопов [кв. В-С /4-8; В-С /8-10; О-Р/ 1-4; Н/11-12; и в стене при квадратах F. 12 и Н. 12]. Яма на кв. D – С. 10 по имеющимся сведениям и характеру раскопа принадлежат Круковскому.

Площадь усадьбы быв. Аносова представляет ровную площадку с легким уклоном в сторону тальвега оврага. Такой же характер террасы она имеет и в сторону главной улицы, где находится дом и в противоположном направлении, через плетень по улице ведущей к кооперации. Дальше же, через эту улицу на усадьбе кооперативно дома и во всем порядке усадеб она переходит в заметный подъём.

По сведениям, сообщённым крестьянкой Протопоповой усадьба, которая находится рядом с кооперацией, на её огороде встречаются кремни и в прежнее время приезжие из города производили раскопки и что-то доставали. Западина от раскопа видна и сейчас.

Лёгкое понижение в сторону тальвега Покровского лога можно проследить и на площади раскопа. Так от принятой нами условной 0 линии по С. 33. Стене раскопа линия дневн. Поверхности находится на +20, 30 см., по противоположной же стене ЮВВ на +0,40 - +0,50. Этому понижению в общем соответствует и понижение культурного слоя.

Как следствие этого обстоятельства приблизительно одинакового рельефа местности в прежнее время и теперь – вытекает и то, что уровень на

котором расположены находки сохраняет одинаковое отношение и почвенному горизонту – чернозёму, мощным пластом, накрывающему террасу (видимо прежнее дно) Покровского лога.

Как это заметили Поляков и Кельсиев, уже в чернозёме повсюду, где ниже залегает культурный слой начинает встречать в большем или меньшем числе кремни и другие остатки палеолитического времени. Нами было установлено во время раскопок 1923 г., что они не представляют собой особого слоя, как думал Кельсиев, а является просто выбросом по бесчисленным кротовинам прорезывающим чернозём и далеко уходящим в глинистую подпочву. Ходы и норы кротов повсюду видны и в культурном слое. Собственно культурные остатки обычно начинают встречаться непосредственно под чернозёмом. Как это всегда наблюдается в типичном южнорусском чернозёме, его нижняя граница, благодаря кротовинам и затёкам крайне неровна – бахромтата. Однако переход и подпочва всё же может быть ориентирован довольно точно по СЗЗ стене раскопа толщина чернозёма 1,25 с небольшими колебаниями по квадратам; с этой глубины (точнее 1,10 – 1,15 см.) начинают показываться верхние части костей, заключённых в культурном слое. Приблизительно ту же картину представляет и весь раскоп. Однако, как мы видели, это совпадение границы залегания культурных остатков и чернозёма случайно. В действительности вся картина культурного слоя, как увидим, гораздо сложнее.

Начиная раскопки, мы предполагали, что во взятой сравнительно очень большой площади раскопа нам удастся окружить место залегания культурных остатков и тем самым выяснить их характер и план залегания. Однако оказалось, что площадь сплошного обитания выходит во все стороны за пределы раскопа. Таким образом исследование этого участка нельзя считать законченным. Должно сказать, что исследованная площадь культурного слоя представляет чрезвычайно интересную и весьма сложную картину. Для его описания его нужно разделить на несколько участков, в общем имеющих необыкновенный характер.

В процессе работ нами впервые был применен новый метод исследования, диктовавшийся поставленной нами задачей – изучения культурный остатков в их отношении к месту населения и жилищу. Поскольку последнее может быть прослежено расчисткой прежней поверхности при осторожном удалении культурного наноса. Этот метод дал блестящие результаты. Хотя выработать приёмы расчистки нам удалось не сразу и часть площади раскопа поэтому даёт не вполне ясную картину.

Затем сильно мешали в нашей задаче многочисленные старые ямы и кроме перечисленных было ещё несколько менее глубоких ям – более часто старые могилы не уходившие глубоко в культурный слой, изрезывавшие иногда самые интересные части жилого комплекса.

1. 1. Квадраты А-В. 6-10. и С-Д. 6-8. Два старых раскопа. См. план.

2. Квадрат А. 6. – находок почти нет, культурный слой незаметен, найдено несколько мелких осколков кремня и головка бедра мамонта.;

3. Квадрат А. 7 – находок нет;

4. Квадрат А. 8 – культурный слой отсутствует. Встречено немного отщепов, среди них обломок наконечника, незначительное количество обломков костей;

5. Квадрат А. 9 – камень, несколько отщепов.

6. Квадрат А. 10. – на границе суглинка залегает сплошной слой костей, которые идут в угол раскопа. Две нижние челюсти молодого мамонта, много зубов, так же молодых особей, обломки длинных костей, ребер, кости оставлены на месте. Глубина залегания около 0. Находок кремня значительно больше – большая пластина, наконечник превращённый в резец, 2 нуклеидных орудия, пластины, больше 10 отщепов.

Таким образом, по линии квадратов А видимо место обитания заканчивается. Принадлежит ли квадрат А. 10. к соседнему комплексу или является продолжением скопления костей кв. В-С. Покажут будущие раскопки.

7. Квадрат В-6 и 7. В значительной части уничтожены старым раскопом. Однако обломки костей на дне этого раскопа позволяют думать, что эти квадраты целиком не были пустыми. В небольшой сохран. Части квадрата 6. найдено несколько отщепов, 2 случайных резца. Немного отщепов найдено и в части квадрата 7.

В квадратах 8 и 9 на глубине -0,10 – -0,15 наблюдается довольно значительное количество разбросанных костей мамонта, главным образом 34 шт., верхние части (эпифизы) длинных костей, обломки рёбер, осколки и обломки костей; при костях немного отщепов, в кв. 8 – рало, в кв. 9 – обломанная пластина со слит. спинкой.

В кв. 10, который, в значительной части разрушен прежней раскопкой, в сохранившейся части найдено несколько рёбер и немного отщепов.

Квадраты С. 6-7. Сохранились в небольшой части. Скопление костей – крупный бивень, обломки бивней, зубы, расколотые длинные кости, обломки костей захватывают квадрат С. 6-8. и смежные части квадратов Д. 6-8. Кости залегают под чернозёмом на глубине -0,15 от 0. Однако они покрывают жилую яму, которая идёт до глубины -0,35 – -0,60 и обозначает, (с. 46) там, что многие крупные кости, в особенности бивни стоят в вертикально или под углом уходят глубоко в почву. Затем на эту глубину идут угольки. На эту глубину идут и находки кремней, хотя их в этих квадратах вообще говоря очень немного. Можно думать, что кости представляют собой завал ямы, б. м. попали сюда при обвале жилища?

В этих квадратах найдено немного отщепов и отдельные орудия. Занимательно, что в основании квадратов, на дне жилой ямы найдено в разных местах довольно много маленьких скребочков. Это особенность данного сектора. Однако культурного слоя здесь незаметно.

II. Особый участок представляют квадраты С-Д. 9-10. Они также в значительной части задеты старыми раскопами. Небольшое скопление костей имеется только в кв. Д. 10 и уходит в стену раскопа, при костях немного отщепов.

В квадратах В-С. 10 под старым раскопом сохранилась небольшая овальной формы яма заполненная окрашенным культурным слоем с обычным содержанием – мелких обломков костей, расколотых камней, также много отщепов кремня. Среди них – 2 малых скребочка, несколько пластинок. Здесь же найдена орнаментированная нарезками пластина и-слои. Кости. Вторая такая же яма, но больших размеров сохранилась в квадрате С. 10-9. Она отмечена бивнем, идущим вглубь почвы. Представляет толстую линзу, окрашенную в красный цвет культурного слоя. Здесь найдено особенно много орудий: 8 резцов, 3 наконечника и обломки, пластинки со слит. спинкой, много пластинок и отщепов.

Имеются находки орудий и в сохранившихся частях квадратов. Однако немного.

III. Сектор E-F-G-H-3 – 8-12

Удачная подчистка даёт ясную картину планировки этой части жилой площади. Центром её видимо является глубокая очажная яма в кв. G-H-10. Её устройство можно видеть на стр. 22. Передняя её часть заполнена толстым слоем костного угля и сильно обожжена.

К ней примыкает обширное кострище в квадратах G-H-J. 8-9 также из толстого слоя костного угля.

В западном направлении дно жилища заметно повышается. В нём замечен ряд углублений, некоторые из которых представляют довольно глубокие западины и ямы правильной формы.

Из них прежде всего следует указать ямку правильной круглой формы в кв. F. 10 заполненная ярко окрашенным культурным слоем. Её перекрывала группа крупных костей (мамонта). Она описана на стр. 21. Здесь между прочим найдено костяное ложило, к сожалению плохо сохранившееся.

Более значительная яма, имеющая форму овальной ямы открыта в кв. G. 12., однако без заполнения костным углём на дне её найдено несколько крупных пластин. Возможно, что эта яма для жарения, как в кв. L. 9.

В большем количестве костный уголь встречен в кв. F.12. и в обресе стены раскопа уходит кострище со следами обжига. Культурный слой, часто со следами окраски более богат находками в утолщениях и западинах. Для этого сектора характерно наличие массы отщепов, большое количество резцов, обломков наконечников, пластин со слит. спинкой, пластинок средних размеров.

Нужно отметить две крупные головки бёдер, поставленные у очага G-H. 10. В кв. F.8. по обрису траншеи 1923 г., вертикально идущие кости видимо отмечают не отдельные западины, а общее углубление к центру этого раскопа. Вид его остаётся неизвестным, т. к. на это обстоятельство не было обращено внимания при наших первых раскопках.

IV. Сектор C-D-E-F. 3-15

В сохранившейся части квадратов C.3-4, D-3 – находок почти нет, ограничиваются несколькими осколками кремня. В кв. D.4, хотя он сильно затронут старым раскопом, находки увеличиваются.

Приложение №5

Отчёт начальника экспедиции П.П. Ефименко по изучению палеолитических местонахождений Центральной Чернозёмной Области в 1933 г. // РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1933. Д. 184. Л. 2–10.

ОТЧЕТ НАЧАЛЬНИКА ЭКСПЕДИЦИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ МЕСТОНАХОЖДЕНИЙ Ц.Ч.О.

П.П. ЕФИМЕНКО

/август-октябрь 1933 г./

Принимая поручение ЦНИГРИ провести более детальное изучение геологических и фаунистических материалов связанных с палеолитическим местонахождением ЦЧО, я имел в виду, помимо основной задачи – продолжения ранее начатых работ на стоянке Костёнки I – проложить ряд глубоких зондажей в районе раскопок для выяснения характера

делювиальных наносов, содержащих палеолитические остатки. Это с одной стороны. С другой стороны я предполагал заняться вопросом о месте выходов мелового камня, которым пользовались в течение весьма продолжительного времени палеолитические обитатели района Костёнок и Борщева. Вопрос этот, представляющий интерес со многих точек зрения, не мог быть до сих пор разрешен, так как несущая кремнь толща участка долины Дона и остатки её можно было искать где-то значительно дальше в сторону водораздела правого берега Дона.

Кроме того предполагалось начать разведки палеолитических местонахождений выше по течению Дона, где в нашем распоряжении имелись сведения о находках дочетвертичной фауны.

Однако, намеченные нами работные (работы) могли быть развернуты в том виде, как это представлялось желательным, по причине очень позднего получения средств от ЦНИГРИ. Вместо начала августа деньги были переведены в ГАИМК только к середине октября, после окончания работ экспедиции.

Несмотря на это ряд работ нами все был выполнен.

1. Помимо исключительно интересного собственно археологического материала на стоянке Костёнки I нами был собран фаунистический и иной материал, вносящий новые моменты в представление об этой основной по своему значению стоянке района Костёнки-Борщёво.

2. Производились разведки местонахождений кремня.

3. Проведена разведка палеолитических местонахождений по течению Дона к северу от Костёнок в направлении г. Задонска.

4. Велась обработка образцов породы из нижнего слоя стоянки Костёнки I /доцентом Сельско-хозяйственного института в Воронеже – П.А. Никитиным/.

5. Начата обработка фауны из Костёнок I /В. И. Грозовым/

Как и в предыдущие годы, в настоящем году главным предметом исследования экспедиции явилась стоянка Костёнки I. Нужно иметь в виду,

что эта стоянка в сущности представляет огромный палеолитический лагерь тянувшийся на большое расстояние от устья лога, на дне которого были сделаны первые насадки /ещё в 1879 г./ – вглубь лога, в сторону водораздела правого берега Дона. Наши работы были связаны с определённой частью этого лагеря, которую условно можно назвать стоянкой Полякова по имени исследователя, открывшего этот памятник и давшего первые сведения о нём.

Место наших раскопок находится в недалёком расстоянии от выхода главного оврага с. Костёнок, Покровского лога, в долину Дона в той его части, где овраг значительно расширяется, принимая боковое ответвление и образует широкую террасообразную площадку, ограниченную, с одной стороны, тальвегом /руслом ручья/, с другой подъёмом к меловому плато. Вдоль этой террасы тянется главная улица села, на которой расположены усадьбы, где И. С. Поляковым были сделаны находки, указавшие на существование здесь палеолитической стоянки.

В условиях залегания палеолитических остатков на стоянке Костёнки I весьма характерную черту представляет отношение «культурного слоя» к современной поверхности почвы. На довольно значительном исследованном нами пространстве стоянки горизонт находок оказывается всюду приуроченным к самой верхней части подпочвы, деллювиального суглинка, в среднем залегая всего см. на 15-20 ниже чернозёма.

Глубина на которой начинают встречаться палеолитические остатки, если считать от дневной поверхности, обычно бывает равна 1,30-1,40 м. Небольшие колебания в этом смысле в ту и другую сторону зависят главным образом от разницы в мощности чернозёма, что является следствием деформации поверхности почвы в результате запашки и т.д.

Наблюдающееся понижение «культурного слоя» в сторону тальвега оврага, которое достигает приблизительно 0,50 м. на 10 м. в общем вполне отвечает современному уклону дна Покровского лога. Факт очень неглубокого залегания палеолитических остатков получает подтверждение в

находках, сделанных в других усадьбах по левую сторону Покровского лога, на далёком расстоянии от места наших раскопок.

Неглубокое залегание культурных остатков и соответствие т.о. древнего рельефа современному рельефу почвы, очевидно, объясняется тем, что Покровский лог более или менее окончательно сформировался в своём настоящем виде уже в эпоху палеолитического поселения Костёнки I., то есть в конце или начале солютре.

Для истории образования придонских оврагов значительный интерес представляет то обстоятельство, что в эпоху непосредственно предшествующую этому времени, в более раннюю пору верхнего палеолита процесс образования оврагов ещё находился в полном разгаре.

На месте стоянки Костёнки, ниже изучавшегося нами главного горизонта палеолитических остатков, относящихся к переходному времени от ориньяка к солютре, нами был обнаружен под слоем лессовидного суглинка второй горизонт находок с остатками фауны и некоторым количеством изделий из кремня, позволяющих датировать его временем раннего ориньяка.

В квадратах №11, 12 полученный нами разрез имеет такой вид:

0 – 148 Чернозём с бахромчатой нижней границей спускающейся по кротовинам.

148-306 Желтовато-бурый лессовидный суглинок. Непосредственно под чернозёмом заключает в себе культурные остатки отвечающие палеолитическому лагерю Костёнки I/

Книзу суглинок приобретает белесый оттенок вследствие присутствия значительно количества извести и обнаруживает заметную слоистость, что не наблюдается в его верхней толще. Во всём разрезе имеются включения мелкого мелового щебня.

У нижней границы этого горизонта, обнаруживающей уклон в тальвегу, встречаются кости животных /мамонт, лошадь/, часто со следами

раскалывания. Нижележащие слои также имеют заметное склонение к тальвегу оврага.

306-344. Пласт желтовато-бурого щебня с значительным содержанием мелового щебня. В верхней части содержит расколотые кости животных, нижняя граница весьма неровна.

344-427. Прослой белой мергелистой глины меняющейся мощности с явными признаками размывания.

427-465. Желтоватый суглинок с ржавыми пятнами; в верхней части несет темную прослойку видимо гумусного характера с включением древесного угля.

465-476. Линзообразные прослойки белой мергелистой глины.

476-572. Мергель с тонкими глинистыми прослойками ржавого цвета. Заключает прослойку сероватого, вязкого суглинка темной краски, содержащего значительное количество древесного угля и мелкие ракушки.

Местами наблюдаются линзы меловой щебенки, ниже выступают грунтовые воды.

Тот же характер имеет разрез в расстоянии 10 м. от ранее описанного, на кв. кв. F-G-H/6-7. Здесь также желтовато-бурый суглинок, несущий в верхней части «культурный слой» палеолитического времени, книзу переходит в мергель и мергелистую глину с гнездами мелового щебня. Здесь нижний горизонт культурных остатков в виде расколотых костей животных и оббитых кремней, залегает на глубине свыше 3 м. непосредственно выше темной углистой прослойки.

Таким образом на стоянке Костёнки I, как и на Костёнках V /стоянке открытой нами по другую сторону того же Покровского лога / - эти более древние остатки палеолитического обитания залегают ниже лессовидного суглинка в наносе содержащем значительное количество, целые слои мелового щебня, своим присутствием указывающего на то, что процесс формулирования оврага, к моменту поселения здесь человека далеко не был закончен.

К сожалению затруднения, связанные с исследованием этих более древних поселений, которое потребовало бы больших земляных работ, пока не позволили экспедиции заняться их изучением.

Образцы, взятые из нижних горизонтов делювиальных отложений с древесными остатками и фауной моллюсков переданы для обработки П.А. Никитину /Воронеж/. Эта работа им частично уже выполнена. Интересно отметить, что по предварительному определению В.И. Громова в состав фауны млекопитающих нижнего культурного слоя входит такая форма, как антилопа-сайга, совершенно не известная во всех других, очевидно более поздних стоянках Костёнок и Борщёва.

Переходя к тому, что составляло основную задачу работ экспедиции в настоящем году – раскопкам жилищного комплекса, открытого нами на стоянке Костёнки I- мы отметим здесь лишь главнейшие результаты этих работ, не вдаваясь в археологические подробности.

Прежде всего должно отметить, что в ходе раскопок нами был вновь сделан ряд чрезвычайно интересных находок, которые позволяют поставить Костёнки I на одно из первых мест среди европейских памятников данной эпохи.

Однако, помимо собственно вещественных остатков, не меньшее значение для понимания общественно-хозяйственных условий ориньяко-солютрейского времени представляют наши наблюдения в отношении характера самого палеолитического поселения. В том смысле особенный интерес имеет открыта нами довольно большая землянка, входившая в состав палеолитического жилища. Она оказывалась заполненной костями животных, принадлежавших главным образом мамонту, также песцу и друг.

Особняком здесь стоит находка почти целого черепа овцебыка. Нужно заметить, что это животное до сих пор не было представлено в стоянках Костёнок и Борщёва какими-нибудь костными остатками. Не было оно известно и на стоянке Костёнки I. Это обстоятельство получает любопытную аналогию в нашей находке, также в Костёнках I, орудия сделанного из рога

северного оленя, в то время как иные остатки его до сих пор остаются неизвестными.

Отсюда можно сделать вывод, что овцебык и северный олень были случайным явлением на данном участке течения Дона. Область их распространения приходится искать для этого времени где-то севернее, у верховья Дона и по водоразделу его с Окой.

Из представительной северной фауны лишь песец водился в более значительном числе в окрестностях Костёнок. Просверленные клыки и резцы песцов составляют одно из обычных украшений, которым пользовались палеолитические обитатели стоянки. В находках этого года имеется несколько скелетов этого животного. Систематическая обработка фауны Костёнок I, начатая В.И. Громовым, выявила ряд интересных остатков, описание которых подготавливается к печати.

Сотрудниками экспедиции М.М. Герасимовым и С.А. Семёновым производились поиски местонахождений кремня. Как известно ещё по раскопкам Полякова и Кельсиева главным материалом для выделки каменных орудий на стоянке Костёнки I являлся тёмный меловой кремень прекрасного качества. Так как в районе Костёнок отсутствуют отложения соответствующего возраста содержащих кремень, можно думать, что за этим материалом древним обитателям Покровского лога приходилось совершать более или менее далёкие экскурсии в сторону водораздела Дона и Оскола. Что выходы кремня /вероятно уже во вторичном залегании/ должны были находится на довольно большом расстоянии от места стоянки, показывает любопытный факт почти полного отсутствия во всех палеолитических местонахождениях Костёнок и Борщёва как сырого материала – конкреций кремня, так и нуклеусов, то есть заготовок кремня в равных стадиях использования. Отсюда приходится сделать вывод, что первичная обработка кремня происходила где-то на стороне, очевидно, - что наиболее правдоподобно – на местах его добычи.

Экскурсии Герасимова и Семёнова, сопровождавшиеся осмотром оврагов, в радиусе километров на 15 от Костёнок, не дали, однако, определённых результатов.

Кроме того, после раскопок в Костёнках, нами вместе с Заведующим историческим отделом Воронежского Краеведческого Музея И. Д. Смирновым и Д. Д. Леоновым, была совершена поездка с целью разведок палеолитических местонахождений вверх по Дону в направлении Конь-Колодезя и Задонска. Был осмотрен ряд пунктов находок четвертичной фауны. В Конь-Колодезе получено указание на существование стоянки в виде находки палеолитического нуклеуса из местного валунного камня.

Общим итогом поездки, проходившей в очень неблагоприятных условиях из-за позднего времени года, является подтверждение нашего предположения, что течение Дона между Костёнками и Гагариным – двумя важными пунктами палеолитических находок – дает картину вполне благоприятную для систематических разведок на палеолит.

П.П. Ефименко

ГАИМК

11 января 1934 г.

Приложение №6

Дневник Костёнковской экспедиции 1936 г.

Начато 28 июля 1936 г. Окончено 16 августа 1936 г. // РО ИИМК РАН. Ф. 2.

Оп. 1. 1936. №334. Л. 68–72.

28 июля. Просьба начальника экспедиции П. П. Ефименко о выделении 2 научных сотрудников от Областного краеведческого музея Д.Д. Леонова и Н. В. Валукинского удовлетворена частично. С 29 июля Областным краеведческим музеем с разрешения Воронежского областного комитета командировается в распоряжение начальника экспедиции Н. В. Валукинский и

со второй половины августа месяца будет командирован Д. Д. Леонов. В 18.30 часов начальник экспедиции П. П. Ефименко и Н. В. Валукинский отбыли на моторной лодке по р. Воронеж и далее по р. Дон в с. Костёнки. Скорость лодки не превышала 12 км/ч, а временами на мели значительно замедлялась. Ночь застала нас на полдороге и осложнила ориентировку на месте. Намеченный пункт остановки был потерян и только резко изменившийся рельеф местности за Костёнками дал возможность установить местонахождение лодки, т. е. после того, когда спереди был чётко вдали виден бугор Борщевского городища. Было около 23-24 часов. За поздним временем пришлось переночевать на лугу.

29 июля. П. П. Ефименко отправился в с. Борщёво к мосту для выбора и разбивки места для работы, Н. В. Валукинский был направлен в Покровский лог с. Костёнки для заключения договора с владельцами усадьбы на предмет снятия с участка посадок, грунта, вишни и проч. Договор заключен с условием оплаты владельцу 450 рублей, за отсутствием председателя сельского совета договор не был утверждён.

30 июля. Утверждён председателем сельсовета договор. Начат набор рабочей силы. Из старого состава рабочих не оказалось в селе Алексея Аристов, т. к. находился в РККА. Владимир Андреевич Караблин, Григорий Матвеевич Бородин, Алексей Петрович Гарманов председателем колхоза «Красный кооператор» не отпускается. Необходимо согласовать вопрос с Гремяченским районом Работы вынуждены отложить до 1 августа. Завтра необходимо выехать в район в с. Гремячье и просить вербовки от колхозов «Красный кооператор», «Красной армии» и им. С. Будёного» 10 человек рабочих, включая, по возможности, работавших на раскопках. Местом пребывания экспедиции было все дни село Александровка и дом И. В. Гончарова.

31 июля. П. П. Ефименко выбыл в Ленинград на моторной лодке, с ним до с. Гремячье следовал Н. В. Валукинский. Отправка назначена была в 8 часов утра, но мотор лодки оказался не исправным. Вдоль села Костёнки по

р.Дону лодка двигалась с остановками для направления в течении 4 часов и прибыли в с. Гремячье в 1 час дня. В Райсполкоме было написано заявление от экспедиции с просьбой отпустить старых рабочих, заявление принял секретарь, т.к. председатель был занят. В сельсовете с. Костёнки дали распоряжение колхозу «Красный кооператор» об отпуске трёх старых рабочих. Колхоз отпускает только одного – товарища Караблина (Кариблина). Приступлено к набору новых рабочих. Окончательный набор будет проводиться в 7 часов 1 августа, рабочим предложено явиться на работу на место. Стоят жаркие дни. Ветра почти нет. Дождя в с. Костёнки не было с апреля месяца.

1 августа. Начаты раскопки старых раскопов. Колхоз «Красный кооператор» выделил из аграрных работ товарищей Караблина, Бородина и Гарлюкова. Из колхоза им. Тельмана явились Фокин и Жестоклатов (Тестоклатов). Всего работало 5 человек. Вспахана посадка картофеля и убран картофель. Находки незначительны. Осколки кремня, чаще повреждённые кости и мергель. Нашупаны стенки раскопок, глубина взята 0,3 – 0,5 м. Всего поднято около $(4 \times 8 \times 0,4) = 12,3 \text{ м}^3$ или на одного рабочего около $2,5 \text{ м}^3$. Ввиду жаркой погоды договорено с рабочими начинать работу в 6 часов утра и заканчивать в 3 часа дня с перерывами с 12 до 1 часа дня на обед.

2 августа. Начата работа с 6 часов утра. Работало 7 человек, из них двое, как выяснилось в процессе работы, несовершеннолетних. Начато вскрытие раскопа над второй землянкой, в среднем дано каждым рабочим $2,1 \text{ м}^3$, всего $21,9 \text{ м}^3$. Находки незначительные, 1 кремневых орудий, осколки кремня, камень. Жаркая погода сильно мешает работе, несовершеннолетние рабочие отсторонены (отстранены). Колхозник Аристов (живущий в северной части квартала) заявил, что при углублении выхода в своей усадьбе им обнаружены кости животных. Вчера выдали аванс в счёт договора владельцам Сысоеву и Юрьеву за снятие насадок с участка.

3 августа. Работало 10 человек. Крайне трудно было определить юго-восточную стенку 3-го раскопа над землянкой 1, в результате дело сделано. Повреждение старой стенки. Не найдены стенки северо-востока над землянкой №2. Выброс земли отложен выкидом только на две стороны вместо четырёх. Находки незначительны, осколки кремня, кости, камень. При тщательном осмотре мергеля, щебня, мела признаков поделок не встречается. Вверху неясности принадлежности костей к стоянке, приходится брать и сомнительный материал, как-то 1 нез. фаланга, 1 позвоночника, 1 мергель со случайными торцами. Вырыто всего над первой землянкой $(4 \times 7 \times 1,10) = 30,8 \text{ м}^3$, над второй землянкой $(4 \times 7 \times 0,1) = 25,2 \text{ м}^3$, всего 56 м^3 , что составляет на 23 рабочие единицы по $2,4 \text{ м}^3$. Учитывая возможность вскрытия участка на 355 м^2 при глубине до 2 м, даже не менее 710 м^3 при средней выработке по $2,4 \text{ м}^3$, потребуется 245 рабочих дней, не считая выезд на сторону и засыпку.

4 августа. Под раскопом (землянка №2) установлен «журавль» для откидывания земли. Приобретено 5 ящиков, 3 из пущены в работу, 1 разобран для подстилки под тачку. Начата работа «журавлем», начата зачистка от кольев и сорняков участка между раскопками. Опыт с работой тачками удался. Договорились с заместителем председателя сельсовета П.Т (или Т в смысле товарищем) Фокиным об использовании с старого разобранного моста досок для прокатки тачек. Намечен план земляных работ (см. приложения 1а). По плану все боковые раскопы делать ручным способом или с применением «журавля», центральные с применением тачек. Таким планом достигается расширение площади между старыми раскопами путём увязки площади ~~н-рае~~ в первую очередь и последовательно расширение раскопа четырёхугольника во вторую очередь. Спуску на точках при раскопе благоприятствует уклон (см. продолжение приложения I). Спуску засыпки при глубине до 1,8 – 2 метров будет благоприятствовать искусственный уклон засыпки. Находки незначительные (осколки кремня, кости, мергель).

5 августа. Начато прощупывание 3-го раскопа. Доставлено 5 досок для тачек. Раскоп 1 закончен; землянка очищена от насыпки. Находки незначительны, отходы мела и мергеля. При очистке землянки №2 найдено В.А. Караблиным (бригадным) обломок поделки, напоминающей часть человеческой фигурки из мела, подвергшегося обжигу.

(Л. 70) 6 августа. Выходит суглинок вниз в село Гремяче. Уже установлено, что перевод телеграфом получен, в г. Воронеж для приобретения шнура, лопатки, бумаги и проч. На раскопе охрана была поручена из-под силою рабочему М.Ф. Сысоеву. Между с. Рудкино и с. Костёнки осмотрены кюветы и резервы дорожного строительства, изобилующие валунами мелкими в верхнем слое, подняты разбитые кремневые желваки, но порода их все же не соответствует породе кремня в стоянке (т.е. серых макролитов чернозёма)

7 августа. Работа велась над 2-й землянкой, установлены юго-восточная стена, над 3-м раскопом и поднята полоса на раскопе V. Стеснённость работы встречает при наличии 2 точек. Вести раскоп с полых мест. На участке V/1 найдена слабоустановленная поделка из мергеля, одновременно собраны соединительные (сомнительные, сочленительные?) части поделок, мелкая кость (V/1) мелкого животного, кремни. Работали 11 человек. Сильный сухой ветер (сухой) мешал работе. С 4 часов утра стало облачно, короткое время шёл дождь. Позже всю ночь до утра 8 августа шёл дождь.

8 августа. Дождь прошёл в начале работы. С тачками по скользким досками нельзя было работать. Пришлось изменить план работы. Начаты удлинённые раскопки выше 3-го раскопа на 2 метра (клетка 6). Работа была мало продуктивна и только к концу дня наладилась. Из находок имеется неизвестная часть поделки из мергеля, кремни, кремнёвые орудия, кости животных дроблены. В начатом раскопе на глубину 1 метр обнажён чернозём с малым числом кротовин. Владелец гр. Сысоев заявил протест против

выкладки земли между кустами вишень, хотя договором выкладка на свободные участки земли предусматривалась.

9 августа. День начался заявкой претензий – явился владелец участка Юрьев и заявил протест, это мы засыпали посадки его картофеля, но когда было показано, что завалки нет, он успокоился. Спустя некоторое время прибыл десятник участка дорожных работ т. Аравцев и заявил, что доски старые с разобранного старого моста брать нельзя, когда ему было заявлено, что нам разрешил сельсовет, он заявил, что это не его право, пришлось утверждать, что доски взяты на короткий срок, что ущерб от этого им не будет и что если сельсовет прикажет вернуть, то доски будут немедленно возвращены. Какое его было мнение дальше неизвестно. Он ушёл, по-видимому, согласился допустить пользоваться. На раскопках был председатель и секретарь сельсовета и до прихода т. Аравцева но они о досках ничего не сказали. Работа замедляется отсутствием стационарных тачек и стеснёнными участками для откатывания земли. В среднем за все время выкинуто по 2 м³ на рабочего, так как помимо тачечной перевозки приходится прибегать на перекидку свыше 3 метров. Кроме того, выброс с пятью участков везде поставлено 4 человека, требует осторожности 1 просмотра. Предварительные земляные работы под землянкой №2 закончены.

10 августа. Получено распоряжение от правления колхоза о снятии с земляных работ колхозников артели «Красный координатор». Рабочим объявлено распоряжение, и они не работали, чем ослабилась работа с тачками, т. к. двое из них работали с тачками и оставить тачки не согласились. Закончены предварительные земляные работы на V клетке. Находки незначительные, осколки кремня, горелые кости. В газете «Коммуна» появилась первая заметка об экспедиции.

11 августа. Работа велась с тремя тачками и 11 лопатами, перебой в обеспечении тачками замедляет работу. Создана предварительная договорённость о прилежащей ямки посадок картофеля на участке владельца

Юрьева (сына) и сень с плетнем на участке владельца Сысоева. Продолжена раскопка клетки №6, находки на клетке незначительные: кремни, обугленные мелкие отсколы кости, мергель. Прибыл т. П. И. Борисковский с тремя сотрудниками.

12 августа. Т. Борисковский остановился временно в помещении штаба экспедиции в с. Костёнки в доме Сысоева. Им начат набор рабочей силы в с. Борщёво. Выходной день. Съехал сразу в Воронеж. Директор Областного музея Ельчанинов заявил т. Валукинскому, что ему разрешается работать в с. Костёнках на раскопках до 18 августа. После чего он обязал выехать в Воронеж. В с. Гремячем расположилась до 14 августа этнографическая экспедиция. во главе с т. Гриньковой из Ленинграда.

13 августа Работа начата с 5 тачками и 14 лопатами. Работало 14 человек. Начата отчистка глинистого слоя. Клетки 3, 5 продолжается рытье в клетке. Т. Борисковский выбыл с сотрудниками в с. Борщёво. День слегка облачный. Находки незначительны, сомнительная меловая поделка, кремнёвые орудия осколки кремня, кости мелких и крупных животных.

14 августа. Работа начата 4 тачками и 14 лопатами. Работало 14 человек. Продолжалось рытье плетня 5/1 – 5/2, и 6/1–6/2. [В] 13 клетке 6/1 встречаются крупные кости, углубление приостановлено. Находки незначительны, сомнительная поделка из мергеля, кремнёвые осколки жжёные осколки кости, кости животных мелких и крупных. Среди дня пошёл дождь. Работа была прервана, после дождя работа с тачками была приостановлена. Работали раскидами, перекидывая землю от выкида снизу. В. А. Караблин ходил 13 августа с товарищами в поле колхоза «Труд», вырыл желтые кремни, кремней аналогичных тем, которые находятся в стоянке не найдено. Учитель т. Левый убеждает, что недалеко от школы он встречал на земле кремни подобные кремням в стоянке, но крайне редко.

15 августа. Срублены груши и вишня на клетке 6-ой. Работа велась 14 рабочими, из них 4 с тачками. Получены 2 тысячи рублей в с. Гремячем.

Начата выдача зарплат. В клетке 6-ой мало материала на дне, больше кости, каковые оставлены на месте до разбора.

16 августа. Работало 9 человек, менее способные сняты. рабочий т. Хрипушин явился ко мне на работу пьяным, за что снят с работы. Замечен второй из старых раскопов. Начата новая клетка 7-ая (уч. 1 и 2-й). По выбросу клетки 6-ой создаётся впечатление, что выход кремня в кротовинах сосредоточен по направлению к корню грунта в клетках 7-й участков 1 и 2 больше выхода кремня к землянке 2-й. Всего поднято 340 м³ пр и затрате за 14 дней в среднем по 10 человек в день по 2,1 м³ на человека, включая вынос на тачках и выброс на расстоянии более 3 м.

17 августа. Работало 9 человек. Клетка 7-ая дает в участке кремни (орудия, осколки), кости, кусочки краски на линии 20-21 и 22-23 (D-B). Встретить узкие поперечные ямы. В участке 2-м встречаются крупные кости, но остальные подъёмы незначительны. В участке 1-м особенно интересна ямка из серозелёного сланца. Ночь с 19 ч. на 15 августа и с 18 ч. на 07 августа в соседнем помещении (без перегородки) сопровождалась разгулом. Пьянствовали, пели и плясали «деятели» «Красного кооператора». В результате в ночь на 07 августа были предложения прекратить дебож, в сторону квартиры моей посыпались угрозы с уколами бить, убить и отборной матерщиной. Бессонные ночи, неопределённость в праве оставаться далее на работе, т. к. директор Областного музея заявил, что отпускает только до 18-го августа, слишком частые заявки владельцев о нежелании допускать снятия посадки и расчищения засыпки землёй на территории соседа, посещения квартиры пьяными рабочими Хрипушиным со своим неизвестным товарищем и т.д. крайне взвинчены нервы и работать в таких условиях совершенно невозможно. В 11 часов выехал на так называемом «трамвае» или электричке «Электросваррезаке».

18 августа. Прибыл в Воронеж для выяснения права работать на раскопках далее с выездом. Было 3 часа 30 минут пошёл дождь. Проведена ещё одна бессонная ночь. Бригадиру копачей К. А. Караблину сказано

следить за состоянием раскопа и в случае не явки моей в 7 часов 19 августа работы не начинать.

19 августа. Выезд в Воронеж Директор Воронежского областного краеведческого музея заявил, что дело о истекшей командировке на август месяц с 21 августа прекращает, необходимо выждать членов экспедиции и сдать им дела. Прибыл член экспедиции А. Н. Рогачёв. Выбыл в Костёнки для приёма и сдачи дел.

20 августа. Приём и сдача работы.

Н. В. Валукинский

Всего заполнено 10 страниц.

Расходы

Выдан аванс владельцам участков – Т.Т.

Сысоеву 100 р. и Юрьеву 25 руб. – 125 р.

Выдано на приобретение ящиков 5 шт. за 8 р. – 8 рублей.

Приобретены шнур (3 р.), лопатка, 2 кричка, 1 ручн., 5 нарез. – 9 кп.

Приезд в Воронеж, Гремячье и обратно – 5 руб. 40 коп.

Блокнот.

7 августа. 1 флакон туши. ~~На полушку рыбы и хлеба выдано~~, т.

Куплено для тачек 2 ящика.

12 августа. Автомашина до Воронежа потратил 3 руб.

Приложение №7

Информационные отчёты об археологических экспедициях ГАИМК за 1937 г.

// РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1937. №242. Л. 38, 39

Костёнковская палеолитическая экспедиция 1937 г.

Экспедиция по изучению палеолитических памятников в районе с. Костёнок Воронежской обл. (в составе П.П. Ефименко – начальник экспедиции, старший научный сотрудник А.Н. Рогачев и др.). Работы экспедиции значительно расширяют представление о характере

палеолитических памятников названного района, что относится одинаково как к эпохе мадлена, так и времени менее ранних палеолитических поселений по среднему течению реки Дона.

Особенный интерес представляет открытие (в колхозе им. Тельмана) новой палеолитической стоянки с хорошо сохранившимся жилым сооружением в виде жилища-землянки. Последняя дала значительное количество вещественных находок. Наличие в инвентаре Тельманской стоянки изделий из кремня типично солютрейского облика разрушает сложившееся представление об отсутствии этого рода памятников на востоке Европы.

Раскопки, происходившие на месте другой палеолитической стоянки (Костёнки IV), так же привели к обнаружению жилищ – уже надземного типа, свойственных более поздней поре палеолита.

П. Ефименко. 7 февраля 1938 г.

Костёнковская экспедиция ИИМК АН СССР 1937 года

В 1937 г. в Костёнковско-Борщёвском районе палеолитических местонахождений (Воронежская обл. Гремяченский район) археологической экспедицией Института Истории Материальной культуры им. Н.Я. Марра Академии Наук СССР подвергнуты исследованию два палеолитических поселения, расположенных в большом Александровском логу.

На Тельманской стоянке, открытой экспедицией в 1936 году исследована часть, очевидно, обширного поселения. Здесь вскрыта площадь более 80 кв. м. В верхнем слое лессовидного суглинка на глубине 2-х м. обнаружены остатки полуземлянного жилища округлой формы в диаметре 5,5 м глубиною 0,50-0,70 м. Эта обширная яма была заполнена мощным слоем культурных остатков (кости животных, костные угли, расщепленные кремни и т.д.). Создаётся впечатление, что значительная часть крупных костей мамонта, встреченных в заполнении землянки, попали сюда с перекрытия жилища. Под крупными костями мамонта на полу землянки

почти в центре её обнаружена округлая очажная яма (диаметр 0,80 м., глубиной 0,20 м.) сверхом заполненная золой и костным углём. В заполнении этой землянки, а также около неё в культурном слое собрана значительная и очень интересная коллекция кремневых и костяных орудий. Из кости сделаны шила или проколки и ложила. На первом месте среди кремнёвого инвентаря стояли лавролистые, иногда с выраженным черенком, наконечники копий, приготовленные с помощью типичной солютрейской ретуши. Затем идут орудия на широких пластинах и отщепах, напоминающие мустьерские остроконечник и скребло. Характерно, что резцов здесь встречено совсем незначительное количество и совершенно не найдено типичных концевых скребков. П. П. Ефименко, руководитель экспедиции, на основании этого склонен рассматривать Тельманскую стоянку как наиболее древний памятник верхнего палеолита в Костёнковско-Борщёвском районе. Аналогичные Тельманской стоянки памятники известны в Южной Франции и Северной Испании, на территории же СССР этот типично солютрейский памятник найден впервые.

Экспедиция продолжила раскопки известной с 1927 г. Костёнковской IV палеолитической стоянки. Здесь вскрыта площадь до 400 кв. м. Под мощным слоем чернозёма в слое лессовидного суглинка на глубине 1,5 м. обнаружены остатки очень крупного жилого сооружения, состоящего очевидно из трёх самостоятельных, но непосредственно связанных между собою жилищ. Остатки жилищ в форме неглубоких, но достаточно хорошо выраженных западин (глубина 0,15-0,30 м) заполнены интенсивно окрашенным культурным слоем, содержащим мелко дробленные кости (мамонта, лошади, других животных), очень много расщеплённого кремня и пр. Эти три западины имеют овальную форму и вытянуты с запада на восток почти по прямой линии, касаясь концами друг друга. Размер западного жилища: в длину 14-15 м. При обычной ширине 5-6 м. Восточное и среднее жилища по размерам равны между собой: их длина не превышает 9 м. По осям длины всех трёх западин, являвшихся остатками жилых сооружений

расположены на равном расстоянии друг от друга небольшие очажные ямки, заполненные зольной массой чёрного углистого цвета. В западном жилище, часть которого была исследована ранее С. Н. Замятниным и П. П. Ефименко, встречено три очага, один - западном конце, два другие расположенные рядом в восточном. Восточное жилище имеет три очага и среднее – четыре. Все десять очажков-ям вырыты в древнем полу жилья; они округлы (диаметр 0,6-0,70 м.) и неглубоки (0,07-0,65 м.). В некоторых из них встречено большое количество обожжённых кремней.

В результате раскопок этого года коллекция пополнилась значительным количеством пластинок с притупленным краем и пластинок с подтеской концов. Вполне вероятно, что путем изучения этих двух загадочных инструментов при помощи значительного увеличения, нам удастся определить их назначение. Кроме того, коллекция содержит незначительное количество скребков, резцов, острий из кремня, и немного костяных шил. Встречены просверленные раковины, являющиеся украшением, а также просверленные у корня клык, очевидно песка, совершенно подобным находкам из Тельманской стоянки. Исследование обоих этих поселений намеренно продолжить в 1938 г.

Заместитель начальника экспедиции А. Рогачёв 7 февраля 1938 г.

Приложение №8

Краткие сведения по результатам полевых исследований Костёнковской палеолитической экспедиции под руководством П. П. Ефименко¹

¹Краткие сведения составлены автором работы по результатам анализа информации из архивных данных и литературы: РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1923. Д. 76; РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1927. Д. 226; РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1928. Д. 218; РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 866; РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1931. №868; РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 869; РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 870; РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 871; РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1932. Д. 254; РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1932. Д. 256; РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1933. Д. 184; РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1933. Д. 247; РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1933. Д. 254; РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1933. Д. 255; РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 387; РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1935. Д. 1; РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1936. Д. 395; РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1936. Д. 416; РО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1937. Д. 242; МАЭ РАН. №868; Борисковский П. И. Раскопки Борщёвской второй

Костёнки 1/1

1923 г. За весь период работы экспедиции группа П. П. Ефименко заложила на стоянке Костёнки 1/1 2 шурфа. Первый (квадраты Q-R-1-8; Рис. 40) представлял собой траншею около 15 м, проходящую в саду крестьянина М. Е. Юрьева (раньше им владел Ф. А. Мануйлов) через место раскопок И. С. Полякова. О результатах изучения этого участка П. П. Ефименко сообщил

палеолитической стоянки в 1936 г. // Советская археология. – 1940. – №5. – С. 281–285; Ефименко П. П. Статуэтка солютрейского времени с берегов Дона // Материалы по этнографии. – 1926. – Т. 3. – Вып. 1. – С. 139–142; Ефименко П. П. Экспедиция для изучения палеолитических культур // Сообщения ГАИМК. – Ленинград: Издание Государственной академии истории материальной культуры, 1926. – Т. 1. – С. 319–320; Ефименко П. П. Некоторые итоги изучения палеолита СССР / П. П. Ефименко // Человек. – 1928. – №1. – С. 45–59; Ефименко П. П. Палеолит СССР. Итоги и перспективы его изучения / П. П. Ефименко // Сообщения ГАИМК. – Ленинград: Издание Государственной академии истории материальной культуры, 1931. – №3. – С. 7–9; Ефименко П. П. Итоги работ в Костёнках // Проблемы истории докапиталистических обществ. – 1934. – №4. – С. 64–71; Ефименко П. П. Палеолитические стоянки Восточно-Европейской равнины // Труды II Международной конференции Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы. – 1934. – Вып. 5. – С. 88–113; Ефименко П. П. Первобытное общество. – Ленинград: Государственное социально-экономическое издательство, 1938. – 636 с.; Ефименко П. П. Село Костёнки, 1934 г. // Археологические исследования в РСФСР. 1934–1936 гг. – Москва: Издательство Академии наук СССР, 1941. – С. 154–156; Ефименко П. П. Село Костёнки, 1936 г. // Археологические исследования в РСФСР. 1934–1936 гг. – Москва: Издательство Академии наук СССР, 1941. – С. 156; Ефименко П. П. Палеолитическая стоянка Борщёво II // Материалы и исследования по археологии СССР. – Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1953. – С. 56–111; Ефименко П. П. Первобытное общество. Очерки по истории палеолитического времени. – Киев: Издательство Академии наук Украинской ССР, 1953. – 663 с.; Ефименко П. П. Тельманское палеолитическое поселение (раскопки 1937 г.) // Материалы и исследования по археологии СССР. – Ленинград: Издательство Академии наук СССР. – 1957. – Вып. 59. – С. 191–234; Ефименко П. П. Костёнки I. – Москва: Издательство Академии наук СССР, 1958. – 452 с.; Литвинов М. В. Раскопки в Костёнках / М. В. Литвинов // Коммуна. – 11 сентября. – 1937. – С. 234; Замятнин С. Н. Экспедиция по изучению культур палеолита в 1927 г. // Сообщения ГАИМК. – Ленинград: Издание Государственной академии истории материальной культуры, 1929. – Т. 2. – С. 209–214; Рогачёв А. Н. Палеолитическое поселение Костёнки IV // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – 1940. – Вып. 4. – С. 36–41; Рогачёв А. Н. Предварительные сообщение о работах Костёнковской экспедиции в 1936 г. / А. Н. Рогачёв // Советская археология. – 1940. – №5. – С. 278–281; Палеолит Костёнковско-Борщёвского района на Дону. Некоторые итоги полевых исследований. – Ленинград: Наука, 1982. – 286 с.; Аникович М. В. Палеолит Костёнковско-Борщёвского района в контексте верхнего палеолита Европы. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2008. – 304 с.; 82. Синицын А. А. Костёнки 14 (Маркина гора) как опорный разрез культурной изменчивости палеолита Восточной Европы на фоне климатической изменчивости МИСЗ // Пути эволюционной географии. – Москва: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт географии РАН, 2016. – С. 707–713; Костёнки 8 (Тельманская стоянка). – Санкт-Петербург: Институт истории материальной культуры РАН, 2025. – 278 с.

следующее: «Передняя, т.е. обращённая на ЮВ, к главной улице села и руслу оврага, половина нашей траншеи не дала никаких находок, если не считать небольшого пятна культурного слоя, замеченного в стене раскопа со стороны плетня, приблизительно в 2 м от этого конца траншеи. Зато последние 7 м. прошли по культурному слою, общий характер которого был описан уже Поляковым. Приблизительно половина этого пространства была занята упомянутой ямой Полякова. На площади около 6 м² в этом слое было собрано значительное количество кремня, в том числе порядочно орудий и две вещи из мергеля – фигурка мамонта и «подвеска» округлой формы с отверстием в середине. Принимая во внимание сравнительно значительную мощность культурного слоя, приходится думать, что здесь проходила жилая яма, которую мы опишем в дальнейшем. Следует отметить, что находки группировались здесь в пределах резко очерченной площади, что нами и было отмечено в дневнике раскопок: слой с палеолитическими остатками входил углом в наш раскоп со стороны соседней усадьбы».

Второй шурф размером 5х2 м (квадраты Е-I-6-8; Рис. 40) был заложен на Аносовом дворе, ранее принадлежавшем А. Г. Фокину, рядом с местами раскопок А. И. Кельсиева. В центре его обнаружилась яма-хранилище 0,6х0,6 м и глубиной 0,5 м. Она отчётливо выделялась благодаря своему заполнению, состоявшему из угля, фрагментов костей и кремнёвых изделий. Все предметы были окрашены в красный цвет, что говорит об использовании охры. На дне ямы группа П. П. Ефименко нашла женскую статуэтку из кости мамонта высотой 90,5 мм. Она стала одним из первых свидетельств палеолитического искусства на территории Русской равнины. По мнению Петра Петровича, подобные фигурки носили культовую, эстетическую и социальную функции.

В результате проведённых работ была собрана богатая коллекция изделий периода верхнего палеолита, насчитывающая, согласно инвентарной описи МАЭ РАН под №4464, 1219 единиц. Сырьём для них послужили чёрный и цветной кремль, кости животных, зубы и бивни мамонта, мергель,

кварцит, сланец и песчаник. Формы первичного раскалывания немногочисленны: всего один призматический нуклеус. Заготовки разнообразны: в коллекции присутствуют изделия из микропластинок (4 пр.), пластинок (50 пр.), пластин (284 пр.), фрагментов (116 пр.), отщепов (70 пр.). В большинстве своём, они покрыты патиной светло-серого и голубого оттенков. Кремнёвый инвентарь включает в себя скребки, комбинированные орудия, наконечники (листовидные и с боковой выемкой), острия, резцы, ножи костёнковского типа, долотовидные изделия, микроорудия, микропластинки и пластинки с притупленным краем. В качестве приёмов вторичной обработки представлены различные виды ретуши (притупливающая и приостряющая), формирование резцового скола, чешуйчатая подтёска. Костяные изделия представлены проколками, мотыгой/долотом, ложилами, костяной пластиной и костью с насечками, предметами искусства мелкой пластики - женской статуэткой из кости мамонта.

На основе полученных результатов П. П. Ефименко сделал вывод, что «место находок имеет вид огромного, но достаточно замкнутого в определённых границах, скопления всевозможных отбросов обитания, в целом распространяющегося на довольно значительную площадь». Стоянку он датировал периодом существования культур позднего ориньяка и раннего солютре (20–15 тыс. лет назад). Кроме того, опираясь на этнографические параллели, выявленные в шурфах объекты и добытые статуэтки, Пётр Петрович предположил, что на территории Костёнок могли существовать поселения с искусственными жилищами. Однако для подтверждения или опровержения этой теории необходимо было продолжить исследования на стоянке, что и осуществилось. В 1924 г. Д. Д. Леонов вместе с М. Е. Фосс провели на стоянке Костёнки 1/І сбор подъёмного материала, а после, в 1926–1936 г., Костёнковская экспедиция под руководством П. П. Ефименко осуществила новые раскопки.

1926 г. Спустя 3 года после экспедиции 1923 г. группа исследователей во главе с П. П. Ефименко развернула новые работы в районе Костёнок 1/1. По своему характеру они являлись небольшими разведками территории с целью выявления следов обитания древних людей. В результате, был выявлен новый жилой комплекс, известный сейчас в отечественной историографии под номером 3. В дальнейшем, уже в 1957 г. заложенный Петром Петровичем шурф был расширен приблизительно на 15 м² А. Н. Рогачёвым. Здесь обнаружались ямки и западины, окрашенные охрой. Фаунистических остатков было найдено немного. В основном, они представляли собой кости мамонта и их фрагменты. Главной особенностью комплекса стало большое количество расщеплённого кремня. Коллекция кремнёвых орудий состояла из пластинок и микропластинок с притупленным краем, скребков, резцов, наконечников с боковой выемкой, пластин с ретушью, определённых в дальнейшем, как ножи костёнковского типа.

1931 г. После 5-ти летнего перерыва, 1931 г., Костёнковская палеолитическая экспедиция во главе с П. П. Ефименко провела на стоянке Костёнки 1/1 новые исследования, ознаменовавшие следующий этап в изучении памятника. Целью их являлось изучение культурных остатков в их отношении к месту населения и жилищу. Для её реализации изначально был заложен шурф размерами 10х2 м. В нём обнаружались кремни и обломки костей. После раскоп был продолжен новым шурфом 9х10 м с таким расчётом, чтобы охватить всю предполагавшуюся площадь культурного слоя. В её пределы включились целиком участки, исследованные в 1915 и 1923 г. На противоположной стороне раскопа группа П. П. Ефименко заложила новый шурф 2х10 м для ориентировки в условиях, как со стороны перекопанности, так и в отношении выявленных находок в чернозёме. Здесь обнаружались шурфы И. С. Полякова, А. И. Кельсиева (квадраты В-С-4-8, В-С-8-10, О-Р-1-4, Н-11-12, F-12, Н-12; Рис. 40), С. Круковского (квадраты D-С-10; Рис. 40). Также расчистке подвергся участок, раскопанный в 1922 г. С. Н. Замятниным (квадраты N-О-6; Рис. 40).

В результате, была изучена территория размером 145 м². Если ориентироваться на общий план памятника П. П. Ефименко, то она охватила линии А, В-6-10, С-N-1-10, F-H-11-12, О, Р-1-9 (Рис. 40). В дневнике Петра Петровича 1931 г. упоминалось о раскопе квадрата О-10. Следует отметить, что не менее 25–30% изученной площади оказалось полностью снято или сильно повреждено в результате старых раскопок. Однако уцелевшая территория с множеством хозяйственных ям разного назначения смогла дать представление о характере внутреннего пространства, занятого Костёнками 1/І. В её пределах выявились следующие объекты: 1. Отдельные скопления костей с кремнем, охрой и углём. 2. Два больших жилых углубления. Первое представляло собой ямку правильной формы, заполненную ярко окрашенным культурным слоем. Её перекрывала группа крупных костей. В свою очередь, второе углубление имело форму овальной ямы, на дне которой находилось несколько крупных пластин. Особый интерес у исследователей вызывало ещё одно похожее углубление. Оно представляло собой яму глубиной от -0,35 до -0,60 м, наполненную угольками и кремнёвым материалом. Её покрывало крупное скопление костей, состоявшее из бивней, зубов и расколотых костей. К сожалению, в связи частичными разрушениями от шурфа А. И. Кельсиева и несовершенством методики на тот момент, предназначение этого места определить не удалось. С последующими раскопками этот объект было идентифицировано, как яма-кладовая. 3. Четыре очага. Они были заполнены ровным слоем обожжённых костей и золы и имели правильную полукруглую форму. 4. Ямы и западины с культурными остатками. В основном, представляли собой углубления размерами от 35 до 75 см в длину и от 20 до 50 см в ширину. Они оказались наполнены фрагментами костей, кремнёвыми изделиями. Иногда попадались комки краски (охры). Изначально предназначение этих ям и западин исследователям было не до конца понятно. Со временем, благодаря новым исследованиям, эти объекты определились, как ямы-хранилища. Вместе с этим, экспедицией обнаружился целый ряд шурфов, заложенных ещё И. С. Поляковым, А. И. Кельсиевым, С.

Круковским и С. Н. Замятниным. В центре нового раскопа сосредоточился участок разведочных работ 1923 г. Таким образом, не менее 25–30% изученной площади оказалось полностью снято или сильно повреждено в результате старых раскопок. Однако уцелевшая территория с множеством хозяйственных ям различной величины, формы и разного назначения всё же смогла дать представление о характере внутреннего пространства, занятого Костёнками 1/І. Наличие внутри него двух больших жилых углублений и четырёх очагов, перекрытых толстым слоем культурных остатков в виде раздробленных костей животных, угля, расщеплённых кремней позволило П. П. Ефименко прийти к заключению, что здесь находилось хорошо защищённое и прочно обжитое жилище.

В ходе раскопок 1931 г. была получена довольно весомая коллекция фаунистических остатков, отличающаяся разнообразием материала. Она включала фрагменты трубчатых, плечевых и берцовых костей, обломки рёбер, фаланги, зубы, бивни, остатки черепов и позвончиков. По видовому составу выделялись следующие животные: мамонт, волк, лошадь, лисица, заяц, сайга, северный олень.

Каменный материал со стоянок 1931 г. также разнообразен. В качестве сырья здесь представлены как чёрный меловой кремнь, так и кварцит. Из них создавались как формы-заготовки (пластины, отщепы), так и орудия. Последние подразделялись на следующие типы: резцы, скребки, наконечники с выемкой, долотовидные изделия (обозначенные как *pièces esquillées*), пластины с ретушью. Немало обнаружено поделок из мергеля. Они были представлены головками мамонта, женскими статуэтками (Рис. 42), подвесками. Коллекция костяных изделий состояла из фрагмента острья, пластинки и рёбра с поперечными насечками. Уникальным артефактом в ней стал выпрямитель, он же «жезл начальника».

В целом, благодаря исследованиям 1931 г. были выявлены следы и конструкции целого жилого комплекса. Применённый П. П. Ефименко метод раскопок широкими площадями дал свои результаты. Однако охватить

полностью место залегания культурных остатков и тем самым выяснить их характер и план расположения не удалось на то, что площадь сплошного обитания выходила во все стороны за пределы раскопа. Требовались новые работы для уточнения границ скопления культурных остатков.

1932 г. В 1932 г. раскопки стоянки Костёнки 1/І были продолжены. Они сосредоточились на квадратах І-N–11-20 (Рис. 40). Как описывал в своих трудах П. П. Ефименко, изученная площадь, без учёта двух небольших шурфов С. Круковского и ям неизвестного происхождения, представляла собой часть хорошо сохранившегося жилища, пол которого оказался изрытым целой сетью углублений различных размеров. Последние, по предположению исследователя, могли быть хранилищами. Интересной особенностью раскопанного участка являлось преобладание небольших ям и западин, часто формировавших единые группы.

В ходе исследований 1932 г. была собрана богатая фаунистическая коллекция, включающая довольно обширный разнообразный материал: бивни и их обломки, лучевые, локтевые, пястные, плюсневые, предплюсневые, сесамовидные, тазовые, плечевые, берцовые, бедренные, пяточные кости; лопатки; рёбра; эпифизы; зубы; астрагалы; фрагменты челюсти; затылочные части черепа, коленные суставы. Они принадлежали следующим видам животных: мамонт, волк, лисица, заяц, бык, медведь, пещерный лев и т.д.

Кремнёвых орудий в этот полевой сезон было выявлено относительно немного – 644, из которых 420 оказались сломаны. Среди них выделялись наконечники с боковой выемкой, листовидные наконечники, скребки, резцы, пластины с усечённой спинкой, пластины с подтёской.

Что касается предметов искусства, то их было выявлено мало. В основном, это были крупные поделки неопределённой формы, фрагменты фигурок животных, ложило из ребра мамонта, подвески, стержни. В качестве сырья для них применялся мергель, кости, раковины.

1933 г. В следующем 1933 г. перед Костёнковской экспедицией встал ряд важнейших задач. Помимо продолжения ранее начатых работ в Костёнках 1/1 планировалось обнаружить место выходов мелового кремня, куда приходили древние обитатели стоянок Костёнок и Борщёво для добычи материала. Кроме этого, планировалось начать разведки палеолитических месторождений, расположенных выше по течению Дона. Для реализации вышеперечисленных задач работы экспедиции развернулись в трёх направлениях.

Первое направление заключалось в раскопках жилищного комплекса. В 1933 г. экспедицией было заложено 2 раскопа. Первый размерами 4x8 м включал очаги с заполнением в виде золы и костного угля, скопления костей мамонта, а также ямы в полу жилья, напоминавшие объекты 1931 г. Кроме этого, выявились 2 участка, раскопанные С. Круковским, и узкая канава, прорезавшая культурный слой. Объект соответствовал по плану П. П. Ефименко площади квадратов Е-Н-13-20 (Рис. 40). Второй раскоп (квадраты О, Р – 9-12 и Q, R-10-12; Рис. 40) размером 12 м в длину содержал по всей площади богатые скопления костей мамонта. В результате, здесь выявилась достаточно глубокая двухкамерная землянка с очагом. Немалое значение при раскопках имело то, что в ходе их обнаружили следы нижнего более древнего горизонта. Они представляли собой целые слои мелового щебня и отдельные кости животных. К ним примыкали каменные изделия, представленные наконечниками с боковой выемкой, остриями, резцами, долотовидными орудиями, а также сколами различных форм и желваками.

Вторым направлением стал поиск месторождения кремня. Для этого А. Н. Рогачёв и С. А. Семёнов провели ряд разведок в районе водораздела Дона и Оскола в радиусе 15 км от Костёнок. Однако они не принесли каких-либо результатов.

Третье направление было связано заведующим историческим отделом Воронежского краеведческого музея И. Д. Смирновым и старшим научным сотрудником Д. Д. Леоновым. Они совершили поездку вверх по Дону в

направлении Конь-Колодези и Задонска с целью выявления новых палеолитических месторождений. В результате, был осмотрен ряд пунктов, где были обнаружены кремнёвые изделия верхнепалеолитического периода. В частности, в Конь-Колодези исследователи нашли нуклеус из местного валунного камня.

Немалое значение для экспедиции 1933 г., которое можно выделить в качестве отдельного направления, стали исследования фаунистических остатков из выявленного нижнего культурного слоя, осуществлённые сотрудниками Воронежского сельскохозяйственного института В. И. Громовым и П. А. Никитиным. Благодаря им удалось выяснить, что в состав фауны млекопитающих участка входила антилопа-сайга, совершенно неизвестная на более поздних стоянках Костёнок и Борщёво.

Итогом экспедиции, по мнению П. П. Ефименко, стала выявленная землянка, богатая коллекция фаунистических остатков, обнаружение нового слоя и подтверждение его теории, согласно которой между Костёнками и Гагарино сосредоточен ряд палеолитических памятников.

1934 г. В 1934 г. внимание Костёнковской палеолитической экспедиции сосредоточилось на исследованиях древних жилищ. Первым раскопом (квадраты О-Р-9-15; Рис. 40) была вновь раскрыта землянка, обнаруженная в 1933 г., точно выяснено расположение бивней на полу первой камеры и до конца изучены второе, дальнейшее её помещение и расположенная за землянкой большая хозяйственная яма. Во втором раскопе, заложенном западнее (квадраты β – 10-15; α, А-D-10-17; Е-11-12; Рис. 40), исследователи обнаружили новую землянку двухкамерного типа, заполненную костями мамонта. На недалёком расстоянии от неё была изучена необычная яма, сплошь набитая костями животных, костным углём и золой. С точки зрения П. П. Ефименко, на этом месте раньше находилась однокамерная землянка.

Вскрытая двумя раскопами территория продемонстрировала, что жилые землянки и ямы-кладовые сосредоточились по обеим сторонам от

линии очагов, непосредственно у окраины жилого пространства, часто выходя за его пределы. За ней культурный слой резко прерывался. В связи с этим, перед исследователями вставал вопрос: насколько простирается жилое пространство? Для ответа на него экспедицией было заложено ещё 6 раскопов. В результате, в третьем раскопе (квадраты I-O-1-3; Рис. 40) обнаружилась яма-кладовая; в четвёртом (квадраты F-N-21-27; Рис. 40) – 2 очага с ямами-хранилищами и фрагментами больших трубчатых костей рядом; в пятом (квадраты R-V-2-8; Рис. 40) – яма-кладовая; в седьмом (квадраты K-34-38; Рис. 40) – место выклинивания культурных остатков; в восьмом (квадраты Q-Y-25; Рис. 40) – небольшое скопление кремнёвых изделий и дроблёной кости. Шестой участок (квадраты β-28-32; Рис. 40) оказался вне пределов жилья.

1936 г. Исследования стоянки Костёнки 1/1 экспедицией под руководством П. П. Ефименко завершились в 1936 г. За большой полевой сезон с июля по октябрь группой Петра Петровича был заложен 1 крупный раскоп. В ходе его изучения П. П. Ефименко были выделены 4 участка концентрации культурных остатков. На первом (западном) месте (квадраты γ-18-21, β-16-32, α, A-E-18-32; Рис. 40) по краям жилой площадки обнаружили 4 ямы-кладовые и западины, вырытые в полу. На всём пространстве в культурном слое попадались мелкие обломки костей. Здесь обнаружили 4 шурфа С. Круковского. Второй (центральный) участок (квадраты F-N-27-32; Рис. 40) примыкал к раскопу 1934 г. Как и там, в нём выявились 2 очага, по обеим сторонам которых располагалось значительное число больших западин неопределённой формы с вкопанными по краям их фрагментами трубчатых костей мамонта. Непосредственно за ними простиралось хорошо обжитое пространство с рядом ямок-хранилищ, заканчивавшееся большой хозяйственной ямой. Третий участок (квадраты O-R-15-32; Рис. 40) охватил восточную часть жилого пространства. Здесь выявились ранее исследованная яма-кладовая, 2 западины подтреугольных очертаний, заполненные толстым слоем костей мамонта и кремней, а также

большая хозяйственная яма-кладовая. Последний, четвёртый участок (северный) (квадраты А-О-33-37; Рис. 40) пришёлся на самый дальний конец жилой площадки. Здесь исследователи нашли новую землянку. Она представляла собой полуподземное помещение со следами заброшенности и разрушений. В целом, изученная за полевой сезон 1936 г. территория была сплошь покрыта мощным слоем культурных отложений. По её центральной оси выявилось 2 очажные ямы (в диаметре 1–1,20 м), заполненные золой и костным углём. Толщина слоя достигала 40 см.

Для завершения общей конфигурации экспедиция вскрыла небольшой участок в западной части стоянки, расширила площадь основного раскопа в районе восточных границ. Все расширяющие зоны охватили квадраты β, α-1-9, А-В-1-5, S-9-24, Т-12-18 (Рис. 40). Однако они оказались вне пределов жилища. Зато обнаружилась западина бобовидной формы с небольшим скоплением кремней и костей.

В результате исследований 1936 г. была вскрыта площадь свыше 600 м², обозначить границы жилого пространства и изучить все находившиеся в его рамках скопления культурных остатков. Кроме того, удалось собрать богатую коллекцию находок. Костяные изделия были представлены весьма интересными артефактами: стержней из бивня мамонта, ложилами из ребра крупного животного, тазовыми костями со следами насечек, мотыгами. Каменные орудия также были разнообразными. Исследователями выделялись следующие их типы: наконечники с боковой выемкой (Рис. 42), лавролистный наконечник (Рис. 44), резцы (Рис. 47), скребки (Рис. 48). Помимо этого, были собраны интересные предметы искусства, такие как женские статуэтки (Рис. 51) и их фрагменты из мергеля, фигурки животных (Рис. 52) и их обломки, подвески.

В результате многолетних исследований был накоплен богатый материал, который позволил П. П. Ефименко дать подробное описание и привести свою трактовку стоянки. Согласно его выводам, на Костёнках 1/І прослеживалась обширная жилая площадка удлинённых, явственно овальных

форм, размерами 36х14-15 м, ориентированная с северо-запада на юго-восток. Она очерчивалась как мощным культурным слоем, так и цепью расположенных по её окраинам ям. Одни из них носили характер хорошо утеплённых жилых помещений. Другие, в свою очередь, представляли собой хозяйственные ямы-кладовые. Последних насчитывалось 12. По всей длине жилой площадки через центр проходила сеть очагов (состояла из 9 объектов; 1 очаг сосредоточился в стороне от неё; таким образом, объектов этого типа насчитывалось 10). Ряд углублений и окружавшая их территория являлись наиболее обжитыми частями жилища: здесь преимущественно группировались ямки-хранилища. Кремнёвый материал распределялся неравномерно. Часть его оказалась вынесена по бесчисленным кротовинам, прорезавшим почвенный горизонт во всех направлениях. В целом, коллекция находок составила более 10 000 предметов.

Что же представляла собой изученная стоянка? П. П. Ефименко отвечал на этот вопрос так: «Нарисованная картина допускает лишь одно толкование. Вряд ли в раскрытой нами палеолитической площадке можно усматривать что-либо иное, чем остатки какого-то обширного жилья. Но объяснение его устройства иных, сейчас известных подобных памятников, встречает значительные трудности, на чём нам ещё придётся остановиться в дальнейшем». Несколько иную позицию выдвигал А. Н. Рогачёв. Он отмечал, что здесь мог располагаться древний строительный комплекс.

Таким образом, благодаря работам Костёнковской палеолитической экспедиции 1923 – 1936 гг. на стоянке Костёнки 1/І удалось обнаружить и изучить 1-й и 3-й жилые комплексы. И если первый был разобран полностью, то последний только разведан.

1938 г. и дальнейшие работы. Таким образом, Костёнковской палеолитической экспедицией под руководством П. П. Ефименко удалось изучить 1-й и 3-й жилые комплексы. И если первый был разобран полностью, то последний только разведан. Но на этом исследования стоянки не остановились. В 1938 г. под руководством А. Н. Рогачёва на Костёнках 1 был

заложен новый шурф, в котором выявились следы нового, более древнего культурного слоя, содержащего двусторонне обработанные треугольные наконечники с вогнутым основанием. Тогда же М. Н. Грищенко было начато систематическое изучение геологических условий залегания стоянок Костёнковско-Борщёвского района. В дальнейшем, уже в ходе раскопок 1948–1951 гг. Костёнковская экспедиция обнаружила II жилой комплекс. С 1951 по 1957 гг. и в 1971 г. развернулись работы по его планомерному изучению.

Костёнки 2 и 3

1923 г. Стоянки Костёнки 2 и 3 были открыты в результате работ Костёнковской палеолитической экспедиции под руководством П. П. Ефименко при непосредственном участии С. Н. Замятина и Д. Д. Леонова в 1923 г.

На Костёнках 2 в ходе исследований группа учёных обнаружила остатки культурного комплекса, включавшего кости и уголь. К ним примыкал расщеплённый кремнь.

На Костёнках 3 путём закладки шурфа экспедиция изучила площадь размером в 35 м². В результате, обнаружилось небольшое количество находок, представленных резцом и кремнёвыми пластинами. Их расположение дало пищу для размышлений относительно наличия здесь жилища. Так, П. П. Ефименко отмечал: «Палеолитические остатки занимали небольшую, резко очерченную площадь с утолщением культурного слоя, образовавшимся, вероятно, на месте некогда здесь существовавшего небольшого жилья». К сожалению, документации по этим раскопкам не сохранилось, поэтому нельзя судить о форме выявленных жилищ.

1926–1927 гг. Дальнейшие исследования на стоянках Костёнки 2 и 3 связаны с работами под руководством С. Н. Замятина в 1926–1927 гг. Их целью являлось продолжение изучения ранее выявленных памятников, а также поиск новых следов пребывания в регионе первобытных людей. При

раскопках Сергеем Николаевичем впервые на практике использовался метод бурения. Это помогло определить распространение культурных остатков на площади.

На стоянке Костёнки 2 к западу от раскопа 1923 г. изучалось несколько участков. В результате, обнаружился очаг неправильных, близких к круглым, очертаний, диаметром 3–3,5 м. Он оказался насыщен расщеплённым кремнем и расколотыми костями животных. Коллекция каменных изделий отсюда составила около 1000 находок. Предметы были изготовлены из чёрного мелового кремня. Имелась небольшая доля кварцита и сланца. Техника расщепления пластинчатая. Типы кремнёвых орудий следующие: долотовидные изделия, резцы, скребки, острия, пластинки с притупленным краем. В свою очередь, костяной инвентарь включал мало изделий. Они представляли собой шилья, стержни круглого сечения. Фаунистические остатки представлялись костями мамонта и более мелких животных.

В Костёнках 3 С. Н. Замятниным был заложен раскоп площадью 40 м². Он расширил шурфы Д. Д. Леонова и П. П. Ефименко 1923 г. В итоге, оказался выявлен достаточно мощный культурный слой, однако найденные здесь культурные остатки распределялись неравномерно. Костей обнаружилось немного. Мало нашлось орудий из кремня (всего 100). Таким образом, расширить коллекцию Костёнок 3 не удалось. Согласно сведениям П. И. Борисковского, осуществившего попытку полного освещения памятника, всего во время полевых сезонов 1923 и 1927 гг. было собрано 2200 расщеплённых кремней и 30 кварцитовых отщепов, среди них 10 скребков, 26 долотовидных орудий, 140 резцов и 10 «нуклевидных и макролитических орудий». Костяной инвентарь был незначителен и отличался примитивностью. Включал осколки трубчатых костей и обломки иглы или острия. В итоге, обоими раскопами оказалась вскрыта площадь 13х6 м и выявлен достаточно мощный культурный слой. По внешнему виду и характеру его залегания аналогичен нижним границам выявленной в том же 1927 г. стоянке Костёнки 4.

Костёнки 4 (Александровская стоянка).

1927 г. За полевой сезон 1927 г. С. Н. Замятниным было открыто несколько новых стоянок. Среди них была и Костёнки 4. Её обнаружили в устье сливающихся при впадении в долину Дона двух глубоких оврагов – Александровского и Бирючьего логов, в отложениях первой надпойменной террасы. Там, на краю террасообразного уступа, возвышающегося на 3-4 м над поймой реки учёный заложил 10 шурфов. В дальнейшем, один из них был расширен и охватил площадь 26 м². В результате на глубине 1,50 м был обнаружен выразительный культурный слой, где выявилось небольшое количество орудий из цветного валунного кремня и простейших изделий из костей. На западном и восточном углах его обнаружилось скопление угля и золы.

Кремнёвый инвентарь стоянки отличался разнообразием. Здесь присутствовали следующие типы каменных изделий: 1. микропластинки с притупленным краем; 2. долотовидные формы. 3. скребки; 4. резцы; 5. нуклеусы. Большое количество предметов из первых двух групп и минимальное из четвёртой позволили Сергею Николаевичу поместить Костёнки 4 в одну хронологическую группу, что и Костёнки 2 и 3 – ранняя фаза мадлена. При этом он отмечал специфику её индустрии внутри группы.

Что касается фаунистических остатков, то их было найдено также немного: 2 фрагмента мамонтового зуба, 17 мелких обломков кости, 10 костных углей, а также 206 костей различных животных (мамонта, зайца, волка, хомяка, мышь-полёвку). В целом, вся коллекция археологических находок 1927 г. насчитывает 3270 предметов.

1928 г. Спустя год за Александровскую стоянку взялась группа под руководством П. П. Ефименко. Здесь было заложено два раскопа по 20 м². Один из них примыкал к раскопу С. Н. Замятина. В южном раскопе обнаружился красноватый культурный слой, залегающий на глубине 1,35-1,60 м от дневной поверхности. Его мощность существенно колебалась. По

описанию П. П. Ефименко, культурный слой имел вид тонких примыкающих линз неправильной формы. Во втором раскопе, северном, культурный слой не был выявлен, найдено немного кремнёвых артефактов.

В результате исследований 1928 г. была собрана богатая археологическая коллекция, составившая 3143 предметов. Она включает кремнёвые изделия и костяной материал. Первые представлены пластинками с притупленным краем, долотовидными орудиями, резцами, нуклеусами. Как можно отметить, общий характер коллекции каменных артефактов идентичен собранию 1927 г. Костяной инвентарь невелик и не выразителен. Помимо костяного острья длиной 10 см. в нём присутствует ребро и 14 фрагментов трубчатых костей со следами обработки. Фаунистическая коллекция насчитывает 203 костных остатка и 1 раковину. Она включает кости таких животных, как мамонт лошадь, северный олень, волк, заяц, хомяк. Имеется 1 клык песца. Таким образом, все вышеуказанные данные свидетельствуют о том, что работами П. П. Ефименко был затронут участок поселения, немного отличающийся от предыдущего по характеру материала.

На основе всех полученных результатов Пётр Петрович отнёс Александровскую стоянку, как и Сергей Николаевич, к раннемадленскому времени. Однако он подчеркнул, что инвентарь несёт в себе ориньякские черты – «производство, не обнаруживающее заботы о качестве материала, грубое по приёмам и бедное видами орудий».

Новые исследования на Костёнках 4 связаны с именем А. Н. Рогачёва. Здесь под его руководством за полевые сезоны 1937 и 1938 гг. были осуществлены крупные раскопки, в ходе которых выявились остатки двух больших жилищ. Они располагались почти параллельно друг другу на расстоянии 15-20 м. и относились, по мнению Александра Николаевича, к одному поселению.

1937 г. Первый раскоп был заложен в 1937 г. Его прирезали к предварительно расчищенным раскопам С. Н. Замятнина и П. П. Ефименко и далее, следуя распространению культурного слоя, небольшими участками

было вскрыто всего 400 м². Культурные следы залежали в окрашенном красной охрой суглинке на глубине 1,20 – 1,30 м от дневной поверхности. Они концентрировались в длинном узком углублении длиной до 34 м, шириной до 5,5 м. Его общая планировка и связанная с ним система расположения очагов позволили исследователю, заключить, что это жилище представляло собой длинный дом, состоящий из 3 секций. На местах их соединения наблюдались плавные, но хорошо выраженные уступы. Высота возвышенности между западной и средней секциями достигла 10 см. В свою очередь, граница между средним и восточным отделениями оказалась более полой. Культурный слой был одинаковым во всех секциях. В полу жилища развернулась сеть из 9 очагов и глубоких ямок округлой формы, диаметром от 20 до 35 см и глубиной 30-40 см. Нижняя часть слоя, заполнявшего углубления, содержала большое количество охры и костей зайца. Часто встречались предметы из кости и бивня мамонта.

Самая большая, западная секция достигала размеров 14х5,6 м. Здесь было обнаружено 8000 каменных изделий. Именно эта территория затрагивалась раскопками С. Н. Замятина и П. П. Ефименко. В её пределах обнаружилось 3 чашеобразных очажных углубления диаметром 55-60 см.

Средняя секция имела размеры 9х5,4 м. Здесь сосредоточились 4 очага, первое из которых было перекрыто поверх 4-5 сантиметрового слоя зольной массы суглинка мощностью 6-8 см, не имеющего окрашенности охрой и не содержащего находок. Количество кремнёвых артефактов в этой секции составило 14 000.

Восточная секция достигала 10,5 м длиной. По длинной оси его на расстоянии 2 м друг от друга располагались 3 очага. В самом западном конце отделения выявилось ещё одно углубление, заполненное культурным слоем. Лишь на самом дне были небольшие признаки зольности. Секция дала коллекцию кремнёвых артефактов численностью 13 000 предметов.

В целом, общее количество каменных артефактов из раскопа 1937 г. составило 38 000. Среди них выделяются следующие категории находок:

микропластинки с притупленным краем, долотовидные орудия, скребки, резцы. Также было выявлено большое количество фаунистических остатков – 2957 костей 12 видов разных животных, таких как мамонт, лошадь, волк, песец, заяц. Новыми для этого памятника явились находки шерстистого носорога, пещерного льва, росوماхи, быка.

Таким образом, раскопками 1937 г. был вскрыт крупный жилой комплекс, состоящий из 5 объектов – 3 жилых секции и 2 внешних скоплений находок.

1938 г. В 1938 г. в 15-20 м к северу от предыдущего раскопа группой А. Н. Рогачёва были вскрыты остатки второго большого жилища, состоящего из трёх плотно примыкающих друг к другу углублений. Одно из них оказалось аналогичным вышеописанному длинному жилищу как по устройству, так и по собранной в нём коллекции. Однако в нём не удалось проследить каких-то отделений. Ширина жилища 5,5 м, длина 23 м, глубина 20-30 см. В его полу было выявлено 9 очажных ям, располагавшихся на равном расстоянии друг от друга. Они имели глубину 8-12 см, округлую чашеобразную форму и диаметр 60-70 см. Её заполнение – зола и пережжённые кремни. Как и в случае с жилищем, раскопанном в 1937 г., вместе очагами встречались более глубокие ямки диаметром 20-30 см и глубиной 30-35 см. На их дне обнаружались небольшие гальки из кремнистых пород чёрного и серого цветов. Иногда вместе с ними находились костяные шилья и просверленные раковины небольшого пресноводного моллюска. Попадались обработанные зубы животных, кремнёвые отщепы, поделки из кости. Нижний слой оказался окрашен красной охрой. Кремнёвый инвентарь, собранный при расчистке длинных жилищ, состоял из следующих типов орудий: пластинки с притупленным краем, скребки, резцы. Костяные изделия были представлены шильями и ложилами.

К длинным домам примыкали округлые жилые углубления. Диаметр составлял около 6 м. Культурный слой, заполнявший их, был интенсивно окрашен и отличался от заполнения длинных углублений более тёмным

цветом. В центре обоих округлых жилищ находилось по одному большому очагу диаметром 1 м. Вокруг имелся ряд узких, но глубоких ям, заполненных зольной массой. С точки зрения А. Н. Рогачёва, все эти углубления могли быть земляными печами. В центре жилых углублений около очагов, на полу обнаружались 2 черепа, верхняя челюсть льва, крупный камень и бивень мамонта. Под стенами округлых жилищ встречались загадочные поделки из сланца в форме двояковыпуклых линз с острыми рёбрами величиной от 3 до 8 см в диаметре. Кроме того, встречены 3 небольших сланцевых стержня.

Кремнёвый инвентарь округлых жилищ заметно отличался от изделий длинных жилищ. Он включал очень мало пластинок с притупленным краем и орудий с подтеской. Однако имелось значительное количество резцов и скребков. Также группой А. Н. Рогачёва были обнаружены двусторонне обработанные наконечники копий (2 экземпляра) и листовидные острия. Костяные изделия отличились большим разнообразием: шилья, лощила, стержни из бивня мамонта, мотыгообразные орудия (мотыги/долота). Кроме предметов из кремня и кости на территории округлых жилищ выявлены необычные поделки из мергеля в форме пряслиц с узким отверстием (возможно, это были пуговицы) и кварцитовые изделия.

Различия в характере культурного слоя и инвентаря округлых и длинных жилищ натолкнули Александра Николаевича на мысль о разновременности этих комплексов. Однако он отмечал моменты, частично подтверждавшие их одновременность: наличие ямок с гальками на дне, отдельно встречающиеся гальки.

За пределами границ жилых углублений встречались лишь единичные находки кремней и костей. Но в некоторых местах наблюдались скопления культурных остатков. Всего их было выявлено 4. Они состояли из костей разных животных (в том числе мамонта и лошади), а также пережжённых кремней.

В результате исследований 1938 г. была собрана огромная коллекция каменных и костяных изделий. Она составила 36 500 предметов: 22 000 из

горизонта длинного жилого углубления, 8000 – из западного круглого жилища и 6500 – из восточного. В дополнение к этому, немало было обнаружено украшений, представленных застёжками с перехватом, фибулой в виде острия с уплощённым навершием с зубчатым краем и отверстием в центре, подвесками из трубчатой кости и мергеля. Это богатейшее собрание дополняли произведения искусства: 4 орнаментированных удлинённых предмета из бивня мамонта, 7 схематичных фигурок животных, головка зверя и фрагмент человеческой фигурки (голова). Отличилось разнообразием фаунистическое собрание 1938 г. Оно включало в себя 1295 определимых костей, принадлежавших 16 различным видам животных. Среди них присутствовали остатки мамонтов, лошадей, шерстистого носорога, северного и благородного оленей, песца, россомахи, пещерного медведя, сайги, лисицы, пещерного льва, бобра, кабана, сурка, хомяка.

Что касается возраста памятника, как и Костёнки 2 и 3, стоянка Костёнки 4 датировалась А. Н. Рогачёвым и его предшественниками, раннемадленским временем, на что указывали ему орудия и культурный слой мощностью около 20-30 см, заключённый в делювиальном суглинке первой надпойменной террасы Дона, а также состав фауны, включавший мамонта, лошадь, северного оленя, сибирского носорога, сайги, зайца.

Таким образом, на момент конца 30-начала 40-х гг. XX в. Костёнки 4 воспринимались как однослойный памятник. Однако полученные в результате раскопок 1937–1938 гг. данные уже вызывали у А. Н. Рогачёва серьёзные сомнения. Уже в 1950-х гг. не без влияния результатов раскопок других многослойных памятников, Александр Николаевич стал рассматривать Александровскую стоянку как двуслойную, где культурные слои сближены до слияния, что затрудняло их правильную интерпретацию.

В целом, исследования стоянки Костёнки 4 предоставили ценный материал для реконструкции жизни людей верхнего палеолита. Мало того, что они в очередной раз подтвердили факт наличия у них сложных и прочных жилищ, так ещё и предоставили возможность воссоздать их облик.

Вот какое его описание привёл А. Н. Рогачёв: «Большая мощность культурного слоя (20-30 см) и строгая локализация его в жилых западинах, на ряду с редкими находками кремней вокруг них, заставляет предполагать прочную крышу над этими западинами. Из факта расположения очагов – строго по прямой линии в пределах вышеописанных групп – можно сделать ряд выводов о характере сооружения. Жилища, по-видимому, были без стен и имели шалашевидную форму. Кровля, вероятно, была низкой и у самых краёв углублений соприкасалась с землёй. Как у всех длинных шалашей, кровля с обеих сторон вверху упиралась в жердь, укреплённую на столбах на развилке. Эта конязьковая жердь и близость перекрытия жилища к огню очагов и определяли место каждого очага. Над очагами в крыше были, вероятно, отверстия, как обычно во всех примитивных, отапливаемых очагом жилищах. Поскольку жилище отапливалось очагом, необходима была огнеупорность его крыши, которая, по-видимому, состояла из плотно примыкающих друг к другу жердей, покрытых шкурами животных, а вероятно землёй. При такой конструкции крыши достигалась большая утеплённость жилья».

Костёнки 5

1928 г. В 1928 г. группой во главе П. П. Ефименко при участии П. Н. Третьякова заложил на участке близ устья Святого лога в 300 м от Костёнок 2 небольшой шурф размером 7,5х2 м. В нём оказался выявлен переотложенный, но довольно мощный культурный слой. Он представлял собой нагромождение костей, часто целых, преимущественно принадлежащих мамонту, залегающих в мощном горизонте мелового галечника. Толщина скопления достигала 70 см. В нём было обнаружено небольшое количество кремнёвых орудий (около 140 предметов). Среди них выделяются следующие типы изделий: нуклеусы, скребки, резцы, острия, долотовидные формы, микропластинки с притупленным краем. Помимо

кремнёвых изделий обнаружались немногочисленные обломки белемнитов, раковин и гальки.

Таким образом, была открыта стоянка Костёнки 5. Изначально, как и Костёнки 4, она воспринималась как однослойный памятник. Лишь после работ, осуществлённых в 1949 г. А. Н. Рогачёвым, выяснилось, что здесь сосредоточены остатки 3 культурных слоёв, один из которых (нижний) сопоставляется со слоем, найденным П. П. Ефименко.

Костёнки 6 (Стрелецкая 1).

1927 и 1937 гг. Памятник обнаружен в 1927 г. во время исследований под руководством С. Н. Замятина в Александровском логу. Здесь был заложен шурф, где нашлись мамонтовые кости и отдельные кремнёвые изделия. Изучение стоянки продолжил П. П. Ефименко. Его группа провела разведочные работы. В ходе их было заложено множество буровых скважин и 5 шурфов, лишь два из которых дали материал. В основном, он состоял из орудий из камня и костей различных животных. Дальнейшие работы на Костёнках 6 связаны с именем А. Н. Рогачёва. В 1937 г. его группа раскопала 8 шурфов. Из них 5 дали незначительное количество находок.

Костёнки 7

1926 г. В 50 км к юго-западу от Костёнок 1 группа Ефименко в 1926 г. заложила 3 шурфа. В результате их разбора выявился культурный слой с незначительным количеством кремнёвого и костяного материала. Пункт был выделен Петром Петровичем в самостоятельный под названием Азаровская стоянка. Однако на тот момент он не получил своего номенклатурного номера, поскольку был ошибочно отнесён к Костёнкам 1/1.

На долгое время стоянка не становилась объектом исследования. Лишь в 1957 г. группа А. Н. Рогачёва провела здесь раскопки. В ходе их один из шурфов П. П. Ефименко был расширен на 15 м². По итогам исследований

была собрана значительная коллекция и изучены условия залегания культурного слоя.

Костёнки 8 (Тельмановская стоянка)

1936 г. В октябре 1936 г. одновременно с исследованиями стоянки Костёнки 1 в районе между Костёнками 4 и Борщёво 1 Костёнковская экспедиция открыла новую стоянку палеолитического времени – Тельмановскую, или Костёнки 8. Во время рытья силосной ямы на участке колхоза имени Тельмана один из участников раскопок обнаружил костяные остатки ископаемых животных и кремни. О своей находке он сообщил начальнику экспедиции П. П. Ефименко. Для наглядности А. Е. Фокин принёс несколько фрагментов костей и два каменных изделия. Место находки было сразу же обследовано А. Н. Рогачёвым, констатирующим о наличии здесь культурного слоя. При зачистке пола круглой силосной ямы в её восточной стороне выявились участки с явными следами окрашенности¹. При их разборке выявилось 23 кремнёвых изделия, 3 кварцитовых отщепа и 3 небольших обломка трубчатой кости крупного животного. Костей при зачистке ямы не нашлось. По результатам проведённой разведки А. Н. Рогачёв сделал вывод, что на этой территории находится палеолитическая стоянка, вероятно, мадленского времени.

1937 г. Выявленное поселение вызвало у П. П. Ефименко интерес, и в следующем году он провёл на стоянке новые раскопки. В них принимали непосредственное участие А. Н. Рогачёв, С. Н. Бибилов и В. В. Храмова, а также на короткий срок В. М. Евсеев. На глубинах 3,10–3,30 и 3,72–4,18 м от поверхности, группой П. П. Ефименко были заложены 5 разведочных шурфов. На вскрытой площади исследователи обнаружили остатки округлого жилища диаметром 5,20 – 5,60 м (5,5 м согласно отчёту А. Н. Рогачёва) и глубиной 0,5–0,7 м по типу полуземлянки. Пол в углубленной его

¹Как отмечал в своём дневнике А. Н. Рогачёв: «При зачистке пола круглой силосной ямы, рытье которой было приостановлено временно, была обнаружена окраска красной краски лессовидного суглинка». См.: РО НА ИИМК РАН. Ф.2. Оп. 1. 1936. Д. 395. Л. 38.

части являлся ровным, без заметного уклона. Исключение составила лишь участок между очагом и стеной. Здесь на расстоянии около 1,50 м от западной стены землянки пол заметно поднимался. По мнению П. П. Ефименко, такой подъём обуславливался наличием в данном месте пологого спуска. Почти в центре жилища при расчистке было обнаружено округлое в плане очажное углубление диаметром 0,75 – 0,80 м и глубиной 0,2 м, заполненное углём и золой чёрного цвета. Оно перекрывалось скоплением крупных костей мамонта – рёбрами, лопатками, трубчатыми костями как в целой, так и фрагментарной форме. Рядом с очагом выявились 3 неглубокие ямки. Они имели неправильные округлые очертания и глубину от 0,20 до 0,23 м. Их размеры – около 0,35-0,50 м. Заполнение ямок состояло из кремнёвых изделий и костей. Характер заполнения, расположение и размеры натолкнули Петра Петровича на некоторые предположения относительно применения этих углублений. С его точки зрения, обитатели жилища использовали эти ямы для хранения хозяйственных запасов или предметов обихода.

Вместе с ямками у выхода из жилища и очага была выявлена прослойка светло-серого цвета, состоящая из золы и костного угля. Это вынудило исследователей заложить ряд контрольных шурфов. В них полностью отсутствовали культурные остатки. Таким образом, подтвердилась достоверность прослеженных в ходе раскопок очертаний жилища, а также окончательно сформировалось представление о его культурном слое.

Заполняющий землянку слой, насыщенный палеолитическими культурными остатками, имел мощность 0,30-0,50 м. и тёмно углистый цвет. Он включал в себя частицы костного угля, золу, охру, много костей и обработанных кремней. По предположению П. П. Ефименко, часть материала попала сюда в процессе разрушения.

За пределами землянки с помощью 3 шурфов обнаружился культурный слой несколько иного характера. Он состоял из многочисленных мелких костных угольков, кусочки красной краски (охры), расколотых кремней,

многочисленных обломков костей. Его мощность варьировалась от 0 до 0,20 м. Как показали наблюдения, по мере удаления от границ жилища культурный слой становился всё слабее.

В итоге, исследователям удалось вскрыть на стоянке площадь более 80 км², выявить остатки палеолитического жилища и собрать богатую коллекцию кремневых и костяных орудий. Из кости были сделаны шила или проколки и ложила. Среди кремнёвого инвентаря на первом месте стояли лавролистые, иногда с выраженным черенком, наконечники копий, приготовленные с помощью типичной солютрейской ретуши. Затем шли орудия на широких пластинах и отщепах, напоминающие мустьерские остроконечник и скребло. По мнению А. Н. Рогачёва характерной чертой стоянки являлось незначительное количество обнаруженных резцов. Этот факт позволил П. П. Ефименко считать Костёнки 8 наиболее древним памятником верхнего палеолита в Костёнковско-Борщёвском районе.

В результате, оказались выявлены изделия из кремня и костяные остатки, не связанные с находками из жилища. Их характер залегания позволил говорить о наличии здесь нижних культурных слоёв. В дальнейшем, во второй половине XX в. на памятнике состоятся продолжительные исследования на стоянке, в ходе которых обнаружили ещё 3 слоя. Их обстоятельно изучил А. Н. Рогачёв во время экспедиций 1949–1952, 1958–1959, 1962–1964, 1976 и 1979 гг.

В результате раскопок 1937 г. были собраны богатые коллекции фаунистических остатков, кремнёвых и костяных изделий. Первая включала в себя фаланги, фрагменты кистей и челюстей, позвонки, рёбра, части черепа, обломки бёдер, крестцы, лопатки, лучевые и берцовые кости следующих видов животных: волка, мамонта, зайца, песца, лошади, пещерного льва, северного оленя, тура. Немало представлено костного угля и трубчатых костей. Что касается бивней, то попал в коллекцию лишь единичный экземпляр.

Кремнёвый инвентарь включал в себя 4200 кремнёвых изделий, из которых около 1000 экземпляров представляли собой законченные орудия или фрагменты от них. По описаниям П. П. Ефименко, они были изготовлены из тёмно-серого, почти чёрного высококачественного мелового кремня. Очень небольшое место в производстве занимал кварцит. Согласно типологии, предложенной Петром Петровичем, в коллекции содержались следующие типы орудий: 1. Остроконечники. Имели размеры 4–6 см в длину и 2,5–3,5 см в ширину в основании, заполированность на острие, значительную утолщённость. Выделялись орудия без ретуши, с мелкой или обычной подправляющей ретушью. По мнению исследователя, могли применяться без каких-либо приспособлений. 2. Клинки-наконечники. Отличались узким основанием, наличием ярко выраженного черешка, тщательной ретушью, удлинённой формой. 3. Ладьевидные острия. Выделялись массивностью заготовки, овальной или удлинённо-овальной формой. 4. Резцы. 5. Скрёбла. 6. Диски от 3 до 7 см в поперечнике. 7. Орудие неправильных миндалевидных очертаний, двусторонне обработанное, напоминающее рубило. 8. Рубящие изделия по типу топоров 4–6 см в длину и 3–4 см в ширину. Согласно позиции П. П. Ефименко, такой инвентарь указывал на более ранний возраст, чем стоянки Костёнки 1, 2, 3 и Борщёво 1. Со временем, уже в 1980-е гг. типология Петра Петровича была пересмотрена. На сегодняшний день в коллекции каменных изделий из раскопок 1937 г. выделяются следующие типы: 1. Острия. 2. Лимасы. 3. Листовидные двусторонне обработанные наконечники. 4. Резцы. 5. Скребки. 6. Скрёбла. 7. Долотовидные изделия.

Что касается изделий из кости, то Костёнковской палеолитической экспедицией 1937 г. их было выявлено немного. Наиболее значительную часть составили выделяемые П. П. Ефименко шилья и острия, сделанные из плоских и довольно широких осколков трубчатых костей. Другую категорию костяных орудий составили лоцила. Украшений в коллекции оказалось немного: 3 просверлённые клыка песца, 2 подвески из бивня мамонта с

широким отверстием и 1 заготовка, 2 коротки трубки и 1 плоский прямоугольный обломок косточки. Со временем, при пересмотре коллекции 1937 г. специалистами будут выделены такие типы изделий: 1. Шилья. 2. Лощила. 3. Стержни. 4. Подвески и бусины из бивня мамонта. 5. Просверленные клыки песка. 6. Пронизки из трубчатых костей.

В итоге, на основании всех полученных данных П. П. Ефименко с некоторой осторожностью относил Тельманскую стоянку ко времени позднего селета – раннего солютре. При этом он отмечал некоторые особенности памятника, нехарактерные для вышеуказанного периода, например, отсутствие скребков. Это натолкнуло исследователя на мысль о том, что памятник был оставлен носителями особого варианта местной, восточноевропейской культуры, сложившейся на почве более древней общности раннеселетского типа. Подобные идеи заставили Петра Петровича задуматься о необходимости пересмотра всех общепринятых схем для позднего палеолита Европы. Со временем уже во второй половине XX в. позиции относительно Костёнок 8 будут пересмотрены.

Костёнки 9 (Бирючий лог).

1937 г. В 50 м от Тельмановской стоянки в 1937 г. группа под руководством П. П. Ефименко проводила археологическую разведку. Для обнаружения следов культурного слоя ей было заложено 7 шурфов. В 4 из них обнаружили кремнёвые предметы (107 экземпляров), остатки костей, уголь и красная охра. Таким образом, оказалась выявлена новая палеолитическая стоянка – Костёнки 9. Дальнейшие исследования на ней продолжатся только 1950-х гг. усилиями А. Н. Рогачёва.

Костёнки 10 (Аносовка 1).

1934 г. В 1934 г. группой А. Н. Рогачёва изучала территорию Аносова лога в надежде выявить новые признаки пребывания здесь палеолитических людей. Была вскрыта площадь размером 10 м², в результате чего

обнаружилась новая стоянка – Костёнки 10. Позднее, уже в 1951 и 1953 гг. здесь силами А. Н. Рогачёва и П. И. Борисковского изучение памятника будет продолжено.

Костёнки 14/I.

1928 г. Первые находки костей мамонта и расщепленных кремнёвых изделий с Маркиной горы были известны ещё в начале XX в. Эти сведения послужили основанием для П. П. Ефименко заложить в 1928 г. в восточной части мыса, образованном Покровским логом, шурфа 4х1.5 м. На глубине 2.35—2.45 м от поверхности в желто-буром суглинке здесь был выявлен хорошо выраженный культурный слой, насыщенный мамонтовыми костями. Однако после этого работы на памятнике не велись до 1949 г., когда А. Н. Рогачевым при зачистке стен глинокопной ямы в той же восточной части мыса было установлено два уровня залегания костей: один непосредственно под черноземом, второй в нижней (второй) прослойке погребенного гумуса. С тех пор на стоянке под руководством А. Н. Рогачёва и А. А. Сеницына стали проводиться регулярные работы.

Костёнки 20 (Аносовка 3).

1927 г. В Аносовом логу вблизи Костёнок 2 группа под руководством С. Н. Замятина в 1927 г. путём закладки разведочных шурфов выявила новую палеолитическую стоянку – Костёнки 20. Здесь удалось обнаружить остатки очагов, а также небольшое количество каменных орудий. Среди них Сергей Николаевич выделил 2 интересных экземпляра: массивный резец и наконечник лавролистой формы. Предметы были изготовлены из цветного валунного кремня. Эти материалы позволили исследователю высказать предположение по поводу возраста стоянки. По его мнению, её следует датировать периодом солютре.

Новые исследования на памятнике состоятся в 1952 и 1956 гг. В ходе их будет выявлена богатая коллекция, состоящая из расщеплённого кремня и костей животных.

Борщёво 1

1923 г. Одновременно с исследованиями костёнковских памятников П. П. Ефименко и С. Н. Замятниным изучались стоянки Борщёво 1, 2 и 3. На первой учёными было заложено всего за период 1922–1923 гг. 21 шурф общей площадью 136 м². В результате, на глубине 120–135 см обнаружались следы очага и культурные остатки в виде «почти непрерывного слоя мелких дроблёных костей мамонта и лошади, среди которых встречается довольно много кремня». К сожалению для исследователей, границы жилого пространства, а также характер памятника на сезон 1923 г. определить не удалось. Каменный инвентарь по своему характеру напоминал инвентарь Костёнок 1/І в качестве материала использовался чёрный меловой кремень, основными типами орудий, согласно позициям П. П. Ефименко, являлись скребки, резцы, наконечники с боковой выемкой, острия из правильных пластинок. Эти сведения позволили Петру Петровичу причислять Борщёво 1 ко времени раннего солютре.

1925 г. Спустя 2 года после работ 1923 г. Костёнковская палеолитическая экспедиция во главе с П. П. Ефименко провела на территории стоянки Борщёво 1 новые раскопки. Они сосредоточились на значительной территории, лежащей в границах Кузнецова лога в 40 м к северо-западу от мест раскопок 1922 г. под руководством С. Н. Замятнина. В ходе исследований было заложено 11 шурфов общей площадью 41,5 м². В 3 из них группа Петра Петровича обнаружила кости мамонта. Эти находки дополнили материалы исследований прошлых годов и позволили выделить новый пункт сосредоточения культурных остатков. Вместе с этим, исследователи установили, что стоянка первобытного человека в этой части значительно потревожена размывами, более поздними землянками и просто

перекопана населением при устройстве хозяйственных построек. И это была не единственная особенность второго пункта. В скоплении, включавшем крупные расколотые кости конечностей, позвонки, рёбра, зубы мамонтов и остатки лошади обнаружилось незначительное количество кремня. При этом изделия из камня залегали либо непосредственно под крупными костями, либо среди самих костей. По мнению исследователей, это связано с возможным смещением культурного слоя.

Раскопки 1925 г. подвели промежуточный итог в изучении Борщёво 1. В результате трёхлетнего изучения памятника 32 отдельными шурфами размерами от 1х1,5 м до 3х6 м оказалась вскрыта площадь более 170 м², на глубине 120-135 см обнаружались комплексы находок различного рода. С одной стороны, это были места обитания человека, где культурный слой, окрашенный охрой, содержал кремнёвые изделия, в том числе полноценные орудия. С другой, как отмечалось исследователями, большую часть стоянки занимали скопления костей мамонта. С точки зрения П. П. Ефименко, они могли служить в качестве запасов топлива для разведения огня. Выявлены остатки жилища, найдены украшения из перламутра, костей и клыков животных (пронизки, привеска-амулет). С двух пунктов была собрана примечательная коллекция фаунистических остатков, включавшая следующие виды животных: лошадь, мамонт, волк, шерстистый носорог, благородный олень, куница каменная, рысь и олень. Внушительным оказался и кремнёвый инвентарь. С точки зрения П. П. Ефименко, он включал в себя такие орудия, как скребки, резцы, наконечники с боковой выемкой, острия типа шательперрон. Обработанный кремень позволил учёному причислить Борщёво 1 к поздней поре ориньякского времени.

Таким образом, в результате исследований Костёнковской палеолитической экспедиции 1922–1923 гг. были получены первые результаты по стоянке Борщёво 1. Однако, как отмечал П. П. Ефименко, произведённые работы охватили не весь памятник, в связи с чем представления о нём на момент 1920–1930-х гг. оставались неполными.

Необходимы были новые исследования, которые произошли спустя 30 лет. В 1955 г. Костёнковская палеолитическая экспедиция во главе с А. Н. Рогачёвым вскрыла на стоянке 119 м². В результате этих работ было изучено третье скопление находок, открытое ещё в 1905 г. А. А. Спицыным. В 1980 г. производилась его расчистка. Через год экспедиция провела новые раскопки. По итогу всех вышеуказанных работ были получены новые материалы, заставившие пересмотреть старые позиции относительно памятника.

Борщёво 2

1923 г. Выявленная в 1922 г. П. А. Никитиным и С. Н. Замятниным стоянка Борщёво 2 также не осталась без внимания. В ходе исследований были выявлены следы трёх разновременных культурных слоёв. Верхний горизонт представлял собой скопления угля, пережжённых костей, кремнёвых изделий, скоплениями красной и жёлтой охры. Средний слой содержал кости мамонта и лошади, предметы из кремня. Третий горизонт состоял из сети тонких прерывающихся углистых прослоек и утолщений, где встречались мамонтовые остатки. Следы проживания древних людей в последних двух слоях прослеживались слабо. Однако обнаруженных находок было достаточно, чтобы П. П. Ефименко сумел датировать верхний и нижний горизонты. Первый он относил к мадлену, второй – к азильскому времени.

1925 и 1927 гг. Раскопки 1923 г. открыли новый этап в изучении стоянки Борщёво 2. В 1925 и 1927 г. она раскапывалась Костёнковской палеолитической экспедицией под руководством П. П. Ефименко. За два полевых сезона группой исследователей были выявлены и изучены комплексы находок, относящихся к разным культурным слоям: 1. В верхнем горизонте обнаружили остатки жилья, сопровождавшиеся значительным количеством расщеплённого кремня, комками красной охры. 2. Средний слой содержал следы кострищ с каменными изделиями и костями мамонта и лошади. 3. Нижний горизонт представлял собой цепь тонких и прерывающихся углистых линз, в которых встречались многочисленные

фаунистические остатки разных видов животных. Среди них отмечались мамонт, заяц, лошадь, северный олень, грызуны. Как и в среднем слое, здесь экспедиции удалось найти незначительные остатки мест обитания. Коллекция кремнёвых орудий, собранная во время раскопок, не отличалась разнообразием: скребки, резцы, нуклевидные изделия из тёмного мелового и цветного кремня. Предметов из кости было найдено немного: остря, шилья из костей зайца, игла и пластинки из бивня мамонта.

1936 г. В 1936 г. на стоянке Борщёво 2 развернулись новые раскопки, основной целью которых стало изучение верхнего культурного слоя. Боршевским отрядом во главе с П. И. Борисковским был заложен большой шурф длиной 80 м и шириной от 4 до 13 м. Для увязки его с раскопами прошлых лет группа расчистила пункты, изученные в 1923 и 1925 гг. Общая исследованная площадь составила около 600 м², из которых 450 м² пришлось на верхний культурный слой. Перед исследователями стояла центральная задача – проследить характер группировки культурных остатков в горизонте и выявить границы распространения скоплений. Для её реализации при расчистке все находки оставлялись на месте и фиксировались на плане в масштабе 1/10. Одновременно фиксировалась глубина залегания культурного слоя в отдельных участках. На расчищенной площади верхнего культурного слоя было выявлено 6 скоплений округлой формы, неправильных очертаний, без чётких границ и толщиной 5–10 см. Они состояли из значительного количества костей животных плохой сохранности, кремней, кусков краски и угольков. Фауна была представлена разными видами: лошадью, северным оленем, волком, зайцем, лосем, быком, лисицей и пещерной гиеной. Из кремнёвого инвентаря П. И. Борисковский отмечал резцы, скребки, остря с затупленным краем, призматические нуклеусы. Обработанных костей обнаружилось крайне немного – всего лишь несколько костяных острий. Зато исследователи нашли целый ряд украшений, состоявший из подвесок и пронизок. В пределах скоплений культурных остатков отдельные находки располагались неравномерно. С костями обычно были перемешаны

кремнёвые изделия и куски краски. Последние могли составлять и отдельные группы в пределах скоплений. Одно из них и вовсе состояло исключительно из кремней и краски. В двух пунктах наблюдался густой слой золы и угольков.

На границах культурного слоя крупные сосредоточения отсутствовали. Однако здесь исследователи отмечали ряд изолированных костей, заслуживавших определённое внимание: 4 челюсти и лапы волка, 2 лошадиные челюсти, волчий череп. Интересной находкой стала выкладка из неправильных, разных размеров плиток мягкого камня. По своей форме она приближалась к плоскому полукольцу и имела в диаметре около 1 м. С обеих сторон от неё находились 2 группы костей конечности лошади, а за ними – 2 интенсивных углистых скопления, окаймлявших выкладку. Выкладка находилась на периферии стоянки и не была связана со значительными скоплениями культурных остатков. В связи с этим, П. И. Борисковский пришёл к выводу, что её нельзя рассматривать как часть очага или жилища. По его мнению, выявленную конструкцию следовало считать культовым изображением, отражающим тотемические представления древних людей.

Кроме основного шурфа Боршевским отрядом было заложено 2 разведочных размером 2х2, которые показали, что верхний культурный слой протянулся примерно на 35 м от Дона. Таким образом, выяснилось, что раскопками было вскрыто около трети стоянки.

Ярко выраженного нижнего культурного слоя в основном шурфе 1936 г. Боршевским отрядом не было выявлено. Обнаружились лишь связанные с ним отдельные находки и 2 интенсивных скопления. Первое содержало в себе следы золы и угля, ряд костей мамонта и 1500 кремней. Во втором, расположенном в центре шурфа, на площади около 50 м², были выявлены большой бивень и ряд зубов. Возле них исследователи находили золу, уголь и кремни. Особый интерес представляли 2 орудия из оленьего рога. Они представляли собой круглые, вытянутые, слегка изогнутые стержни с полукруглым долотовидным концом. Длина их достигала 15 и 17 см, диаметр

в поперечном сечении - около 3 см. Поверхность орудий была покрыта плохо сохранившимся нарезным орнаментом, представлявшим собой сетку из узких, вытянутых и вертикальных ромбов. Похожие изделия находились на стоянке Костёнки 1/1 и идентифицировались как мотыги.

Несмотря на то, что нижний культурный слой на площади, исследовавшийся в 1936 г., оказался слабо выражен, со всей территории шурфа было собрано свыше 2000 кремней, 200 из которых являлись орудиями. Последние представлены следующими типами: резцы, пластинки с притупленным краем, скребки, острия, нуклеусы. По своей форме они разительно отличались от находок в верхнем слое. Это позволило П. П. Ефименко и П. И. Борисковскому определить их идентичность: нижний культурный слой Борщёво 2 ими был отнесён к среднему мадлену; верхний горизонт причислялся к переходной стадии от мадлена к азилю.

Таким образом, в результате исследований 1922–1936 гг. на стоянке Борщёво 2 были выявлены остатки 3 разновременных палеолитических поселений, соответствующих нижнему, среднему и верхнему культурным слоям.

Культурные остатки нижнего горизонта протянулись на расстоянии не менее чем 115 м, уходя от реки всего лишь на 10-13 м. Всего была вскрыта площадь, равная примерно 750 м². По ней сосредоточились как изолированные кремни и кости, так и целые скопления. Последних всего было обнаружено 3: 1. Первое, расположенное в юго-западной части стоянки, имело размеры примерно 10х16 м. Оно содержало значительное количество золы, угля, костей, кремней. Орудия представлены поровну резцами и скребками. По мнению исследователей, здесь могли строить жилища, создавать очаги, обрабатывать шкуры. 2. Второе скопление находилось примерно в 30 м от первого. Оно было значительно меньших размеров, чем первое – 4х4 м. В нём обнаружилось большое количество золы, пережжённых кремней и кусков красной краски. Среди выявленных орудий преобладали резцы, отсутствовали скребки. С точки зрения П. П. Ефименко и

П. И. Борисовского, это место могло иметь производственное значение. 3. Третье скопление было открыто в 25 м от второго. Размеры его достигали 5х9 м. Здесь встретились обрезанный на конце бивень и ряд костей мамонта, орудия из оленьего рога, зола и уголь, небольшое количество кремня. Как и во втором скоплении, среди предметов вторичной обработки преобладали резцы. Как предполагали учёные, здесь располагалось место обработки кости. В целом, кремнёвый инвентарь включал в себя нуклеусы, скребки, резцы, острия со скошенным концом и пластинки с притупленным краем. Костяной материал представлен шильями из костей зайца, мотыгами из оленьего рога.

Средний культурный слой Борщёво 2 прослеживался в северо-западной части стоянки. Здесь в результате раскопок 1923, 1925 и, главным образом, 1929 гг. была вскрыта площадь размером 157 м². На ней обнаружались отдельные находки, рассредоточенные неравномерно на местности, и целые скопления культурных остатков. Последние образовали прерывающиеся и переслаивающиеся тонкие прослойки, содержащие в незначительном количестве каменные изделия, обломки костей, зубы, комочки красной охры. Установить их чёткие границы не удалось. Признаков постоянных жилищ полуземляночного типа не обнаружилось. Таким образом, бедность культурных остатков и размытость среднего культурного слоя не позволили исследователям проследить его планировку, отдельные друг от друга очаги, комплексы разного производственного значения. Однако некоторые теории относительно предназначения стоянке озвучивались. П. П. Ефименко и П. И. Борисовский предполагали, что в период образования среднего горизонта здесь располагалось временное поселение, а именно охотничье стойбище, где древние люди разжигали очаги, разделявали добычу и изготавливали кремнёвые орудия. Исходя из фаунистических материалов, объектами охоты для его обитателей служили мамонт, лошадь, зубр. Кремнёвый инвентарь горизонта представлен преимущественно нуклеусами, пластинками с притупленным краем, скребками и резцами из цветного и чёрного мелового

кремня. Особого внимания исследователей заслужили три отдельные не идентифицированные изделия: 1. Небольшое овальное орудие из мелового покрытого голубой патиной кремня, на одном конце и по краю обработанное мелкими двусторонними стёсами – со спинки и с брюшка. 2. Массивное неправильных очертаний топовидное орудие из кварцита размерами 6,5x4x1,3 см. 3. Массивный кусок кварцита неправильных очертаний размерами 8,5x7x2 см. В целом, кремнёвый инвентарь среднего культурного слоя напоминал материалы из нижнего горизонта. Отличие между ними заключалось в преобладании в первом цветного валунного кремня.

Верхний культурный слой пролегал вдоль берега Дона на 70 м. Он оказался беден находками. Количество кремней даже на самых насыщенных участках не превосходило 30 предметов на 1 м². Кости не накладывались друг на друга, а лежали рассеянно в одной плоскости на расстоянии друг от друга. Тем не менее, в результате раскопок 1923, 1925 и 1936 гг. был обнаружен ряд скоплений культурных остатков, различающихся между собой размерами, очертаниями и насыщенностью: 1. Северо-западный участок. Изучен шурфами 1923 и 1925 гг. Его площадь составила около 20 м². Культурные остатки здесь представляли собой довольно значительную массу кремня и кусочки охры. Орудий обнаружилось немного: 11 скребков, 6 резцов, нуклевидное изделие. 2. Юго-восточный участок. На протяжении 3 м по направлению к юго-востоку количество находок постепенно уменьшалось и постепенно сходило на нет. Найденный материал по большей части представлен костями. Площадь скопления достигала около 10 м². 3. Третий участок связан с шурфами 1923 г. Он характеризовался неравномерным распределением немногочисленных культурных остатков. Последние были представлены обломками костей, кремнями, кусочками охры. Орудий, как и на предыдущем участке, собрано немного: 2 скребка, 2 резца, призматический нуклеус, пластинка с ретушью по краям. Зато костных фрагментов здесь обнаружилось больше, чем в первом скоплении. 4. Четвёртый участок, связанный с шурфами 1923 г., представлял собой

полукольцо площадью 10 м², практически не содержащий культурных остатков и примыкающий непосредственно к пятому скоплению. Концентрация находок достигала по 2-4 кремня или по несколько осколков кости на 1 м². 5. На пятом участке сосредоточилось скопление овальной формы с расплывчатыми границами. Площадь его достигала 10 м². На нём залегало довольно значительное количество кремнёвых изделий, костей, угольков и кусочков охры. 6. Шестой участок являлся промежуточным звеном между пятым и седьмыми скоплениями. Общая его площадь составляла около 15 м². Очертания его, как и в других случаях, оказались очень расплывчатыми. Находки представлены малым количеством кремней, обломками костей и кусочками краски и угольков. 7. Седьмой участок представлял собой крупное скопление, сильно насыщенное культурными остатками, в частности костями лошади, кусочками охры, углём и разнообразными кремнёвыми орудиями – скребками, резцами, остриями. Его границы были довольно расплывчатыми. В свою очередь, толщина скопления достигала в глубину 10 см. 8. Восьмое скопление, в отличие от предыдущего, оказалось бедно находками. Здесь залегал ряд крупных костей лошади и их обломков, а также несколько кремней. 9. На девятом участке сосредоточились пережжённые кости и большое количество каменных изделий, в том числе орудий (по 5-9 скребков на 1 м²). 10. Десятое скопление являлось довольно крупным: его общая площадь достигала около 180 м². Границы были выявлены не везде: в некоторых местах они уходили в стены раскопа. Культурные остатки распределялись неравномерно: на одних участках обнаруживались исключительно кремни, в других – лишь уголь, а третьих – куски охры, кости и каменные изделия. На некоторых участках были выявлены целые комплексы находок: очаг и скопление костей неправильных округлых очертаний площадью 10 м². 11. Одиннадцатый участок представлял собой крайне бедную на находки периферию верхнего культурного слоя. Здесь были выявлены редкие, разрозненные и изолированные кремни, кости и кусочки охры. Особого внимания

исследователей заслуживали залегавшие на близком расстоянии друг от друга попарно залегавшие 4 челюсти и 1 череп волка, 2 челюсти и конечности лошади. Ещё больший интерес представляла группа, выявленная в юго-восточном углу основного шурфа 1936 г. Здесь учёные нашли кости лапы волка, округлый кусок железистой породы со следами оббивки на расстоянии 1 м, а также выкладку из камней. Последняя была сделана из неправильных разных размеров плиток мягкого камня по своей форме приближалась к плоскому полукольцу диаметром около 1 м. По обеим сторонам её помещались две группы костей лошади, а за ними – 2 интенсивных скопления угля, окаймлявших выкладку.

Таким, образом, всего в культурном слое Борщёвским отрядом были прослежены 6 крупных скоплений культурных остатков, имеющих разные размеры и содержимое, и разделяющие их участки, относительно бедные на находки.

Яркой особенностью верхнего культурного слоя, по мнению исследователей, являлось весьма малое количество костей, которые были бы специально раздроблены для добывания костного мозга или имели следы сколов. Часть материала оказалась разрушена под воздействием естественных причин. В основном, в слое были представлены кости следующих видов: лошадь, бык, лось, северный олень. волк, лисица, заяц, а также пещерная гиена.

За весь период исследований верхнего культурного слоя стоянки была собрана богатая коллекция кремнёвых орудий. Учёные выделяли следующие их типы: нуклеусы, скребки, резцы, острия, пластины с параллельным ограничением, пластинки с притупленным краем, удлинённые пластинки с правильным параллельным ограничением.

Собранный в результате раскопок 1923–1936 гг. материал позволил П. П. Ефименко и П. И. Борисковскому сформировать некоторые представления относительно поселения, расположенного в верхнем культурном слое. Согласно фаунистическим остаткам, на этом месте проживали охотники на

диких лошадей. Выявленные скопления представляли собой производственные комплексы различного назначения. Одни из них могли быть связаны по преимуществу с разделыванием охотничьей добычи, другие с изготовлением орудий. Однако ввиду отсутствия следов постоянных долговременных жилищ, тонких линз очагов, малого количества связанных с конструкцией шалашей костей, для исследователей оставался неясным характер жилищ. Выкладка из камней, изображавшая лошадь, с прилегающими к нему остатками животных и кострищ позволили судить о наличии здесь священного места, где проводились охотничьи обряды.

На основании изучения всех культурных слоёв П. П. Ефименко и П. И. Борисковский пришли к выводу, что Борщёво 2 следовало относить к довольно большой группе поселений, замыкающих собой поздний палеолит и находящихся на рубеже неолита.

Таковы были итоги довоенных исследований стоянки Борщёво 2. Долгое время она считалась самой молодой в Костёнковско-Борщёвском районе. П. П. Ефименко и П. И. Борисковский полагали, что в трёх её культурных слоях прослеживается тенденция развития традиций верхнего палеолита, подготовившая переход к неолиту. Этот вывод долгое время не никем не оспаривался, а исследователи охотно привлекали материалы памятника для раскрытия неолитической проблематики. Однако в 1970-1980-х гг. ситуация сильно изменилась. Тогда было проведено комплексное изучение отложений первой надпойменной террасы Дона, проведённое в Костёках и Борщёво. В 1978 г. экспедиция во главе с А. А. Сеницыным произвела на Борщёво 2 небольшие работы. Полученные сведения заставило многих усомниться в том, что стратиграфическое положение культурных слоёв этой стоянки соответствует их прежним датировкам.

Борщево 3

1923 г. Вместе с изучением Борщёво 2 в 1923 г. путём разведок у усадьбы М. Вишунова Костёнковской экспедицией была выявлена стоянка

Борщёво 3. Здесь исследователи заложили 4 шурфа, в одном из которых нашлось несколько кремней. К сожалению, определить его датировку на тот момент ввиду нехватки данных Петру Петровичу не удалось.

1925 и 1936 гг. Спустя 2 года после экспедиции 1923 г. группой П. П. Ефименко были проведены новые работы на памятнике. Правда, они были кратковременными. Через 11 лет одновременно с изучением верхнего культурного слоя стоянки Борщёво 2 Боршевский отряд Костёнковской палеолитической экспедиции во главе с П. И. Борисковским заложил на памятнике 6 шурфов общей площадью 16 м². В них обнаружили фаунистические остатки следующих видов животных: мамонта, лошади и быка. Также нашлось немного кремнёвых изделий.

После исследований 1936 г. изучение стоянки на 19 лет прервалось. Только в 1955 г. отряд А. Н. Рогачёва заложил на Борщёво 3 новые шурфы, проливший свет на характер стоянки.